ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ВОЙНА, КАКОЙ Я ЕЕ ЗНАЛ

ДЖОРДЖ ПАТТОН

ВОЙНА, КАКОЙ Я ЕЕ ЗНАЛ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ДЖОРДЖ ПАТТОН

ВОЙНА, КАКОЙ Я ЕЕ ЗНАЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ • АСТРЕЛЬ МОСКВА 2003

УДК 355/359
ББК 63.3(0)62
П20

Настоящее издание представляет собой
перевод с английского оригинального издания George S. Patton «War as i knew it»,
впервые опубликованного в 1980 г. издательством Bantam

Перевод с английского и предисловие А. З. Колина

Подписано в печать с готовых диапозитивов 14.04.03.
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская. Печать высокая
с ФПФ. Усл. печ. л. 18,48. Тираж 5000 экз. Заказ 1451.
Общероссийский классификатор продукции ОК – 005 – 93, том 2;
953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

Паттон Дж.
П20 Война, какой я ее знал / Дж. Паттон; Пер. с англ. А. З. Колина. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2003. — 349, [3] с. — (Военно-историческая библиотека).

ISBN 5–17–019108-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5–271–06721-1 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 0–553–13638–0 (англ.)

Дж. С. Паттон — одна из ярчайших фигур в истории Второй мировой войны. С 1942 г. он — активный участник боевых действий в Северной Африке, где командовал Западной оперативной группой войск армии США, а затем на Сицилии, приняв в июле 1944 г. в Нормандии командование Третьей армией США, Дж. С. Паттон встречает окончание войны уже в Чехословакии. Военные мемуары Паттона могут быть не только увлекательным чтением для любителей военной истории, но и служить источником по истории Второй мировой войны.

УДК 355/359
ББК 63.3(0)62

ISBN 5–17–019108-1
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5–271–06721-1
(ООО «Издательство Астрель»)
ISBN 0–553–13638–0 (англ.)

СТИЛЬ ЖИЗНИ И РУКОВОДСТВА ОТ ГЕНЕРАЛА ПАТТОНА

Предисловие переводчика.

Джордж Смит Паттон родился 11 ноября 1885 г. в Сан-Габриэле в штате Калифорния, а ушел из жизни 21 декабря 1945 г. в городе Гейдельберг на Юго-Западе Германии, для освобождения которой от фашизма он сделал очень много, возможно, больше, чем кто-либо другой из американцев.

Джордж Паттон происходил из вирджинской семьи, славившейся военными традициями. С раннего возраста он восхищался героями Гражданской войны в США (1861–1865), особенно кавалерийскими генералами, причем как теми из них, кто руководил силами конфедератов, так и теми, кто вел в бой полки северян. Он окончил военное училище в Вест-Пойнте в 1909 г., на шесть лет раньше двух других видных деятелей времен Второй мировой войны — техасца Дуайта Эйзенхауэра и уроженца штата Миссури Омара Брэдли, — и прошел долгий путь солдата: от второго лейтенанта до четырехзвездного генерала.

В отличие от прослуживших всю Первую мировую войну в США Эйзенхауэра и Брэдли, Паттону довелось принимать участие в боевых действиях во Франции. Спустя более четверти века Джорджу Паттону было суждено вернуться на эту землю и остаться на ней — после войны благодарные французы поставили памятник командующему Третьей армией США в городе Авранш в Нижней Нормандии, освобожденной благодаря натиску солдат генерала Паттона.

Вторая мировая началась для него в 1942 г.

В первых числах ноября генерал-майор Паттон командует высаживающейся в Африке Западной оперативной группой войск.

В начале марта 1943 г. он принимает на себя труднейшую задачу — вернуть боеспособность 2-му корпусу армии США в Тунисе, в апреле передает это буквально заново родившееся и закаленное победами соединение Омару Брэдли и возвращается к своему штабу, занятому разработкой плана вторжения на Сицилию.

11 июля того же года генерал-лейтенант Паттон высаживается в районе города Джела (Гела) на Юге Сицилии, а уже 22-го числа его Седьмая армия вступает в Палермо, главный город на острове, расположенный в северо-западной части. Подвиги Паттона затмевает раздутый крикунами-газетчиками эпизод, когда в ходе визита в госпиталь боевой генерал бьет по лицу военнослужащего, принимая его за уклоняющегося от боевых действий симулянта.

Весной 1944 г. на пресс-конференции в Англии Паттон позволяет себе неосторожное высказывание по поводу планов послевоенного устройства мира. Вновь всплывает, казалось, забытый случай в госпитале на Сицилии, и дела для генерала принимают скверный оборот. Он даже готовится подать рапорт об увольнении из вооруженных сил.

Несмотря на шумиху, вновь поднявшуюся вокруг Паттона, Дуайт Эйзенхауэр, высоко ценя его качества как командира, со словами: «...расплатитесь несколькими победами, и мир сочтет меня разумным человеком» — решает все же оставить генерала в армии. В конце июля 1944 г. в Нормандии Паттон принимает командование Третьей армией и, пройдя с ней весь путь, от самых западных областей Франции до Чехословакии, заканчивает войну 9 мая 1945 г., с сожалением отказываясь от «прыжка» для захвата Праги.

Чересчур резкие высказывания по поводу неразумной политики союзников в отношении Германии на пресс-конференции 22 сентября 1945 г. приводят к отстранению Паттона от командования Третьей армией США в октябре того же года. Таков был «подарок» верховного главнокомандования к шестидесятилетнему юбилею прославленного генерала, таким стал итог трех последних лет его жизни — жизни человека, любившего и умевшего воевать.

Кредо Паттона как стратега было наступление. Таким образом, его наука побеждать выглядела просто — вся суть ее сводилась к следующему: нужно наступать, наступать и наступать, а когда не знаешь, что делать... тоже наступать.

Он никогда не отдавал своим солдатам приказа отступать. Если танкисты жаловались на отсутствие бензина, он говорил им: «Вылезайте из ваших танков, берите в руки автоматы и топайте вперед, но не останавливайтесь — ни в коем случае не останавливайтесь». Генерал ненавидел, когда верховное командование заставляло его переходить к обороне, поскольку всегда считал, что, обороняясь, любой полководец сам дарит противнику инициативу, в то время как атакуя врага, вынуждает его думать лишь об одном — о собственном спасении.

ПРЕДИСЛОВИЕ

На страницах своих воспоминаний Паттон не раз и не два заводит речь о недопустимости топтания на месте и, рекомендуя командирам брать на вооружение стратегию парового катка, повторяет фразу: «Все, что вам надо — как можно быстрее схватить врага за нос и надавать по затылку», то есть связать неприятеля боем и, обойдя с фланга, ударить в тыл.

С иронией высказывается генерал Паттон и в отношении строительства оборонительных сооружений, считая их абсолютно бесполезными и замечая, что ни Китайская стена, ни возведенный древними римлянами в Англии по приказу императора Адриана укрепленный рубеж, ни линия Мажино, построенная французами на границе с Германией перед Второй мировой войной, не спасли эти страны от нашествий. Как и Германии, в свою очередь, мало проку принесло сооружение линии Зигфрида — солдаты Третьей армии США преодолели ее укрепления на самом сложном участке. Генерал Паттон сам выбрал его, поскольку считал: слабость духа защитников неприступных крепостей сводит на нет усилия строителей и позволяет наступающим с боя брать самые мощные укрепления. Лучшей обороной Паттон считал атаку, а лучшей стеной — беглый огонь с ходу из всех видов оружия.

Сам генерал в своих записках — а он вел дневник с июля 1942 г. — признает, что ему случалось воевать на несколько фронтов сразу. Главными противниками были, конечно, немцы, но нередко, особенно зимой, куда больше хлопот доставляла погода. Однако источником самых сильных огорчений часто становился Штаб командования союзническими экспедиционными силами. Не раз генерал с огромной горечью замечает: «И снова мне пришлось выпрашивать у начальства разрешения одержать победу».

Паттон никогда не отказывался от убеждения, что закончить войну в Европе можно было «до того, как выпадет снег в Арденнах» — то есть еще в ноябре–декабре 1944 г., если бы в сентябре Третью армию, победоносно продвигавшуюся к восточным границам Франции, не лишили поставок горючего и боеприпасов. Между тем завершение войны на целых полгода раньше позволило бы спасти миллионы жизней американских, английских, русских, итальянских да и немецких солдат.

Кто-то наверняка назовет Паттона лихим кавалерийским рубакой, безоглядно рвущимся вперед во главе своей «конницы», не желающим считаться ни с чем и ни с кем, не способным заглядывать в будущее и видеть происходящие процессы во всем их многообразии и сложности. Существует превосходная иллюстрация несправедливости подобного суждения. В ноябре 1942 г. в Марокко Джордж Паттон, отбросив в сторону полученные в Вашингтоне инструкции, нашел единственный правильный выход из ситуации — сделал побежденных солдат вишистской Франции не плен

никами, а союзниками, избежав благодаря этому разумному ходу восстания воинственных берберских племен.

Таким образом генерал Паттон проявлял себя мудрым и дальновидным политиком; просто политика его заметно отличалась от более сглаженной и более компромиссной политики главнокомандующего. Вне сомнения, окажись во главе союзнических войск вместо Дуайта Эйзенхауэра Джордж Паттон, вся история Второй мировой войны, а с ней и история послевоенной Европы и, вероятно, всего мира пошла бы по другому пути.

Однако он не мог оказаться на месте Эйзенхауэра. Даже на месте Омара Брэдли, принявшего от Паттона в апреле 1943 г. в Тунисе 2-й корпус, служившего под началом его прежнего командира во время кампании на Сицилии и выбранного Эйзенхауэром на роль командующего группы армий, в которую вошла и Третья армия генерала Паттона. Президенту Рузвельту и генералу Маршаллу нужен был осторожный и гибкий генерал Эйзенхауэр, а Эйзенхауэру — также осторожный и гибкий Брэдли.

Но, несмотря ни на что, американская армия не могла обойтись без генерала Паттона, особенно когда наступал момент затыкать дыры, возникавшие в результате просчетов и ошибок командования. Так, в марте 1943 г. в Тунисе понадобилась вся «атомная» энергия Паттона, чтобы возродить к жизни деморализованный вследствие понесенных поражений 2-й корпус. Паттона послали на прорыв, и тот, по признанию самого же Эйзехауэра, прекрасно справился с задачей.

В декабре 1944 г. именно Паттон прибыл на штабное совещание на самом верху с готовым планом разгрома контрнаступления немцев в Арденнах. И это тогда, когда другие генералы сидели и растерянно молчали, а верховный главнокомандующий повторял как заклинание нечто вроде: «Очень хорошо, что немцы прорвались, это нам на руку, теперь нам будет легче разбить их». Паттон, не скрывая иронии, тут же предложил пропустить немцев до Парижа. Однако в тот момент, когда он произносил эти показавшиеся многим легкомысленными слова, когда ничего еще не было решено его начальниками, две дивизии Третьей армии уже выдвигались на новые позиции, а третья ждала наготове, чтобы через три дня обрушиться на совершенно не ожидавших такого поворота событий немцев.

Не только противник, но и свои — главным образом начальство — иной раз оказывались застигнутыми врасплох стремительностью действий генерала Паттона. Порой он едва ли не молился, чтобы верховный и даже Брэдли, с которым у Паттона, по его собственному утверждению, совпадали взгляды на многие вещи, не узнал о смелых маневрах того или иного подразделения Третьей армии и не велел бы остановить продвижение.

Как не раз признается Паттон, иногда ему приходилось водить за нос начальство, занимать и даже... красть войска, чтобы до-

биться одного — наибыстрейшей победы. Так было летом 1943 г на Сицилии, когда Паттон обхитрил своего британского начальника и, вместо того чтобы уходить в оборону, смелым маневром привел Седьмую армию к захвату Палермо уже через неделю. Так случилось и в феврале 1945 г., когда части Третьей армии захватили Трир — город, ставший воротами для вторжения на территорию Рейнланда.

Как часто бывает с яркими фигурами, выдающимися личностями, наградой за труды стала опала, выразившаяся в лишении Паттона поста командующего Третьей армией. Война в Европе уже закончилась, и больше не нужно было затыкать дыры.

Современники и соратники Паттона, особенно французы, иногда сравнивали генерала с Наполеоном. Однако для нас, живущих в России, правильнее, наверное, провести другую параллель и сравнить не знавшего поражений американского генерала, настоящего отца солдатам, опережавшего свое время полководца первой половины двадцатого столетия с нашим прославленным генералиссимусом и великим воеводителем второй половины XVIII в. — Александром Суворовым.

Несмотря на различия, между ними есть также и немало сходства. Это и стремительность передвижения их войск, и ставка на наступление, и нелюбовь со стороны начальства, и многое другое. Даже итог жизни в чем-то очень похож.

Как и лишенный заслуженного триумфа Суворов, Паттон мог бы сделать больше, лучше послужить своей стране и своему правительству.

Его уход из жизни стал следствием трагической случайности. Паттон, которого не убили пули и снаряды немцев на двух мировых войнах, попал в автокатастрофу в окрестностях Мангейма на юго-западе Германии и скончался в госпитале города Гейдельберга ровно через сорок дней после своего шестидесятилетия.

Он ощущал себя еще полным сил и, вне сомнения, надеялся послужить своей стране — как выражался сам генерал, отработать свой хлеб. Однако последние слова записок Паттона полны горького предчувствия того, что сделать это ему не удастся. Он написал: «Как ни грустно мне сознавать тот факт, что последний мой шанс отработать свой хлеб утрачен, это очевидно. По крайней мере, я всегда делал максимум возможного, когда Бог давал мне шанс».

Генерал Паттон совершил немало великих дел, о чем, как умел, рассказал в своих воспоминаниях, впервые увидевших свет в 1947 г. Я же, как переводчик его труда, выражаю надежду, что читатель не пожалеет о потраченном времени, прочитав книгу про войну, которую знал Джордж Паттон и которую почти совсем не знаем мы, по крайней мере с той стороны, с какой знал ее он.

А. Колин

DEDICATION

«My sword I give to him that shall succeed me in my pilgrimage, and my courage and skill to him that can get it. My works and scars I carry with me, to be a witness for me that I have fought His battles who now will be my rewarder».

So he passed over and all the trumpets sounded for him on the other side.

PILGRIM'S PROGRESS

ПОСВЯЩЕНИЕ

«Меч свой оставляю тому, кто следом за мной встанет на путь пилигрима; идущему за мной поверяю храбрость свою и ратное уменье. Деяния свои и шрамы уношу с собой, дабы служили мне пропуском, поведав о том, как бился я в битвах Его — того, кто ныне одарит меня».

И прошел он через врата, и все трубы пели в честь его на той стороне.

ПАЛОМНИК У РАЙСКИХ ВРАТ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПИСЬМА С ФРОНТА

ОПЕРАЦИЯ «ТОРЧ»[1]

Хотя из-за введенных в то время цензурой ограничений предлагаемый вниманию читателя материал содержит мало фактических сведений относительно того, какие бои происходили в период Африканской кампании, краткий обзор хода той операции, возможно, поможет читателю лучше сориентироваться.

8 ноября 1942 г. три тактических соединения, одним из которых являлась Западная оперативная группа войск, высадились на северном берегу Африканского континента[2]. Сухопутными силами Западной группы командовал генерал-майор Паттон. Штаб этого соединения, организованный как соответствующий орган управления армии, а не корпуса, должен был после завершения десантной операции послужить базой для штаба Пятой армии[3].

Западная оперативная группа войск состояла из трех соединений: северного — под началом генерал-майора Люсьена К. Траскотта, вы-

---

[1] Решение о вторжении в Африку было принято 24 июля 1942 г. На следующий день его одобрил президент Рузвельт. Операция получила кодовое название «Торч» («Факел»). — *Прим. пер.*

[2] Эту историю рассказал офицер по связям с общественностью из министерства обороны генерал-майор А. Д. Серлс. Вечером 7 ноября 1942 г. к нему в отдел вломились представители прессы. Они требовали новостей, кто-то даже попробовал угрожать дежурному офицеру. Наконец кто-то сказал:

— Тихо, ребята, пойдемте в Белый дом. Они там всегда относятся к нам с пониманием. — И газетчики гурьбой покинули помещение.

Секретарь президента мистер Стивен Эрли встретил их в дверях с распростертыми объятиями, пригласил войти и усадил в кресла. Оказав таким образом газетчикам честь, он извинился и, сказав: «Я буду буквально через минутку», исчез. Прошло пятнадцать минут, полчаса, и журналисты забеспокоились. Кто-то подошел к дверям, однако они оказались запертыми.

Наконец, размахивая какой-то депешей, вернулся сияющий Эрли.

— Все в порядке, парни! — воскликнул он. — Наши ребята высадились. Включайте радио!

Беатрис Эйер Паттон.

[3] Последующими приказами это было отменено.

садившегося в Пор-Лиоте; центрального — под началом генерал-майора Джонатана У. Андерсона, высадившегося в Федале[1]; и южного — под началом генерал-майора Эрнста А. Хармона, высадившегося в Сафи. Воздушными частями армии командовал бригадный генерал Джон К. Кэннон. Оперативная группа насчитывала тридцать две тысячи человек. Вся эта армада должна была оставаться под общим командованием адмирала Х. К. Хьюитта до того момента, пока наземные силы и авиация не закрепятся на континенте. Адмирал ловко и без каких-либо неприятных инцидентов провел свой состоявший примерно из ста кораблей конвой через Атлантику; Хьюитт и его матросы всеми силами помогали высадке десанта.

Прибытие американцев оказалось полной неожиданностью для французов, но бой, как наглядно свидетельствуют понесенные сторонами потери, шел суровый. Французские моряки как на море, так и на суше сражались героически.

11 ноября, когда наземные силы были уже готовы ринуться в наступление, а самолеты заходили на цели, французы сдались. Промедли они еще всего какие-то минуты, дело бы, скорее всего, завершилось их уничтожением и разрушением Касабланки.

В полдень в Федале стороны подписали мир, и генерал Паттон провозгласил тост за то, чтобы, оплакав геройскую гибель своих сыновей, оба народа — французский и американский — стали бы рука об руку сражаться с главным своим врагом — фашизмом.

Немедленно началось восстановление порта, автомобильных и железных дорог, и не прошло и двух недель, как американские войска уже обучали французов современным методам ведения войны.

В начале марта 1943 г. генерал Паттон получил приказ отправиться в Тунис и принять командование 2-м корпусом, серьезно потрепанным в Кассеринском проходе. Корпус входил в состав Восемнадцатой группы армий и находился под командованием генерала сэра Гарольда Александера[2]. Целью операции стало помочь продвижению Восьмой британской армии генерала Монтгомери, создав угрозу тыловым частям Роммеля в районе Гафсы. Позднее, в апреле, командование 2-м корпусом принял генерал-майор Омар Н. Брэдли, а генерал Паттон вернулся к прерванной работе над планом подготовки вторжения в Сицилию.

P.D.H.[3]

---

[1] Генерал Паттон высадился в Федале.

[2] Сэр Гарольд Александер (1891–1969) — британский фельдмаршал. — *Примеч. пер.*

[3] Все комментарии в книге, не несущие особых пометок, как-то: «примечание автора, переводчика, редактора» или иных, или подписанные P.D.H., принадлежат Полу Д. Харкинсу — заместителю начальника штаба генерала Паттона. — *Прим. пер.*

Северная Африка

29 октября 1942 г.

Отправляю весточку с Гордоном Хатчинсом, капитаном корабля «Августа». К тому времени, когда послание мое доберется до адресата, обо всем, что здесь произойдет, можно будет прочесть на страницах газет. Мы вышли из Норфолка в 8.10 утра 24-го числа, и нельзя не отметить того примечательного факта, что отплытие было организовано на самом высоком уровне. Через минные поля наши суда прошли по специальному, отмеченному буйками фарватеру, следуя строго в кильватере. Позже к нам присоединились пять колонн эскорта с «Августой» во главе.

2 ноября

Кормят у них на флоте отменно. Я даже всерьез опасаюсь, что растолстею. Приходится каждое утро начинать с зарядки в каюте — подтягиваться и бегать на месте, делая не менее четырехсот восьмидесяти шагов (около четырехсот метров). Сегодня утром прозвучала команда приготовиться. Всем надлежало привести себя в состояние боевой готовности — облачиться в резиновые жилеты и надеть каски, но коль скоро мой пост находился в моей же каюте, я особенно не торопился. Позднее я поднялся на мостик, где и оставался, пока не рассвело, а потом отправился завтракать. Закончил чтение Корана — хорошая и интересная книжка.

Занимался тем, что разъяснял офицерам, как правильно вести военные действия. Тут нет ничего сложного. Нужно брать на вооружение стратегию парового катка; проще говоря, приняв решение о направлении и целях той или иной операции, следует оставаться верным себе — последовательным в своих поступках. Однако в том, что касается тактики, напротив, пример с парового катка брать не нужно. Нападать разумнее всего на тех участках, где оборона противника наиболее слаба. Вот тут уж не теряйся — побыстрее хватай врага за нос и бей по затылку.

6 ноября

Через полутора суток я встречусь с неприятелем, о состоянии сил и боевом настрое которого знаю мало, так что большинство важных решений предстоит, не мешкая, принимать в самые напряженные моменты. Однако я считаю, что чем больше ответственность, возложенная на человека, тем сильнее должен быть его дух. Так что надеюсь, что с Божьей помощью не совершу ошибок. Как мне кажется, всю свою жизнь я шел к такому испытанию. Когда же дело будет сделано, останется позади еще одна ступенька моей

судьбы. Если я буду выполнять свой долг как надлежит, все остальное приложится само.

8 ноября

Прошлой ночью я лег в постель в 10.30 не раздеваясь. Мне не спалось; часа в два ночи я вышел на палубу, чтобы полюбоваться далекими огнями Федалы[1] и Касабланки. На море стоял мертвый штиль — ни дуновения ветерка, ни малейшего волнения. Хороший знак — Господь явно на нашей стороне.

Морское сражение с противником началось в восемь, так что денек выдался самый горячий из всех. В 7.15 из Касабланки вышли шесть вражеских эсминцев. Однако дружным ответным огнем наших судов неприятеля удалось обратить в бегство, а два эсминца доблестные американские канониры даже сумели поджечь. «Массачусетс» избрал своей мишенью «Жан Бар» и осыпал его снарядами на протяжении получаса. Вся моя поклажа, включая пистолеты с белыми костяными рукоятками, была погружена в шлюпку, как и багаж других участников операции, и в восемь мы собирались покинуть корабль. Как скоро выяснилось, я очень своевременно послал ординарца принести мое оружие. Как раз в тот момент легкий крейсер и два тяжелых эсминца выступили из Касабланки, чтобы, отрезав нас от берега, обрушить удар на наши транспортные корабли. «Августа» увеличила скорость до двадцати узлов[2] и открыла огонь. Первый же залп из орудий главного калибра отправил наши шлюпки ко всем чертям на дно, так что мы лишились нашего багажа; уцелели только мои пистолеты. В 8.20 вражеские бомбардировщики атаковали транстпорты, и «Августа» поспешила им на выручку. Затем нам вновь пришлось померяться силами с французскими судами: никто не хотел уступать, и канонада продолжалась три часа кряду. Когда я находился на главной палубе, упавший совсем близко снаряд окатил меня водой с ног до головы. Позже другой упал еще ближе, но в тот момент я уже находился на мостике — достаточно далеко, чтобы ему удалось искупать меня. Поскольку над морем лежала дымка, противник бил по нам, ориентируясь преимущественно на дым из труб. Наши артиллеристы тоже в долгу не оставались, с остервенением поливая противника огнем. Корабли шли широким зигзагом, выполняя маневр, призванный уменьшить риск попаданий вражеских снарядов.

---

[1] Федала (теперь Мохаммедия) — город и главный порт в Северо-Западном Марокко. Расположен на Атлантическом побережье в 24 км к северо-востоку от города Касабланки. Касабланка (арабское название ад-Дар-аль-Байда) — главный порт Марокко. — *Прим. пер.*

[2] Единица скорости, используемая в навигации, равна 1,852 км в час. — *Прим. пер.*

Адмирал Холл, начальник штаба адмирала Хьюитта, начальник моего штаба полковник Гэй, полковники Джонсон и Флай из штаба подразделения десантных судов Атлантического флота, мои адъютанты Дженсон и Стиллер, а также ординарец старшина Микс спустились в шлюпку в 12.42. Когда она отчалила от корабля, матросы, перегибаясь через фальшборт, напутствовали нас радостными возгласами. На берегу мы оказались в 13.20, до нитки мокрые от волн прибоя. Шла вялая перестрелка, но у меня не было патронов, чтобы принять в ней участие.

Хармон взял Сафи еще до рассвета, хотя до нас эта весть дошла не раньше полудня.

Андерсон завладел позициями на обеих реках и в полдень закрепился на возвышенности, а также захватил в плен восьмерых полномочных представителей Германии. О высадке они прослышали только в шесть часов, так что наше появление для них стало, можно считать, полной неожиданностью.

Когда мы еще находились в Вашингтоне, полковник У. Х. Уилбер вызвался по прибытии в Африку отправиться в Касабланку, чтобы предъявить противнику требование сдаться. Он высадился с первым эшелоном десанта и, едва рассвело, поспешил в Касабланку с белым флагом. По пути Уилбера несколько раз обстреливали, но французы в городе отнеслись к его полномочиям с должным почтением, хотя требование о сдаче отклонили.

11 ноября

Сегодня я принял решение штурмовать Касабланку силами третьей дивизии и одного танкового батальона. Решение далось мне нелегко, поскольку дела у Траскотта и Хармона шли, как мне казалось, не блестяще; между тем я считал, что нам не следует выпускать из рук инициативу. Тем временем, с намерением обсудить вопросы, касающиеся артиллерийской и воздушной поддержки десанта, на берег сошел адмирал Холл, который привез с собой хорошие вести: Траскотту удалось захватить летное поле в Пор-Лиоте, где теперь находились сорок Р-40[1]. Хармон между тем выступил на Касабланку.

Андерсон намеревался начать штурм на рассвете, но я отдал приказ атаковать только в 7.30, поскольку стремился избежать неразберихи в темноте. В 4.30 утра к нам явился французский офи-

---

[1] Кертисс Р-40 «Вархок» (в королевских ВВС Британии «Киттихок»). Наряду с поставлявшимся в СССР по ленд-лизу Белл Р-39 «Эркобра» — в описываемое время самый распространенный истребитель ВВС США, уступавший по своим тактико-техническим характеристикам знаменитой тройке — Р-38/Р-47/Р-51 — и немецкому истребителю Bf 109 «Мессершмитт». — *Прим. пер.*

цер, который сообщил о готовности солдат в Рабате прекратить огонь, и в нашем штабе заговорили о том, что надо бы отменить штурм. Я же, несмотря ни на что, не согласился с данным мнением, поскольку хорошо помнил, сколь мало пользы принесло нам преждевременное проявление миролюбия в 1918 г. Я отправил в Касабланку французского офицера с тем, чтобы он передал адмиралу Мишли, командовавшему вооруженными силами противника, что если он не хочет уничтожения своих людей, то должен немедленно отказаться от сопротивления, поскольку я намерен штурмовать город. Однако когда именно я собираюсь атаковать, я не сказал. В 5.30 я послал уведомление адмиралу Хьюитту, предупредив его, что, если в последнюю минуту французы все же надумают сдаться, я радирую: «Прекратить огонь», а в 6.40 неприятель сложил оружие. Еще бы немного, и они опоздали: бомбардировщики уже находились на подлете к целям, а артиллеристы на кораблях наводили орудия на вражеские объекты. Я приказал Андерсону войти в город, находясь в постоянной готовности немедленно атаковать, если кто-нибудь попытается чинить ему препятствия. Никто подобных попыток не предпринял, однако время с 7.30 до 11 в тот день текло для меня, как никогда прежде, медленно.

В 2 часа адмирал Мишли и генерал Ногэ явились для обсуждения условий сдачи. Я начал совещание с того, что выразил восхищение храбростью французов, а закрылось оно тостами, сопровождаемыми выстрелами откупориваемых бутылок шампанского. Я приставил к пленникам почетный караул — незачем бить лежачего.

Через денек-другой мы с Ногэ решили позвонить султану[1].

Визит главнокомандующего и штаба к генералу Ногэ и султану Марокко

ШТАБ ЗАПАДНОЙ ОПЕРАТИВНОЙ
ГРУППЫ ВОЙСК
16 ноября 1942 г.

В 9.45 мы выехали из Касабланки, города, где реалии библейских времен и Голливуда живут бок о бок, и направились к Рабату.

В этих краях сразу за Федалой начинаются такие места, что просто хочется устроить танковое сражение. Отличный полигон — на разбросанных тут и там фермах с каменными домами могла бы закрепиться пехота, обустроив удобные оборонительные рубежи. Правда, если использовать против таких точек 105-миллиметровые гаубицы, долго обороняющимся не продержаться даже там.

Вообще же места эти напоминают побережье Коны, что на Гавайях. То же изумительно голубое море, те же деревья — во всяком

[1] Султаном Марокко в описываемый период (с 1927 г. по 1957 г.) был Мухаммад V, Сиди Мухаммад бен-Юсуф (1909–1961). — *Прим. пер.*

случае, очень похожие. Повсюду вдалеке то тут, то там пасутся стада овец и коров. Дать определение породам этих животных я не возьмусь — прежде таких никогда не видывал. Вся дорога и железнодорожные мосты вверены под охрану нерегулярных марокканских частей, которые носят название «гуны» — по крайней мере, так оно звучит на слух. Одеты они все в некое подобие полосатых бело-голубых банных халатов, на головах — тюрбаны, которые, как можно представить, когда-то много лет тому назад были белыми; вооружены гуны длинными старинными ружьями со штыками.

Уже за Федалой мы смогли наглядно убедиться в том, сколь велика мощь нашей морской авиации. Всюду попадались нам разбитые грузовики и бронемашины противника, которых местами оказывалось так много, что они загромождали дорогу. В Рабате генерал Хармон[1] выделил для моей особы эскорт, состоявший из мобильных подразделений разведчиков и даже танков. Я же, так или иначе представляя себе, что явиться с такой свитой в резиденцию Ногэ[2] будет с моей стороны проявлением чванства, отказался от столь помпезного сопровождения.

По прибытии во французскую резиденцию мы удостоились чести быть встреченными батальоном марокканской кавалерии, состоящей из одних офицеров, а также подразделением личной охраны генерал-губернатора. Последние, также марокканцы, были облачены в белую форму с красными портупеями.

Оба подразделения впечатляли своим видом, и у каждого имелся свой собственный военный оркестр, состоявший из французских рожков, барабанов и большой медной тарелки с колокольчиками по краям, которые звенели, переливаясь на разные лады.

Мы осмотрели строй обоих эскортов и дали им высокую оценку, похвалив французских офицеров за великолепную выправку, достойную участников прошлой войны. В действительности я смотрел на них с легкой грустью и сожалением, думая о том, что всего один танк из тех, что я оставил в Рабате, мог бы без труда уничтожить всех этих замерших в почетном салюте превосходно вышколенных стражей.

Резиденция Ногэ представляла собой помпезное сооружение из мрамора в духе Альгамбры[3], выстроенное по приказу маршала Лиоте, и я прекрасно понимал, почему нынешний ее хозяин так не хочет уезжать отсюда. Принял он нас сердечно, и мы проговорили

---

[1] Командир 2-й бронетанковой дивизии, часть которой высадилась в Марокко.

[2] Генерал армии Огюст Ногэ — постоянный военный представитель Франции (губернатор) в Марокко, а также министр иностранных дел султана Мухаммада V. — *Прим. пер.*

[3] Дворец мавританских правителей в Гранаде в Андалузии (Испания). — *Прим. пер.*

минут двадцать, после чего решили, что пора нанести визит во дворец к султану.

Дворец и прилегающая территория площадью в несколько сотен акров были окружены стеной метров в шесть высотой, про которую говорили, что возведена она еще в начале XIV века. В это я что-то не очень верю, хотя что правда, то правда — кладка действительно очень старая.

Оставив позади стену, мы еще с полмили ехали через поселок, состоявший из хибарок местных жителей; думается, там обитали многочисленные слуги со своим не менее многочисленным потомством. Сам дворец представлял собой громоздкое трехэтажное белое здание, выстроенное в соответствии с традициями архитектурных вкусов мавров. Попасть в него можно было через ворота, достаточно широкие, чтобы через них могла проехать машина.

Охрана здесь, во дворце, состояла из вооруженных винтовками чернокожих солдат, облаченных в красную форму и белые гамаши. Всего таких замерших статуями повсюду стражников насчитывалось в тот момент, как я прикинул, не менее четырех сотен.

Мы вышли из машины, и еще один военный оркестр, состоявший из барабанов, цимбал, труб и большой зонтообразной тарелки с колокольчиками и бубенцами, самозабвенно заиграл марш.

Слева по ходу от ворот виднелся флаг Пророка зеленого бархата с золотой каймой и с золотой же арабской вязью в середине. Пройдя через вторые ворота, мы оказались среди реалий Ветхого Завета — в обширном дворе, где было полным-полно людей в белых библейских одеяниях. Здесь нас встречал великий визирь, а вернее, вельможа, которого я первоначально принял за великого визиря, — человек с клочковатой бородой и полным золотых зубов ртом. Одет был визирь в белый балахон с широким капюшоном, из-под которого виднелась шелковая накидка с золотой вышивкой. Вельможа торжественно сообщил мне, что султан милостиво соблаговолил принять нас, о чем, судя по тому, с какой помпезностью нас тут встречали, можно было вполне и так догадаться.

Мы миновали три лестничных пролета и поднялись наверх, где наш провожатый снял свои туфли. Затем мы вошли в длинную залу. Слева от нас располагались «двенадцать апостолов» и приближенные рангом пониже; все они носили белые одежды и находились в зале без обуви — в одних носках. Справа от нас стояли рядами золоченые кресла в стиле эпохи Людовика XIV.

Пол покрывали самые толстые и самые красивые ковры, которые мне когда-либо в жизни приходилось видеть. В самом дальнем конце залы на возвышении восседал султан, оказавшийся приятным на вид молодым человеком очень хрупкого телосложения и с весьма тонким и немного нервным лицом.

Правила этикета здесь таковы: когда вы только входите в залу, то останавливаетесь и отвешиваете поясной поклон. Потом дохо-

дите до середины помещения и там повторяете процедуру. Затем вы достигаете самого возвышения, на котором стоит трон, и кланяетесь в третий раз. После того как мы все это проделали, султан поднялся, пожал руку мне и генералу Ногэ, и все мы сели.

Несмотря на то что султан в совершенстве владел французским, он на арабском языке обратился к великому визирю, чтобы тот передал слова господина о том, как он счастлив меня видеть. Затем я через двух переводчиков выразил свое удовлетворение тем, что его народ, французы и мы — опять вместе. Я заверил его, что единственным моим желанием является скорейшее объединение сил трех наших армий, чтобы мы все вместе могли выступить против общего врага в едином строю. Казалось забавным, что султан, прекрасно понимавший французскую речь, вынужден ждать, когда для него сделают перевод на арабский, но так или иначе, ему приходилось дожидаться перевода, поскольку достоинство владыки не позволяло ему демонстрировать свое умение говорить на чужом языке.

Затем со вступительными церемониальными речами было покончено, и султан, обратившись ко мне, выразил надежду на то, что наши солдаты будут уважать мусульманские обычаи народа его страны. Я уверил его величество, что подобные приказы были отданы в самой недвусмысленной форме еще накануне нашей отправки из Соединенных Штатов и что их выполнение будет неукоснительно контролироваться. Далее я заметил, что в любой армии, включая и американскую, всегда найдется какой-нибудь дурак, которому не писаны никакие законы и правила, поэтому случаи совершения святотатственных и оскорбительных для чувств верующих проступков не могут быть совершенно исключены. Посему я попросил информировать нас о возможных выходках отдельных наших солдат. Султан ответил, что пока ничего подобного не случалось, однако если нечто такое все же произойдет, наше командование будет соответствующим образом уведомлено через генерала Ногэ.

Я закончил наш разговор выражением моего восхищения красотой Марокко, прекрасным видом городов, сдержанностью граждан и отличной выправкой солдат армии его величества. Затем мы встали, султан тоже поднялся со своего трона и, пожимая мне руку, пригласил меня в среду на церемонию чаепития в честь годовщины его восхождения на престол. Первоначально как раз и предполагалось, что наш первый визит султану будет нанесен именно в этот день, но я известил генерала Ногэ, что, поскольку я лишь представляю президента Соединенных Штатов и главнокомандующего силами союзников, будет не вполне уместным для меня являться на аудиенцию в такой день. То, что султан лично пригласил меня, ясно показывало, сколь высоко он ценит пост, который я занимаю.

Завершив беседу, мы имели возможность пообщаться с «апостолами» и их менее значительными коллегами, числом в общем и

целом шестнадцать человек. Как оказалось, они были пашами различных провинций и городов Марокко. Как можно себе представить, должность паши пожизненная — самому старшему из них стукнуло уже девяносто два года, а младшему, как мне думается, было лет семьдесят. Вельможи держались с истинным достоинством людей, осознающих свое высокое положение в обществе, и, как можно предположить, проходили специальное обучение, чтобы научиться управлять.

На выходе из дворца стража в красных мундирах вновь салютовала нам. Покинув обиталище султана, мы отправились во французскую резиденцию, где были удостоены чести провести время в приятном обществе мадам Ногэ и ее племянницы, а также имели возможность прекрасно пообедать. Хозяин произвел на меня сильное впечатление рассказом о том, что за все то время, пока немцы находились в Марокко, ни один из них не останавливался в его доме и не сидел за этим столом.

После непродолжительной беседы, состоявшейся под конец обеда, мы уехали и прибыли в Касабланку в три часа.

Празднование годовщины восшествия на трон султана

ШТАБ ЗАПАДНОЙ ОПЕРАТИВНОЙ
ГРУППЫ ВОЙСК
22 ноября 1942 г.

Второй визит к султану во многом походил на первый, правда, в этот раз нас от резиденции Ногэ до дворца сопровождал эскадрон кавалерии. Всадники в белых тюрбанах и красных мундирах с медными пуговицами и пряжками восседали на белых жеребцах, откинув белые накидки и голубые капюшоны. С нами скакали три офицера — двое по бокам машины и один сзади. На протяжении всей поездки музыканты, также ехавшие верхом, неустанно дули в трубы.

Во дворце нас встречал целый построенный парадными колоннами кавалерийский полк. Всадники одного из его эскадронов были вооружены пиками. Лучше коней, чем те, на которых восседали всадники этого полка и нашего эскорта, я не видел ни разу в жизни. Во внешнем дворе находилась гвардия, состоявшая из громадного роста чернокожих сенегальцев в коротких белых гетрах, красных мундирах с красными кожаными портупеями и такого же цвета фесках. Там же был и оркестр в точно такой же форме, игравший национальный гимн Марокко и «Марсельезу».

К нам вышел великий визирь или муфтий и проводил нас во внутренний двор, где процессию возглавили два очень пожилых господина, опиравшиеся на посохи, совсем как старцы в постановках на библейскую тему. У каждого из них имелся на спине патронташ и висела на боку длинная кривая сабля в ножнах из красной кожи.

Вестибюль перед тронной залой и ее саму наводняли сановники различных уровней; те из них, которые размещались ближе к трону, были главнее тех, кто находился дальше от него. Наиболее значительные, занимавшие места у самого возвышения, где на своем престоле восседал султан, показались мне симпатичными ребятами; правда, все они были очень старыми и очень толстыми.

На сей раз при султане находился кронпринц — один из его сыновей в возрасте четырнадцати лет, — который сидел в первом кресле; Ногэ занимал второе, а я — третье. В прошлый раз в первом кресле сидел я, а Ногэ, как и теперь, во втором; данное распределение мест показалось мне довольно символичным. Затем генерал Ногэ зачитал на французском языке пространную речь, которую великий визирь, имевший при себе копию, перевел на арабский. После этого визирь вручил султану текст его собственного ответного спича, который тот и зачитал, а визирь, держа в руках бумагу с текстом, перевел на французский.

Слушая тексты речей, я все больше и больше проникался уверенностью в том, что Соединенным Штатам отводилась крайне незначительная роль. Когда Ногэ закончил говорить и отошел от возвышения, я, не спрашивая ни у кого разрешения, вышел вперед и взял слово. Насколько я могу помнить, сказал я следующее:

— Ваше величество, как представитель великого президента Соединенных Штатов и командующий огромными военными силами на территории Марокко, я хочу выразить радость руководства моей страны по поводу празднования пятнадцатой годовщины вашего вступления на престол ваших досточтимых предков. Мне также хотелось бы заверить вас в том, что коль скоро подданные вашего величества будут сотрудничать с французским губернатором в Марокко, а также сотрудничать с нами, облегчая выполнение стоящих перед нами задач, все мы с Божьей на то помощью вскоре одержим убедительную победу над нашим врагом — гитлеровской Германией.

У меня нет сомнений в том, что ваше величество и французский губернатор в Марокко разделяют мое мнение. При том согласии, которое царит между нами, нет и не может быть сомнений в том, сколь прекрасное будущее нас всех ожидает. Мою веру в лучшее подкрепляет память о том жесте со стороны предшественников вашего величества, которые пожаловали нашему знаменитому президенту Джорджу Вашингтону здание, где теперь размещается американская миссия в Танжере. Насколько мне помнится, со времен великого Вашингтона дружба и взаимопонимание наше с французами были столь же глубокими.

Пользуясь случаем, мне хотелось бы засвидетельствовать вашему величеству мою признательность за ту неоценимую поддержку, которую ваши подданные оказывают американцам, а также уже во

второй раз выразить мою высокую оценку уровню подготовленности солдат вашего величества и их дисциплине.

Вот кое-что интересное, касающееся лично султана. По законам страны, ему полагалось носить усы и бороду, в то время как сам он предпочел бы в данном вопросе придерживаться европейской моды. Поскольку с выбритыми щеками ходить ему было нельзя, он, уж не знаю как, маленькими ножницами или бритвой, добивался того, что на его лице оставалась растительность длиной не более полутора сантиметров. Еще для него существовал запрет на ношение европейской одежды, однако, как уверяли некоторые наши и многие французские офицеры, им приходилось видеть его разъезжающим в окрестностях дворца без охраны в английском костюме для верховых прогулок. Я был уверен, что султан говорит по-французски, и почти уверен, что он владеет также английским. До меня доходили слухи, что в свое время он под чужим именем закончил Оксфорд.

На послеполуденном чаепитии в честь годовщины воцарения султана присутствовали все, кто имел хоть какое-то значение при дворе. Поскольку сам я остаться на нее не мог, то попросил присутствовать вместо меня генерала Хармона. Во время церемонии раздались какие-то крики, потом прогремело два выстрела. Султан попросил прощенья у собравшихся и с достоинством удалился. Когда он через довольно непродолжительное время вернулся, генерал Ногэ поинтересовался у него, что же произошло. Как сказал султан, одной из пантер в вольере удалось, сделав превосходный прыжок длиною в шесть метров, покинуть его и через дыру пробраться на территорию гарема. Там животное принялось терзать одну из женщин, но охранник застрелил его. Женщина почти не пострадала, если не считать раны на шее, впрочем, это не имело особого значения, поскольку она была даже не женой, а всего лишь наложницей. Если не считать данного происшествия, церемония протекала нормально.

Древние касба, или крепости-форты — весьма любопытны и представляют собой серьезные препятствия на пути наступающих войск. Их довольно много в этой стране, особенно в горах. Данные укрепления снабжены типичными для средневековой архитектуры смотровыми щелями и выступающими вперед башнями, расположенными по всему периметру стен и отстоящими друг от друга на сто пятьдесят — двести метров. Некоторые из таких стен достигают в ширину трех метров.

Поговаривают, что иные форты строились еще в античную эпоху римлянами, но, насколько я могу судить, они не настолько древние. Крепость под названием Пор-Лиоте оказалась крепким орешком, она держалась против нас в течение трех дней и пала, когда за дело взялись 105-миллиметровые пушки самоходок, пробившие

бреши в стенах. В образовавшиеся проломы устремились наши ребята из 2-го батальона 60-го пехотного полка[1] с гранатами и винтовками. Крепость выдержала огонь шестидюймовых корабельных орудий, обстрел из мортир и налеты пикирующих бомбардировщиков, но не устояла перед напором пехоты с ее легким стрелковым оружием и осколочными гранатами. Я особенно не выяснял, уцелел ли кто-нибудь из гарнизона, хотя сомневаюсь, что кому-то посчастливилось остаться в живых. В рукопашной схватке у солдата нет времени на размышления, он стреляет в упор или колет штыком, стараясь убить как можно больше солдат противника, чтобы они не убили его.

Ввиду того что купить в Марокко практически ничего нельзя, деньги заметно упали в цене, по этой причине трудно нанимать людей за плату. Для тех, кто готов помогать нам, мы договариваемся об организации продажи по низким ценам товаров, которые более всего пользуются спросом у арабов: сахара, чая, риса, кофе и мануфактуры. Мы платим арабам франками и, таким образом, возвращаем доверие к деньгам.

Этим утром мы с генералом Кейзом[2] посетили католическую церковь, где было полным-полно вдов, чьи мужья погибли, сражаясь с нами. Эти одетые в черное плачущие молодые женщины не проявляли к нам враждебности.

Жена министра по делам населения мадам Ардьон объясняла ситуацию вот какими соображениями. После 1940 г. французы испытывали огромный стыд за свое поражение в войне с немцами и потерю Парижа, особенно женщины. Поэтому, когда мы пришли, мужчины были готовы к войне с нами как к дружескому матчу, по выражению мадам Ардьон. Принимая во внимание тот факт, что в стычках на берегу с их стороны лишились жизни около двух с половиной тысяч человек, не считая еще пятисот, убитых в морском сражении, в то время как наши потери в общем и целом не превышали семисот солдат и офицеров ранеными и убитыми, такую войну дружеским матчем не назовешь. Тем не менее мадам Ардьон настаивала, она даже утверждала, что сражение с нами в значительной мере способствовало подъему морального духа французов. Особенно это отразилось на настроении дам, которые прежде так сильно презирали своих мужей, что даже отказывались спать с ними. Ввиду большого количества детей на улицах, я позволю себе усомниться в справедливости подобного заявления.

До сих пор мне попался на глаза всего один пьяный американский солдат, да и этого тащили в часть двое трезвых товарищей. Нашим парням приходилось трудновато, поскольку походные кухни

---

[1] Командир — полковник Ф. Дж. Роган.

[2] Генерал — майор Джеффри Кейз — заместитель командующего Западной оперативной группой войск.

мы выгрузили на берег только 21-го числа, да к тому же пока еще далеко не всем хватало палаток. Вместе с тем моральный дух армии оставался высоким; физическое состояние бойцов тоже весьма радовало, если, конечно, не считать частых случаев желудочно-кишечных расстройств, которые довольно скоро проходили. Причину их я усматриваю в перемене воды.

Довольно любопытно было наблюдать за переменами, происходившими с солдатами. Сразу по прибытии они смотрелись неважно — грязные, неряшливые, измученные, — происходило это, как я уверен, из-за крайнего утомления первых дней кампании. Однако за последнее время мы постарались привести их в порядок. Наши усилия принесли свои плоды. Короче говоря, скоро наши молодцы будут выглядеть так, что любая армия позавидует.

Вспашку на полях здесь производят весьма странно и своеобразно. Особенно это касается использования животных. Крестьяне запрягают лошадь вместе с верблюдом, ослика с верблюдом, вола с верблюдом или вола с лошадью. Как мне сказали, нельзя запрячь двух верблюдов, поскольку те начинают драться друг с другом. Любое животное в упряжке с верблюдом теряет резвость и начинает испытывать отвращение к жизни.

Французская армия в лице своих командиров, особенно генерала Мартена в Маракеше, проявляла к нам дружелюбие. Генерал Мартен устроил две вечеринки для офицеров 47-го пехотного полка[1] из Сафи, а также пригласил меня с моим штабом прибыть к себе и остаться настолько, насколько мы пожелаем. Думаю, в ближайшее время выберусь к нему ненадолго.

В 1940 г. генерал Мартен командовал 67-й Марокканской дивизией, которая была разгромлена. Когда генерал Андерсон[2] вызвал его к себе, Мартен принес с собой флаг дивизии, которой он уже не командовал, попросив Андерсона разрешения удалить со знамени траурную ленту в знак того, что, сражаясь с нами, генерал смыл позор со своей разгромленной дивизии. Получив такое разрешение, он разрезал ленту надвое и отдал половину генералу Андерсону. Полагаю, что это был не только очень трогательный, но также весьма значимый жест.

Крайне важно отметить, что 20-го числа мы осуществили высадку тридцати тысяч человек всего за тринадцать часов. Несмотря на то что порт находился в очень плохом состоянии, нам также удалось выгружать по сорок семь тонн различных грузов в час. Американские моряки, как и французские, превосходно справлялись с поставленными перед ними задачами. Данное замечание в равной мере относится и к нашему управлению снабжения.

---

[1] Командир — полковник Э. Х. Рэндл.

[2] Генерал-майор Дж. У. Андерсон — командир 3-й пехотной дивизии.

Поминальная служба по погибшим в Касабланке американским и французским солдатам

ШТАБ ЗАПАДНОЙ ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ ВОЙСК
23 ноября 1942 г.

Генерал Кейз, адмирал Холл[1] и я встретились с генералом Ногэ и адмиралом Мишли[2], а также с некоторыми офицерами его штаба в резиденции в Касабланке в 8.45 утра. Оттуда под полицейским эскортом мы все вместе проследовали в кафедральный собор Святого Сердца. По обочинам стояли посты французских и американских солдат, а также военной полиции. Народа в собор набилось битком.

В дверях нас встретил облаченный в красные одежды, украшенный дорогими вышивками стихарь и четырехугольный красный головной убор епископ Марокко. Он проводил нас внутрь собора, где мы увидели два гроба: справа американский — под охраной шести наших солдат, покрытый флагом США, а слева французский — под французским флагом и с соответствующим караулом.

По окончании мессы мы вместе со священниками вышли на улицу и расселись по машинам. Нелепым и неподобающим показался мне тот факт, что когда мы входили в собор и когда после выходили из него, между нами и собравшимся народом стояла вооруженная саблями спешенная мусульманская конная стража.

Подождав с час в резиденции, чтобы дать людям возможность дойти до кладбища, мы тоже отправились туда. Возле входа с одной стороны в парадном строю стоял батальон американской пехоты, с другой — батальон французской африканской пехоты. Перед ним разместилась группа представителей Французского легиона — организации-двойника Американского легиона[3]. Мы шли по кладбищу пешком примерно три четверти километра, пока не остановились между двух флагштоков — того, на котором был американский флаг, справа, и того, на котором развевался французский — слева.

Генерал Ногэ и я возложили огромный венок на плиту с памятной надписью в честь геройски погибших солдат. Представители Французского легиона возложили большой красный венок рядом с нашим. Когда эта часть церемонии завершилась, французский

[1] Начальник штаба адмирала Хьюитта контр-адмирал Джон Холл позднее стал командующим портов.

[2] Адмирал Мишли — командующий французскими ВМС в Касабланке.

[3] Американский легион — организация ветеранов войн США, основанная в Париже 15–17 марта 1919 г. депутатами от боевых и вспомогательных подразделений американских экспедиционных сил. — *Прим. пер.*

оркестр заиграл зорю. В то время как она звучала, трехцветное знамя приспустили до середины флагштока, а когда музыканты заиграли «Марсельезу», оно вновь взлетело вверх. Наш оркестр протрубил зорю, и наше знамя США было приспущено, потом, когда зазвучал «Звездно-полосатый флаг», оно вновь взлетело к верхушке мачты.

Затем мы посетили могилы американских солдат и, остановившись в центре захоронения, отдали честь павшим. После чего также салютовали над могилами французских солдат. Все это время за нами следовала огромная толпа людей — несколько тысяч человек, как я думаю.

Каждая могила была обозначена крестом, и в том случае, когда под ним лежали останки американского солдата, на кресте имелся идентификационный жетон. Впоследствии там напишут имена погибших. Затем мы вернулись к воротам, сели в наши машины и уехали. Вся церемония была очень торжественной. Когда я заметил генералу Ногэ, что, смешавшись, пролитая кровь французских и американских солдат сделалась священной кровью, он, как мне показалось, был глубоко тронут.

Обед с генералом Ногэ в Рабате

ШТАБ ЗАПАДНОЙ ОПЕРАТИВНОЙ
ГРУППЫ ВОЙСК
8 декабря 1942 г.

Генерал Ногэ пригласил меня, генерала Кейза, а также восемь других офицеров отобедать у него дома и встретиться с его превосходительством мсье Буассоном, губернатором Дакара. Поскольку генерал ВВС Фитцджералд также получил приглашение, он подбросил нас туда на своем самолете.

Принимали нас с обычными почестями. Помимо нас, мсье Буассона и французских генералов, присутствовали также люди султана — великий визирь и глава дипломатической службы. Главой дипкорпуса оказался тот самый человек, которого я поначалу принял за великого визиря. В действительности же великим визирем являлся тот, который стоял справа от султана во главе двенадцати «апостолов» — весьма приятный и рассудительный пожилой господин девяноста двух лет, владеющий французским приблизительно так же, как я.

Вначале, когда мы только прибыли, получилось так, что на него как-то никто не обращал внимания, тогда я подошел и заговорил с ним. Во время обеда он сидел слева от мадам Ногэ, а я — справа от нее. Снова вышло так, что никто с ним не разговаривал. При входе и выходе в столовую мне полагалось идти впереди него, но я постарался этого избежать, что произвело очень хорошее впечатление на старика.

После обеда визирь послал ко мне главу дипкорпуса, чтобы узнать, не пожелаю ли я поговорить с ним. При нашей беседе присутствовали адъютанты генерала Ногэ, а также владевший французским офицер американских ВМС; я, однако, разговаривал практически только с одним визирем. Он сказал мне, что его величеству очень бы хотелось, чтобы я знал, сколь сильно нуждается в мире его страна. Я заверил собеседника в том, что всегда внимательно читал историю, и что все мои помыслы с самого раннего детства были направлены лишь на одно — решение проблемы поддержания мира во Французском Марокко, и что я собираюсь заниматься этим в тандеме с его величеством и генералом Ногэ. Визирь ответил, что, когда его величеству будут переданы мои слова, его сердце преисполнится великой радости. Я же заверил собеседника, что любая радость, доставленная мной его величеству, обернется вдвое большей радостью для меня самого. Затем мы коснулись темы расовых вопросов — поговорили об антипатии, которую испытывают некоторые марокканцы к живущим в их стране евреям. Я признался визирю, что близко к сердцу принимаю подобного рода проблемы, поскольку сам я вырос на ферме среди десятков тысяч овец. Я, конечно, слегка слукавил, но мое сообщение произвело на араба должный эффект. Однако, продолжая наш разговор, я заметил, что поскольку султан и его предки на протяжении почти тринадцати столетий неплохо справлялись с трудностями такого характера, то и в дальнейшем вполне справятся с ними без меня. Визирь сообщил мне, что он сам придерживается точно такого же мнения, и добавил, что никакие расовые или межплеменные проблемы не смогут перевернуть сложившегося миропорядка.

Потом я сказал, что для меня весьма желательно было бы узнать, как обстоят дела в Испанском Марокко[1], и что мне известно о том, сколь широко осведомлен султан обо всем происходящем у соседей. Великий визирь ответил, что в Испанском Марокко есть племена, ошибочно именуемые арабами, которые всегда служили источником проблем. Он также заверил меня в том, что султан приложит все усилия, дабы постоянно держать меня в курсе происходящего у соседей, более того, все сведения о планах их испанских хозяев, которые только станут известны его величеству, будут немедленно переданы мне, как если бы я был членом его семьи.

Я со своей стороны заверил собеседника в том, что, поскольку, несмотря на все мои старания, случаев насилия не избежать, я бы хотел получать информацию о них без промедления, с тем чтобы виновные понесли заслуженное наказание — были повешены. Он

---

[1] Французский протекторат был создан в Марокко в 1912 г., что разделило страну на французскую и испанскую (на севере страны) зоны. Союзники опасались враждебных действий племен, населяющих испанскую территорию. — *Прим. пер.*

ответил, что всенепременно постарается держать меня в курсе, дабы, к радости всего народа Марокко, подобные малефакторы не избежали заслуженной кары.

Весь наш разговор продлился не более четверти часа и в конце великий визирь признался мне, что благодаря моей учтивости и обходительности эти пятнадцать минут стали для него счастливейшими минутами в жизни. На это я ответил, что если бы мог дать кому-нибудь хоть четверть часа счастья, то считал бы свою жизнь прожитой не зря.

Когда пишешь, все это кажется довольно смешным, да и звучали те речи, что я произносил на моем французском, также весьма забавно, однако именно таким образом принято выражаться у арабов.

Великий визирь закончил наше общение, сказав: «Чтобы понять, сколь велик человек, с ним нужно поговорить». Он также вспомнил, что арабы в подобных случаях говорят: «Тот, кто уверяет, будто все люди равны, либо глупец, либо лицемер», и добавил, что он и султан не принадлежат ни к тем, ни к другим.

«Fete des Moutons» (Праздник овец) в Рабате

ШТАБ ЗАПАДНОЙ ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ ВОЙСК
19 декабря 1942 г.

Султан пригласил меня, командиров дивизий и еще сорок офицеров принять участие в церемонии празднества во дворце. Решили, что будет правильнее, если почетный караул составят американцы. В связи с этим я сообщил генералу Ногэ, что прибуду в аэропорт в 2.15 и лично проинспектирую почетный караул — роту 82-го батальона разведки[1], затем заеду к нему в резиденцию, чтобы доставить во дворец его и французских офицеров.

Мы с генералом Ногэ ехали стоя в открытом джипе. Наш почетный караул произвел сильное впечатление на местное население, скажу так: я впервые слышал, как арабы открыто выражают радость.

Прямо перед стенами дворцовых укреплений разместилась танковая рота и батарея самоходных 105-миллиметровых орудий, а также батарея артиллерийских штурмовых орудий калибра 75 миллиметров и оркестр 3-й дивизии.

Мы остановились, и солдаты взяли на караул. Музыканты отдали честь и сыграли один за другим государственные гимны Марокко, Франции и Соединенных Штатов.

Затем мы проследовали во дворец, оставив эскорт за его стенами. Внутри, как и во время наших прошлых визитов сюда, стройными рядами выстроилась стража в красных мундирах. Затем мы

---

[1] Командир батальона — подполковник П. А. Дисней.

засвидетельствовали свое почтение султану, который пожелал вступить со мной в долгий разговор, выразив в ходе него свое удовлетворение тем, что я, представитель президента США и генерала Эйзенхауэра, соблаговолил присутствовать на главном религиозном и государственном празднике Марокко. Я со своей стороны также от имени президента и генерала Эйзенхауэра выразил удовлетворение тем, что меня как их представителя удостоили чести быть приглашенным на такое важное для всех подданных его величества торжество. И еще я не преминул добавить, что считаю данное обстоятельство дополнительным подтверждением того, что сам Всевышний покровительствует нашему общему делу. Как я тут же убедился, упоминание Всевышнего в одном ряду с султаном было равноценно попаданию в десятку.

После введения в должность двух новых каидов[1] все мы, покинув дворец, направились к покрытому травой полю, длиной с площадку для игры в поло, но раза в два уже. Оно уже было окружено плотной стеной мусульман, среди которых затесались и французы. Для гостей-офицеров предназначались специальные места под навесом, где мне как представителю Соединенных Штатов отводилось главное.

Рядом со мной сидел кронпринц, который доверительно сообщил мне на безупречном французском языке, что через минуту-другую мне предстоит лицезреть самое захватывающее шоу на Земле. Забегая вперед, надо заметить, что захватывающее шоу с громким треском провалилось, однако предшествовавшая ему церемония стоила того, чтобы посмотреть на нее.

Слева от нас, если встать лицом к полю, разместились главные официальные лица из всех крупных городов и представители племен со всей Марокканской империи, построенные, если можно так выразиться, в колонны повзводно. Оркестр чернокожих стражников играл не умолкая. В помощь дворцовой гвардии для охраны порядка во время праздника был придан кавалерийский полк, половину личного состава которого составляли всадники с пиками.

И вот действо началось: из ворот дворца выбежала толпа арабов в красных головных уборах и с криками помчалась по направлению к нам. За ними следовали два солдата, державшие свои копья длиной не менее шести метров остриями вверх. Следом на прекрасном белом жеребце скакал одетый в традиционные арабские одежды султан. Седло и шелковая попона были розовыми. Сзади семенил человек, державший над головой господина огромный зонт.

Когда султан приблизился, арабы разом закричали, а иностранные офицеры взяли под козырек. Достигнув колонн делегатов от городов, султан остановился, а слуги, находившиеся с той и с дру-

[1] Каиды или кайды — берберские вожди. — *Прим. пер.*

гой стороны от него, принялись размахивать белыми платками. Это, как видно, служило знаком для первого «взвода» делегатов отвесить три поясных поклона султану и трижды поприветствовать его на арабском языке. Едва они завершили данную процедуру, люди в красных головных уборах принялись с громкими криками теснить их. Точно так же поступили они и со следующим «взводом», когда тот «отстрелялся» с выражениями почтения государю, а затем все повторялось опять и опять, по мере того как «красноголовые» переходили от одной группы делегатов к другой. Я специально подсчетами не занимался, но, по-моему, там этих групп было никак не меньше двадцати.

По статусу султану полагается семь коней. Распределены они таким образом: на одном из коней он едет, а еще четырех ведут в поводу. Каждый из них под прекрасным седлом и попоной из шелка разных цветов — желтого, красного, зеленого и пурпурного. Вдобавок в его распоряжении имеется экипаж — колесница, как я полагаю, образца примерно 1400 г. выпуска с огромными подставками под факелы со всех четырех сторон и со ступенькой для двух лакеев позади. В движение коляска приводится двумя лошадьми, которых грумы ведут под уздцы.

За экипажем следует повозка, груженная белыми сундуками, далее верблюд с таким же багажом, а следом мул с той же самой поклажей. Насколько я мог видеть, сундуки были пустыми, но они, вероятно, наполнялись, когда его величеству приходило в голову отправиться куда-нибудь попутешествовать. Суть и значение всей церемонии в том, что в старину султаны совершали ежегодный объезд своего царства. У ворот той или иной крепости повелителей встречали отцы города. Возможно, сегодняшний спектакль можно было считать репетицией для тех самых отцов, чтобы, когда султан все же надумает явиться к ним с визитом, они бы ничего не перепутали и не попали впросак.

В завершение данного акта представления султан возвратился во дворец, а потом настал волнующий момент, о котором предупреждал меня принц. В исполнении коронного номера участвовали группы арабов разной численности — от трех до двадцати всадников со средневековыми мушкетами. Как только давали отмашку, та или иная группа должна была устремиться на арену, демонстрируя свое умение обращаться с оружием. Как я понял, первой была следующая позиция: мушкет над головой горизонтально дулом вперед.

После чего каждый принимался вертеть свое ружье и так и этак, а под конец пытался произвести выстрел. Поскольку мушкеты были еще кремневые, хорошо, если в трех случаях из десяти пулям удавалось покинуть ствол. Раза три или четыре получалось так, что пули ствола не покидали, зато арабы покидали седла. Когда же араб — особенно араб знатный и почитаемый согражданами — па-

дает... О, сограждане мои, на это стоит посмотреть! Куда головной убор, куда башмаки, куда все эти потаенные мешочки и туесочки, спрятанные под похожей на капустные листья одеждой! Немедленно происходит остановка; слуги кидаются к господину, чтобы посадить его на коня и собрать разлетевшуюся по всему полю параферналию. Хотя не могу сказать, чтобы подобные оживляющие представление моменты случались особенно часто. Всего в тот день перед нами свое искусство конных стрелков продемонстрировали не менее трех сотен арабов.

КАСАБЛАНКА
1 января 1943 г.

Сегодня, можно сказать, еще до наступления утра нам пришлось пережить первый воздушный налет. Три бомбы взорвались одна за другой примерно в 3.15 и подняли меня с постели, не дав возможности досмотреть сон — жаль, мне снилось что-то приятное. Я зажег лампу, поставил ее на пол в середине комнаты, задернул шторы, наскоро оделся, и не прошло и пяти минут, как я был уже на крыше.

При низкой облачности — метров восемьсот, наверное, не больше — шел дождь и дул сильный ветер. Наши прожектора, которых насчитывалось примерно столько же, сколько лет нашему Джорджу[1], судорожно метались по мрачному низкому потолку из туч в поисках просветов, через которые можно было бы выхватить вражеский самолет.

Наконец часто-часто застучала легкая зенитка, и светлячки трассеров помчались к небу. Так продолжалось, наверное, минут пять, и вдруг во мраке довольно далеко от нас вспыхнуло яркое сияние — там словно бы вырос гигантский огненный осьминог. «Зажигалка» горела ярко минут, наверное, двадцать, и на протяжении этого периода времени решительно ничего не происходило.

Затем вдалеке мы услышали приближавшийся шум двигателей бомбардировщиков. Заработала крупнокалиберная зенитка; такие орудия снабжены радиолокационными прицелами, позволяющими вести огонь по самолетам, не видя их.

Шум нарастал, и довольно скоро над домами позади нас появился четырехмоторный бомбардировщик дальней авиации, который тут же поймали своими лучами два наших прожектора. Едва это случилось, огонь открыли, кажется, все имевшиеся поблизости зенитки. Самолет как жемчугом был усыпан светлячками трассе-

[1] Речь идет о сыне генерала Паттона. Автор использует иносказание, поскольку из-за введенной цензуры не может высказываться прямо и назвать количество прожекторов. — *Прим. пер.*

ров, буквально окружен белым сиянием вспышек взрывавшихся снарядов. В свете прожекторов было хорошо видно, как, вспыхнув ярко, они, словно магний в фотокамере, обращались в быстро исчезавшие дымные облачка. Несмотря на то что бомбардировщик летел очень низко, не выше шестисот метров, а может, как раз вследствие этого, обстрел не причинил ему вреда. По крайней мере, так мне показалось, хотя некоторые уверяли, что машина получила повреждения.

Где-то высоко над облаками гудели двигатели других машин, иногда доносились звуки разрывов зенитных снарядов и сброшенных бомб. Один раз совсем близко от нашего дома просвистел шальной осколок, но другие пролетели стороной.

Во время бомбежки я отправлял офицеров в разные места для сбора информации; они звонили и передавали донесения. Пока дело касалось нашей системы обороны, у меня не было особенных поводов для волнений, так как она функционировала исправно.

Где-то без четверти пять мы услышали, как сзади заходит еще один четырехмоторный бомбардировщик дальней авиации. Он шел еще ниже, чем первый, и снова зенитчики осыпали его «жемчугом» трассеров; снова вспыхивал, быстро превращаясь в летучие облачка черного дыма, «магний» заградительных снарядов. На сей раз я лично стал свидетелем по крайней мере двух попаданий. Машина получила повреждения и, изменив курс, исчезла, улетев по направлению к Европе.

Не успел этот самолет убраться восвояси, как совсем близко прогудели и громко бабахнули бомбы. Они взорвались рядом с батареей противовоздушной обороны, расположенной всего в каких-нибудь восьмистах метрах от нас. Мой адъютант, лейтенант А. Л. Стиллер, отправился выяснить, куда точно попали бомбы, и установить степень нанесенного ущерба, однако, по счастью, как выяснилось, никто не пострадал.

Шум в небе стих, и я, решив, что налет завершился, ушел спать, правда, раздеваться предусмотрительно не стал, и, как оказалось, правильно сделал. Примерно в 5.30 стрельба возобновилась. Немцы не скупились и щедро осыпали нас бомбами, в ответ наши ребята без устали молотили по ним из зениток всех калибров, и не только с земли, но даже и с моря. Никакие фейерверки в честь Четвертого июля не могут сравниться с тем, что творилось сегодня в небе.

Облачность поднялась на высоту тысяча двести метров, и вот наконец прямо перед нами в перекрестия лучей прожекторов угодил неприятельский бомбардировщик. Вспышки разрывов буквально облепили машину. Она спикировала метров до шестисот, чем вызвала крики радости у многих из тех, кто с самых разных мест наблюдал за тем, что происходило в небе. Как бы там ни было, бомбардировщик выровнялся, но, пролетев всего километров пять, повторил нырок, спустившись почти к самой поверхности

моря. Один из двигателей бомбардировщика дымил, оставляя за машиной длинный шлейф. Ясно было, что «утке» не жить, однако туман поглотил самолет раньше, чем он, ударившись о воду, исчез в морской пучине.

Когда рассвело, я отправился на позиции, чтобы лично выяснить, каковы последствия бомбежки, и поговорить с солдатами. Они были само спокойствие; ребята из одного зенитного расчета, с которыми я имел беседу, сказали мне, что, хотя бомба легла всего менее чем в пятидесяти метрах от них, никакого вреда она им не причинила, только осыпала с ног до головы грязью, комьями земли и камнями.

Воронки были размером с хорошую спальню, и в них осталось немало уцелевших фрагментов бомб, которые мы извлекли, чтобы определить маркировку. Без проблем справившись с данной задачей, мы установили типы самих бомб, а также типы взрывателей.

Несмотря на то что немцы для нас бомб не пожалели, труды летчиков увенчались более чем скромным успехом — ни один из наших солдат не погиб и лишь немногие получили ранения. С арабами противнику повезло больше. Всего одна бомба, упавшая на соседний городок, убила больше арабов, чем я прожил лет на свете. И это еще не считая раненых. Я направил письмо с соболезнованиями на имя паши, что, конечно, отчасти компенсировало горечь потери, но не вернуло жизнь погибшим.

Около десяти часов я собрал всех командиров эскадрилий и офицеров зенитчиков, чтобы обсудить с ними план противовоздушной обороны и внести соответствующие коррективы. Мы пришли к мнению, что глобальные изменения не нужны, так как оборона построена грамотно, однако кое-что желательно улучшить, что и было проделано. Материальный ущерб и вовсе равнялся нулю — похоже, вражеские летчики прилетали лишь затем, чтобы перепахать поля и разбомбить пустынные улицы. В гавань не попало ни одной бомбы.

Когда последний вражеский самолет протащился совсем низко над домом, на крыше которого мы находились, Джордж Микс[1] заметил: «Сэр, будь теперь при мне седло, я бы накинул его ему на спину и отправился на прогулку».

Приезд султана в Касабланку

12–13 января 1943 г.

Недели две тому назад живший в Касабланке дядя султана предложил мне посетить здешний дворец племянника. Потом он сказал мне, что султана взволновало известие о том, что я был в его

---

[1] Техник-сержант У. Дж. Микс — ординарец генерала Паттона.

дворце, а он не мог приехать без подобающей причины. В общем, мы в нашем штабе решили предоставить такую возможность — устроить демонстрацию военной техники и оружия, словом, что-то вроде парада, на который мы пригласили также и французов, что вполне годилось как повод для приезда султана в Касабланку.

Однако у парада, назовем его так, имелась и иная задача. В первую очередь нам не мешало произвести впечатление на французов и арабов, продемонстрировав нашу мощь, а заодно успокоить французов, показав им, что, имея в распоряжении их техсредства и их оружие, они просто не могли победить наших ребят, экипированных по последнему слову техники. Мы сочли вполне уместным забыть о том факте, что, когда мы громили французов на берегу, все наше тяжелое вооружение оставалось еще на кораблях.

10 января после полудня я отправился во дворец к султану, где был встречен главой дипкорпуса. Туда же явились и некоторые другие офицеры, включая французов, и все мы вместе удостоились аудиенции у султана, хотя говорил при этом с ним практически один только я. На данное обстоятельство немедленно обратил внимание глава дипслужбы, который в ходе беседы почти не сводил с меня глаз. Мы продолжали старую игру: я обращался к главе дипкорпуса по-французски, он переводил султану на арабский, затем переводил его ответ с арабского на французский для меня. По дороге к месту проведения парада нас сопровождал почетный эскорт, состоявший из роты легких танков, подразделения французских пехотинцев на мотоциклах и французских же полицейских-мотоциклистов. Султан, его сын и глава дипломатического корпуса ехали в первой машине, а мы с генералом Кейзом во второй. За ними следовали «двенадцать апостолов», которые, как я недавно открыл для себя, все были визирями. Затем ехали машины с американскими и французскими офицерами. Всего автомобилей в кортеже насчитывалось штук около тридцати.

Обустройство поля для проведения мероприятия взял на себя полковник Уильямс[1], который прекрасно справился с данной задачей. Экипажи и расчеты стояли по стойке смирно. Личное оружие находилось при них, а боеприпасы были аккуратно сложены, как полагается, перед каждой единицей тяжелого вооружения, будь то танк или орудие.

Когда мы прибыли на полигон, я пригласил султана в мою персональную машину командующего и, после того как оркестр сыграл один за другим гимны трех наших стран, помог его величеству подняться в нее. Генерал Ногэ поспешил известить меня, что ни один иностранец не имеет права ехать в одной машине с султаном, но султан возразил, заметив, что это его дело и что мы поедем вме-

[2] Полковник Дж. Дж. Б. Уильямс — начальник артиллерии Западной оперативной группы войск.

сте. Я занял место справа от султана, а тот пригласил Ногэ сесть слева. Кронпринц уселся перед нами, держась за поручень. Как уверяют, это был первый в истории случай, когда султан ехал в одной машине с иностранцем.

Объезд мы совершали очень медленно, останавливаясь у каждого орудия, танка или вспомогательного технического средства, и я, выжимая все из своего знания французского, старательно объяснял султану назначение той или иной единицы техники. Как я имел возможность убедиться, он владел этим языком куда лучше, чем я. Когда мы подъехали к передвижной прачечной, я обнаружил, что не помню правильного французского термина, и честно признался: «Не помню, как эта штука называется». — «Вы имели в виду передвижную прачечную?» — поинтересовался султан на прекрасном английском, развеяв мои последние сомнения относительно того, знает или не знает он наш язык.

Поработав экскурсоводом в этом музее наземных средств вооружения, я повез своего спутника на летное поле, где полковник Бим[1] подготовил отличную экспозицию самолетов. Султан продемонстрировал неподдельный интерес к военной авиации, а кронпринц забирался во все самолеты по очереди и крутил там ручки, нажимал на кнопки и щелкал тумблерами.

После воздушных сил настал черед флота, и мы отправились в порт, где обошли причалы. Затем адмирал Холл пригласил султана и самых знатных вельмож из его свиты, включая визирей, на борт эсминца «Уэйнрайт» и устроил для них небольшие военно-морские учения.

Так как большинству визирей было за девяносто, не все из них оказались в состоянии подняться по крутому трапу, и я остался с ними поболтать и обменяться шутками. Заявляю с полной ответственностью: гипотеза относительно отсутствия у арабов чувства юмора абсурдна.

Мы возвратились во дворец, где вновь вошли в залу для официальных приемов; там мне пришлось опять обращаться к султану на французском через главу дипломатического корпуса, который переводил мои слова не нуждавшемуся ни в каких переводах господину на арабский, затем его речь на французский и так далее. Под конец беседы султан с широкой улыбкой поинтересовался, не мог ли бы я оказать ему великую честь явиться во дворец на завтрак 13-го числа, то есть на следующий день. Я ответил, что подобное приглашение огромная честь для меня, и спросил, нельзя ли мне будет захватить за компанию и генерала Кларка[2]. Завершив официальное общение, мы отправились к себе.

---

[1] Полковник Р. Бим из штаба генерала Кэннона.

[2] Генерал-майор Марк У. Кларк — командующий только что созданной Пятой армией.

Вскоре после ужина глава дипломатической службы известил меня, что я не могу взять с собой Кларка на завтрак во дворец. Я рассердился и сказал, что тогда и я никуда не пойду, но Кларк попросил меня не обращать внимания на прихоти арабов и все-таки откликнуться на приглашение. Послушавшись его, я поступил правильно, поскольку, как мне стало известно позднее, арабы не хотели приглашать Кларка на завтрак потому, что считали его слишком высокой особой, чтобы принимать его у себя без официального приглашения просто как моего компаньона. Подобное объяснение меня вполне удовлетворило.

Мы прибыли во дворец в 1.30, где в почетном карауле стоял батальон местной французской пехоты, два военных оркестра и рота чернокожих стражников.

В залу меня пригласили одного, где вновь началась хорошо знакомая тягомотина с обращениями на французском, переводами на арабский и тому подобное. Однако на сей раз султан почти сразу же перебил переводчика и обратился на французском языке прямо ко мне. После нашего приватного общения, длившегося, как мне показалось, довольно длительное время, в залу были допущены все прочие участники приема.

Практически одновременно распахнулись огромные двухстворчатые двери, сработанные, как мне думается, из палисандрового дерева, и было объявлено о начале церемонии. Зала, где проходил завтрак, показалась мне самым роскошным помещением, в котором мне только приходилось бывать. Стены из черного и белого мрамора высотой в пять метров, далее фигурная лепнина и резной позлащенный деревянный потолок. Пол был из черного мрамора, как и четыре боковых панели. Вдоль стен стояли дорические полуколонны. Я признался султану, что в жизни не видел ничего красивее, и ему, как я мог заметить, пришлись по вкусу мои слова.

Мне ответили место между султаном и кронпринцем, а все прочие были распределены по группам, состоявшим из арабов, французов и американцев. Для нас приготовили традиционный французский завтрак, состоявший примерно из десяти перемен блюд. Он продолжался не менее трех часов и завершился кус-кусом и мороженым. Я беседовал то с султаном, то с кронпринцем на французском, и оба они понимали меня.

После еды мы, прогулявшись по прекрасному саду, подошли к украшенному мозаиками строению. Интересно в нем было то, что мозаики и орнаменты из палисандрового дерева покрывали пол и стены здания не только внутри, но и снаружи. Перила лестниц и балюстрад были из витой бронзы. Выпив там кофе, мы через двойные шеренги чернокожих стражников проследовали в следующее строение из мрамора, носившее название Павильон Радости. Он стоял в глубине залитого солнцем сада, где пели фонтаны.

Отделанный внутри мрамором и лепниной, Павильон Радости как бы разделялся на две половины помостом, покоившимся на дорических колоннах белого мрамора. Мы сидели на правой половине, а особы более низкого ранга — на левой, где находился также оркестр из местных музыкантов.

Передо мной и султаном прямо на полу на ножках высотою сантиметров тридцать стояли резные серебряные блюда и подносы с девятью различными типами сладостей — всего тысячи две всевозможных приторных деликатесов. Пока мы беседовали, слуги подвинули подносы и блюда поближе к нам. Как я заметил, никто, включая и султана, не взял себе более одного кушанья. Пока мы угощались, нам подали мятный чай.

Когда мы прикончили по второй чашке мятного чая, слуги унесли сладости, явился фотограф и сделал снимки. Когда я уже собирался уходить, султан попросил меня задержаться и вручил мне «Большой Крест Хуссама Алауита» на ленте цвета тыквы, шириной сантиметров десять, с белой окантовкой. Лента как бы рассекала орденоносца наискосок от правого плеча к левому бедру, над которым висела увесистая медаль. В комплект входила огромная серебряная звезда — ее можно было носить всегда, а ленту надевать только в особых случаях. Султан заявил, что наградил меня за мои заслуги перед его страной. Я же ответил, что сделанное мной для Марокко не сравнится с той честью, которой удостоил меня его государь, наградив орденом. Похоже, я опять попал в десятку. Сказано же: «Les lions dans leurs tanières tremblent à son approche»[1].

Генералы Кейз, Уилбер[2] и Уилсон[3], а также адмирал Холл получили Большой Офицерский орден (он ниже степенью, чем Большой крест). Полковники Гэй[4] и Конард[5] удостоились Командорского ордена — соответственно менее высокой награды, чем Кейз, Уилбер и Уилсон.

Потом мы прошли к расположенному за залой приемов великолепному бассейну, каких, должен признать, я никогда прежде не видел. В помещении горели красные и зеленые прожекторы. Все поражало воображение: мостки из полированного алюминия, вышки для прыжков в воду, уровень которых устанавливался по желанию простым нажимом рычажка, гребные тренажеры, боксерские мешки, груши и прочее оснащение. Как сообщил мне один из визирей, которому я, по-видимому, особенно понравился, подобные

---

[1] Львы, затаившись в логовах своих, трепещут при его приближении (*фр.*).

[2] Бригадный генерал У. Х. Уилбур из штаба генерала Паттона.

[3] Бригадный генерал Артур Уилсон — начальник служб, осуществлявших снабжение Западной оперативной группы войск.

[4] Полковник Х. Р. Гэй — начальник штаба Западной оперативной группы войск, находившийся с генералом Паттоном на протяжении всей войны.

[5] Полковник А. Б. Конард из штаба генерала Уилсона.

залы имелись во многих городах Марокко. Их, как он сказал мне, посещают женщины; у них нет возможности выходить куда-либо, и такие бассейны единственное место, где они могут заниматься физкультурой.

Затем мы, проследовав через двойные шеренги чернокожих стражников, вернулись в церемониальную залу, где султан в одно мгновение «забыл» французский язык. Я же, пробыв там всего минуту-другую из вежливости, стал собираться домой. Когда я поднялся, султан выразил надежду, что наша встреча — начало долгой дружбы между нами, а также между нашими странами. Я со своей стороны заверил его величество, что сделаю все от меня зависящее, чтобы продолжение наших отношений стало столь же успешным, как и их начало. После чего откланялся.

Поездка в Маракеш и охота на кабанов

КАСАБЛАНКА
1 февраля 1943 г.

Паша Маракеша в течение длительного времени настаивал на том, чтобы я нанес ему визит, и вот во второй половине дня 1 февраля мы с генералом Уилбером, полковниками Гэем, Уильямсом, Дэвисом[1] и капитаном Дженсоном[2] полетели в Маракеш. На летном поле нас встретили один французский генерал и паша с батальоном пехоты. Мы первым делом позвонили командующему французским сектором генералу Мартену, а затем отправились во дворец.

Отделенная от остального города каменной стеной, резиденция паши занимала два городских квартала. Чтобы попасть туда, приходилось пробираться узкими улочками, где не всегда могла проехать машина. За узкими воротами находился прекрасный сад с мраморным фонтаном, который охраняли два мраморных же льва.

В распоряжении паши имелись три гостевых домика, каждый из которых, по моим оценкам, стоил не менее миллиона долларов. В том из них, что был отведен нам с генералом Уилбером, на первом этаже располагался кабинет самого паши и музей, где имелись самые различные экспонаты, начиная от коллекции древнеримских монет и кончая самыми последними образцами стрелкового оружия. Особо надлежит отметить коллекцию мечей, в одном из которых я безошибочно узнал оружие крестоносца. Я знал, что нельзя выражать восхищение каким-либо предметом, ибо, поступи я таким образом, хозяин немедленно подарил бы мне его. Сейчас

[1] Полковник, а позднее бригадный генерал Дж. Х. Дэвидсон — заместитель начальника инженерных войск Западной оперативной группы войск.

[2] Капитан Р. Н. Дженсон — адъютант генерала Паттона.

же могу сказать: многие мечи были очень хороши, как и полное рыцарское кольчужное облачение. Мне прежде не приходилось видеть, чтобы подобное снаряжение находилось в столь превосходном состоянии. Причиной тому, как можно предположить, сухой климат, благодаря которому металл очень долго не ржавеет. Видел я там и очень тяжелую позлащенную кирасу, наверное, начала XV века. Также в музее находился и фарфоровый китайский сервиз, подаренный паше президентом Франции.

На следующем этаже находилась довольно просторная (десять на десять метров), украшенная резными деревянными панелями комната, служившая баром. Однако всевозможные напитки, хранившиеся там, как показалось мне, никто никогда не пил.

Мои апартаменты располагались еще одним этажом выше и состояли из спальни, гардеробной и оборудованной по последнему слову техники ванной. Белые стены высотой не менее трех метров заканчивались лепниной под потолком. Еще в моем распоряжении была гостиная с огромным диваном и причудливо украшенным потолком. Лепнина на стенах, начинавшаяся на высоте человеческого роста, казалась сотканным кружевом. Как сказал мне паша, мастерам понадобился год, чтобы закончить отделку, и, как мне подумалось, он не преувеличивал. Нижняя часть стены была выложена мозаикой из белых, красных и желтых изразцов.

В конце холла, в который выходила дверь моих апартаментов, стоял вооруженный кинжалом араб, которого паша аттестовал как раба. Этот симпатичный парень всячески демонстрировал свое желание угодить мне.

Дом, где размещались другие офицеры, был почти такой же, как и тот, где жил я, однако несколько более тесный, так как предназначался для четырех гостей. На застланных бархатом кроватях лежали настоящие стеганые одеяла. А при каждой спальне имелась отдельная, оборудованная в соответствии со всеми современными требованиями ванная.

После того как, в соответствии с правилами, мы немного передохнули, помылись, потратив на это немногим более получаса, нас отвели в третий дом, где угостили чаем. Затем кади[1] — сын паши — устроил нам небольшую экскурсию по владениям отца — городу и ближайшим его окрестностям.

Я видел несколько очень больших бетонных резервуаров для воды, — на мой взгляд, двести на двести метров или чуть меньше, глубиной не менее трех метров. Как сообщил мне наш гид, в таком вот резервуаре как-то даже утонул один султан. Хотя, как сказал все тот же кади, сам он уверен, что султана просто убили. Он также

---

[1] Вообще кади — судья шариатского суда, но часто этим термином обозначаются губернаторы, а также главы органов городского управления в мусульманских странах. — *Прим. пер.*

показал судно, на котором, по его мнению, как раз и произошла трагедия. Это был довольно крупный, длиной метров десять, построенный примерно в 1880 г. почти полуразрушенный теперь баркас с паровым двигателем, с бортами, некогда крашенными в желтый и зеленый цвет с золотым орнаментом.

По моему мнению, «диффа», на которой присутствовало не более дюжины человек, мало отличалась от других банкетов, на которых мне случалось бывать в этой стране — все как обычно, хотя, может быть, с некоторой долей утонченности. Но, как оказалось, я ошибался, потому что генерал Мартен, прослуживший в Марокко сорок лет, заверил меня, что еще ни разу ничего подобного не видел. После обеда мы отправились в некий зальчик, где две группы танцовщиц развлекали нас около часа. Женщинам в одеждах пастельных тонов и кружевных накидках было, как я думаю, около тридцати и они прошли хорошую выучку. Каждая группа состояла из шести женщин и одного мужчины, аккомпанировавшего танцовщицам на однострунной скрипке, вернее, на инструменте, отдаленно ее напоминавшем. Четыре женщины отбивали ритм и пронзительно пели, скорее даже кричали, а еще две выпевали некую мелодию дуэтом как бы отдельно. Какое-то время они скользили над полом, потом, ритмично вращая бедрами, начинали зажигательный танец, отбивая такт под музыку. Затем недолго, может всего минуту, они принимались выплясывать нечто напоминающее яростную хулу[1]. Закончив парный танец, женщины уступали место двум другим танцовщицам. Так все и продолжалось довольно долго, без каких-либо вариаций, до самого конца представления.

Утром третьего нас разбудили в шесть, пригласив на легкий завтрак. За этим самым легким завтраком, состоявшим из кофе, тостов, трех сортов конфитюра, чая, четырех видов сладостей, не считая каких-то кексов или пирожных, похожих на плохо пропеченные ячменные лепешки, нам с Уилбером прислуживало пять человек. В конечном итоге те пятеро и доели все остатки трапезы, которых вполне хватило бы, чтобы накормить пятнадцать человек.

Мы выехали из дворца в совершенной темноте часов около семи. Я ехал с пашой и его личным телохранителем в «Роллс-Ройсе». Остальные следовали за нами в двух машинах вместе с сыном паши. Мы отправились через пустыню к подножию Атласных гор, от которых Маракеш отделяло добрых триста пятьдесят километров. В этих местах паша воевал еще будучи молодым человеком, и мне было весьма интересно слушать, как он рассказывает про битвы, в которых участвовал. Паша был бербером, и его предки правили этой территорией как независимые властители в течение трехсот лет. Никогда прежде я не встречал человека, в котором бы так явно

[1] Хула — национальный гавайский танец. — *Прим. пер.*

были видны наследственные таланты правителя. Превосходство его казалось столь очевидным, что ему даже не приходилось демонстрировать этого. Арабы, завидев его машину, кланялись и приветствовали пашу, вскидывая руку в римском салюте, почти так, как принято у фашистов. Когда я смотрел на него в профиль, он по временам казался мне египетской мумией.

Как паша сказал мне, арабы могли сражаться с берберами, только сидя в укрытиях, а поскольку в его молодые годы единственным оружием были кремневые ружья, существовал только один способ убивать арабов — мой спутник признался мне, что их на его счету несколько сотен, — выкуривать их из зданий, в которых они укрывались. Чтобы добиться этого, берберы по ночам пробирались к зданиям и подкладывали под них самодельные бомбы, сплетая фитили из нитей, выдранных из собственной одежды, и волос. Когда наступало утро и всходило солнце, они сообщали арабам приятную весть, что те сейчас взорвутся, если не выйдут из дома. Если те выходили, берберы расстреливали их — паша сделал соответствующие жесты, чтобы я лучше понял, как все происходило, — если же они оставались внутри, берберы взрывали стену, брали здание штурмом и вырезали защитников мечами. Он рассказал мне, как однажды с двумя взводами на протяжении четырех часов выдерживал атаки целой тысячи арабов.

Мы как раз проезжали то место, где происходило описываемое сражение. Как я понял, в тот раз арабы за стенами не отсиживались. Паше пришлось оставить один взвод под огнем противника, чтобы с другим, оседлав коней, ударить неприятелю во фланг. Как он сказал, схватка была отчаянной, так что почти никто из его людей не уцелел, но и арабы также погибли. Мой собеседник показал мне оливковую рощу, в которой тогда осталось так много мертвых арабов, что шакалы со всех окрестностей сбегались в нее, и всем им хватало пищи. Многие обжирались до того, что подыхали от своей жадности.

В этих землях растет миндаль — много-много прекрасных деревьев. Если смотреть на них сверху, они выглядят пропитанной росой паутиной. Когда подходишь ближе, они кажутся похожими на вишневые деревья, но только лучше, красивее, да к тому же их великое множество, а я никогда не видел, чтобы такое количество вишневых деревьев росло в одном месте. У арабов есть такой обычай: когда человек женится или когда отмечает день своего рождения, его друзья приходят, и каждый приносит с собой по пять зерен миндаля, который они сажают. Вот оттого-то тут так много этих деревьев.

Проехав двести километров, мы остановились отдохнуть под навесом, где встретили шестерых французских офицеров и где нам подали второй завтрак, состоявший из кексов, вина и кофе. Там мы видели немало вооруженных карабинами гумов; обычно у каждого из них по две лошади — на одной гум едет, а другую ведет в поводу.

Мне достался великолепный арабский жеребец, рослый и матерый, весивший по меньшей мере килограммов четыреста, а то и полтонны. Седло оказалось точной копией того, которое я купил в Сомюре в 1912 г. Паша ехал на крупном вороном муле, сидя в седле красного цвета, сильно напоминавшем корыто для мытья. Так верхами мы двигались в направлении гор около часа. Вдобавок к конным грумам нас сопровождало множество пеших слуг, которые несли ружья или же потащились за нами просто так, чтобы посмотреть на охоту. Мы шли легкой рысью, а эти люди ухитрялись поспевать за нами; босые, они без проблем бежали по острым камням, наступали на верблюжьи колючки — и хоть бы что!

Когда мы достигли места, паша сам расставил своих важных гостей по номерам, при этом мне, конечно, досталось лучшее место — то, что слева. Дальше от меня разместился Уилбер, а сам паша с полковниками Гэем и Уильямсом встал справа. Для каждого охотника приготовили нечто вроде импровизированного дота из срубленного кустарника высотой около метра. Ширина просеки для фронтального обзора составляла метров двенадцать.

Когда все заняли позиции, загонщики, которых набралось не меньше тысячи, подняли такой шум, что шакалы и лисы помчались как бешеные и только мелькали, так что, трижды выстрелив не целясь, я ни в одного из них не попал, точно так же как и остальные. Затем крупный кабан побежал прямо на пашу, который замешкался и с запозданием открыл огонь из своего «Маннлихера», паля без разбору и по кабану и по слугам, которые прыгали в стороны, не чая, как видно, остаться живыми. К счастью, никто не пострадал, включая и кабана.

Буквально в следующий момент невиданных мной прежде размеров черный как смоль кабан помчался по склону прямо на меня. Я всадил ему пулю в левый глаз буквально с семи–восьми метров, но он по инерции продолжал двигаться до тех пор, пока не оказался так близко, что даже забрызгал меня своей кровью. В общем, это была уже не охота, а нечто иное, потому что, если бы я не успел выстрелить или промахнулся бы, он, скорее всего, доставил бы мне немало острых ощущений — клыки у зверя были большие и острые, а бежал он прямо на меня.

В другого кабана паша попал, однако свалить зверя ему не удалось, и за раненым хряком устремилась толпа арабов. Все, у кого были ружья, высунулись из своих укрытий и, повернувшись, принялись палить по движущейся мишени. И на сей раз никто не пострадал, правда, если не считать кабана.

В процессе охоты мы все спустились ниже по склону метров на четыреста — пятьсот, и начался этап охоты, который здесь называют французским словом «контрбаттю», что означает: загонщики будут гнать дичь в обратном направлении. На сей раз я убил шакала, но в кабанов стрелять мне больше не довелось. Паша завалил

двух кабанов из своего «Маннлихера». В общем и целом все мы убили четырнадцать кабанов, пять шакалов, трех лисиц и двух кроликов.

Мы отправились обратно к навесу, где оставили наши машины, перекусили и получили приглашение от местного вождя на «диффу». Мы отправились в его селение, состоявшее из одного здания — такое же, как Карзазат, только меньших размеров, где жило всего три сотни человек. Все они пришли на двор, танцевали и пели без остановки все время, пока шла трапеза. Впрочем, продолжалась она недолго, часа полтора, не больше, поскольку к пяти мне надо было успеть на самолет.

Улетая вечером обратно в Касабланку, я был поражен сделанным мною открытием — землю внизу щедро усеивали такие же стоянки, как та, где мы останавливались, прежде чем пересесть на коней и отправиться на охоту. Они напоминали слепней, присосавшихся к телу коня. Численность их говорила о том, что в стране этой обитало чертовски много народа, и жили они тут так всегда, да так всегда и будут жить.

Мне все время чертовских хотелось посмотреть, как живет местный вождь-грабитель в таких вот диких местах, побывать у него дома, а заодно и поохотиться, не слишком подвергая себя опасности. Паша и мой кабан, который все же оказался самым крупным, удовлетворили оба моих желания.

Парад победы в Тунисе 20 мая 1943 г.[1]

ШТАБ-КВАРТИРА ПЕРВОГО
БРОНЕТАНКОВОГО КОРПУСА
20 мая 1943 г.

В ночь на 18-е число генерал Эйзенхауэр позвонил и попросил меня и генерала Брэдли присутствовать на параде, считая, по-видимому, что оба мы имеем некоторое отношение к одержанной победе.

Получив от генерала Кэннона Б-25, мы при попутном ветре, делая около четырехсот километров в час, прибыли в Тунис в 9.45 утра. Полет был особенно интересен нам вот чем: мы пролетали над теми местами, где вели сражение части генерала Брэдли. Под нами проплывали руины древнего Карфагена, вернее, участок земли, где им полагалось находиться, так как никаких руин Карфагена мы не увидели, хотя на карте они и были обозначены. Ошибки быть не могло — я узнал горы позади города, о которых прочитал в одной старинной книге. Они выглядели именно так, как я себе их представлял.

---

[1] События эти уже освещались в газетах и выпусках новостей. То, о чем я рассказываю, мои личные впечатления. — *Прим. авт.*

Тунис мы бомбили крайне разборчиво, потому получилось так, что береговую линию мы буквально сровняли с землей, в то время как многие кварталы города вообще не пострадали. На аэродромах было полным-полно разбитых немецких самолетов, счет им шел на сотни.

Когда мы добрались до плаца, нам стало известно, что туда только что прибыл генерал Эйзенхауэр. Мы поздоровались с главнокомандующим и поздравили его, однако он оказался так сильно занят, принимая французский и английский генералитет, что поговорить нам не удалось.

Вскоре прибыл генерал Жиро[1], которого бурно приветствовали все собравшиеся. После того как «святое семейство» расселось по автомобилям и медленно двинулось вперед, сопровождаемое эскортом английских бронемашин, мы с генералом Катру[2] последовали за ними. Французский, на котором говорил наш компаньон, отличался необычайной элегантностью и безупречной правильностью, так что беседовать с Катру было сплошным удовольствием.

Мы с Брэдли заняли места справа; на почетной трибуне оказалось множество французов — гражданских лиц и младших офицеров.

Прямо перед нами построилась французская колониальная пехота — чернокожие парни, хотя не думаю, чтобы они были сенегальцами. А напротив них вытянулись солдаты батальона одного из британских гвардейских полков, производившие весьма и весьма сильное впечатление своей выправкой и внешним видом вообще.

Рядом со мной слева находился французский священник с пурпурной лентой и огромным крестом с аметистом. Кем он был, я не знаю, однако у французов этот господин пользовался большой популярностью, потому что многие офицеры и нижние чины добивались его внимания: они подходили, здоровались с ним, называя его генералом. Думаю, он знал английский, так как, по всей видимости, понимал, о чем мы с Брэдли говорили.

И вот запели трубы и фанфары, грянул салют, который французы называют «пальбой радости». Тут чуть не случился конфуз, потому что многие люди, которым пришлось пережить не одну бомбежку, не сразу сообразили, что палят именно с радости, и это не очередной воздушный налет. Поняв, однако, что происходит, они успокоились.

---

[1] Генерал Анри Оноре Жиро (1879–1949) — один из лидеров Комитета национального освобождения Франции. В ноябре 1942 г. был направлен в Северную Африку, где стал главнокомандующим французскими силами, сражавшимися против немецких и итальянских войск. В период с июня по октябрь 1943 г. вместе с Шарлем де Голлем был сопредседателем Комитета национального освобождения Франции. Оставил пост из-за разногласий с де Голлем. — *Прим. пер.*

[2] Генерал Жорж Катру — помощник генерала де Голля в Африке.

Весь этот шум был вызван прибытием генералов Жиро и Эйзенхауэра. Их сопровождали адмирал сэр Эндрю Каннинхем[1], генерал сэр Гарольд Александер[2], генерал Андерсон[3], главный маршал авиации Тэддер, маршал авиации Коунинхем[4], мистер Макмиллан, официальное лицо и представитель правительства Британии[5], а также американец мистер Мэрфи[6]. Он и генерал Эйзенхауэр были единственными американцами среди «святого семейства».

С интересом я наблюдал за проходом шотландского оркестра — 42-го полка, если не ошибаюсь. Нельзя было не подивиться их слаженности — зрелище было великолепное.

После шотландцев настала очередь Французского иностранного легиона — парней в белых головных уборах и в мундирах с красными эполетами. Оркестр, возглавлявший шествие французского контингента, насчитывал, наверное, не меньше сотни инструментов.

Затем никак не меньше часа мимо нас маршировали принимавшие участие в сражениях французские части. Чего не отнять у французов, так это умения чеканить шаг на парадах; они настоящие мастера в этой области — идут так, что загляденье. Вообще в том, что касается строевой подготовки, французы молодцы, ничего не скажешь. Их контингент состоял из белых, собственно французских частей, подразделений французских сенегальцев, гумов и иностранного легиона. Последние особенно впечатляли. Выправка идеальная, а эти усы! Кстати, усы — рыжие, пшеничные, но никак не черные — и выдавали то, что эти ребята вовсе не французы. Насколько я понимаю, иностранный легион комплектуется преимущественно из немцев и шведов. Ничего не скажешь — выглядели парни просто превосходно.

Но вот что меня забавляло в том шествии — вооружение всех этих бравых молодцов было бы уместно в 1914 г., но никак не в наши дни. Впрочем, теперь французам ничего не стоит переоснастить свои части оружием, которое мы поставляем им по ленд-лизу. Так или иначе, единственным в полном смысле этого слова современным вооружением, имевшимся в их распоряжении во время недавних боевых действий, было некоторое количество автоматов Томпсона и базук.

---

[1] Командующий морскими силами Британии в Средиземноморье.

[2] Командующий британской 18-й группой армий, состоявшей из Первой и Восьмой британских армий.

[3] Генерал-майор А. Н. Андерсон — командующий Первой британской армией в Тунисе.

[4] Вице-маршал авиации Артур Коунинхем.

[5] Представитель министерства иностранных дел Соединенного Королевства в Алжире.

[6] Советник по политическим вопросам и делам гражданского населения при генерале Эйзенхауэре.

У каждого французского полка имелся свой триколор, на полотнище которого были особые надписи, рассказывавшие о заслугах данного подразделения. Марширующие почти не опускали рук, практически все время салютуя зрителям на трибунах. Когда прошли французы, на плац вышел батальон 34-й пехотной дивизии.

В смысле физической формы наши парни тоже смотрелись молодцами — все рослые, широкоплечие, хорошо вымуштрованные, — однако у них не было не то что знамени, даже и ротных флажков. Командиры маршировали справа от замыкающих строй первой роты.

Несмотря на свой вид, наши ребята не смогли показаться на параде должным образом. Думаю, мы еще не научились гордиться тем, что мы солдаты, и такую гордость нам в себе надлежит развивать.

За американцами следовал контингент британцев, собранный из представителей всех подразделений Первой армии; каждую из групп возглавлял командир дивизии или корпуса. По настоящему крупными ребятами можно назвать только гвардейцев, прочие же были куда мельче. Все носили шорты, за исключением гурков, самых низкорослых солдат британской армии, вооруженных кроме винтовок со штыками еще и огромными ножами, похожими на филиппинские боло[1].

Британцы тоже в совершенстве познали искусство парадной маршировки и на плацу показали себя прекрасно. В их колоннах мне хотелось бы особо выделить одного старшину, который, на мой взгляд, заслужил того, чтобы быть увековеченным на живописном полотне. Он олицетворял собой все лучшее, что присуще старшинско-сержантскому составу британской армии, и, вне сомнения, прекрасно сознавал это. Я никогда раньше не видел человека, столь глубоко преисполненного чувства собственного достоинства.

За британской пехотой следовали американские танки с британскими экипажами на борту, потом собственно британские танки, а затем полевая артиллерия.

В общем и целом весь парад продлился два с половиной часа. Когда он завершился, около тридцати из нас получили приглашение на обед, который давал в резиденции французского губернатора генерал Жиро. Прием был сугубо официальным, но тостов не произносили. Как только обед закончился, большинству из нас пришлось срочно откланяться, чтобы до темноты успеть к местам дислокации наших подразделений.

Надеюсь, что этот парад — первый в ряду многих будущих триумфов, которые мне доведется праздновать.

Так уж вышло, что обратно мы снова летели при попутном вет-

---

[1] Боло — длинный тяжелый нож с односторонней заточкой, используемый филиппинцами для срезания овощей, а также в качестве оружия. — *Прим. пер.*

ре, дувшем со скоростью километров пятьдесят в час. В результате этого мы прилетели на полчаса раньше, чем рассчитывали.

За обедом в Танжере я встретил своего друга генерала Бриггса, командовавшего 1-й британской бронетанковой дивизией, и, воспользовавшись случаем, познакомил его с генералом Хармоном, командовавшим 1-й бронетанковой дивизией в нашей армии. У них нашлось много общего и было чем похвастаться друг перед другом.

Генерал Жиро сразу меня узнал и рассыпался в комплиментах. Жиро производил впечатление, на мой взгляд, он чем-то напоминал Верцингеторига[1] на современный лад.

Кое-что об арабах

КАСАБЛАНКА
9 июня 1943 г.

Мне понадобилось немало времени, чтобы понять, сколь многое может почерпнуть от арабов тот, кто интересуется средневековой историей.

В наших глазах, глазах детей цивилизации двигателей внутреннего сгорания, дороги — это асфальтовые магистрали, а уж, в крайнем случае, укатанная тысячами колес проселочная колея. В любом случае, дорога — нечто определенное и понятное для нас. Вместе с тем дороги, или, может быть, правильнее сказать пути, существовали с незапамятных времен, задолго до потрясшего мир изобретения колеса. Вот по таким-то дорогам, или путям, путешествовали наши предки пешком, ступая по ним босыми или обутыми в сандалии ногами, как делают арабы и по сей день.

Если смотреть на землю сверху, можно заметить множество мелких дорожек, некоторые из которых, словно ручейки или маленькие речки, впадают в более крупные артерии. Происходит это обычно, когда местность труднопроходима. Тут уж все отдельные дорожки сливаются в одну, однако как только тяжелый участок остается позади, единая дорога превращается в набор отдельных дорожек, протоптанных одна вдоль другой, при этом расстояние от одного края такой своеобразной магистрали до другого может достигать когда шести, а когда и двенадцати метров. Нигде вы не найдете следа, оставленного колесом машины или подковой, потому что у арабов нет машин, а лошадей своих они не подковывают.

В безводных регионах дороги прямые, но не в сугубо утилитарном американском смысле, а в другом. Для араба главное — добраться прямым, а значит, самым коротким путем от одного оазиса

[1] Верцингеториг (умер в 46 г. до н. э.) — вождь галльского племени арвернов, мощное восстание которых против римского владычества было подавлено Гаем Юлием Цезарем. — *Прим. пер.*

до другого. Такие дороги напоминают просохший след улитки на тротуаре.

В прибрежных регионах, где большое влияние на жизнь населения оказывают дожди, дороги выглядят иначе. Основные магистрали, точно так же как индейские и буйволовы тропы у нас на Западе, идут вдоль горных хребтов — ведь американские пионеры, прокладывая свои дороги, придерживались правил, которые диктовались особенностями гористой местности. Проложенные по возвышенностям, дороги замыкаются в единую цепь с дорогами на равнинах, но последние становятся непроходимыми, когда наступает дождливый сезон.

В лесах дороги еще более извилистые, поскольку прокладывавшие их люди были лишены обзора, так что главным критерием являлось общее направление, которого и придерживались первопроходцы.

Не нужно иметь слишком развитое воображение, чтобы, глядя на араба на белом жеребце и едущих на покорных осликах мужчин и женщин, представить себе кентерберийских паломников, тогда как пешеход с кинжалом на поясе, опирающийся на длинный посох, может вдруг запросто показаться братом Туком, Маленьким Джоном или Робином Гудом. Сходство не только во внешнем облике — например, в бородах, в одежде, исключая, конечно, тюрбаны — в запущенности, но еще, наверное, и в особой морали. И, кроме того, они любят говорить — они всегда много говорят. Впрочем, иных источников информации у них не существует. Лишь очень немногие умеют читать, да и читать-то им в общем-то нечего, поскольку книги, газеты и журналы практически отсутствуют, как нет и радио — словом, не густо у них с развлечениями. Есть лишь одно живое слово, которое поистине обретает крылья, покрывая в день от полусотни до ста километров, в чем мы имели возможность убедиться во время кампании в Тунисе, когда пытались понять, каким образом слухи о тех или иных событиях доходят до нас, едва ли не опережая сами эти события.

Сбрасывать со счетов этот источник информации мы не могли. Конечно, часто слухи так и оказывались слухами — не все из них получали прямое подтверждение, однако частенько именно таким образом мы получали сведения даже в менее искаженном виде, чем те, что приходили к нам по радиоволнам. В слухах танки часто путались с грузовиками, а грузовики с танками, численность же всегда завышалась в астрономических пропорциях, что конечно же естественно. Однажды я спросил фермера в Виргинии, сколько солдат прошло по дороге мимо его фермы. Он задумался, а потом ответил: «Ну не знаю, сэр. Не знаю, но думаю, не меньше миллиона». А человек этот, заметьте, не только умел читать и писать, но даже слушал радио.

В течение длительного времени мне не давала покоя одна и та же группа арабов, которых я видел постоянно сидевшими прямо на

земле в пыли и грязи — как они умудрялись не схватить простатит, уму непостижимо! Они все время шептались, а я думал: что же они тут делают, о чем шепчутся? Пока один солдат не объяснил мне, бросив довольно меткую реплику: «Наши друзья слушают сводку утренних новостей».

У арабов сельскохозяйственные традиции глубокой древности живут бок о бок с явлениями, присущими современности. Рядом с сеялками и уборочными комбайнами можно видеть Руфь и Ноеминь — множество Руфей и Ноеминей[1] — с серпами в руках, бережно связывающих в снопы каждый сжатый колосок. Но даже когда арабы используют современную технику, влияние их обычаев все равно чувствуется. Как никуда не деться им от своих протоптанных, заменяющих дороги тропок, так и не додуматься до общей упряжки для нескольких животных в ряд. Вследствие этого плуг или уборочную машину приводят в движение не пара волов или коней, идущих бок о бок друг с другом, а четыре лошади, построенные цугом, при этом каждую погоняет отдельный человек, в то время как один или чаще двое оперируют плугом или жаткой. Как в библейские времена, на поле выходят люди, подбирающие колоски, которые пропускают жнецы.

Обмолот производится прямо на земле, с помощью лошадей, которые ходят по кругу, роняя по пути навоз. Иногда животные просто идут, ступая копытами по колоскам, иногда тащат за собой валёк. После того как данная операция завершается, мужчины, вооруженные длинными деревянными трезубцами, подбрасывают вверх зерно вместе с соломой, которую относит ветер. Наконец женщины с широкими корзинами принимаются подкидывать в воздух оставшееся зерно со всем, что примешалось к нему в процессе обработки. В ходе веяния — последнего этапа сей варварской процедуры — они избавляются от большей части примесей и грязи.

Традиции и народные обряды грубы, непритязательны и по меньшей мере странны для цивилизованного человека. Во многих местах, часто на вершинах холмов, можно встретить небольшие прямоугольные здания с куполообразными крышами. В таких строениях обычно помещаются останки людей, считающихся в народе святыми. Однако места упокоения марабутов[2] не есть церкви ли святилища, это всего лишь гробницы; существует обычай хоронить рядом с ними мертвецов без каких-либо надгробий или иных

---

[1] Ветхозаветные персонажи. Ноеминь — жена Елемелеха вифлеемлянина, Руфь — жена, а потом вдова одного из сыновей Елемелеха и Ноеминь. Впоследствии через свой второй брак Руфь стала прабабкой царя Давида. — *Прим. пер.*

[2] Марабут — мусульманский отшельник. Так же называется надгробье на могиле марабута. — *Прим. пер.*

опознавательных знаков. В результате наши люди, которые просто подходили к гробницам святых, невольно оказывались в роли тех, кто ступает по костям умерших, что вызывало недовольство.

Могилы видны только сверху, с воздуха. Видно, как они во множестве окружают марабут, а иногда просто занимают один склон холма, на котором располагается надгробье. Случись наводнение, могилы не затопит, а арабы, думается, боятся воды после смерти ничуть не меньше, чем в жизни.

Как-то мне довелось наблюдать похороны, поразившие меня своей грубой простотой и непритязательностью. В первой телеге сидели несколько стариков, а в ногах у них лежал завернутый в белую материю мальчик. Хвост этой материи развевался на ветру за подводой. Позади тянулись другие телеги, за ними следовала четырехколесная повозка, ехали велосипедисты, шли пешком мужчины и женщины, всего человек, наверное, тридцать.

Влияние, оказанное арабами на Испанию и Латинскую Америку, неоспоримо и особенно ощущается с приближением жаркого лета. Регулярные появления сомбреро из разноцветной соломы сродни эпидемиям. Это — такие же сомбреро, какие мы видим у нас в Штатах, с единственной разницей, заключающейся в том, что, поскольку здесь население надевает их поверх тюрбанов, они делаются значительно более широкими.

Я нигде так и не услышал убедительной версии истории происхождения тюрбанов. Та, согласно которой они незаменимы и одни лишь могут предохранять человека от лучей тропического солнца, меня не устраивает, поскольку часто, особенно у солдат, тюрбаном служит кусок материи, обмотанный вокруг головы, макушка которой при этом остается открытой.

Еще одной чертой, являющейся общей для арабов и мексиканцев, можно назвать их бессердечное отношение к животным. Ни арабу, ни мексиканцу не придет в голову разгрузить багаж со спины вьючного животного во время длительной остановки. Если животное поранится, араб и не почешется намазать рану лярдом[1], что является настоящей панацеей у мексиканцев, вместо этого он помолится Аллаху, чтобы рана зажила. Даже если лошадь охромеет, это все равно не освободит ее от работы.

Вся скотина арабов очень пуглива и часто слепа, потому что у этого народа существует веселенький обычай бить животных палкой по голове.

Способ, которым кастрируют баранов, неописуемо жесток. Полагаю, что причина, по которой арабы не проводят подобных операций над конями и ослами, состоит в том, что строение их органов не позволяет использовать те же методы кастрации, что применяются в случае с баранами.

---

[1] Топленое свиное сало. — *Прим. пер.*

Конечно, я не мог не задавать себе вопроса: «А если бы арабы были христианами?» Лично для меня совершенно очевидно, что фаталистическое учение Мухаммеда и униженное положение женщин — главная причина отставания этого народа в развитии. Он практически остался таким же, каким был в VII веке, в то время как мы ушли далеко вперед. Думается, эта мысль могла бы лечь в основу убедительной проповеди в защиту преимуществ христианства.

Церемония, проведенная в штаб-квартире 1-го бронетанкового корпуса

19 июня 1943 г.

Полковник Шовен довел до моего сведения, что он хотел бы принять меня и двух других офицеров из числа названных мной участников Тунисской кампании на условиях почетного членства во 2-й полк алжирских стрелков, а также в фуражиры Почетного легиона.

Я назвал генералов Брэдли и Гэффи[1] и попросил, если будет возможно, оказать такую же честь посмертно майору Р. Н. Дженсону[2], в чем мне не было отказано.

Церемония проходила следующим образом. В 4.35 после полудня 1-я рота 1-го батальона 2-го полка алжирских стрелков промаршировала со своим оркестром под французским знаменем во двор здания, где располагалась наша штаб-квартира. Там уже находился один из наших пехотных взводов и оркестр 36-го инженерного полка.

Когда французы заняли свое место, наш взвод встал по стойке смирно, а оркестр сыграл в честь их знамени «Равнение на трехцветный флаг».

Затем полковник Шовен вместе с генералами Брэдли, Гэффи и мной произвел смотр французской роты. Когда мы дошли до знамени, на левой стороне строя, французский оркестр заиграл «Марсельезу». Когда отзвучала мелодия, полковник Шовен вместе с начальником штаба полка майором Жеррье встали перед нами и Шовен громко произнес: «Генерал-лейтенант Дж. С. Паттон-младший отныне становится почетным членом 2-го полка алжирских стрелков и фуражиром «Почетного легиона». Затем повторил все то же самое в отношении Брэдли и Гэффи.

Затем он продолжал: «Майор Р. Н. Дженсон, павший на поле брани 1 апреля 1943 г., отныне становится почетным членом 2-го полка алжирских стрелков и фуражиром Почетного легиона».

Затем полковник Шовен встал справа от меня, а оркестр сыграл зорю, при этом флаг был приспущен, а затем наши музыканты ис-

[1] Бригадный генерал, позднее генерал-майор Хью Дж. Гэффи, в то время командовавший 2-й бронетанковой дивизией.

[2] Адъютант генерала Паттона, погибший во время боев в Тунисе.

полнили сначала «Марсельезу», а затем «Звездно-полосатый флаг». На сем церемония завершилась.

Почетный караул у французского знамени несли лейтенант Бийяр, в руках которого находился флаг, и четверо стрелков. Каждый из этих четверых имел на груди Военную медаль — самую высокую награду, которую получают французские солдаты и которую весьма редко вручают как рядовым и сержантам, так и офицерам. Лейтенант был кавалером Большого креста ордена Почетного легиона[1], кавалером Круа-де-Герр (Военного креста) с пальмовыми ветвями[2].

Офицерами роты были только французы, а солдатами — только берберы, чья выправка заслуживала всяческих похвал.

Я все еще никак не перестану удивляться метаморфозе, которая происходит, когда бербер снимает свою национальную одежду — «банный халат» — и облачается в нормальную военную форму. В форме берберы смотрятся куда лучше.

ОПЕРАЦИЯ «ХАСКИ»

После создания Пятой армии от Западной оперативной группы войск, штаб которой разработал план вторжения в Сицилию, остался только первый бронетанковый корпус. Штаб корпуса усилили новыми кадрами и в рамках операции преобразовали в штаб Седьмой армии Соединенных Штатов.

Наземные силы союзников, включавшие в себя Восьмую британскую армию фельдмаршала Монтгомери и Седьмую армию Соединенных Штатов генерала Паттона, находились под верховным командованием генерала сэра Гарольда Александера. Действиями военно-морских сил Британии и США руководил сэр Эндрю Каннингхем, а военно-воздушными — главный маршал авиации сэр Артур Теддер.

Высадка наземных подразделений в Сицилии была осуществлена 10 июля 1943 г.[3], при этом Восьмая армия Британии осуществляла вторжение на юго-восточном направлении, а Седьмая армия США — на юго-западном.

---

[1] Орден Почетного легиона, учрежденный Наполеоном Бонапартом 19 мая 1802 г. как военный и гражданский орден за заслуги. Существует пять категорий ордена: Большой крест (не свыше 80 кавалеров), Большой Офицерский (200), Командорский (1000), Офицерский (4000) и Рыцарский (неограниченное число кавалеров). — *Прим. пер.*

[2] Военный крест присуждается за храбрость. Бронзовая пальмовая ветвь вместе с крестом вручается за совершенные подвиги. — *Прим. пер.*

[3] Когда генерал Паттон отдыхал, лежа в кровати в ночь накануне высадки на Сицилии, он слышал разговор двух бойцов под окном.

Подразделения 7-го пехотного полка 3-й дивизии под командованием полковника Х. Б. Шермана вступили в Мессину в ночь 16 августа. Утром 17-го город заняла армия генерала Паттона, что означало: Сицилия пала. Кампания продлилась тридцать восемь дней.

P.D.H.

Вторжение на Сицилию

11 июля 1943 г.

В 09.00 мы с генералом Гэем, капитаном Стиллером в сопровождении нескольких солдат отчалили от «Монровии» на адмиральском баркасе и уже в 09.30 достигли берега в районе Джелы.

Стоя на берегу, я заметил две выведенные из строя противопехотными минами даквы[1] и еще семь севших на мель легких десантных судов. Пока я обозревал потерпевшие бедствие суда, неприятель открыл огонь из орудий; сказать точно, из каких именно, не могу, но, похоже, из 88- или 105-миллиметровых пушек. Снаряды ложились метрах в тридцати от берега, но попасть в него не могли — мешали городские укрепления.

После того как спустили на берег разведывательную машину, я собрался отправиться в штаб-квартиру 1-й дивизии, расположенную километрах в пяти на юго-восток по тянувшейся вдоль берега дороге. Слева при въезде в Джелу мы увидели знамя рейнджеров[2] и решили заскочить к их командиру подполковнику У. О. Дэрби. Мысль эта оказалась крайней удачной и, можно сказать, спасительной для нас, поскольку, вздумай мы поехать дальше, мы бы нос к носу столкнулись с семью немецкими танками, наступавшими по дороге на город.

Едва мы прибыли на командный пункт десантников подполковника Дэрби, город был атакован с северо-востока довольно крупными силами итальянцев и немцев. В распоряжении Дэрби находилась батарея вражеских орудий, рота 3-го батальона 26-го пехотного полка, два батальона десантников, рота химических минометов и батальон 39-го инженерного.

На правом фланге Дэрби был отрезан от 1-й дивизии приблизившимися справа к городу на расстояние девятисот метров танками.

— Знаешь, — сказал один из них, — завтра, когда мы начнем высадку, первое, что узнаем, это то, что морская пехота уже на Сицилии.

Беатрис Эйер Паттон.

[1] DUKW — десантный тягач, повсеместно называвшийся «дак» (Duck — утка). Впервые появился в 1942 г. — *Прим. пер.*

[2] Рейнджеры в вооруженных силах США — солдаты мобильных подразделений, специально подготовленные для осуществления быстрых и внезапных рейдов на вражескую территорию. — *Прим. пер.*

Мы отправились на наблюдательный пункт, расположенный на расстоянии метров ста от линии фронта. Оттуда мы могли видеть неприятеля, двигавшегося через поле метрах в семистах — восьмистах от нас.

Перекрыть дорогу Дэрби отправил три полугусеничных машины, предназначенных не для боевых действий, а для перевозки шанцевого инструмента и другого инженерного оборудования. Тем не менее вездеходы мешали наступлению итальянцев, у которых, как мы поняли, не было передвижной артиллерии.

К 11.50 наступление итальянцев, похоже, стало выдыхаться, и мы отправились в штаб Дэрби, чтобы разобраться с тем, что делается на правом фланге, — происходившее с той стороны можно было наблюдать из Джелы.

Через некоторое время два легких бомбардировщика сбросили бомбы на город, а потом немцы открыли огонь из 88-миллиметровых орудий. Дважды они попали в дом, где мы располагались, а также оставили пробоину в крыше здания напротив, однако никто из нас не пострадал — досталось мирным жителям. В жизни не слыхал такого крика — они вопили так, что заглушали звуки боя.

Тем временем офицер 3-й дивизии привел на помощь нам десять танков, совершив короткий маршбросок из Ликаты[1] в Джелу. Также подтянулись два танка из штурмовой бригады «Б»[2].

Я велел Гэффи закрыть дыру между Джелой и позициями 1-й дивизии, а также послать роту танков в помощь Дэрби, что и было исполнено. Получив подкрепление, Дэрби немедленно атаковал противника слева от себя и, рассеяв его, захватил пятьсот пленных. Силами других наших частей были уничтожены те самые семь танков, что угрожали позициям с востока от Джелы.

Несколько позже прибыл офицер с донесением о положении дел в 3-й дивизии, затем приехал генерал Рузвельт[3], и мы обсудили с ним просчеты в действиях 1-й дивизии, помешавшие ей развить наступление прошлой ночью. Главная причина, как представлялось мне, заключалась в том, что дивизия двинулась вперед, не имея в своем составе противотанковых орудий, а также не проведя соответствующей артподготовки. И все же, контратакованный немецкими танками, личный состав дивизии проявил себя с лучшей стороны, уничтожив немалое количество единиц вражеской бронетехники.

На наш счет сегодня, как я думаю, можно записать четырнадцать подбитых танков противника. Сам я лично видел одиннадцать.

---

[1] 3-я дивизия и штурмовая бригада (иначе боевое командование) «А» 2-й бронетанковой дивизии высадились в Ликате.

[2] Штурмовая бригада (иначе боевое командование) «В» 2-й бронетанковой дивизии высадилась в Джеле через сутки после начала операции.

[3] Бригадный генерал Теодор Рузвельт — заместитель командира дивизии.

Позднее я подумал, что надо бы встретиться с генералами Алленом[1] и Гэффи. Когда мы ехали к ним, то по дороге повстречали Аллена и, сделав остановку, примерно в 15.30 поднялись на пригорок. Как раз в это время появилась группа из четырнадцати немецких бомбардировщиков, которые были встречены дружным огнем наших зенитчиков. И хотя мы ушли с дороги, все равно оставались на линии атаки германских самолетов, так что осколки зенитных снарядов так и летали над нашими головами. Один такой осколок упал на землю всего метрах в пяти или, может быть, семи от нас с генералом Гэем. В результате действий зенитчиков были сбиты два бомбардировщика и один истребитель сопровождения.

Затем мы сели в машины и отправились в штаб-квартиру 2-й бронетанковой дивизии. Пока мы находились там, немцы пытались достать нас орудийным огнем. Однако стреляли они не очень-то метко, вероятно, целиться мешала гора, поэтому все их снаряды летели «за молоком». Было решено, что утром Аллен и Гэффи возьмут летное поле в Понте-Оливо.

После совещания мы поехали обратно в Джелу и добрались туда без каких-либо происшествий. И все же, думается мне, странная то была поездка, по крайней мере необычная. Редко когда командующий армией и его начштаба без охраны разъезжают вдоль линии фронта на одинаковом расстоянии от своих и вражеских войск. Но те десять километров пути мы, как я уже сказал, миновали благополучно.

Когда мы ехали обратно в Джелу, вдали виднелось море, над которым поднимался шлейф черного дыма от разбомбленного немцами полчаса назад сухогруза «Либерти». Роковое попадание произошло прямо на наших глазах: взрыв был такой, что обломки взлетели в небо на высоту не менее четверти километра, вспыхнул огонь, раздался гром, и судно развалилось на две половинки. Сейчас, по прошествии почти шести часов, когда я пишу эти строки, корма до сих пор держится на плаву. Если не все, то большинство находившегося на борту личного состава — сто пятнадцать человек — не пострадало. Их благополучно эвакуировали с взорванного корабля.

Пока на берегу возле Джелы мы дожидались баркаса с «Монровии», чтобы вновь подняться на ее борт, я наблюдал за несколькими нашими ребятами, занимавшимися довольно глупым делом. Они окапывались, что само по себе вещь, может, и нужная, но только не тогда, когда это делают около складированных прямо на берегу пятьсотфунтовых бомб (227 кг) и семи тонн артиллерийских снарядов большой взрывной мощности. «Парни, — сказал я им, — если вы хотите, чтобы армия сэкономила средства на ваши похороны, то продолжайте и дальше в таком же духе. Если же вам охота дожить до победы, ройте окопы в другом месте».

---

[1] Генерал-майор Терри де ля М. Эллен — командир 1-й дивизии.

Как раз в тот момент прилетели два вражеских самолета и с бреющего полета взрыли берег бомбами и снарядами. Ребята наши попрыгали в свои окопы, я же прошелся туда-сюда, а когда самолеты улетели и солдаты вылезли из укрытий, пристыдил их за трусость.

На «Монровию» мы вернулись только в 19.00 промокшими до нитки. Сегодня первый день кампании, и я полагаю, что оправдал доверие народа.

18 июля 1943 г.

После успешного начала наступления и первых побед, одержанных на берегу 10-го числа, мы, опережая по срокам принятый к действию план, продолжали продвигаться вперед. Получилось так потому, что, заставив неприятеля отступать, мы не могли остановиться и гнали врага, наступая ему на пятки.

А бегство противника оказалось столь поспешным по той причине, что итальянцы и немцы потратили огромные силы, средства и массу времени на обустройство оборонительных рубежей. Думается, здесь происходило то же самое, что и в случае с Троей и с возведенными римлянами в Европе стенами. Чем выше поднимались стены, чем неприступнее становились башни, тем слабее делался боевой дух защитников, разучившихся полагаться на собственные силы в открытом бою. Если бы они потратили хотя бы треть сил, ушедших на строительство, на войну с нами, едва ли бы мы так быстро овладели ситуацией на острове.

Хотя, с другой стороны, нельзя не признать, что итальянцы — в большинстве своем северяне — дрались отчаянно. Немцы же, если сравнивать их с теми частями, с которыми мы сражались в Тунисе, оказались послабее. Не то чтобы им не хватало храбрости, нет, такого не скажу, но вот рассудительности явно недоставало — особенно командирам танковых частей.

Количество пленных солдат и офицеров, захваченных орудий и другой техники красноречивее любых слов показывает, сколь успешны были наши действия. Не хотелось бы делать сравнения, но, полагаю, за все это время Восьмая армия захватила в плен едва ли больше пяти тысяч солдат противника.

Противник минирует тела своих погибших, стреляет нам в спину и использует пули дум-дум[1]. В результате подобных действий у нас растет число убитых и раненых, но все же неприятель несет куда большие потери.

После сражения к югу от аэродрома Бискари, где шли особенно жаркие бои, погибших было столько, что, когда я ехал по доро-

---

[1] Пули дум-дум при попадании в тело распадаются на фрагменты. При поражении такими пулями человек зачастую погибает, даже если на вид рана кажется неопасной. — *Прим. пер.*

ге, запах разлагавшихся тел преследовал меня на протяжении десяти километров.

В нескольких случаях немцы минировали итальянцам пути отступления, так что те подрывались, когда обращались в бегство, что, разумеется, не добавляло итальянцам любви к их союзникам.

У нас отмечались случаи проявления подлинного героизма. Так, 10-го числа итальянским танкам удалось прорваться в Джелу, где подполковник Дэрби держал оборону с двумя батальонами рейнджеров. Дэрби сам начал стрелять из ручного пулемета по одному из танков, однако, видя, что пули не причиняют машине никакого вреда, он под огнем трех танков поспешил на берег, где взял 37-миллиметровую скорострельную пушку. Поскольку она оказалась незаряженной, подполковник топором разрубил ящик с патронами, зарядил орудие и, вернувшись, занял позицию менее чем в ста метрах от танка. Тот шел прямо на Дэрби. Только со второго залпа ему удалось подбить машину, но экипаж не выходил, и Дэрби, подкравшись поближе, бросил термитную гранату, которая сделала из итальянцев жаркое.

На следующий день этот офицер получил назначение возглавить полк и был повышен в звании, однако отказался от предложенной чести, чтобы остаться со своими ребятами, которых сам обучал. В тот же самый день генерал Ведемейер[1] попросил разжаловать его в полковники, чтобы он тоже мог командовать полком. Я нахожу и тот и другой пример достойными подражания.

Во время высадки один артиллерийский лейтенант поднял в воздух свой Пайпер-Каб[2] прямо с десантного судна, использовав в качестве взлетной дорожки металлическую сетку длиной пятнадцать метров. Весь день он летал над городом, подвергаясь обстрелу неприятеля, и самолет его был весь изрешечен снарядами. Несмотря на это, офицер продолжал корректировать действия 3-й дивизии, сообщая необходимую информацию ее командиру.

Морской офицер, управлявший шестидесятиметровым LCT[3], увидел, что у берега слишком мелко, чтобы он мог развернуться кормой и произвести нормальную высадку десанта. Тогда он направил судно вперед и с разгона выскочил на берег. Оказавшись

---

[1] Бригадный генерал Алберт С. Ведемейер.

[2] Piper Cub (Пайпер-Каб) — Пайпер L-4 «Грассхупер» (кузнечик) — легкий двухместный самолет (максимальный полетный вес 553 кг), оснащенный 48-квт (65-сильн.) двигателем, развивающий максимальную скорость 137 км/ч. Из-за низкой посадочной скорости (32 км/ч) машина могла взлетать и приземляться на самых крошечных площадках. — *Прим. пер.*

[3] LCT — среднее десантное судно водоизмещением 4000 т, способное нести 150 человек, а также необходимое снаряжение со скоростью 10 узлов. — *Прим. пер.*

там, офицер открыл огонь из 20-миллиметровой пушки по вражеским пулеметам и заставил их умолкнуть, благодаря чему солдаты смогли спокойно осуществить высадку.

Огневая поддержка флота — я имею в виду обстрелы укрепившегося на берегу неприятеля с моря — заслуживает всяческих похвал. Мы обращались за помощью к морякам даже ночью, и не было случая, чтобы они не поразили цель уже третьим залпом корабельной артиллерии.

Я никогда не встречал столь забытых Богом, столько несчастных людей, как народ этой страны. Как-то я находился в городе, а неприятель так внезапно атаковал, что чуть не овладел им. При этом снаряды и бомбы убили нескольких мирных жителей, а все прочие подняли жуткий вой, точно койоты, и выли, наверное, минут двадцать кряду.

С животными здесь обращаются хорошо, заботятся о них, потому скот тут крупнее и упитаннее, чем у арабов. Со всем остальным дела здесь обстоят гораздо хуже, чем даже в Северной Африке.

Повозки у сицилийцев весьма специфические. Они похожи на ящик, в углах и по бокам которого имеются стойки. Панели, соединяющие стойки, размалеваны какими-то рисунками. Между днищем ящика и ходовой частью расположены причудливо вырезанные рамы — такими орнаментами украшали у нас крылечки домов году этак в 1880-м.

Оглобли выступают вперед от хомута сантиметров на шестьдесят, а у многих лошадей имеются плюмажи, прикрепленные к сбруе в районе макушки.

Первые два-три дня, когда бои идут в предместьях того или иного города, население, мягко говоря, не проявляет к нам дружелюбия, но, уразумев, что бьем мы только немцев и итальянцев, быстро американизируется и, освоившись, употребляет всю свою кипучую энергию на выклянчивание сигарет.

Взятие Палермо

23 июля 1943 г.

Во второй половине дня 21-го числа мы закрепились на позиции к северо-востоку от Кастельветрано, чтобы оттуда бросить в атаку 2-ю бронетанковую дивизию[1], которую прежде держали ближе к центру острова, чтобы неприятель не знал, куда ее в конечном итоге направят.

Выдвижение на позиции началось в 16.00, и с наступлением темноты мы прочно заняли их. Наутро наши войска неудержимо двинулись вперед.

[1] Под командованием генерал-майора Хью Дж. Гэффи.

Первоочередной задачей являлся прорыв фронта, что и было достигнуто силами 41-го пехотного полка[1] при поддержке батальона средних танков 66-го полка[2]. Противник начал откатываться, и с этого момента главным тактическим приемом стали массированные танковые атаки в тех местах, где враг еще продолжал оказывать наиболее упорное сопротивление.

В какой-то момент 75-миллиметровая гаубица, установленная на полугусеничной бронемашине, вступила в схватку с 105-миллиметровым немецким орудием на дистанции менее чем полкилометра и уничтожила неприятеля. Действия экипажа и расчета были настолько же героическими, насколько Фортуна оказалась благосклонна к ним в тот день.

Последнюю остановку мы сделали в горах к юго-западу от Палермо, который оказался крепким орешком, но был в конечном итоге расколот с помощью артиллерии и танков.

Немцы устраивали для нашей техники ловушки, подобных которым я прежде не встречал. На правой стороне дороги они выкапывали ямы длиной шесть и глубиной три метра, накрывали их металлической сеткой, посыпали сверху землей и пылью, так что внешне поверхность этого участка дороги ничем не отличалась от других. Затем метров через десять такую же ловушку строили уже на левой стороне. Чтобы в яму не угодила какая-нибудь дичь помельче, перед ловушками ставили проволочные заграждения, рассчитывая, что танки с такими помехами считаться не будут. Однако мы в их ловушки не попались. В иных местах они выкапывали ямы шесть метров в ширину и пять в глубину на протяжении участка в несколько километров, но мы следили за дорогой, и потому никакого вреда нам эти ловушки не принесли.

Я проехал через колонны наших танков на машине, встретив очень теплый прием со стороны личного состава 2-й бронетанковой дивизии. Похоже, многие знали меня лично: танкисты при моем приближении отдавали честь, а потом долго махали мне вслед.

Когда мы приблизились к городу, уже стемнело, так что я захватил с собой в качестве проводника начальника штаба дивизии полковника Р. Ф. Перри. Он уверял меня, что город наш, и мы решили поехать и проверить.

Когда мы подъехали ближе, то увидели, что холмы по ту и другую сторону города объяты пламенем. Мы двинулись вниз по проложенной по склону скалы длинной дороге, проходившей по деревне, жители которой выходили на обочину и кричали: «Долой Муссолини!», «Да здравствует Америка!».

---

[1] Под командованием полковника, а позднее бригадного генерала С. Р. Хиндса.

[2] Под командованием полковника, а позднее бригадного генерала Дж. Х. Дж. Кольера.

Когда мы очутились в городе, там происходило то же самое. Тех, кто успел въехать в Палермо до темноты, как, скажем, генерал Кейз[1], забрасывали цветами, кидали им лимоны и арбузы, причем в таком количестве, что солдаты едва успевали ловить их, чтобы не быть покалеченными гостеприимными сицилийцами.

Губернатор успел сбежать, зато мы взяли в плен двух генералов, которые заявили, что счастливы сдаться в плен нам, потому что местные жители не люди, а настоящее зверье. Количество пленных в тот день дошло до десяти тысяч. Утром 23-го, осматривая порт, я проходил мимо группы пленных. Они вовсе не выглядели удрученными и, поднявшись при виде меня, отдали честь.

Гавань не очень пострадала, однако разрушения в районе губы были весьма значительны. На глубину в два квартала практически все здания превратились в груды камней. Некоторые корабли — маленькие рыболовецкие пароходики — были, по-видимому, взрывной волной выброшены из воды на пирсы и причалы. Просто я не нахожу иного разумного объяснения тому, что они там оказались. Большое количество мелких судов затонуло, а некоторые были разломлены взрывами пополам.

Используя труд пленных, мы очистили от грязи так называемый Королевский дворец, в котором никто не убирался, похоже, со времен греческой оккупации. Те же самые пленные по нашему приказу очистили от мусора улицы, а также заделали пробоины и воронки в гавани.

Итальянцы из Палермо смотрятся неплохо, они гораздо крупнее, чем жители других районов Сицилии, и, судя по количеству стариков, продолжительность жизни у них выше.

Меня посетил викарий кардинала, и я уверил его в том, что восхищен храбростью итальянских солдат, а также их глупостью. Как я сказал ему, они не могли оказаться трусами, потому что были итальянцами, а глупость их в том, что они храбро сражались за неправое дело. Я попросил его передать им это, чтобы пустить слух о том, как высоко американцы ценят мужество итальянской армии и как сожалеют, что она — на стороне противника. Я также сказал, что мы продемонстрировали свою способность уничтожить их, и если бы они не поняли намека, то действительно были бы уничтожены. В действительности я отменил обстрелы с моря и бомбардировки с воздуха, понимая, что это повлечет за собой большое количество жертв среди мирного населения, а также осознавая, что мы сможем достигнуть цели силами лишь одной 2-й танковой дивизии. Ни к чему зря крошить людей, пусть даже они и держат сторону врага.

Уверен, что наша операция войдет в историю, и ее будут изучать

---

[1] Генерал-майор Джеффри Кейз был заместителем командующего Седьмой армией, а позднее командиром временно созданного корпуса на Сицилии.

в Левенворте[1] как образец разумного применения военной силы. Также, я не сомневаюсь, будет признано, что корпус генерала Кейза, хотя и встречая более сильное сопротивление и вынужденный следовать по более скверным дорогам, продвигался быстрее, чем немцы во время своего знаменитого блицкрига.

Как бы там ни было, мы, не тратя времени даром, захватили ведущую на север дорогу, чтобы обеспечить наступление 2-го корпуса, которое предполагалось начать через несколько дней.

ШТАБ-КВАРТИРА СЕДЬМОЙ АРМИИ

Армейская почтовая служба 758
Армия США

1 августа 1943 г.

ПРИКАЗ ПО АРМИИ НОМЕР 10
ЗАЧИТАТЬ ВСЕМУ ЛИЧНОМУ СОСТАВУ

Солдаты и офицеры Седьмой армии и поддерживавшей ее действия с воздуха XII воздушной бригады!

Осуществив высадку в Сицилии при поддержке флота и авиации, на протяжении трех недель непрекращающихся боев и в результате титанического напряжения сил вы уничтожили и взяли в плен 87 000 солдат и офицеров противника, захватили или вывели из строя 361 артиллерийское орудие, 172 танка, 928 грузовиков и 190 самолетов, что означает — вы прекрасные солдаты! Главнокомандующий силами союзных войск генерал Эйзенхауэр и командующий группой армий в Сицилии гордятся вами и выражают единодушное одобрение ваших действий.

Теперь при содействии Восьмой британской армии вы продолжите наступление до победы. Ваш неслабеющий напор будет неостановимым. Конец ясен, и он уже близок. Следующая остановка — Мессина!

Командующий генерал-лейтенант армии США
Дж. С. Паттон-младший

ШТАБ-КВАРТИРА СЕДЬМОЙ АРМИИ

Армейская почтовая служба 758
Армия США

22 августа 1943 г.

ПРИКАЗ ПО АРМИИ НОМЕР 18

Солдаты Седьмой армии!

---

[1] Имеется в виду форт Левенворт, что в 5 км от города Левенворт в штате Канзас. Там находится Академия (колледж) по подготовке командного и штабного офицерского состава. — *Прим. пер.*

Рожденные в морских волнах, крещенные кровью, увенчанные короной победы, этими тридцатью восемью днями неустанного труда вы вписали новую славную главу в историю войны.

Бросив вызов силам Германии и Италии, вы уверенно шагали к успеху и, ни разу не оступившись, принесли флаг на победную вершину. Быстрота и натиск, с которыми вы захватили Палермо, упорство и мужество, проявленные вами при штурме Тройны и Мессины, находятся выше всяческих похвал.

Каждый человек в армии заслуживает равных почестей. Беспримерная храбрость нашей пехоты, неукротимый и яростный натиск танкистов, неустанный труд и меткость артиллеристов — вот залог великой победы, которую вы одержали.

Инженерно-саперные войска проявили верх изобретательности и таланта, прокладывая дороги и расчищая пути, чтобы товарищи их могли беспрепятственно двигаться вперед по труднопроходимой местности в этой стране. Служба материально-технического снабжения совершала чудеса. Связисты проложили почти 10 000 километров проводов, а медсестры и военврачи спасли жизни многим и многим тысячам больных и раненых.

Во всех ситуациях моряки оказывали нам столь нужную и неоценимую поддержку. На протяжении всей операции наши летчики неизменно обеспечивали чистое небо над нашими головами.

В результате ваших слаженных действий вы уничтожили или захватили в плен 113350 солдат и офицеров противника. Вывели из строя 265 вражеских танков, 2324 единицы автотранспорта и 1162 крупных орудия, а также взяли в качестве трофеев сотни тонн военного снаряжения.

Это материальные свидетельства вашего успеха, однако победа ваша имеет и огромное моральное значение, так как, одержав ее, вы подорвали престиж германского оружия.

Президент Соединенных Штатов, министр обороны, начальник штаба, генералы Эйзенхауэр, Александер и Монтгомери поздравляют вас.

Ваша слава будет жить вечно.

Командующий генерал-лейтенант Армии США
Дж. С. Паттон-младший

Сицилийская кампания — взгляд в недавнее прошлое

Октябрь 1943 г.

Теперь, когда прошло уже немало времени после окончания кампании в Сицилии, я считаю себя вправе высказать некоторые мысли о ней, о ее результатах и последствиях.

Первый звонок прозвенел еще тогда, когда мы находились на борту транспорта. Одна из шлюпок сорвалась с кильблоков и ударилась прямо в мой иллюминатор. В какой-то момент нам всем показалось, что в корабль попала бомба. Поскольку спали мы одетыми, то немедленно высыпали на палубу. Казалось, вся береговая линия охвачена огнем — горы, холмы и пригорки словно пылали.

Иногда из этого огромного костра вырывались лучи прожекторов, которые скользили по темной поверхности моря. Странная вещь, хотя из-за света прожекторов на палубе можно было без труда читать газету, неприятель, похоже, не видел нас с берега. Думаю, тут все дело в рефракции и легкой дымке, порожденных огнем.

Как только моряки на наших эсминцах видели вспышку прожектора, реакция была всегда одна и та же: немедленно тучи трассеров летели к цели, точно возвращающиеся в улей пчелы, и прожектор тотчас же гас.

Как позже стало ясно, причиной пожара на берегу стали наши бомбы и снаряды большой мощности — в результате их попадания занялись хлебные поля. К счастью для сицилийцев, урожай успели убрать, но жнивье осталось — вот оно-то и горело.

Сицилийцы с юга острова, наверное, самые грязные из всех сицилийцев. Доподлинно известны случаи, когда трупы по нескольку дней лежали в домах и родственники жили рядом с покойником, потому что им было лень вынести и похоронить тело. Когда же мы посылали землекопов, чтобы те похоронили тела в ямах, сицилийцы очень негодовали, утверждая, что покойники должны лежать горизонтально, а не вертикально. Мы позволяли гражданскому населению копать могилы и хоронить мертвых как положено.

На внутреннем дворе одного дома, где мне пришлось останавливаться, я насчитал восемь детей, одиннадцать коз, три собаки, несколько десятков кур и лошадь, все они занимались тем, что отвоевывали друг у друга объедки, валявшиеся на земле. И ни с кем ничего не случилось от такой ужасной антисанитарии, никто не умер и, по-видимому, даже не заболел. Думаю, что людей, вскормленных на томатном соусе, сделанном на сицилийский манер, никаким ядом не отравишь. Соус они готовят следующим способом: берут помидоры, часто перезревшие и уже загнившие, и давят их на старых простынях, на бумаге, на снятых с петель дверях или на том, что только подвернется под руку. Потом оставляют эту кровавую массу на несколько дней, а затем вываливают ее на подносы и ставят просушиваться прямо на тротуар. Поскольку улицы никто никогда не убирает, в соус попадают всевозможные личинки и прочая дрянь, кишащая болезнетворными микробами. Вот с такой приправой они и едят свои любимые макароны.

Под мудрым руководством немцев итальянцы наловчились строить маленькие дотики. Но они так увлеклись, что слегка пере-

старались — замаскировали их сеном и ветками, так что первые же наши «зажигалки» превратили доты в жаркие костры вместе с пулеметами и их расчетами.

В других случаях они давали себе труд возвести вокруг дота глинобитную постройку. Перед началом боевых действий нужно было просто посильнее пнуть стену такого фальшивого дома, и все — дот обнаружен. Несмотря на великое множество подобных «грозных» штуковин по всему острову, они практически не доставляли нам проблем. Как-то только один пехотный батальон уничтожил тридцать девять таких дотиков за день.

Из-за недостатка воды мы еще в Джеле решили перейти на шампанское, которого, как нам казалось, там было полным-полно. Однако тут к нам зачастили с визитами важные гости. В общем, не успели мы оглянуться, как оно уже на второй день кончилось. Где достать еще? Решили обратиться к услугам профессионала — местного поставщика. Но поскольку поставщик был закоренелым бутлегером, он в описываемый момент времени сидел в тюрьме, откуда его удалось извлечь благодаря вмешательству епископа. Поставщик продемонстрировал нам всем образец благородства — как только он выполнил задачу, ради которой его вызволили из узилища, то немедленно сам вернулся в камеру.

Агридженто был когда-то одним из первых греческих поселений в Сицилии, а затем стал одним из первых городов молодого государства Карфаген. В Агридженто имеются три прекрасных греческих храма, воздвигнутых в античную эпоху в честь Юноны, Конкордии и Геркулеса. Есть также соединяющая все три храма священная дорога, с обеих сторон которой расположены вытесанные из камня надгробья. Правильнее сказать, были расположены, — теперь их практически все уже растащили местные жители.

Мэр Агридженто, который оказался еще и археологом, вызвался показать мне храмы. Когда мы пришли в самый разрушенный — тот, что посвящен Геркулесу, — я поинтересовался, что стало причиной такого плачевного состояния древней святыни, может быть, землетрясение? Мэр ответил: «Нет, генерал, это одно из горьких последствий другой войны». Когда я спросил, какой именно, он сказал, что храм был разрушен во время 2-й Пунической войны.

История появления карфагенян в Агридженто в 470 г. до н. э. интересна уже тем, что становится понятно, с каких времен здесь велись глобальные войны. В те времена карфагеняне были формальными союзниками, а на деле вассалами царя царей Ксеркса. Тогда Ксеркс собирался форсировать Дарданеллы и вторгнуться в Грецию. Чтобы лишить греков возможности получить подкрепления из Сиракуз и южно-итальянских колоний, Ксеркс приказал карфагенянам высадиться на Сицилии и на «каблуке» итальянского «сапога», таким образом заставив греков-колонистов забыть о проблемах метрополии перед лицом прямой опасности у себя дома.

Надо представлять себе тогдашнюю технику и средства связи, чтобы понять, как нелегко было штабу Ксеркса правильно спланировать операцию, верно рассчитать все, предугадать ход развития событий. Думается, в ту пору гонцу, чтобы добраться от Сардиса до Карфагена, требовалось не меньше года[1]. Мы и сейчас, располагая современными средствами связи, иногда попадаем впросак. Огромная армия карфагенян, насчитывавшая чуть ли не триста тысяч человек, все же высадилась в Сицилии, как раз в Агридженто, и направилась к Сиракузам. Однако ей потребовалось пять лет, чтобы добраться до них и... понеся жесточайшее поражение, полностью погибнуть.

На пересечении небольших дорог в античной Седжесте мы с Хью Гэффи имели возможность лицезреть очень красивые греческие храм и театр — кажется, ничего красивее я в своей жизни не видел. Если забыть об отсутствии крыши, можно утверждать, что здание в отличном состоянии — оно хорошо сохранилось и его не так давно немного подремонтировали. Учитывая, что примерно в 470 г. до н. э., то есть где-то около двух с половиной тысячелетий тому назад, греки были вытеснены из этой части Сицилии, можно датировать возведение храма еще более ранним временем.

Есть одна интересная особенность, связанная с архитектурой здания. Колонны не монолитны и не сложены из двух-трех больших блоков, как обычно поступали греки, а построены из множества маленьких камней. Но самое примечательное вот что: несмотря на то что прошло двадцать пять веков, и теперь между камнями невозможно просунуть даже острое лезвие ножа.

Когда мне было восемь лет, один министр по фамилии Блисс рассказывал, что, будучи в Парфеноне, положил как-то свою шляпу на один край ступеньки, затем пошел к другому ее краю и посмотрел оттуда на тот, где оставил шляпу. Не увидев ее, он убедился в том, что прямые линии в архитектуре греческих храмов в действительности кривые. Мы с Гэффи поставили тот же опыт в Саджесте, водрузив наши каски одну на другую, однако тоже не смогли увидеть их из-за изгиба ступеней.

Театр, способный вместить не меньше двух тысяч человек, построен на высоком холме, так что зрители, если им не нравилась пьеса или игра актера, могли насладиться красотами окружающей природы — прекрасным видом на море, открывающимся с высоты. По всей видимости, построившие театр греки жили в селении позади него, но из-за неизбежного варварского каннибализма после-

---

[1] Можно расценить данную реплику как некую гиперболу, поскольку Сардис, столица античной Лидии, находился неподалеку от современного Измира в Турции, то есть в нескольких десятках километрах от моря, а Карфаген — в Тунисе; гонец даже при тогдашних средствах коммуникаций мог проделать весь путь за месяц. — *Прим. пер.*

дующих поколений от поселений ничего не осталось, и о том, что они когда-то существовали, говорят лишь следы человеческих рук, которые несет в своем облике едва ли не каждый камень на пригорке. Говоря о каннибализме потомков, я имею в виду, если можно так выразиться, архитектурный каннибализм как явление истории. Так, мне не раз случалось читать о том, что, например, Пиза была построена из камней, привезенных из разрушенного Карфагена.

Город и особенно гавань Сиракузы представляют для меня особый интерес, потому что едва ли найдется на земле порт, повидавший на своем веку столько же морских десантных операций, сколько довелось пережить Сиракузам. Глядя на воду в гавани, я, как мне порой казалось, видел греческие триремы, римские галеры, суда вандалов, арабов, крестоносцев, французов, англичан и наши, американские корабли, которые, каждые в свой черед, штурмовали или пытались штурмовать порт и город. Да я еще далеко не всех назвал.

Когда мы впервые пришли на Сицилию, а потом на Сардинию и Корсику, нас поразило огромное количество маленьких башенок, которыми была усеяна береговая линия. Построили их, вероятно, между XV и XVII веками, когда на жизнь островов оказывала огромное влияние Генуя. Система выглядела крайне просто: какой-нибудь человек выбирал показавшееся ему подходящим место для постройки башни и возводил ее. Затем шел к тем, кто представлял власть в том районе, и предлагал взять на себя несение караульной службы на данном конкретном объекте. Обычно гарнизон состоял из членов семьи хозяина башни, который получал плату за свою работу, весьма мизерную по нашим понятиям — долларов пятьдесят в год на сегодняшние деньги. Но тогда такой гонорар, как видно, не казался хозяину настолько скромным, чтобы пренебрегать им. Словом, вот вам версия возникновения таких башенок, строительство которых многие связывают с деятельностью арабских пиратов.

Вот еще одна характерная, причем именно для Сицилии, особенность: чуть ли не все маленькие города здесь построены на вершинах отвесных скал — будто строителей притягивало туда магнитом. Дав себе труд разобраться в данном вопросе, выясняешь, что самое крупное строение, возведенное на вершине горы, — норманнский замок.

Норманны захватили Сицилию между 900 и 970 гг.[1], и, как можно себе представить, каждый норманский предводитель считал

[1] Будучи военным, а не историком, генерал Паттон порой несколько вольно обращается с историческими фактами, если они, конечно, не относятся к временам Гражданской войны в США. В названный им период Сицилией овладели арабы, а не норманны. Завоевание Сицилии норманнами было начато столетие спустя, в 1061 г., младшим братом герцога южно-италийских норманнов Роберта Гвискара Рожером де Готвиллем (1031–1101). — *Прим. пер.*

вправе построить для себя башню, так называемый донжон, на вершине самой отвестной скалы, которую только мог найти. Затем с ростом благосостояния хозяина донжон — хотя, конечно, и не всегда — обрастал внутренним и внешним дворами с соответствующими укреплениями. Со временем потомки солдат того самого первого сеньора-строителя и жившие по соседству крестьяне превращали замок в город, за стенами которого укрывались в смутные времена.

Пале-Рояль в Палермо как раз такого происхождения. Место, на котором он сооружен, представляет собой расположенный между двух ручьев затвердевший выброс вулканической лавы. На нем арабы и построили замок, названный ими «ксар». Уменьшившийся в размерах и облагороженный вулканический холм существует и поныне, а ксар, возведенный арабами около 700 г. н. э., по-прежнему остается центральным элементом дворца. К несчастью, сам дворец тоже подвергся процессу «облагораживания», и потому древняя кладка сохранилась только в основании.

В подвале старинной башни мы нашли сокровищницу норманнов, состоявшую из двух переходивших одна в другую комнат, пол которых образовывала порода, на которой собственно и было возведено строение. Чтобы попасть во внутреннюю комнату, надо пройти через две двери и миновать маленькую переднюю. Двери сконструированы таким образом, что, когда открывается внешняя, дававшая доступ в коридорчик, внутренняя автоматически закрывается. Когда открывается внутренняя, сама собой закрывается внешняя. В той меньшей комнате находится яма глубиной три метра, дном которой служит каменный монолит. В ней хранились сокровища — чаши, вазы, подносы и тому подобная утварь.

Во всех четырех углах комнаты висит по одному огромному, прикрепленному к потолку кувшину, что-то вроде амфоры для вина. Благодаря тому, что амфоры висят, часовой, входя в помещение, может легко убедиться в том, что никто не повредил их днища, чтобы добраться до спрятанных там денег, поскольку именно для хранения монет, а вовсе не вина предназначаются эти амфоры.

Когда мы штурмовали подобные города или просто проходили мимо них, перед моим внутренним взором вставали картины: кучка рыцарей и солдат в доспехах, которые, сидя в таких вот фортах, правили миром — тем миром, который они знали. Как же малочисленны они были и сколь скудно вооружены по сравнению с нами, обладающими современными орудиями, танками, самолетами, что во множестве катились, мчались, пролетали мимо городов нескончаемыми потоками.

Хотя при всей нашей мощи древние рыцари и их такие же дурно пахнущие братья по оружию нашли бы здесь для себя отдушину и искренне посмеялись бы над нашей импровизированной кавалерией — конницей, в которой коней заменяли мулы. А что подела-

ешь? Чтобы передвигаться по непроходимому бездорожью — а дороги тут просто отсутствуют! — в этой стране, где нам приходилось не на экскурсии ходить, а воевать, нужно было создавать импровизированные полки из всадников, которым случалось седлать не только мулов и осликов, но иной раз даже волов. Впрочем, седлать — это громко сказано. Хорошо, если удавалось добыть седло местного производства, захваченное у итальянцев, а то не оставалось ничего иного, как довольствоваться тюфяком.

Как-то мне встретился молодой солдат — счастливый обладатель итальянского седла. Он водрузил седло чуть ли не на холку лошади. Когда я, остановив, хотел поинтересоваться у него, кто посоветовал ему так оседлать коня, животное опустило шею, и парень кубарем скатился вниз. Поднявшись, он признался мне, что думал, что так и нужно седлать лошадей. Полагаю, за всю жизнь до сих пор парню довелось иметь дело с животными единственный раз, когда при посещении цирка ему разрешили покататься на голове слона.

Вместе с тем наша импровизированная конница очень помогла нам выиграть ту кампанию, не знаю, смогли бы мы победить, если бы у нас не было хотя бы таких подразделений. Как мы сожалели, что у нас под рукой нет полной кавалерийской дивизии с легкой полевой артиллерией. Будь у нас хотя бы несколько настоящих американских полков конных рейнджеров, ни один немец не ушел бы с острова.

Образ жизни местного населения весьма занятен. У них, похоже, так и не нашлось времени выбрать себе подходящее место для готовки пищи, поэтому их кухня — улица. Однако с нашим приходом используемое поварами оборудование заметно улучшилось, поскольку в дело у них теперь пошли наши использованные двадцатидвухлитровые канистры для масла. Впрочем, они не только готовят на улице, но и поют там, причем, что совершенно убивает, поют круглые сутки. Поскольку живут они на чесноке — у каждого на плече висит по крайней мере одна гирлянда чеснока, — пение их «ласкает» не только слух, но и обоняние.

В отличие от арабов, сицилийцы хорошо обращаются с животными, никогда не бьют их, не пользуются жесткими удилами, которые рвут строптивым коням рот, а управляются с ними обычной уздечкой. И, несмотря на это, домашний скот, выращенный хозяевами с любовью и в хороших условиях, самый послушный домашний скот, который мне только приходилось видеть. Данная характеристика в полной мере применима и к мулам. Чтобы заставить животное двигаться под седлом или в упряжке, сицилиец издает специфический звук — нечто среднее между отрыжкой и тяжелым вздохом. Для того чтобы остановить лошадь, специальной команды не требуется — как только хозяин перестает кряхтеть, животное останавливается само собой.

Как-то имело место забавное происшествие, связанное с марокканцами. Ко мне явился один сицилиец с жалобой на поведение марокканских солдат, или гумов, как их чаще называют. Он сказал, что многое может понять, поскольку известно, что все гумы — неисправимое ворье, гнусные убийцы и насильники, ничего хорошего от них никто и не ждет. Ладно уж, пусть себе. Ясное дело — война, обязательно кого-нибудь убьют или изнасилуют, без этого не обойтись. Но вот то, что гумы ворвались к нему в дом, зарезали кроликов и освежевали прямо в сенях, это, с его точки зрения, не укладывалось ни в какие рамки. Всему же есть предел!

Поскольку большую часть своего времени сицилийцы проводят в сидячем положении, логично было бы предположить, что за многие века сидения мысль их необычно разовьется по крайней мере в одном направлении — они станут непревзойденными конструкторами всевозможных стульев и кресел. Но не тут-то было. Сицилийцы способны сидеть на всем — на камнях, на ящиках, просто на земле, хоть бы и в грязи, но только не на стульях или в креслах. Между тем народ они очень веселый и жизнерадостный, а грязь, в которой они живут, ничуть не отягощает их. С моей точки зрения, было бы огромной ошибкой пытаться поднять их до наших высот, заставить жить в соответствии с нашими стандартами. Они никогда не смогут принять их и никогда не будут счастливы в нашем мире.

Что можно сказать о Корсике? Представьте себе, что Бог взял самый непроходимый, самый безрадостный участок Скалистых гор и бросил его в море. Корсика — это много-много лишенных какой-либо растительности утесов из полированного гранита. Однако о Корсике все же можно сказать хотя бы пару приятных слов. Во-первых, она полностью французская и, во-вторых, совершенно не пострадала от налетов авиации. Когда въезжаешь в такой город, как Аяччо, первое время тебе чего-то остро не хватает — наверное, разрушенных домов, заваленных обломками зданий улиц и искореженной техники. Аяччо абсолютно целый, словно бы вокруг нет никакой войны.

Неаполь, напротив, подвергался сильным бомбардировкам, однако наши летчики и тут вновь продемонстрировали свое мастерство, так что порт достался нам практически в рабочем состоянии.

Помпея — образцовые развалины и превосходный срез античной истории, кусок древней жизни такой, какой она была, законсервированный для нас разгневавшимся вулканом. Искренне жаль, что во время военных действий нам пришлось бомбить этот город-памятник, и большое счастье, что налеты не причинили ему серьезного ущерба.

Воздушная экскурсия в Египет

Поскольку о моем визите в Каир уже сообщали в прессе и, более того, даже передавали сообщение о нем по радио, я считаю себя вправе написать об этом.

В 07.15 12 декабря техники на летном поле в Палермо залили горючее в баки самолета, на борту которого мы с полковником Кодменом[1] и восемью офицерами штаба Седьмой армии решили отправиться в Египет. Первую посадку мы совершили в Бенгази[2], где успели перекусить, пока машину дозаправили.

Аэродром находился километрах в восьмидесяти от города, и повсюду на нем еще оставались небольшие осколки снарядов и авиабомб. Если не считать данного обстоятельства, можно с уверенностью сказать, что аэродром находился в превосходном состоянии. Земля в здешних краях практически лишена какой-либо растительности — вообще нет почти ничего такого, что подошло бы для использования в качестве ориентиров на местности. Кроме того, она чрезвычайно холмистая; должен сказать, что не так уж много мест на земле, где воинское подразделение может оказаться вне видимости, удалившись от наблюдателя всего на полтора километра. В таких условиях для ведения слежения за передвижениями противника весьма эффективным могло бы стать применение воздушных шаров. Даже командирские вышки, что использовались в старые времена артиллеристами, оказались бы полезными. Почва бурая, точно ее вынули из печи; тому, кто бывал в Индио[3], легко представить себе, как выглядит эта земля — достаточно вспомнить лежащие там всюду пески. Однако стоит нескольким машинам пройти одним и тем же путем друг за другом, почва растрескивается. Ввиду данного обстоятельства, нас предупредили, что в условиях пустыни крайне желательно, чтобы транспортные средства не передвигались след в след. Как бы там ни было, в Индио мы находили более разумным следовать колоннами по одной и той же колее. Разумеется, вести военные действия на этой земле представляется мне делом менее сложным, чем в нашей американской пустыне, особенно в том, что касается танков.

Из Бенгази мы полетели прямо через пустыню в Тобрук — маленький запущенный городок с искусственной гаванью, где мы видели полным-полно разбитых судов и просто обломков кораблей.

---

[1] Полковник Чарлз Р. Кодмен — адъютант генерала Паттона, находившийся при нем на протяжении всей войны.

[2] Бенгази — город и морской порт на северо-востоке Ливии в заливе Сидра. Во время Второй мировой войны Бенгази пять раз переходил из рук в руки и в конечном итоге был отбит у немцев британцами в ноябре 1942 г. — *Прим. пер.*

[3] Индио — военная база в штате Калифорния в США. Центр по подготовке войск к боям в условиях пустыни.

Из Тобрука мы продолжили путь в направлении Аль-Аламейна, держась железной дороги. И хотя летели мы очень низко, все равно видели лишь небольшое количество разбитой техники и орудий. Линий связи практически вообще не было.

Из Аль-Аламейна мы направились вдоль берега в Александрию, а затем повернули на юг вверх по течению Нила в Каир. Сколь же разительно отличалась пустыня от утопавшей в зелени дельты Нила. Как мне сказали, основная жизнь Египта протекает в дельте, ширина которой доходит до двухсот пятидесяти километров, остальная же часть этой страны — бесконечная, протянувшаяся с севера на юг полоса почти необитаемой земли с полсотни километров в ширину и четыре с лишним тысячи километров в длину.

Когда на подлете к Каиру мы увидели пирамиды, меня охватила какая-то дрожь от осознания величия древних цивилизаций, процветавших в этих краях многие тысячи лет назад. На аэродроме нас встречал адъютант генерала сэра Генри Мейтленда-Уилсона майор Х. Чэпмен Уокер. Адъютант отвез нас с Кодменом домой к генералу, где мы и квартировали все время, пока продолжался наш визит. Самого генерала в момент нашего приезда на месте не оказалось, зато там находились бывший начальник его штаба и несколько британских офицеров. Несмотря на непритязательность и скромность обиталища генерала Мейтленда-Уилсона, я нашел его вполне удобным. Располагался дом километрах в тридцати к югу от города в месте, называемом Абу-Мади. Майор Чэпмен Уокер приготовил для нас целую программу, которую мы одобрили.

13 декабря 1943 г.

Утром мы с Кодменом и майором Чэпменом Уокером в обществе мадам Рэнфорли отправились на экскурсию по каирским лавкам.

Каир — гадкое местечко. Он напоминает мне Нью-Йорк в 1928 г. — даже люди в нем чем-то похожи на тех, что были тогда в Нью-Йорке. По обеим сторонам улицы теснятся машины, машины, машины и машины, и даже посредине шоссе тоже стоят припаркованные машины. В витринах чего только нет — похоже, найдется все, чего душа пожелает, однако и цены поднебесные; многие торгуют вразнос. О ценах лучше всего говорит такой пример: шелковые чулки, к которым я приценился, стоили четыре фунта.

Египетские крестьяне, которых в городе полным-полно, куда мельче, чем сицилийцы, и куда гаже, хотя, когда я смотрел на сицилийцев, мне казалось, что гаже уже некуда. Когда возвели Ассуанскую плотину, в воде в большом количестве стали развиваться

черви-паразиты — нематоды. Они превратились в грозную опасность — многие крестьяне страдают от болей в животе и снижения потенции. Для борьбы с болью и восстановления потенции используется нехитрое подручное средство — курение гашиша. На какое-то время это приносит облегчение, но конечный результат чаще бывает прямо противоположный тому, которого стараются добиться курильщики — полная импотенция и снижение иммунитета к болезням, вызываемым укусами паразитов. Таким образом, возникает порочный круг. До войны власти препятствовали поступлению гашиша в страну, что вызывало недовольство у населения. Теперь же, когда правительству стало не до борьбы с торговцами гашишем, народ получает его столько, сколько ему хочется, и, кажется, вполне доволен данным обстоятельством. Египтяне неописуемо грязны, причем не только внешне, они грязны вообще. Я своими глазами видел человека, испражнявшегося в канал с чистой водой, при этом метрах в десяти ниже по течению стирала белье женщина, а еще немного дальше жители деревни набирали воду для своих нужд.

Из всего населения Египта можно выделить тысячу — тысячу двести человек, которым принадлежит практически вся земля, не считая восьмисот тысяч акров, поделенных приблизительно поровну между миллионом крестьян (где-то по четыре пятых акра на семью). У остальных нет и этого — вообще ничего нет. Средний заработок батрака составляет полсотни долларов в год, да и то из этой суммы часть нужно заплатить за питьевую воду.

Суда, которыми пользуются египтяне, практически не отличаются от тех, что курсировали по Нилу во времена фараонов. Правда, с 762 г. н. э. местные корабельщики взяли на вооружение треугольный латинский парус, принесенный сюда арабами и пришедший на смену старому, четырехугольному. Несмотря на свой непрезентабельный вид, суда египтян весьма маневренны и развивают приличную скорость. Как я слышал, англичане сконструировали специальные парусные баркасы, полагая, что смогут заменить ими местные посудины, однако ничего не вышло — новые корабли оказались неконкурентоспособными. Насколько я мог судить, у местных судов отсутствует киль, зато имеется огромный руль, который служит также в качестве шверта.

После прогулки по магазинам, мы угостились коктейлями в знаменитом отеле «Шеферд». Ничего плохого про коктейли сказать не могу — хорошие коктейли, только вот цена, конечно, впечатляет — полтора доллара за порцию.

Во второй половине дня мы посетили школу подготовки танкистов. Было интересно, хотя нельзя не отметить: наши заведения аналогичного назначения в Ноксе и Беннинге будут повыше классом.

Святая Земля

14 декабря 1943 г.

В 07.00 мы сели на самолет и вылетели в направлении Иерусалима, пролетев над Суэцким каналом — над местами, где вместе со своим народом блуждал Моисей.

«Вот здесь дети Израиля перешли канал», — думал я. При этом мне почему-то не приходило в голову, что в библейские времена никакого канала тут не было, как не было практически никакой пресной воды на протяжении всей пустыни от Горького озера до Средиземного моря. Так или иначе, им удалось пройти через пустыню, и Наполеон прошел практически тем же путем, правда потеряв всю поклажу из-за переменившегося ветра.

От Суэцкого канала мы полетели вдоль маршрута движения кавалерии Алленби и пересекли Вади-аль-Ариш в той самой точке, где в сражении англичане разбили турок. Преграда не показалась мне такой уж неодолимой, какой я представлял ее по книгам.

Вершева[1] и окружающие территории тоже не кажутся слишком сложными в смысле пригодности для ведения боевых действий на современном уровне, однако в стороне от колодцев местность превращается в настоящее песчаное море. Довольно затруднительно понять, как Алленби с его кавалерией вообще удалось пройти через него.

От Вершевы мы полетели к Хеврону и Вифлеему, а затем повернули в западном направлении и прошли южнее Иерусалима, чтобы в итоге приземлиться в Экроне, поблизости от побережья, где нас встречали на автомобилях, на которых мы и проделали те пятьдесят километров, что отделяли Экрон от Иерусалима.

Единственная причина, заставлявшая согласиться с тем, кто назвал Палестину «землей молока и меда», это сравнение Палестины с окружающими ее пустынями. Вся «земля молока и меда» покрыта голыми каменистыми холмами, на склонах которых влачат жалкое существование редкие оливы. Насчет же собственно меда — ни одного улья мы не видели, хотя мимозы попадались нам довольно часто.

По приезде в Иерусалим мы были встречены генерал-майором Д. Ф. Макконеллом, осуществлявшим управление данным регионом. В качестве гида для осмотра иерусалимских достопримечательностей генерал дал нам британского священника, долгое время прожившего в этом городе.

Мы въехали в город через ворота, которые штурмовали рыцари Танкреда в 1099 г[2]. Церковь Гроба Господня сооружена так, что и

---

[1] Вершева — библейский город на Юге Израиля. — *Прим. пер.*

[2] Танкред де Отвилль (Готвилль) (ок. 1076–1112) — активный участник Первого крестового похода. Его отряд штурмовал стены в том секторе города, где находилась главная христианская святыня — церковь Гроба Господня.

место, где стоял крест, на котором казнили Христа, и пещера, где его похоронили, расположены внутри здания. Церковь принадлежит совместно католикам, грекам и коптам, и по странной прихоти судьбы, а может быть, в соответствии с дальновидной политикой Британии, привратник — мусульманин.

Мне показалось сущей нелепицей то обстоятельство, что на протяжении всего моего визита в Иерусалим за мной неотступно следовали четыре агента британской секретной службы. Самое дикое это то, что, когда я вошел в церковь Гроба Господня, они последовали за мной. Как же надо ни во что не верить, чтобы опасаться убийц в таком месте.

От Гроба Господня мы направились в часовню крестоносцев — место, где посвящали в рыцари молодых людей, живших в Иерусалиме. В часовне хранится меч, который, как считается, использовался в подобных ритуалах. По моему мнению, это подделка. Во-первых, рукоятка неверной формы, во-вторых, меч слишком легкий, хотя клинок правильный.

Оттуда мы пошли к месту, где в те незапамятные времена стоял крест. Большая часть горы была срезана римлянами в период оккупации Палестины; они завалили пещеру, служившую местом захоронения Иисуса, и построили на этом месте храм Венеры. Как бы там ни было, алтарь, по всей видимости, воздвигли в том самом месте, где некогда стоял крест.

В той часовне я приобрел четки для Мэри Скалли и попросил освятить их на алтаре.

Выйдя из церкви, мы прошли Скорбным путем — узкой грязной улочкой — к месту, где в те времена находился римский форум. Весь путь составляет в длину не более восьмисот метров, однако священники в ходе процессии делают ритуальные остановки, причем количество их завит от того, к какой именно конфессии принадлежит служитель церкви. Поскольку у православных остановок больше, чем у католиков, у греческого попа на дорогу уходит целый день.

С форума нас на машинах повезли в Гефсиманский сад, где, как считается, все еще целы те оливы, которые стали свидетелями ареста Христа.

После обеда с командующим мы отправились на аэродром и полетели обратно в Каир над дорогой, проходившей около Газы. Как ни всматривался я в землю под нами, нигде не нашел никаких материальных свидетельств военных действий, однако заросли кактусов, в которые врезались танки, я опознал. В Каир мы прилетели уже затемно, таким образом не только за день совершив путешествие, на которое у детей Израилевых ушло сорок лет, но и фактически сделав это дважды.

---

[1] Девяностолетняя нянька генерала Паттона.

15-го числа мы договорились с одним местным грамотеем, что он покажет нам достопримечательности. Мы, естественно, имели в виду пирамиды, но, когда мы заехали за нашим гением в отель «Шеферд» и сказали, куда хотели бы направиться, он ужасно удивился и заявил, что пирамиды ничего не стоят и единственные достопримечательности Каира, которые нам просто необходимо осмотреть, — это мечети. Он еще заметил, что, прожив в Каире сорок лет, был около пирамид всего лишь один раз. На это я ответил ему, что уже видел все мечети в мире, которые мне стоило видеть, и что мы вполне обойдемся без его услуг.

Мы поехали к пирамидам, прихватив очень говорливого, но совершенно не подходящего для этой роли гида. Пирамиды меня разочаровали. Они оказались не такими большими, как я ожидал, и не такими внушительными, какими представлялись со стороны. Египетские сильно проигрывали в сравнении с теми, которые мне приходилось видеть в Мексике. Сфинкс тоже не оправдал надежд — вовсе не такой уж большой и, главное, нуждающийся в срочной реставрации. Вместе с тем храм у ног Сфинкса впечатление на меня произвел. По всей видимости, строители сначала стащили огромные камни в одно место, а затем уж стали вырубать в них гробницы.

Крыша одной из гробниц была сделана из цельной идеально отполированной каменной плиты длиной шесть метров, шириной три с половиной и толщиной два метра и идеально подогнана под пазы на стенах, на которых она лежала. И полировка, и обтесывание камней производилось с помощью бронзовых инструментов — египтяне владели утраченными в наше время методами темперирования бронзы.

В 17.30 я провел с офицерами штабов сухопутных сил Ближневосточной группировки беседу на тему: проведение операций по высадке войск. Всего набралось человек пятьсот. Думаю, наше общение пошло им на пользу. Слушали меня очень внимательно и даже аплодировали, что шло вразрез с британскими традициями. Несколько офицеров прислали записки. Один из них уверял, что за всю свою карьеру военного не почерпнул столько полезных знаний, сколько из моей получасовой лекции.

16 декабря 1943 г.

Ответственный за прием высоких гостей генерал Бимонт Несбитт подвез меня в отель «Шеферд», где к нам присоединились штабные офицеры. После этого мы два с половиной часа ехали вдоль пресноводного канала к Центру по подготовке проведения совместных операций, расположенному на берегу небольшого по разменам Горького озера. Похоже, британцам так понравилась наша вчерашняя беседа, что они захотели, чтобы я провел еще одну

встречу, на сей раз с двумя сотнями офицеров, проходивших учебу в Центре, заведовал которым генерал-лейтенант Р. М Скоуби.

Центр подготовки, уступавший и размерами и оснащением тому, который построили мы в Мостагануме[1], имел перед ним по крайней мере одно преимущество в том, что касается практических методов обучения. Здесь прямо в воде были сооружены стенды в виде бортов настоящих кораблей, так что десантные катера могли подойти к ним вплотную, а обучающиеся — попрактиковаться, пересаживаясь на суда в обстановке, максимально приближенной к той, в которой им предстоит действовать в реальных боевых условиях.

На обратном пути мы попали в обычную для этих мест песчаную бурю, во время которой почти ничего не было видно на расстоянии вытянутой руки.

Вернувшись, мы узнали о приезде генерала сэра Генри Мейтленда-Уилсона. Он присутствовал за обедом. Крупный и довольно общительный человек, генерал произвел на меня более сильное впечатление, чем какой-либо другой из высших офицеров британской армии. Все они, включая и генералов, горели желанием узнать мое мнение относительно генерала Монтгомери, но я отвечал крайне сдержанно и не поддавался на попытки вызвать меня на откровенность.

17-го числа генерал Несбитт отвез меня на встречу с генералом Андерсом, командовавшим 2-м польским корпусом. Сопровождаемые Андерсом и офицерами нашего штаба, мы отправились в расположенный на восточной стороне дельты Нила лагерь поляков. Сопровождал нас также и почетный караул, состоявший из очень хорошо выученных и отличавшихся великолепной выправкой солдат. Потом мы пообедали. За обедом генерал Андерс приколол к моему кителю знаки различия польского генерал-лейтенанта и нашивки 2-го польского корпуса. Я же, чтобы не остаться в долгу, дал ему один из моих генеральских знаков различия, а также нашивки Седьмой армии США.

Андерс произвел на меня очень хорошее впечатление. Во время Первой мировой войны он служил начальником штаба русской дивизии. Он имел семь ранений и был дважды награжден польскими орденами за отвагу. Лучшей выучки, чем у солдат его корпуса, я никогда не видел ни в нашей, ни в британской армии. Он признался мне с улыбкой, что, случись ему и его ребятам оказаться между немцами и русскими, они бы рисковали разорваться пополам, не зная, с кем же лучше сразиться, с теми или с другими.

После смотра 2-го польского корпуса мы с полковником Каммингсом[2] по приглашению командующего вооруженными силами

---

[1] Город и порт в Северном Алжире. — *Прим. пер.*

[2] Полковник Р. Э. Каммингс — генерал-адъютант генерала Паттона на протяжении всей его деятельности во время Второй мировой войны.

на Ближнем Востоке вице-адмирала сэра Артура Уиллиса отправились на машине в Александрию. Мы проехали через всю дельту, но, к несчастью, большую часто пути проделали в темноте, так что почти ничего не видели.

18 декабря 1943 г.

В десять часов полковник Моузли, четырежды участвовавший в Гранд Нейшнл[1], заехал за нами и отвез в яхт-клуб, где мы встретились в адмиралом и получили баркас для осмотра гавани.

Затем мы побывали в поражавшей своими размерами и плохой организацией дела британской мастерской по ремонту танков. Ничего интересного мы там для себя не почерпнули и поехали обратно через пустыню в Каир, который отделяло от нас примерно двести пятьдесят километров.

19 декабря 1943 г.

В 07.00 мы вылетели из Каира в южном направлении — в Карнак. Генерал Уилсон отправил с нами майора Эмори, известного египтолога — человека номер два в экспедиции Картера[2], раскопавшего могилу Тутанхамона.

Расположен Карнак на восточном берегу. Здесь мы пересели с самолета на «дышавшие на ладан» «Форды» и отправились к реке, через которую переправились на местной лодочке. Там нас ждали еще три таких же видавших виды «Форда»; на них мы тотчас же и поехали в Долину царей. Экскурсовода нам дали такого, что лучше не придумаешь — майор Эмори сам вел там раскопки.

Первым делом мы посетили гробницу Тутанхамона, которая, по утверждениям Эмори, очень мала. Первоначально в каменной усыпальнице было три саркофага. В настоящее время сохранился всего один саркофаг — второй по счету. В нем и находятся останки Тутанхамона. Первый саркофаг, сделанный из чистого золота, оцененного в семь тысяч фунтов, находится в музее в Каире, тот, в котором покоится царь, сделан из дерева, но покрыт золотыми пластинами. Третий, весь деревянный, также хранится в Каирском музее.

Как уверял нас майор Эмори, гробница царя построена по образу и подобию его земного жилища, поэтому обстановка и утварь в помещениях гробницы максимально подобны тем, какие были в дворце Тутанхамона. Эмори отметил, что в сравнении с посмертны-

---

[1] Гранд Нейшнл Гандикап Стиплчейз — конские состязания в Британии. — *Прим. пер.*

[2] Говард Картер (1873–1939) — британский археолог, сделавший один из богатейших вкладов в египтологию, открыв в 1922 г. гробницу фараона Тутанхамона. — *Прим. пер.*

ми обиталищами других царей, к примеру того же Рамзеса, усыпальница Тутанхамона представляется уютным маленьким домиком.

Из Долины царей мы отправились в Фивы и осмотрели гробницу первого министра фараона, правившего сразу после Тутанхамона. Эта гробница представляла для нас самый большой интерес, и вот почему. Первое, открыл ее сам майор Эмори, второе, это одна из немногих достопримечательностей Древнего Египта, где отсутствуют традиционные барельефы. Вернее, так — традиционные они лишь на одной стороне входа в усыпальницу, тогда как на противоположной — видоизмененные. Причиной тому послужило следующее. Пока премьер-министр находился у власти, произошло что-то вроде церковной реформы, но поскольку гробницу строили долго, одна половина рисунков отражала старые традиции, а вторую выполнили уже в соответствии с последними нововведениями.

Что еще очень интересно: если посмотреть внимательно, в гробнице можно различить отдельные этапы работы древних мастеров. На одной стене гробницы, которая так и не была закончена, видны линии, проведенные художниками, рядом по контурам высечен грубый рисунок, а еще дальше имеется подобный рисунок, уже окончательно обработанный.

Затем мы поехали в храм и усыпальницу Рамзеса II. Здесь вот какая интересная вещь. Во время войны в Сирии Рамзес увидел зубчатые укрепления на стенах и приказал сделать такие же на стенах своего дворца.

Мы переправились через реку, пообедали и посетили храм в Луксоре и еще один храм в Карнаке. Между двумя этими сооружениями расстояние не больше километра. Уверен, каждый любитель побродить среди развалин должен сначала побывать на любых других, прежде чем посещать египетские, потому что после египетских развалин остальные могут показаться ему совсем неинтересными.

Во внутреннем дворе Карнака сохранились руины античного римского форума, которые сами по себе выглядят довольно впечатляюще, однако памятники Древнего Египта затмевают все, так что против воли ваши глаза обращаются к ним.

В одном месте в Карнаке сохранилась наклонная насыпь, по ней строители затаскивали наверх каменные блоки, из которых возводили свои неповторимые творения.

В храме имелось несколько обелисков. Майор Эмори обратил наше внимание на одно интересное обстоятельство. Когда обелиски ставились в Нью-Йорке или Лондоне, Париже или Мадриде, наши современные строители с их передовой техникой были все время вынуждены подтесывать основания, изобретать специальные крепежи, потому что статуи упорно не желали сразу становиться на постамент строго перпендикулярно. В то время как монументы в Карнаке, весившие каждый тонн наверное по семьдесят пять,

стоят себе прямо, причем установленные в нужной позиции сразу и без всяких креплений.

Когда наш самолет приземлился на летном поле в Каире, уже стемнело. На следующий день, 20-го, мы полетели в Палермо.

МАЛЬТА

Так как фельдмаршал лорд Горт пригласил меня посетить Мальту сразу после Алжира, 4 января 1944 г. мы с полковником Кодменом и капитаном Стиллером сели в самолет и полетели на остров. Поскольку раньше трех часов нас в гости не ждали, у нас осталось время, чтобы пролететь над местами, где прошлой весной сражался наш 2-й корпус.

Когда мы были километрах в ста к северо-западу от Константины, наш пилот капитан Хетцер сообщил, что он как-то видел в этих местах руины древнеримского города. В общем, мы принялись искать эти развалины и нашли их. На удивление, мы обнаружили крупный и хорошо сохранившийся античный город с большим храмом и прекрасным театром. Однако сколько я ни смотрел на картах, ни на одной он не был обозначен.

Когда мы приблизились к Тебессе[1], то оказались прямо над тем местом, где я принял командование 2-м корпусом. Перед моим внутренним зрением проносились поля, на которых ревели моторами танки, размещали орудия и ставили палатки для отдыха солдаты... ничего этого теперь не было. Прошло совсем немного времени, а следов пребывания огромного войска, сражавшегося на этой земле, уже не осталось.

Куда девались груды разбитой техники, которой полным-полно накрошили тут мы и немцы, когда Роммель атаковал Тебессу, осуществив бросок через Кассеринский проход? Все было убрано, причем так чисто, что, казалось, тут никогда не происходило никаких яростных баталий. Кто теперь вспомнит, что творилось у Ферианы, где размещался наш командный пункт, или у Гафсы?[2]

Охватывая взглядом землю, на которой мы сходились с противником в смертельной схватке, осознаешь все величие американского солдата. Вести военные действия в здешних горах крайне трудно. Просто счастье, что я не представлял тогда, сколь сложна местность, на которой нам предстояло сражаться, — не было самолета, чтобы подняться в воздух и посмотреть на все своими глазами, так что приходилось принимать решения, руководствуясь тем, что можно было увидеть на карте. Знай я, как местность сложна, я бы, наверное, был осторожнее. Хотя в любом случае не стоит забывать одного очень важного момента: если те-

---

[1] Тебесса (лат. Theveste) — город в Северо-Восточном Алжире, расположенный в 19 км к западу от границы с Тунисом. — *Прим. пер.*

[2] Кампания в Тунисе, ноябрь 1942 — май 1943 гг. — *Прим. пер.*

бе трудно воевать в той или иной местности, где основания полагать, что противнику легко?

С другой стороны, дорога с эвкалиптами, которая рассекала наши позиции и над изображением которой на карте я провел немало тревожных часов в тяжелых думах, в действительности оказалась не такой уж опасной. Однако будь у меня шанс подняться и посмотреть на нее с воздуха, я бы, наверное, спал крепче.

Из Аль-Гуетарра мы полетели в Макнассу, где тоже не осталось ни одного из тех танков, что мы потеряли в сражениях.

Мальта, на которую мы прибыли в три часа, оказалась почти совсем другой, чем я ее себе представлял. Вся она усыпана маленькими деревушками, а пространства между ними — такими же маленькими полями. Все очень малогабаритное. Единственное место, где действительно просторно — аэродром.

На острове очень много пористого, легкого для разработки и податливого почти как дерево камня, который, однако, твердеет, находясь на воздухе.

Как теперь известно уже всему миру, чтобы спасти от налетов германской авиации жизненно важное оборудование, мальтийцы прятали его в пещерах. Между тем я сомневаюсь, что весь мир представляет себе, сколь огромны эти пещеры, а самое главное, как просто они сооружаются. И конечно же то, как быстро британцам удалось справиться с последствиями немецкого блицкрига, было достойно всяческих похвал.

Все оборудование военно-воздушных сил, включая убежища в пещерах, продемонстрировал нам мой приятель маршал авиации Парк, который командовал королевскими ВВС на Мальте во время боев в здешних местах, и поработал на славу. В подразделениях британских ВВС на Мальте служат самые дисциплинированные, самые подтянутые солдаты и офицеры, которые когда-либо служили в авиации, причем я говорю здесь не только о ВВС Британии, но и о ВВС США.

На следующий день адъютант лорда Горта капитан Холленд устроил нам экскурсию по достопримечательностям острова. Мы посетили крепости, гавани, несколько церквей и другие места.

Форты на Мальте не такие, какие мне доводилось видеть в других землях. Архитектура укреплений довобановская[1], однако строились они явно в эпоху развития осадной артиллерии. Я хочу сказать, что стены там от двух с половиной до пяти метров толщиной, а бойницы на стенах и башнях предназначены скорее для орудий, чем для легкого стрелкового оружия.

---

[2] Себастьян Лепретр де Вобан (1633–1707) — французский военный инженер, революционизировавший осадное и оборонно-фортификационное дело. Он участвовал во всех войнах, которые вела Франция в период правления Людовика XIV. — *Прим. пер.*

Во время осады 1528 г. три крепости — одна из которых располагалась на самом острове, а две других на его ответвлениях, — в которых находилось всего четыре сотни рыцарей и сотен восемь солдат-наемников, смогли выстоять, отразив атаки сорокатысячного турецкого войска.

В строительстве крепостей использовались природные особенности острова. Чтобы построить укрепление, мастерам не приходилось складывать фундамент, им было достаточно вырубить его в скале, и уже на этом естественном основании складывать стены, доводя их до нужной высоты.

Немало интересного довелось мне повидать в библиотеке Мальтийского ордена, в экскурсии по которой нас сопровождал библиотекарь, умевший писать и читать на девяти языках и занимавшийся переводом древних манускриптов.

Одна рукопись, датированная 1420 г. и повествовавшая о жизни святого Антония, которого преследовал демон в обличии прекрасной женщины, показалась мне особенно интересной, потому что на рисунках в ней было показано, как эволюционировали рыцарские доспехи на протяжении трехсот лет — с начала XII и по начало XV в. Там была изображена лавка оружейника, и доспехи висели в ней, точно пальто и костюмы в ломбарде. И вот что интересно, большинство историков склонно разделять историю средневекового защитного вооружения по столетиям — в такое-то время кольчуга сменила пластинчатую броню, потом кованые латы вытеснили кольчугу — здесь же мы видели наглядный пример того, что по крайней мере, в 1400 г. кольчужные доспехи спокойно уживались с коваными — применение находили и те и другие.

Другой фолиант оказался одним из первых экземпляров Библии, отпечатанной с использованием деревянных шрифтов. При этом все заглавные буквы были пропущены, а затем писец вписал их от руки.

Чтобы стать рыцарем Мальтийского ордена, необходимо было иметь шестнадцать поколений благородных предков, так что любому, кто собирался вступить в орден, надлежало представить свое генеалогическое древо, которое изучала специальная комиссия по геральдике, и только после тщательной проверки на предмет ошибок или подтасовок кандидата принимали в обитель. Многие эти древа порой уходили корнями в XII век.

В дополнение к чистейшей родословной рыцарю предстояло прослужить простым бойцом на галере в течение полутора лет, а затем отработать некоторый срок в госпитале.

Рыцарь также давал четыре обета — клятвы бедности, целомудрия, смирения и покорности. Клятва бедности обязывала его отдавать четыре пятых своей собственности в казну ордена. Однако если рыцарь делал в ордене карьеру, он получал воздаяние сторицей, так что многие братья завершали жизненный путь в богатстве и

роскоши. Особенно это касается последних веков, проведенных орденом на Мальте, потому что тогда госпитальеры взяли в свои руки пиратский бизнес в Средиземноморье. Под предлогом войны с турками, которую вели на море с самого своего водворения на Родосе, мальтийские братья охотились уже не только за мусульманскими кораблями, но и за всеми, которые им только удавалось догнать.

Обеспечение условий для исполнения обета целомудрия было идефикс одного великого магистра, который, стремясь оградить братьев от соблазна, переселил всех девиц и дам на противоположную сторону гавани. Чтобы попасть на свидание со своей возлюбленной, рыцарю приходилось преодолевать водную преграду и этим обнаруживать себя. Естественно, такой брат заслуживал порицания со стороны тех, кто оставался на «правильном» берегу, однако он, несомненно, находил сочувствие у тех, кого встречал на другом.

С обетом смирения все обстояло куда проще — достаточно было вымыть ноги трем нищим в прощеный четверг. Исполнение клятвы послушания от рыцаря требовалось неукоснительно.

Замечу напоследок следующее. Нельзя забывать о том, что обыкновенный мальтиец никогда не видел гор, рек, озер, лесов и железных дорог. Более того, как мне рассказывали мои друзья, люди знающие, у него и не возникает ни малейшего желания увидеть что-нибудь из мною перечисленного.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОПЕРАЦИЯ «ОВЕРЛОРД»

Данная часть — краткое описание действий Третей армии и 19-й тактической воздушной бригады под командованием бригадного генерала (позднее генерал-майора О. П. Уэйленда) в ходе только что завершившихся боевых действий. Это — написанный по горячим следам неофициальный отчет, предназначенный для членов моей семьи и немногих близких друзей.

Я приношу свои извинения за то, что слишком часто употребляю личное местоимение первого лица единственного числа, а также за то, что порой критикую тех или иных людей, на место которых я ставил себя лишь умозрительно. Я должен добавить, что история, которую я расскажу, построена на фактах настолько, насколько это было возможно для меня, поскольку я руководствовался своими наблюдениями и записками, сделанными в ходе проведения операции.

Дж. С. Паттон-младший
Июль–август 1945 г.

ФРАНЦУЗСКАЯ КАМПАНИЯ – ОТ АВРАНША И БРЕСТА ДО МОЗЕЛЯ

С 1 августа по 24 сентября 1944 г.

28 июля 1944 г. генерал Паттон получил под свое командование Третью армию, уже высадившуюся в Европе.

Первая армия начала свое продвижение на Сен-Лô[1] 26 июля. Наступление продолжало набирать обороты и в следующие дни. Оно достигло кульминации, когда 1 августа генерал Паттон, точно гром среди ясного неба, ворвался со своей Третьей армией на Бретонский полуостров.

---

[1] Сен-Ло (Saint-Lô) — главный город департамента Марш в Нижней Нормандии, Северо-Западная Франция. — *Прим. пер.*

В течение двух недель подразделения Третьей армии очистили Бретань от немецких войск, преследуя бегущего неприятеля до Лорьяна и Бреста. Части Третьей армии освободили территории по течению Луары до Анжера и в своем движении на восток выплеснулись за границы Ле-Мана и Алансона. К концу августа, когда немецкие подразделения все еще оставались в некоторых портовых городах Бретани, напор наступления Третьей армии достиг своего пика, части ее, обойдя Париж, дошли до Реймса, Вердена и Комерси.

Не позднее 5 сентября части Третьей армии оказались у Меца и Понт-а-Муссона, а 15 сентября подразделения 12-го и 20-го корпусов из ее состава вышли на реку Мозель и на некоторых участках даже перешли ее. Планы высшего командования спутали карты Паттона и остановили победное шествие Третьей армии; нехватка горючего, боеприпасов и всего прочего сковала ее силы и не дала командующему развить инициативу.

На момент окончания этого этапа кампании, 25 сентября, Третья армия очистила от неприятеля западный берег реки Мозель к северу от Меца и прочно заняла позиции к востоку от нее. Прочно удерживались силами Третьей армии города Люневилль и Рамбервилль.

В период времени, описываемый в данной главе, Седьмая американская армия успешно высадилась в Южной Франции. Она смело и решительно устремилась навстречу частям Третьей армии; встреча частей обеих армий произошла 11 сентября к северу от Дижона.

Первая американская армия и Вторая британская армия двигались параллельными путями через Северную Францию; в первых числах сентября они достигли границы с Бельгией и захватили Антверпен и Намюр. Русские и румынские части пересекли Болгарию, и русские начали новое наступление к югу от Восточной Пруссии. Американская Девятая армия была сформирована уже на континенте и взяла на себя обязанности довести начатое Третьей армией освобождение портов Бретани от засевших там немецких войск.

Американские и британские ВВС продолжали оказывать поддержку наземным силам постоянными бомбардировками пока еще далеких от линии фронта объектов на территории рейха.

По окончании этого периода успехов британцы осуществили неудачную высадку десанта в Арнеме; Первая армия ломала зубы о неприступную линию Зигфрида в районе Ахена; Девятая армия постепенно завершила очистку от немцев Бретани, но все еще не могла выбить их из Лорьяна и Сен-Назера; Седьмая армия, очистив Эпиналь, приближалась к Труе-де-Бельфер.

P. D. H.

Экскурсия по Франции на танке

Когда в марте, апреле и мае 1944 г. я находился в штаб-квартире Третьей армии Соединенных Штатов в Англии, то постепенно

укрепился в мысли, что армия должна осуществить высадку либо на полуострове Шербура, либо где-то в окрестностях Кале. Лично мне более привлекательным казался второй вариант, хотя операция на данном участке обороны противника могла вначале оказаться дорогостоящей, зато на следующих этапах мы заплатили бы куда меньшую цену. Когда армия высаживается с моря на судах-амфибиях, необходимо выбирать точку как можно более близкую к объекту. Кале же находился ближе к цели, чем Шербур.

Обдумывая возможные варианты развития событий, я отмечал вехи, казавшиеся мне судьбоносными на нашем пути, места будущих решительных сражений с противником. Так, я сказал мистеру Дж. Дж. Макклою, заместителю министра обороны, когда тот приехал к нам в Англию, что первое крупное столкновение Третьей армии с врагом произойдет в районе Ренна. Вышло же так, что та битва стала второй.

Также я отметил Лаваль, Шатобриан, Нант, Анжер, Тур, Орлеан, а также Бурж и Невер, поскольку в тот момент я чувствовал, что нам следует двинуться к югу от изгиба русла Луары. Я до сих пор так и не решил, правильно ли мы сделали, что не поступили в точности так.

Во многих других отмеченных мной точках позднее тоже происходили сражения, однако, поскольку сейчас при мне нет моей карты, назвать их все я не берусь. Точно помню, что я пометил Шартр и Труа, а также, как ни странно, Вормс и Майнц. Интересно, что ориентировался я по карте автомобильных дорог с масштабом 1:1000000, и если, как говорят: «Один человек — модель всего человечества», то лучшей основы для планирования кампании, чем сеть автомобильных дорог, не придумаешь.

Думаю, для высшего командования карты с миллионным масштабом — как раз то, что нужно. Потому что полководец должен принимать глобальные решения о том, какие транспортные артерии нужно пересечь, какие крупные населенные пункты захватить, чтобы нанести врагу наибольший ущерб. Как захватывать эти города и дороги, уже не наше дело, этим должны заниматься командиры следующего эшелона, ориентируясь по картам более крупного масштаба, а лучше — принимая решения, изучив территорию на месте.

Я также читал «Нормандское нашествие» Фримана, внимательно примечая, какими дорогами пользовался Вильгельм Завоеватель в Нормандии и Бретани. Использование этих дорог даже в современных условиях позволяет обойти неприятеля и избежать приготовленных им ловушек.

6 июля в 10.25 наш самолет оторвался от земли, и берега Соединенного Королевства остались у нас[1] за спиной. Прошел ровно год,

---

[1] В данном случае под «у нас» следует понимать вот какую компанию Паттона: генерал-майор Х. Дж. Гэффи (позднее ставший начальником штаба

как мы вот так же покинули Алжир, чтобы высадиться в Сицилии. Пролетая над полуостровом, где располагался Шербур, мы видели вблизи берега огромное количество выведенных из строя судов. Когда мы приземлились и двинулись вдоль берега на машине, вид разбитых кораблей приводил меня в замешательство. Конечно, только часть их пострадала от огня неприятеля, гораздо больший урон нанес нам шторм, разбушевавшийся сразу же после начала операции. Береговые укрепления, особенно доты, впечатляли. То обстоятельство, что при всех этих факторах союзникам удалось успешно осуществить высадку, говорит о том, что хорошо подготовленная армия может выполнять поставленные задачи в любых условиях.

С берега мы поехали в штаб генерала Брэдли, находившийся к югу от Исиньи, где я провел первую ночь под грохот самой интенсивной канонады, которую мне только приходилось слышать в жизни. Наши войска вели артподготовку, а штаб-квартира Брэдли размещалась как раз рядом с артиллерийским корпусом, и, кроме того, ее со всех сторон окружали дивизионные батареи.

На следующий день мы поехали на наш первый на континенте командный пункт в Неу, что к югу от Брикбека. Считается, что замок Брикбек принадлежал кому-то из соратников Юлия Цезаря. Интересно, что донжон крепости имеет одиннадцать углов; в архитектуре его отражается процесс трансформации ранней четырехугольной башни в круглую. По дороге на командный пункт мы проехали через мост в Карантане, который, как считалось, мог простреливаться неприятелем. Потому следовали мы на очень высокой скорости, соблюдая значительные интервалы между машинами. Каково же было мое удивление, когда я увидел на том самом мосту четверых наших парней, занятых рыбалкой. Однако никто из важных гостей не отказал себе в удовольствии позднее упомянуть об опасности, которой подвергался, проезжая мост.

Благодаря стараниям генерала Гэя[1], приложившего немало усилий, чтобы устроить все, как должно, наш командный пункт расположился в саду среди яблонь.

Находясь там, я дал себе труд обследовать немецкие линии обороны вокруг Шербура как с земли, так и с воздуха. Я полагал, что немцы, как народ методичный и последовательный, не создадут ничего неожиданного — чего-то такого, чего мы не встречали у них прежде. Мои наблюдения убедили меня в том, что оборонительные

Третьей армии), адъютанты генерала Паттона подполковник С. Р. Кодмен и майор Александер Стиллер, а также сержант Микс и, разумеется, собака генерала Вилли.

[1] Бригадный генерал, позднее генерал-майор Хобарт Р. Гэй занимал пост начальника штаба при генерале Паттоне на протяжении всей войны, за исключением короткого периода, когда Паттон находился в Англии, а также на протяжении нескольких первых месяцев кампании в Европе. См. Приложение F.

линии противника не столь уж неприступны, и практика доказала основательность моих суждений.

Всю северную оконечность Шербурского полуострова покрывали пусковые установки для ракет Фау-1. Довольно интересные штуковины. Обычно строилось бетонное ответвление от главной дороги и маскировалось землей и пылью. Ответвление заканчивалось бетонной площадкой или периметром размерами в два теннисных корта, на краю которого могли останавливаться грузовики. Ближе к центру периметра имелось несколько отверстий. Некоторые площадки были снабжены углублениями, предназначавшимися для хранения ракет, некоторые нет. Процедура запуска Фау-1 выглядела следующим образом. Ночью приезжали грузовики, привозившие ракеты и разборную эстакаду, штанги которой устанавливали в упомянутые мною выше углубления так, чтобы сооружение имело угол наклона примерно тридцать градусов от земли. Каждая такая эстакада смотрела в какую-то строго определенную сторону, и запускаемая с нее ракета летела к заранее заданной цели. Когда кончался боезапас, все оборудование собиралось и увозилось. Кого-то оставляли специально, чтобы замаскировать периметр. Делалось это весьма успешно, потому что из множества подобного рода площадок, которые я посетил, лишь немногие серьезно пострадали от ударов авиации.

Попадалась нам еще одна громадная конструкция неизвестного назначения — насколько я знаю, до сих пор так никто и не понял, для чего она предназначалась. Она состояла из бетонной полосы длиной в полтора километра и шириной метров двадцать — двадцать пять, соединявшей две насыпи. На каждой стороне имелись забетонированные конусообразные углубления примерно метров по тридцать в глубину и шириной в верхней части пятьдесят — шестьдесят метров. Как мне думается, материала на изготовление этого сооружения пошло больше, чем на строительство пирамиды Хеопса. Не менее трех тысяч лагерников трудилось над ее возведением, но, судя по всему, строительство не довели даже до середины.

12 июля скончался генерал Рузвельт, и пока мы прощались с ним на кладбище в Сен-Совере, наши зенитки, стрелявшие по немецким самолетам, словно бы салютовали в честь храброго солдата, каким был Тедди.

17-го числа нас посетили министр обороны Стимпсон вместе с мистером Банди[1] и генералом Серлсом[2].

24-го погиб полковник Флинт[3], а 26-го мы похоронили генера-

[1] Харви Х. Банди — специальный помощник министра обороны.

[2] Генерал-майор Александер Д. Серлс — начальник отдела по связям с общественностью министерства обороны США.

[3] Полковник Гарри А. (Пэдди) Флинт — командир 39-го пехотного полка 9-й дивизии (на момент своей смерти).

ла Макнейра[1]. Пэдди понравилось бы, как были организованы его похороны. Мы заказали для него специальный гроб и водрузили его на вездеход, который и вез гроб до места погребения. До могилы его несли командующий армией, три командира корпусов, начальник штаба армии и его заместитель и вся штабная братия, кто только оказался свободен в тот момент.

Похороны же генерала Макнейра, напротив, были по соображениям безопасности очень скромными. Присутствовали только Брэдли, Ходжес, Квесада[2] и я.

Вечером 24-го меня посетил генерал Генри[3], и мы приятно провели время, осматривая пусковые площадки для Фау-1 и беседуя с солдатами 6-й бронетанковой дивизии.

Первое мое воскресенье в Нормандии было довольно впечатляющим. Я посетил католическую мессу, которую священник служил в полевых условиях. Во время службы все мы были при оружии, и, когда преклоняли колени, опускаясь на раскисающую под моросящим дождичком землю, вдали грохотали орудия, а небо кишело самолетами, поднявшимися со своих площадок, чтобы убивать — делать как раз то, что наша религия... запрещает.

Всегда с некоторой неприязнью вспоминаю время, проведенное в яблоневом саду, поскольку меня все не покидала мысль о том, что война кончится раньше, чем по-настоящему для меня начнется. Я также был уверен, что если бы мы постарались, то могли бы продвигаться быстрее. Я не раз заявлял и теперь также остаюсь верен этому мнению, что массированная артподготовка, использование снарядов с неконтактными взрывателями[4] позволили бы нам прорвать оборону неприятеля в районе Авранша и обеспечить более быстрое развитие событий на западном направлении силами всего двух танковых и двух пехотных дивизий и без необходимости дожидаться массированных бомбардировок с воздуха.

Моя уверенность в том, что события могли бы развиваться именно таким образом, только усилились, когда ребята из 3-й тан-

---

[1] Генерал-лейтенант Лесли Дж. Макнейр — начальник сухопутных частей армии.

[2] Генерал-лейтенант, позднее генерал (четырехзвездный) Омар Брэдли — командующий 12-й группой армий в Европе. Генерал-лейтенант С. Х. Ходжес — командующий Первой армией США, генерал-майор Э. Р. (Пит) Квесада — командующий 9-й тактической воздушной бригадой.

[3] Генерал—майор Гай В. Генри — штаб министерства обороны.

[4] Неконтактный взрыватель — также радиолокационный или дистанционный взрыватель. Такие взрыватели ставились на авиабомбах, снарядах и минах. Специальный радар улавливает цель на определенном расстоянии до нее (например, когда снаряд находится на удалении 6–15 м от поверхности земли) и активирует взрыватель. От осколков пехоту в таких случаях не спасают даже окопы. — *Прим. пер.*

ковой дивизии установили на танках изобретенные ими «противоизгородевые совки». Впоследствии они были усовершенствованы полковником Никсоном[1]. Дело в том, что Шербурский полуостров и изрядная часть Восточной Бретани покрыты так называемыми «бокажами» — маленькими полями, окруженными насыпями высотой от полутора до двух метров с живыми изгородями на них. Это создавало проблемы для продвижения пехоты, однако танковые совки врубались в препятствие легко, точно ложка в теплое масло.

Ориентирами нам служили кресты на перекрестках дорог, используемые нашими связистами в качестве дополнительных телефонных столбов. Хотя крестам от такого обращения было ни холодно ни жарко, все же как-то не по себе становилось от мысли, что они невольно превращались в проводников смерти — ведь по проводам отправлялись приказы убивать.

Прежде чем в полдень 1 августа Третья армия вступила в действие, 28 июля генерал Брэдли устным приказом назначил меня ее командующим и открыл мне свой план, заключавшийся в том, чтобы на начальной стадии задействовать два корпуса — 8-й корпус Мидлтона на правом фланге и 15 корпус Хэслипа на левом[2].

Остальная часть Третьей армии, состоявшая из 12-го корпуса (80-я дивизия) и 20-го корпуса (2-я французская бронетанковая дивизия), была на том этапе не готова к ведению боевых действий.

В соответствии с нашими планами 29-го числа я отправился на встречу с войсками, располагавшимися неподалеку от Кутанса, и нашел парней из бронетанковой дивизии прохлаждающимися на дороге. Тем временем их штабисты, надежно замаскировавшиеся в доме за церковью, по уши ушли в изучение карт. Я поинтересовался, почему они не перешли реку. На это штабисты ответили, что как раз и занимаются изучением данного вопроса, но никак не могут найти подходящего места. Я спросил, как давно они поглощены данной проблемой, а они сказали, что просмотрели всю карту до дыр, но ничего так и не обнаружили. Тогда я открыл им один секрет — рассказал, что переправился через эту реку, и глубина воды

---

[1] Полковник Томас Ф. Никсон — начальник обеспечения артиллерии при генерале Паттоне на протяжении всей войны.

[2] 8-й корпус (командир Мидлтон)
4-я бронетанковая дивизия
6-я бронетанковая дивизия
8-я пехотная дивизия
9-я пехотная дивизия

15-й корпус (командир Хэслип)
5-я пехотная дивизия
83-я пехотная дивизия
90-я пехотная дивизия

в ней всего полметра, а единственной помехой их железной армаде будет один вражеский пулеметчик, который, судя по тому, что он никак не мог в меня попасть, стрелять вообще не умеет. Я повторил пословицу, которую очень любят японцы: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», а затем спросил, какого черта они сидели здесь в штабе вместо того, чтобы пойти и немножко промочить ноги. Урок пошел ребятам на пользу, и с тех пор они действовали так, что ничего, кроме хорошего, я о них сказать не мог.

Утром 31 июля мы перенесли наш командный пункт севернее дороги Гранвилль — Сен-Север-Ландлен. Здесь Вилли завел бурный романчик с собакой одной француженки и выкопал останки недавно похороненного немецкого солдата.

Мы с Гэффи и Гэем оставались на старом командном пункте до 15.45, и не зря, поскольку нам удалось связаться с тремя кавалерийскими подразделениями, которые были нам очень нужны. После ужина мы с Гэффи поехали на командный пункт 8-го корпуса в Бреаль. Увидев нас, Мидлтон обрадовался, поскольку как раз выполнил задачу, достигнув цели — выйдя на реку Селюн. Теперь он не знал, что ему делать дальше. Я сказал Мидлтону, что в истории не счесть баталий, проигранных только из-за того, что кто-то не сумел вовремя форсировать реку. Словом, я приказал ему немедленно переправляться. В то время как мы обсуждали с Мидлтоном возможности пересечь Селюн по мосту в районе Понтобу, зазвонил телефон и нам сообщили, что как раз тот самый мост, о котором мы говорили, хотя и поврежден, но пока еще годится для переправы. Данное известие, пришедшее столь своевременно, я расценил как знак свыше — гарантию будущих успехов Третьей армии. Также мы узнали, что 4-я бронетанковая дивизия овладела дамбой к востоку от моста, которая также вполне годится в качестве переправы, а также взяла четыре тысячи пленных. Получив эти сведения, я велел Мидлтону немедленно наступать силами 6-й танковой и 79-й пехотной дивизий на Брест и силами 8-й пехотной и 4-й танковой дивизий на Ренн, а также сформировать ударный корпус под началом генерала Х. Л. Эрнста[1] для продвижения вдоль северного побережья полуострова.

На обратном пути в штаб-квартиру я видел тела убитых немцев, позволю себе сказать, что один из них был мертвец — мертвее не бывает. Никогда прежде мне не приходилось встречать подобного. Он не то полулежал, не то полусидел под изгородью в полной форме с каской на голове, и даже ремешок ее находился у него под подбородком. При этом немец был совершенно черным. Ни разу не видел, чтобы трупы выглядели именно так.

Утром 1 августа все в нашем лагере были поглощены бурной деятельностью — все, кроме нас с Харкинсом, поэтому в полдень мы

---

[1] См. Приложение Н.

с ним решили немного выпить в честь рождения Третьей армии[1]. Все, чем мы смогли разжиться, оказалась бутылка бренди весьма сомнительного качества, которую Харкинсу дал Кампаноль[2]. Мы попробовали глотнуть из этой бутылки, да чуть не поперхнулись.

Проход двух армейских корпусов (8-го и 15-го) через Авранш[3] казался штукой невозможной, однако корпуса прошли там. Задачу удалось выполнить только благодаря активной помощи ветеранов из штаба дивизии и усилиям самого ее командира, лично выбиравшего направление и контролировавшего каждый шаг своих ребят. Мне совершенно очевидно, что, если бы случилась пробка, наши потери, особенно потери мотопехоты, были бы чудовищными. Я прекрасно понимал это и тогда, когда отдавал приказ, и все время повторял себе: «Собственный страх и опасения — самый худший советчик. Никогда не бери в советчики собственные страхи».

Первая, и главная, задача Третьей армии заключалась в том, чтобы захватить и удержать позиции за рекой Селюн между Авраншем и Сент-Илер-де-Аркуе. Я считал, что лучше и правильнее всего будет обеспечить выполнение поставленной задачи путем немедленного овладения Брестом и Лорьяном, и взялся выполнить данную миссию.

К вечеру 1 августа 6-я бронетанковая дивизия захватила Понторзон, где мы с Беатрис[4] провели как-то ночь в 1913 г., когда ездили в Мон-Сен-Мишель. Во время операции дивизия потеряла батарею самоходок, причем исключительно по глупости. Орудия выдвинулись слишком далеко на передовую, к тому же разместились непозволительно близко друг к другу, да еще подразделение сопровождения отсутствовало. К сожалению, виновный в случившемся офицер погиб в бою. В тот же самый день 4-я танковая находилась около Ренна, где произошла одна забавная вещь. Где-то за час до захода солнца мы получили сообщение о быстром продвижении танковой колонны неприятеля к юго-западу от Ренна. Я попросил командовавшего 19-й тактической воздушной бригадой генерала Уэйленда послать против тех танков наши штурмовики. Через некоторое время мне доложили, что летчики не могут обнаружить танки противника. Скоро, однако, выяснилось, что это было не что иное, как колонна 4-й танковой, продвигавшаяся к Ренну с северо-востока. Но раз уж штурмовики прилетели туда, они

---

[1] Полковник Пол Д. Харкинс — заместитель начальника штаба генерала Паттона на протяжении всей войны. См. Приложение F.

[2] Полковник Н. У. Компаноль — начальник отдела Третьей армии по вопросам гражданского населения. См. Приложение F.

[3] Авранш (Avranches) — портовый город в департаменте Марш в регионе Нижняя Нормандия на Северо-Западе Франции. В этом городе поставлен памятник генералу Джорджу С. Паттону-младшему. — *Прим. пер.*

[4] Жена генерала Паттона, Беатрис Эйер Паттон.

расчистили путь нашим танкам, отбомбившись по позициям неприятеля в направлении движения 4-й дивизии. Вообще же этот эпизод стал первым в цепи многих похожих, имевших место позднее. Между Третьей армией и 19-й тактической авиабригадой возникла любовь с первого взгляда.

2 августа мы со Стиллером присоединились к находившимся на марше в восточном направлении от Авранша колоннам 90-й дивизии и некоторое время следовали вместе с ними. К тому моменту успехи данного подразделения представлялись весьма и весьма сомнительными, но оно уже перешло под командование генерала Маклейна и генерала Уивера. Когда мы достигли точки, где дорога поворачивает на юг к Сент-Илеру, я встретил Маклейна и Хэслипа и узнал от них, что дальше вниз по дороге за обладание мостом ведет бой Уивер. Вот так происходило рождение одной из лучших воинских частей, в которую превратилась 90-я благодаря усилиям этих двух людей. Впоследствии дивизии также везло — ее возглавляли и другие прекрасные командиры[1].

На обратном пути в штаб мы с Хэслипом увидели молодого офицера, выпрыгнувшего из джипа и опрометью метнувшегося в ров вместе со своими солдатами. Я подъехал поближе и поинтересовался, что случилось. Мне ответили, что в небе над нами немецкий самолет. Я посмотрел вверх и действительно увидел самолет. Однако он находился очень высоко и не мог причинить нам вреда. Чувствовалось, что парни новички, и это их первый бой, а потому они очень сильно нервничали. Поняв, что напрасно волновались, и испугавшись, как бы я не посчитал их трусами, они помчались обратно в свою машину с еще большей скоростью, чем выпрыгнули из нее.

Возвращаясь из Авранша, я стал свидетелем самого ужасного несчастного случая, который мне когда-либо проходилось видеть. Один военнослужащий из инженерной части свалился с бульдозера, и машина переехала его, буквально разрезав тело вдоль пополам. Однако парень был еще жив, и, пока не приехали медики, я дал ему морфий.

В те дни немцы довольно часто совершали авианалеты на нас, хотя по сравнению с тем, какой ад устраивали им мы, можно сказать, что они нас вовсе и не бомбили. Как-то раз ночью менее чем за час они сбросили как минимум сто бомб — я считал взрывы. Конечно, сам тот факт, что я мог слышать их отдельно, говорил о рассеянном характере бомбометания.

В другую ночь немцы не спешили, они как следует прицелились и разбомбили своих собственных солдат, взятых нами в плен и посаженных под замок. Начальник военной полиции выпустил пленных, и из нескольких тысяч, за исключением пятидесяти человек,

[1] О составе Третьей армии см. Приложение Н.

все вернулись. Возвратившиеся были возмущены тем, что сделали их соплеменники, и говорили об этом весьма свободно.

4-го мы с Кодменом и Стиллером решили отправиться на поиски 6-й бронетанковой дивизии. Стиллер ехал впереди на бронемашине, а мы с Кодменом последовали за ним на джипе через Авранш, Понторсон, Комбур и Мердриньяк. На пути нам повстречался выглядевший очень перепуганным офицер связи, который уверял, что дорога простреливается неприятелем. Позднее мы поняли, что парень был малость не в себе. Тем не менее поездка по пятнадцатикилометровому участку дороги, которая считается еще не отбитой у неприятеля, и не видеть при этом никого из своих, стоила нам нервов. Наконец мы наткнулись на командный пункт дивизии, и все волнения остались позади.

На следующий день я с большим изумлением выяснил, что те вчерашние пятнадцать километров мы проехали прямо через позиции немецкой дивизии. Я уж не стал говорить своему начальнику разведки, что никакой немецкой дивизии там не обнаружил.

По мере того как мы продвигались в глубь Бретани, отношение к нам местного населения улучшалось. Думаю, потому, что тут происходило меньше боев и не было интенсивных бомбежек. Нормандцы с Шербурского полуострова особой симпатии к нам не испытывали: что мы, что немцы — все бомбили их города.

Так как мне приходилось преодолевать большие расстояния, я старался путешествовать больше по воздуху на самолете связи L-5, с борта которого я видел немало разбитых самолетов. Странное и почти мистическое зрелище. Они напоминали мне изъеденных жуками мертвых птиц. Планеры с большими тяжелыми носами казались похожими на стрекоз.

Как-то раз во время поездки в 12-ю группу армий, в штаб-квартиру генерала Брэдли, я посетил Сен-Ло, где мы с Беатрис в 1913-м останавливались и купили кое-что из мебели. То были спокойные довоенные времена. В теперешнюю мою поездку на город было страшно смотреть: казалось, нигде больше на земле нет такого количества разрушенных зданий. Во всяком случае, я ничего подобного не видел... раньше. Потом уже видел и не такое.

7 августа немцы решили обрушить на нас всю мощь своей бомбардировочной авиации. Однако сбрасывали они в основном небольшие бомбы весом не больше ста килограммов и легкие осколочные бомбы. Во время этой операции они разбомбили один из наших складов, где хранилось не меньше тысячи тонн различных боеприпасов. Прошло три дня, а они еще продолжали взрываться.

7-го же — то есть уже в начале второй недели — 83-я дивизия 8-го корпуса вышла в предместья Сен-Мало. 6-я танковая была рядом с Брестом, но, к сожалению, не в Бресте. Динар захватило мобильное пехотное подразделение 8-й дивизии, которая продолжала

продвигаться по полуострову к западу от Сен-Мало, чтобы нанести удар по Динару. 4-я бронетанковая дивизия находилась в Ванне и приближалась к Лорьяну, 79-я перешла реку в районе Лаваля, а 90-я — в районе Майенна. Тем временем 5-я бронетанковая почти достигла Шато-Гонтье, а части разведчиков все той же 8-й дивизии были в Шатобриане.

В 08.30 к нам явился один американский летчик, сбитый в предместьях Анжера, но спасенный французом из внутренних войск. Он сказал нам, что на всем пути от Анжера до Шатобриана не встретил ни одного крупного подразделения немецких войск, за исключением корпуса связистов, прокладывавшего телефонную линию и двигавшегося в восточном направлении. Кроме того, летчик заверил нас, что мост в Анжере уцелел. Я послал генерала Гэффи, француза и штабного подполковника Картера[1] в Витри, с тем чтобы они создали штурмовой отряд из частей 5-й пехотной дивизии, нескольких танков и подразделений разведчиков для немедленного наступления и взятия Анжера. Конечно, операция могла оказаться довольно рискованной, однако война есть война. На сей раз ребята рисковали не напрасно — внезапность их появления сыграла благоприятную роль, хотя немцы все же успели взорвать мост прямо перед их носом.

Позднее в тот же самый день до нас дошли слухи, что немцы сосредотачивают свои части на линии Мортен — Барантон[2] и готовят атаку на Авранш силами нескольких бронетанковых дивизий. Лично я считал, что противник блефует, надеясь лишь обеспечить свое отступление. Тем не менее я велел 80-й и 35-й дивизиям остановить свое продвижение, а также послал предупреждение 2-й французской бронетанковой дивизии, расположенной в окрестностях Сент-Илер, с тем чтобы они были готовы к возможной атаке неприятеля.

8-го мы с Хьюзом[3] отправились на машине в Доль, где, как считалось, должен был находиться самый большой в мире фаллический символ. Мы, однако, не обнаружили данный объект и поехали проведать 8-й корпус, а затем проследовали дальше в окрестности Сен-Мало, который штурмовала 83-я дивизия. Ее командира, Макона, я нашел в первых рядах атакующих. Когда он увидел в машине нас с генералом Хьюзом, то буквально побелел, очевидно решив, что я приехал отстранить его от командования дивизией. Поняв, чего он испугался, я прокричал: «Все в порядке, все отлично!» В действительности дивизия заслужила только хорошей отметки, отлично им в тот момент я бы поставить не мог.

---

[1] Подполковник Б. С. Картер — помощник начальника разведки Третьей армии США.

[2] Регион Нижней Нормандии. — *Прим. пер.*

[3] Генерал-майор Э. С. Хьюз из штаба генерала Эйзенхауэра.

Они взяли тысячу триста пленных, но сами потеряли уже восемьсот человек[1].

В тот же день мы распорядились, чтобы 15-й корпус начал наступление на оборонительные порядки противника на линии Алансон — Сес. 8-го Сен-Мало пал под ударами 83-й дивизии, 5-я же подавила последние очаги вражеского сопротивления в Анжере.

Генералы Спаатс[2], Теддер и Брэдли прибыли в штаб-квартиру. Впервые все мы собрались вместе после Гафсы[3]; именно в тот самый день немцы бомбили главную улицу, причем не черной ночью, а белым днем, хотя Спаатс и уверял меня, что небо под полным контролем британцев. Теддер сказал тогда, смеясь: «Клянусь, Паттон специально договорился с немцами — они действуют в его духе!» Я заверил его, что с немцами не договаривался, но если бы мне повстречался командир вражеской эскадрильи, счел бы своим долгом наградить его. Он заслуживал этого хотя бы за то, что дал нам прекрасную возможность посмотреть, как быстро могут бегать арабы и их верблюды.

Меня все больше беспокоили брешь во фланге американской армии между Сент-Илером и Майенном, а также вторая — к юго-западу от Алансона. Единственный способ залатать прорехи — сосредоточить силы 8-й бронетанковой в Фужере.

11-го мы с Кодменом посетили штаб 15-го корпуса, находившийся к северо-востоку от Ле-Мана, затем 79-ю и 90-ю пехотные и 5-ю бронетанковую дивизии. Мне не удалось найти генерала Леклерка из 2-й французской бронетанковой дивизии, поскольку тот объезжал фронт. Несмотря на то что я следовал за Леклерком дальше, чем предписывалось мерами безопасности, я его так и не повстречал. За день до этого французские и наши танкисты из 5-й дивизии вступили в тяжелый бой с противником, потеряв сорок машин.

Во время моей поездки произошел забавный случай. Я всегда требовал, чтобы противотанковые орудия скрытно устанавливались в точках, с которых расчет имел бы хороший обзор местности, оставаясь до самого последнего момента невидимым для неприятеля. Тут же на перекрестке трех дорог у креста стояла вовсе незамас-

---

[1] В тот момент, когда генерал Паттон прибыл в расположение 83-й дивизии в предместьях Сен-Мало, наступило затишье. Однако постреливали снайперы, так что, несмотря на видимость спокойствия, высовываться было далеко не безопасно. Паттону такое положение не нравилось, и он предложил, чтобы они вместе с Маконом и Хьюзом переместились бы поближе к переднему краю наступающих. Как говорят, Макон ответил: «Генерал, если мы продвинемся хотя бы еще на тридцать — сорок метров, то окажемся уже на позициях противника». Больше он ничего не сказал.

[2] Генерал — лейтенант Карл Спаатс — командующий ВВС Соединенных Штатов, подчинявшийся генералу Эйзенхауэру.

[3] Гафса — город в Тунисе, где во время военных действий союзников в Северной Африке находилась штаб-квартира генерала Паттона.

кированная пушка. Я всыпал командовавшему расчетом сержанту по первое число за невыполнение моих распоряжений. Когда я закончил, сержант ответил: «Так точно, сэр, но вчера мы с этой самой позиции сняли два немецких танка». Пришлось мне перед ним извиниться. Что же произошло? Может быть, святость места защитила нашу пушку?

Мы выработали план, согласно которому 7-я бронетанковая дивизия должна была переправиться через реку Майенн в районе Майенна и выступить на Алансон, в то время как 80-я дивизия двинулась бы на север, чтобы соединиться с 7-й на дороге Лаваль — Ле-Ман. Когда же части Первой армии окажутся в зоне действий 35-й дивизии, последнюю можно будет высвободить, чтобы затем объединить все эти дивизии и сформировать 20 корпус, который потом разместить слева от 15 корпуса. 5-я пехотная дивизия за исключением штурмовой бригады, все еще находящейся в Анжере, сосредоточится в Ле-Мане, и как только 4-я бронетанковая освободится, то присоединится к ней. Две вышеназванные дивизии образуют 13-й корпус, готовый выступить на северо-восток, или, иными словами, будут действовать к югу от 15-го корпуса на правом фланге армии.

Немцы, засевшие на островах близ Сен-Мало, все еще вели огонь из дальнобойных орудий по сосредоточенным на берегу нашим частям, и как я ни пытался добиться от британских ВМС разрешения данной проблемы, пока все оставалось по-старому. Мы также решили попросить воздушной поддержки против Динара, поскольку несли неоправданно большие потери вследствие того, что старались не бомбить города.

По дороге к нашему новому командному пункту, расположенному в десяти километрах к северо-западу от Ле-Мана, мы с Кодменом остановились в Шато-Фужере. С военной точки зрения, это был самый лучший замок, когда-либо виденный мною в жизни, поскольку гражданское население там отсутствовало со времен Ришелье, который приказал разрушить жилые постройки и переоборудовать крепость для сугубо военных целей. За всю историю замка его удалось взять штурмом только дважды — в первый раз это произошло примерно в 1100 г., а во второй — теперь.

13-го числа стало совершенно ясно, что от 20-го корпуса нам нет никакого проку, поэтому мы передвинули 7-ю танковую и 5-ю пехотную дивизии к северо-востоку от Ле-Мана, отослав штурмовую бригаду 80-й дивизии в Анжер. Это позволило нам сформировать из 4-й бронетанковой и 35-й пехотной дивизий 12 корпус. 15 корпус, состоявший, как прежде, из 5-й бронетанковой, 2-й французской бронетанковой, а также 90-й и 79-й пехотных, занял линию: Алансон — Се — Ажантан. Наши части могли бы легко войти в Фалез и полностью закрыть дыру во фланге, но нам приказали не делать этого, якобы потому, что британцы сбросили здесь боль-

шое количество бомб замедленного действия. Данная остановка была большой ошибкой высшего командования, поскольку я уверен, что мы могли взять Фалез, и совершенно не уверен, что подобная задача была по плечу британцам. По правде говоря, когда мы получили приказ отступить, наши разведчики подобрались уже практически вплотную к городу.

Вследствие вынужденной остановки 15-го корпуса 20-й корпус выдвинулся к Дрэ, а 12-й — к Шартру. Перегруппировавшись подобным образом, армия, состоявшая из четырех корпусов (7, 12, 15 и 20-го), могла без помех вести наступательные действия в любом направлении, что она в действительности и делала как 12-го и 13-го числа, так и позднее.

Благодаря талантам адъютанта полковника Каммингса, система управления Третьей армией была построена так, что позволяла командованию армии манипулировать непосредственно дивизиями, оставляя корпусам законные функции тактических единиц в зоне их действия. Вследствие такой организации мы легко могли заменять дивизии, когда нам это требовалось, не теряя времени и не упуская инициативы. Нам никогда не приходилось проводить перегруппировок, что, похоже, стало любимой забавой армейского командования у британцев.

К 14 августа Третья армия продвинулась дальше и продолжала продвигаться вперед быстрее, чем любое другое войско в истории. Ночь 14-го числа стала первой с начала операции, когда немцы нас не бомбили, однако утром мы подверглись налету сбившегося с курса американского бомбардировщика.

Мы с Кодменом полетели в Ле-Ман. Не помню случая, чтобы я когда-нибудь с большей неохотой поднимался на борт воздушного судна. Дело в том, что в штабе буквально все уверяли меня, что, если нас не собьют немецкие самолеты, это сделают американские зенитчики, ставшие в последнее время из-за постоянных бомбардировок очень чувствительными в отношении любых летательных аппаратов у себя над головами. То был один из немногих дней в моей жизни, когда я ощущал реальную угрозу гибели. К счастью, все обошлось.

Мы приземлились около дороги и тут же остановили проезжавший мимо джип медицинской службы. Однако прежде чем сесть в него, я попросил убрать флаг с красным крестом, так как не хотел ехать под чужим знаменем, прикрываясь эмблемой организации, чья задача не убивать, а спасать от смерти. Повидавшись с Маклейном в 90-й дивизии, мы направились в штаб 15-го корпуса, чтобы сориентировать в обстановке Хэслипа. Он согласился со мной относительно того, что с двумя дивизиями он может выступить на Дрэ, а двумя другими прикрыть «Фалезское окно» в нашей обороне. Позднее я встретился с Брэдли, и он одобрил наш план, вследствие чего 15-й корпус выступил на Дрэ, 20-й — на Шартр, а 12-й —

на Орлеан. Он также разрешил мне взять и использовать для марш-броска на восток 80-ю дивизию, заполнив ее место в 8-м корпусе дивизией из Первой армии, количество подразделений в которой, таким образом, сокращалось. В итоге к концу дня ситуация выглядела следующим образом: три корпуса должны были начать наступление на восток в 20.30, а на 8-й корпус возлагалась задача покончить с немцами в Бретани.

Чуть к востоку от Ле-Мана я видел пример отличного взаимодействия воздушных и наземных частей. На протяжении трех или даже четырех километров на дороге было полным-полно вражеской техники — грузовиков и бронемашин, носивших на себе «фирменные знаки», оставленные им пулеметами штурмовиков Р-47[1]. Следы от пуль 50 калибра виднелись также и на асфальте. Когда танки и самолеты действуют слаженно, результат всегда бывает превосходным. Танки способны двигаться достаточно быстро, чтобы не дать противнику времени съехать с дороги и развернуться, а коль скоро он остается в колонне, хуже беды, чем могут принести ему штурмовики, не придумаешь. Чтобы достигнуть лучшего взаимодействия, необходимы две вещи. Первое, доверительное и братское отношение друг к другу представителей различных родов войск — в данном случае танкистов и авиации. Второе — быстрое, требующее крайнего напряжения сил продвижение наземных частей. Командиры не должны бояться пролить лишнюю каплю пота, ибо капли эти сохраняют много содатской крови.

Боевой дух рос даже в госпиталях, а случаи «утомления войной»[2] и самострелы резко пошли на убыль — солдатам всегда нравится играть за команду, которая побеждает.

Ко мне явился крайне расстроенный генерал Леклерк, который указал мне на то, что его ребята и 90-я дивизия бездействуют, тогда как 79-я пехотная наступает на Дрэ. Я объяснил ему, что это сделано для получения максимальной отдачи от применения военной силы и что меня совершенно не волнует, кто первым форсирует Сену и какой политический резонанс это вызовет. Несмотря на то что в начале беседы мне пришлось проявить жесткость, мы с генералом Леклерком расстались друзьями.

Снова нас пугали пятью танковыми дивизиями, сосредоточенными в районе Аржантана, и я получил приказ остановить продвижение частей Третьей армии на линии Дрэ — Шатоден. Так или

---

[1] Р-47, также называвшийся «Тандерболт» («Молния»), — истребитель и истребитель-бомбардировщик, находившийся на вооружении сил союзников во время Второй мировой войны. Одноместный одномоторный моноплан, Р-47 был разработан в США для удовлетворения потребностей фронта в высокоскоростных истребителях с большой дальностью полета. — *Прим. пер.*

[2] Battle fatigue — психическая травма, полученная в ходе боевых действий, так называемая «усталость от войны». — *Прим. пер.*

иначе, мне удалось убедить высокое командование, что нужно продолжать наступление. Это я и сделал на следующее утро.

15-го к нам прибыл князь Феликс[1] из Люксембурга.

16-го числа Стиллер, Кодмен и я отправились в только что взятый Уокером Шартр. Его мы встретили на мосту, который все еще простреливался неприятелем. Мост оказался частично разрушен прятавшимся в укрытии немцем. Когда передовые отряды вступили на мост, немец замкнул цепь, и несколько наших солдат погибло от взрыва. Затем виновник их гибели вылез из своего укрытия и сдался. Наши имели глупость взять его в плен.

В Шартре мы направились в штаб-квартиру 15-го корпуса в Шатонеф-ан-Тимере. Из-за инцидента с французским грузовиком у генерала Хэслипа было плохое настроение, однако боевой дух у его парней находился на высоком уровне.

В 18.30 16-го позвонил Брэдли и приказал мне силами 2-й французской бронетанковой, а также 90-й и 80-й дивизий штурмовать и захватить Трен, расположенный в «Фалезском окне». Он также сказал мне, что генерал Джероу, чей 5-й корпус в Первой армии «пощипали», взяв у него дивизии в атакующий Брест 8-й корпус моей армии, возглавит эти части (2-ю французскую бронетанковую, 90-ю и 80-ю дивизии) как командир корпуса. Брэдли также известил меня, что Джероу предпримет новую попытку взять Трен.

Я тут же послал Гэффи в Алансон выполнять приказ Брэдли и штурмовать Трен, а так как Брэдли призвал меня к себе, я договорился с Гэем, что, если командование решит заменить Гэффи на Джероу, я телефонирую Гэю: «Меняем лошадей» — и назову время начала атаки.

На следующее утро я узнал, что Джероу со своими штабными офицерами прибыл в штаб-квартиру Третьей армии. Я позвонил Гэю и отдал ему самый, как мне думается, короткий приказ, когда-либо отданный командиру корпуса: «Меняем лошадей в 06.00»[2].

В качестве компенсации за отобранные у нас три дивизии мы получили две дивизии, взятые из Первой армии, плюс два батальона рейнджеров.

В то же самое время я велел Хэслипу атаковать Мант-Гассикур силами 5-й танковой и 79-й пехотной дивизий. Овладев этим населенным пунктом, мы могли бы взять под контроль движение немецких судов по Сене.

17 августа произошел весьма грустный случай — из-за нарушения в системе кровообращения тяжело заболел генерал-майор Джилберт Кук, командовавший 12-м корпусом и занимавший пост заместите-

---

[1] Князь Феликс (1893–1970) — принц Бурбон-Пармский, супруг великой герцогини Люксембурга Шарлотты Альдегонды Элизы Марии Вильгельмины (1896–1985). — *Прим. пер.*

[2] Прибытие Джероу отложило атаку на двадцать четыре часа.

ля командующего армией во время высадки в Европу. Более он не мог выполнять своих обязанностей, что стало для нас обоих сильнейшим ударом, и я далеко не сразу смог смириться с вердиктом врачей. Кук был и остается бесстрашным солдатом и прекрасным командиром. Он не покидал свой пост до тех пор, пока позволяло ему пошатнувшееся здоровье. 19-го я попросил генерал-майора Мэнтона К. Эдди заменить Кука и принять командование 12-м корпусом. Эдди командовал 9-й дивизией в Тунисе и Сицилии, а также во время переправы через Ла-Манш и высадки на континенте.

Полковник Одем[1] получил ранение от пули снайпера, проезжая тем же леском, которым 16-го числа проезжал я. Он поднимался в свой джип и еще не успел сесть, когда почувствовал, как что-то ударило его выше сердца, и только потом услышал выстрел. Он коснулся места, куда попала пуля, и увидел, что рука у него в крови. Как только шофер понял, что случилось, он с криком: «Надо скорее убираться отсюда!» — так энергично развернул машину, что Одем чуть не вылетел из нее. Пуля ударилась в ребро и пошла в сторону, не попав в легкое. Случись иначе, Одем бы умер. Не слушаясь рекомендаций коллег? медиков, он спустя три дня после ранения вернулся к исполнению своих обязанностей.

Сицилийская кампания завершилась ровно год назад — 17-го.

19-го числа мы вместе с генералом Уайчем, командовавшим 79-й дивизией, вышли к Манту и увидели Сену. Я едва удержался от искушения отдать приказ о переходе реки, однако не стал делать этого, не посовещавшись с генералом Брэдли. После утомительного перелета, во время которого мы дважды поворачивали обратно из-за плохой погоды, я наконец добрался до цели. Брэдли не только одобрил мой план перехода Сены частями 79-й, но также распорядился о начале наступления 5-й бронетанковой из того же корпуса в северном направлении вдоль западного берега реки. В то время как 19-й корпус Первой армии под началом генерал-майора С. Х. Корлетта должен был следовать у нее в тылу с левого фланга. И, более того, Брэдли санкционировал исполнение предложенного мной плана, согласно которому 19-й корпус переправлялся в районе Мелена и Фонтенбло, а 12-й корпус — в Сансе. Становилось очевидным, что, если наши части сумеют благополучно переправиться на тот берег, и Сена и Йонна потеряют для немцев привлекательность как стратегические объекты. Меленская переправа была подобна той, которую осуществил Лабиэн[2] со своим Десятым легионом около 55 года до нашей эры.

Полковник Кодмен поехал в Ванн и вернулся оттуда с моим

---

[1] Подполковник Чарлз Одем — медицинская служба штаба Третьей армии.

[2] Т. Атий Лабиэн (T. Atius Labienus) — римский полководец. Легат легиона в армии Юлия Цезаря и фактически его заместитель в армии в период

старым другом генералом Кехлином-Шварцем из французской армии. Во время Первой мировой войны он занимал пост одного из главных инструкторов в академии для высших штабных офицеров в Лангре. Мы приятно провели время, вспоминая старые времена. Между прочим, генерал признался мне, что, если бы он в Лангре не то что взял на вооружение мою методику, а просто высказал мысль, что можно действовать так, как действую я, его бы сразу же определили в сумасшедший дом. Он также заявил, что, услышав о наступлении танковой дивизии на Брест, он подумал, что командую ей я. Я спросил его, почему, по его мнению, в 1940 г. французская армия оказалась так плохо подготовленной к войне. Он ответил, что еще лет за десять до нашествия немцев французские военные начали учиться только одному — как обороняться, но не как наступать.

20-го числа одна штурмовая бригада 79-й дивизии 15-го корпуса форсировала Сену в районе Манта. В то же самое время 5-я бронетанковая дивизия того же корпуса двинулась на север, атакуя Лувьер. В тот момент, когда она очищала от неприятеля Эврэ, слева в тыл ей ударили немецкие танки. 7-я бронетанковая, находившаяся в тот момент в Эврэ, пришла на помощь своим, и немцы отступили, потеряв десять танков. Тем не менее это столкновение замедлило продвижение 5-й бронетанковой.

Осуществляя планы, выработанные еще 20-го числа, я назначил время начала наступления 20-го и 12-го корпусов соответственно в Мелене, Монтро и Сансе с рассветом, утром следующего дня, 21 августа, чтобы ни у кого не было времени остановить меня. Однако для подстраховки я все же договорился с командирами корпусов о кодовом слове — «предварительная установка». Прозвучавшее для них на радиоволне, оно должно было означать: «Стоять на месте».

В такие моменты у меня всегда появлялось какое-то странное, может быть, даже смешное ощущение. Когда планы рождались у меня в голове, все казалось просто, но после того как я отдавал приказы и они начинали приводиться в действие, я, осознавая, что ничего уже изменить нельзя, начинал беспокоиться. В таких случаях я всегда повторял себе: «Собственный страх и опасения — самый худший советчик». Чувства эти сродни тем, которые возникали у меня во время участия в стиплчейзе. Я всегда сильно волновался перед скачками, а когда звонил колокольчик, означавший, что пора садиться в седло, меня и вовсе охватывал страх. Но как только давали отмашку и скачки начинались, страх мгновенно покидал меня.

Когда в этот раз я дал отмашку и «скачки» начались, Эдди — ко-

---

Галльской войны (58–50 гг. до. н.э.). В период гражданской войны переметнулся на сторону Помпея. — *Прим. пер.*

мандир 12-го корпуса — спросил меня, нужно ли ему беспокоиться за состояние дел на правом фланге. Я ответил, что все зависит от его природных наклонностей — то есть от того, очень он нервный человек или нет. Разумеется, у нас нечем было прикрыть правый фланг, однако наступление эшелоном — то есть дивизия за дивизией — могло свести на нет фактор отсутствия прикрытия. Если бы я всегда беспокоился о флангах, то никогда бы не выиграл ни одного сражения. Кроме того, я не сомневался, что наши летчики обнаружат любое вражеское соединение, по численности способное представлять для нас хоть маломальскую угрозу что они сумеют задержать его продвижение, и тогда у меня найдется время вытащить «кролика из цилиндра», чтобы в нужный момент преподнести неприятелю сюрприз.

Покончив с раздачей приказов, мы переместили командный пункт армии в Бру, что без малого в двадцати пяти километрах к северо-западу от Шатодена. Как раз в том лесу на Вилли набросилась стая, наверное, самых злющих шершней на свете. Командующему, начальнику штаба и его заместителю вместе с несколькими солдатами понадобилось двадцать пять литров бензина, чтобы уничтожить шершней. Вилли чувствовал себя плохо, и мы сделали ему примочки из соды.

Примерно в это время полковник Никсон взял три полных комплекта взрывателей для Фау-1 из трофеев, захваченных нами на аэродроме к северо-западу от Орлеана.

На 21 августа, по истечении трех недель военных действий, потери Третьей армии были таковы:

Убитыми	1713
Ранеными	7928
Пропавшими без вести	1702
Небоевые потери	4286
Всего	15 629[1]

Возмещение потерь на тот же самый период составляло 10622 человек. Это стало началом постоянного сокращения численности и, таким образом, снижения боевой мощи наших частей, вызванного недостатком пополнений. Положение наладилось только к середине сражения за Бастонь[2].

Неприятель, по нашим оценкам, к концу того же самого трехнедельного периода потерял:

---

[1] Эта сводка потерь и другие, приводимые в следующих главах, взяты из ежедневных штабных сводок по Третьей армии, из ее «экрана успеваемости». Они были верны настолько, насколько верны были поступавшие в штаб данные с мест боев.

[2] То есть в декабре 1944 — январе 1945 г. — *Прим. пер.*

Убитыми	11000
Пленными	49 000
Ранеными	48 000
Всего	108 000

Учитывая опыт кампаний в Тунисе и на Сицилии, мы знали, что наши подсчеты весьма точны. Расклад по потерям техники выглядел следующим образом:

Третья армия

Легкие танки	70
Средние танки	157
Орудия	64

Противник

Средние танки	269
Танки «Пантера» и «Тигр»	174
Орудия	680

Когда мы находились в лагере, нас посетили заместитель министра обороны судья Роберт П. Паттерсон и возглавлявший транспортные подразделения генерал Брегон Э. Сомервелл.

Войскам удалось успешно переправиться через Сену и Йонну в районе Монтро и Санса. 22-й корпус пока еще не смог справиться с поставленной задачей, так как солдаты 2-го пехотного полка (командир — полковник А. У. Рофф) 5-й дивизии вели ожесточенный бой с несколькими тысячами немцев в Бойе. Я осознал в тот момент, что благоприятный шанс выиграть войну в том, чтобы пустить Третью армию вперед тремя корпусами на линию Мец — Нанси — Эпиналь, где бы два из тех корпусов были ударными, а третий — вспомогательным. Я не сомневался в этом тогда, да и теперь ничуть не поколебался в своем мнении: если бы мы поступили так, то сумели бы перейти границу с Германией за десять дней. Автодороги и железнодорожные пути находились в таком состоянии, что позволили бы нам беспрепятственно продвигаться вперед.

В Орлеане части 5-й пехотной дивизии столкнулись нос к носу с какими-то гестаповцами, которые неудачно пытались унести ноги. Они также захватили прекрасный кадиллак, который был подарен штабу Третьей армии.

Я полетел в штаб-квартиру Брэдли, чтобы «продать» ему мой изложенный выше план, но, как тут же выяснилось, он сам отправился на встречу с генералом Эйзенхауэром и Монтгомери, чтобы сделать им аналогичное предложение. Разница заключалась лишь в том, что Брэдли предполагал осуществить операцию силами Первой и Третьей армий, я же — только одной Третьей.

Цитадель в Сен-Мало сдалась 83-й дивизии 21-го числа. Произошло это, как рассказывали, благодаря действиям одного немца, родившегося в Америке. Он попал в плен и был направлен работать на кухню, где вступил в контакт с двумя другими немцами — уроженцами Бруклина. Он убедил их в том, что лучший способ покончить с войной на данном участке — пробить дыру в резервуаре с водой, что они и проделали. В результате этого гарнизон вскоре начал ощущать нехватку воды и в итоге сдался. Правдива история или нет, не знаю, но мне она нравится.

Утром 23-го мы были крайне поражены появлением группы французов, прибывших в лагерь с каким-то предложением. Поскольку я решил, что они явились с предложением о сдаче, то согласился с ними поговорить. Однако скоро выяснилось, что их цель — приостановление боевых действий для спасения Парижа и, похоже, еще и немцев. Я отправил парламентеров к генералу Брэдли, и он немедленно распорядился арестовать их.

Сразу же после их отбытия проведать меня приехал мой друг генерал Жюэн[1]. Он расточал комплементы в мой адрес, сказал даже, что я действую в духе Наполеона. Но что гораздо важнее, он сказал, что лучше всего штурмовать линию Зигфрида через «Нансийское окно». Я пришел к такому же заключению, изучая карту. Все в общем-то очень просто. Я считаю, что, если полководец видит место, через которое проходит много больших дорог, тут он и должен наступать, невзирая на сопротивление неприятеля. Совершенно бесполезно захватывать какую-либо точку, из которой вы не можете двигаться дальше, даже если такой захват — легко выполнимая задача. Чтобы наверняка гарантировать осуществление прохода через «Нансийское окно», было бы желательно усилить мою армию еще двумя дивизиями. Ни 90-я, ни 80-я не успели бы прибыть вовремя, поэтому я попытался убедить генерала Брэдли позволить мне взять две дивизии из 7-го корпуса (командир генерал-майор Дж. Л. Коллинз) Первой армии, которые, как я полагал, находились в районе Шартра. Поговорив с Брэдли, я узнал, что в реальности дело обстоит несколько иначе и мне придется довольствоваться тем, что я имею.

Мы с полковником Мюллером[2] отправились в Лаваль, чтобы обсудить с Брэдли вопросы снабжения. Когда мы прибыли на место, генерал ждал нас на аэродроме, поскольку его вызывали к генералу Эйзенхауэру и Монтгомери. Брэдли не скрывал своего беспокойства ростом влияния последнего на главнокомандующего,

---

[1] Генерал — лейтенант Альфонс Жюэн — начальник штаба Национальной обороны Франции.

[2] Полковник, а позднее бригадный генерал, Уолтер Дж. Мюллер — начальник управления снабжения при генерале Паттоне на протяжении всей войны.

опасаясь, что старания Монтгомери увенчаются успехом и он убедит Эйзенхауэра повернуть часть, если не все американские армии на север. Маршал авиации сэр Ли Мэллори[1] беседовал с Брэдли чуть ли не весь день, пытаясь убедить его в преимуществах такого варианта действий. После того как Брэдли сел в самолет, я поехал в его штаб-квартиру. За те десять минут, которые ушли у меня на то, чтобы доехать до нее, мне в голову пришел самый замечательный из всех когда-либо придуманных мной планов. Если перенаправлять Третью армию на север, надо поворачивать 20-й корпус из Мелена и Монтро, а 12-й корпус из Санса, тогда это можно будет проделать очень и очень быстро. Сначала мы могли бы двинуться на Бове, подхватив по пути находившуюся вблизи Парижа 4-ю пехотную дивизию Первой армии, затем в Манте — 79-ю дивизию (также из состава Первой армии), а также, возможно, 5-ю танковую. Мы могли бы идти параллельно Сене, очищая путь британцам и канадцам[2], а затем переправить наши обозы на другой берег в районе Манта. При этом мы могли обойтись половиной транспортных средств, которые потребовались бы нам, если бы переправа осуществлялась в районе Монтро. Когда я изложил свою тактическую идею начальнику штаба Брэдли генералу Ливену К. Аллену, он с энтузиазмом поддержал меня. Мы договорились, что, если Брэдли по приезде телеграфирует мне: «План А», то я поворачиваю на север, если же он телеграфирует: «План В» — продолжаю продвижение на восток.

Если когда-нибудь в будущем деяния Третьей армии и ее командующего станут объектом изучения для историков, два изложенных выше плана должны всенепременно привлечь их внимание. Не прошло и двух дней, как я представил на рассмотрение начальства два возможных варианта ведения боевых действий, причем хотя один совершенно исключал другой, оба они были реальны, оба выполнимы. К чему я все это говорю? А вот к чему — человек строит планы применительно к обстоятельствам, а не наоборот — бессмысленно пытаться впихивать обстоятельства в рамки своих планов. Я полагаю, что умение командовать армиями или не умение командовать ими заключается в понимании или непонимании этого.

23-го числа 2-я бронетанковая дивизия французов и американская 4-я пехотная вошли в Париж. 24-го Би-би-си объявила о том, что Третья армия генерала Паттона взяла Париж. Я усмотрел в дан-

[1] Маршал а виации сэр Ли Мэллори — главнокомандующий авиацией экспедиционных сил союзников в Европе.

[2] На начало июля в Нормандии высадилось 13 американских, 11 английских и 1 канадская дивизии; на конец августа в Европе действовало 20 американских, 12 английских, 3 канадские, 1 французская и 1 польская дивизии. — *Прим. пер.*

ном факте проявление высшей справедливости, поскольку я мог бы взять город, если бы мне не запретили сделать это. Как выяснилось позднее, когда 2-я бронетанковая армия вошла в Париж, то ее командование заявило, что дивизия принадлежит не к Первой, а к Третьей армии.

25-го августа мы перенесли командный пункт Третьей армии в точку между Орлеаном и Питивье. Еще прежде чем это было проделано, Брэдли вышел со мной на связь и попросил прибыть в Шартр. Кафедральный собор, в котором не осталось ни одного стекла, внутри не пострадал и, по моему мнению, выглядел лучше, чем когда-либо, потому что в него попадало много света, что позволяло по достоинству оценить архитектуру и оформление здания изнутри.

Монти снова победил, и направление главного удара нашей операции переместилось на север. Предполагалось, что Первая армия силами девяти дивизий перейдет Сену в районе Мелена и Манта; обеими этими точками овладела и сделала их пригодными для осуществления организованной переправы Третья армия. Оказавшись на восточном берегу, Первой армии надлежало идти на Лилль. Третьей армии силами семи дивизий, — а именно 4-й бронетанковой, 35-й и 80-й дивизиями в составе 12-го корпуса; 7-й танковой и 5-й пехотной в составе 20-го корпуса; а также 2-й французской танковой и 90-й пехотной в составе 15-го корпуса, — по плану Монтгомери предстояло продвигаться по направлению на Мец и Страсбург. Пока что все обстояло не так уж плохо, потому что у нас имелось семь отличных дивизий и нам предстояло наступать в том направлении, в котором мы с Брэдли всегда и хотели.

Обнаружив по прибытии на новый командный пункт, что уже довольно поздно, я решил нанести визит в 20-й корпус, где не был уже несколько дней. Обычно возивший меня летчик — командир 14-й воздушной эскадрильи связи Третьей армии майор У. У. Беннет — отсутствовал, и мой самолет пилотировал один сержант. Скоро стало ясно, что мы заблудились, однако это не мешало нам еще какое-то время упорно лететь вперед, пока мы не увидели разместившийся в лесу немецкий полевой госпиталь. Это означало, что мы пересекли линию фронта и находимся примерно в двадцати пяти километрах от нее на территории, занятой противником. Едва поняв, что случилось, мы набрали высоту и со всей поспешностью полетели в обратном направлении.

26-го числа из корпуса связи прислали людей для проведения «Дня с генералом Паттоном». Первым делом мы отправились в расположение 20-го корпуса, в Фонтенбло, затем через Немур дальше за Монтро, где обнаружили 5-ю пехотную дивизию. Я похвалил генерала Ирвина за прекрасную работу, проделанную его дивизией, и не отказал себе в удовольствии наградить нескольких из его подчиненных крестами «За отличную службу».

Когда в самом начале кампании я издал приказ, что во время марш-бросков по меньшей мере одна полковая ударная группа должна передвигаться на танковой броне, 5-я дивизия ныла громче всех, мол, ребятам на танках не за что держаться. На что я отвечал, что такая уж у ребят трудная доля, хотя лично никогда не сомневался — солдат охотнее проедет сорок километров на чем угодно, чем пройдет хотя бы двадцать пешком. Помню, в тот день Ирвин не мог нахвалиться своей мобильной пехотой. Обычно профессиональный военный скуп в оценках.

Мы пошли своей торной тропой и переправились через Сену в районе Мелена вместе с частями 3-й танковой дивизии Первой армии. Когда командиры машин узнали меня, все они дружно меня приветствовали.

Попрощавшись с ними, я отыскал штаб-квартиру 7-й бронетанковой дивизии и в довольно резкой форме высказал командовавшему ею генералу, сколь сильно недоволен тем, как выглядит его подразделение, и тем, как оно продвигается. Приходится говорить об этом, поскольку позднее мне пришлось сместить данного офицера.

Затем я вернулся в Фонтенбло и полетел в 12-й корпус, дислоцировавшийся на дороге Санс — Труа. Когда я находился в расположении данного соединения, прибыл генерал Вуд с донесением, что 4-я танковая дивизия только что захватила Труа. Этот эпизод можно с полным правом назвать блестящим. Полковник, а позднее генерал Брюс Кларк отправил свою штурмовую бригаду в овражек, что в двух с половиной — трех километрах к северу от города, где солдаты удачно укрылись. На краю Труа противник сосредоточил множество орудий и значительное число живой силы, Кларк же точно молотом ударил по ним одной танковой ротой и двумя ротами мотопехоты на бронетранспортерах. При этом солдаты открыли огонь из всех имевшихся орудий и пулеметов. Кларк взял город, не потеряв ни одного человека и ни одной машины. Правда, потом нам пришлось снова штурмовать Труа, потому что немцы окружили маленький отряд Кларка, но все равно, то была блестяще выполненная работа.

Перечисляя все те места, в которых я ухитрялся побывать за один день, я сам удивлялся своему проворству. Может статься, как-нибудь я сочту все те километры, которые налетал на самолетах и накатал на машинах, руководя действиями Третьей армии. Клянусь, их наберется не меньше миллиона.

27-го 20-й корпус взял Ножан и продолжал наступление на Реймс, в то время как 12-й корпус продвигался на Шалон через Витри. Вышестоящее начальство вынудило меня оставить 35-ю дивизию восточнее Орлеана, чтобы она прикрывала меня с правого фланга, хотя лично я не мог поверить в существование силы, способной заставить немцев переправиться на северный берег Луары.

Я полетел в Орлеан, который противник крайне вяло обстреливал с противоположного берега реки. Аэропорт к северо-западу от города едва успевал принимать самолеты, привозившие горючее и боеприпасы для наших войск. Накануне здесь приняли шестьсот самолетов и собирались принять еще столько же сегодня.

28-го мы взяли Шато-Тьерри и отрезали Витри-ле-Франсуа, Шалон и Реймс. Около 10.30 прибыл генерал Брэдли. Мне потребовалось приложить немало усилий, чтобы убедить его разрешить мне продолжить наступление в направлении реки Маас, но в конце концов он сдался.

29 августа стало, по моему мнению, одним из критических дней в этой войне. Впоследствии будет изведено немало бумаги, чтобы описать его, вернее, события, сделавшие его таким значимым. К тому времени стало уже ясно, что реальная угроза для нас отсутствует, по крайней мере, до тех пор, пока мы не позволим существующим только в нашем воображении мощным силам противника остановить наше продвижение. Поэтому я велел командовавшему 12-м корпусом Эдди начать наступление на Коммерси и взять его, а также направил Уокера и его 20-й к Вердену с аналогичным приказом. Все шло так, что впору было надевать розовые очки, как вдруг точно гром среди ясного неба пришло сообщение о том, что шестьсот пятьдесят тонн горючего, на которое я имел все основания рассчитывать, к нам не поступило. Сначала я решил, что это обходной маневр командования, решившего все-таки притормозить продвижение Третьей армии, позднее же узнал, что задержка стала следствием изменения планов Верховного командования и была, по моему глубокому убеждению, продиктована генералом Монтгомери[1].

30-го я встретился в Шартре с Брэдли, генералом Х. Р. Буллем (помощником Эйзенхауэра), а также с начальником штаба Брэдли Алленом. Я изложил свои соображения, объяснив, что считаю необходимым как можно быстрее продвигаться на восток с целью прорвать линию Зигфрида прежде, чем немцы успеют закрепиться на ней. Брэдли поддержал меня, однако, как я мог догадываться, Булль и прочие офицеры Штаба главнокомандующего союзническими экспедиционными силами не разделяли нашего с ним мнения.

Я совершенно уверен, что это была самая главная ошибка, допущенная в ходе войны. Если говорить о Третьей армии, мы не просто не смогли получить причитавшиеся нам тонны горючего, нам вообще практически ничего больше не давали, поскольку в со-

[1] В действительности Монтгомери был не генералом, а фельдмаршалом; однако американцы часто именуют английских фельдмаршалов генералами, поскольку звание фельдмаршала (высшее) в вооруженных силах Соединенного Королевства соответствует высшему званию генерала армии (пятизвездного) в армии США. — *Прим. пер.*

ответствии с планом о переносе направления главного удара на север туда должны были отправиться два корпуса Первой армии, а посему и горючее и боеприпасы тоже уплыли от нас в ту сторону.

В дополнение ко всему воздушный мост, на который мы прежде полагались как на источник поступления заметной части всего необходимого, был переориентирован так, чтобы осуществлять поставки в Париж; в то время как другие транспортные самолеты, о чем я в тот момент не знал, резервировались для выброски десанта на маршруте наступления 21-й группы армий. И наконец последний штрих: в тот самый день управление снабжения решило перенести свою штаб-квартиру из Шербура в Париж, для чего задействовало все оставшиеся грузовики.

Получив эти неутешительные известия, я отправился на наш новый командный пост в Ла-Шом, что неподалеку от Санса. Там я узнал, что Гэффи дал Эдди разрешение остановить продвижение дивизии в Сен-Дизье, поскольку горючие у танков было уже почти на нуле. Я немедленно телефонировал Эдди и приказал двигаться дальше — наступать до тех пор, пока машины не остановятся, а затем выходить из них и топать пешком, потому что приказа форсировать Маас никто не отменял. В последнюю войну я лишил горючего три четверти своих танков, с тем чтобы одна четверть могла воевать, и я не видел причин, по которым Эдди не мог бы поступить так же. Никто никогда не разубедит меня в том, что остановка стала пагубной ошибкой, ибо наши войска должны были продвигаться до Рейна, до предместий Вормса. Я не мог не цитировать Киплинга, его стихотворение «Если»: «Наполни смыслом каждое мгновенье, часов и дней неумолимый бег...»[1]

Точно для того, чтобы сделать наше положение еще более незавидным, генерал де Голль попытался отобрать у нас 2-ю французскую бронетанковую, в которой я остро нуждался, поскольку 35-я дивизия вынуждена была продолжать бездействовать, прикрывая нас с правого фланга.

31-го августа мы с Брэдли самолетом отправились в Морле, что в северо-западной оконечности Бретонского полуострова. Оттуда мы поехали в штаб-квартиру 8-го корпуса, а уже оттуда на полуостров Плугастель-Даула, что немного южнее Бреста, где повстречались с Мидлтоном. Он не питал иллюзий относительно перспектив взятия Бреста и постоянно жаловался на недостаток боевого духа у пехоты. Кроме всего прочего, управление снабжения не выполнило обещания относительно поставки боеприпасов. Я объяснил Мидлтону, в чем проблема с пехотой — они просто утомились, устали воевать. На обратном пути я сказал Брэдли, что не могу бесконечно воевать на четырех фронтах, так что пусть 8-й корпус передадут кому-нибудь еще; Брэдли, как всегда, согласился со мной.

---

[1] Стихотворение «Заповедь». Перевод М. Лозинского. — *Прим. ред.*

Удивительно, сколько раз на протяжении всей войны случалось так, что нам с ним в голову приходили одинаковые мысли.

Я заночевал у Брэдли и Симпсона[1]. Симпсон должен был принять командование войсками на Бретонском полуострове; предполагалось, что он задействует 94-ю дивизию, когда та прибудет сюда, чтобы высвободить 6-й бронетанковый корпус.

2 сентября в Шартре генерал Эйзенхауэр довел до нашего с Брэдли и Ходжесом сведения свой план поддержать Монтгомери, стремившегося поскорее очистить от неприятеля регион Па-де-Кале. Мы сообщили ему, что разведотряды Третьей армии действуют уже на реке Мозель в окрестностях Нанси и что разъезды 3-й кавалерийской вошли в район Меца.

Мы все же смогли убедить генерала Эйзенхауэра позволить 5-му корпусу Первой армии и Третьей армии начать наступать на линию Зигфрида, как только обстановка в регионе Кале стабилизируется. Мы прекрасно понимали, что до тех пор нам не дадут в нужном количестве ни боеприпасов, ни горючего. Генералу тоже нравилась мысль поскорее перенести военные действия на территорию Германии. Лично я был уверен, что никакой великой битвы не будет, если мы ударим в том направлении немедленно, о чем открыто заявил всем собравшимся. В конечном итоге мы получили разрешение обеспечить переправу через Мозель и приготовиться к атаке на линию Зигфрида, как только мои танки получат топливо.

3-го числа я посетил 12-й корпус, дислоцировавшийся в Линьи-ан-Барруа, и изложил новый план Эдди. Бальзамом мне на душу пролилось известие, что его ребятам удалось захватить четыреста пятьдесят тонн авиационного бензина, и теперь танки могли продолжить наступление. Еще они разжились за счет неприятеля мясом, взяв его почти триста тонн. Так что не только техника, но и личный состав получил возможность хорошенько подзаправиться.

Затем через Коммерси мы поехали в штаб-квартиру 80-й дивизии в Жиронвилле. Большинство городов, которые мы миновали по пути, лежали в руинах. Генерал Макбрайд, похоже, чувствовал себя хозяином положения, а командир 1-го полка его дивизии полковник Дэвидсон держал ситуацию под контролем. Слева от наших передовых позиций и от полкового командного пункта находился Монсек; до будивших воспоминания Апремона, Панна и Эссе было рукой подать. Эти названия заставляли меня мысленно переноситься на двадцать шесть лет назад, в прошлое, когда мы сражались в этих же вот местах. И тогда и теперь мы наступали. Монсек стоил нам крови. Ничего не могу с собой поделать, все думаю о плачевных результатах нашего промедления. Чем дальше — тем хуже. Сколько жизней можно было бы спасти, если бы только мы про-

[1] Генерал-лейтенант У. Х. Симпсон — командующий Девятой армией.

двигались быстрее. Много недель спустя я возвращался к этой теме в разговоре с мистером Бирнсом[1], позднее ставшим государственным секретарем США.

На обратном пути мы сделали остановку, чтобы встретиться с полковником Кларком, командиром штурмовой бригады 4-й бронетанковой дивизии, и узнали, что он совершил еще один блистательный подвиг на сей раз в Витри. Когда Кларк со своими ребятами подъезжал к городу, некий француз из числа гражданского населения сообщил ему, что в конце одной из улиц находится мост, охраняемый немецким блокпостом с четырьмя 88-миллиметровыми пушками[2], стоящими вплотную друг к другу. Кларк ударил по городу силами роты легких танков, паля во все стороны и забрасывая противника ручными гранатами. Он действовал так быстро и так стремительно, что буквально срезал расчеты огнем и снес блокпост со всеми его орудиями, не потеряв ни одной единицы бронетехники.

Поскольку принципы, положенные в основу нашего дальнейшего продвижения, получили меткое определение из уст генерала Аллена, назвавшего их принципами «каши из топора», я должен кое-что пояснить. Как-то в один дом постучался бродяга и попросил воды, чтобы сварить кашу из топора. Любопытная хозяйка не отказала, дала ему воды, в которую бродяга положил топор. Затем повар спросил, нет ли у хозяйки крупы. Закончил он тем, что попросил мяса. Словом, чтобы иметь возможность атаковать в тех условиях, в которых мы очутились, мы должны были сначала посылать разведчиков, а когда те завязывали бой, отправляли им на выручку подкрепление. В итоге все заканчивалось атакой, которая продолжалась настолько долго, насколько у нас хватало горючего и боеприпасов.

Ходили слухи, которые, как я надеюсь, не могли иметь подтверждения, о том, что некоторые господа из управления артиллерийско-технического и вещевого снабжения Третьей армии ухитрились, представившись офицерами Первой армии, получить часть причитавшегося ее подразделениям горючего. Перефразируя высказывание, сделанное в отношении летучих эскадронов, можно сказать так: какая война, когда вокруг столько интересного?

---

[1] Джеймс Франсис Бирнс (1879–1972) — политик из Демократической партии США, ведавший мобилизацией в вооруженные силы Соединенных Штатов в период с 1943 по 1945 г. Как и Паттон, Бирнс являлся яростным противником распространения влияния коммунизма в Западной Европе. — *Прим. пер.*

[2] 88-мм зенитки часто применялись как средства противотанковой обороны (иногда на самоходных лафетах), поскольку начальная скорость полета снаряда их составляла от 800 до 1000 м/с, таким образом, он мог пробить броню любого из имевшихся на вооружении союзников танка. — *Прим. пер.*

За четыре недели боев потери Третьей армии составили:

Убитыми	2678
Ранеными	12 756
Пропавшими без вести	2474
Общие боевые потери	17 908
Небоевые потери	6912
Общая численность потерь	24 820

Численность пополнений за данный период составила 19506 человек, что означало уменьшение личного состава на 5000 человек.

По нашим оценкам, противник понес следующие потери в живой силе:

Убитыми	19 000
Ранеными	62 000
Пленными	73 000
Итого	154 000

Материальные потери:

Третья армия

Легкие танки	94
Средние танки	223
Артиллерийские орудия	83

Противник

Средние танки	402
Танки «Пантера» и «Тигр»	247
Артиллерийские орудия	1236

Когда мы перенесли наш командный пункт к юго-востоку от Шалона, нас посетила миссис Анна Розенберг из управления военной мобилизации и демобилизации. Вилли, похоже, принял слишком близко к сердцу появление дамы в нашем мужском обществе и легонько прихватил ее зубами за ногу. Она не испугалась и не рассердилась.

4 сентября мы узнали от Брэдли, что ситуация на севере более или менее стабилизировалась, а значит, вот-вот мы получим половину причитающегося горючего и боеприпасов и сможем, форсировав Мозель, штурмовать линию Зигфрида. Также нам обещали 2-ю французскую танковую и 79-ю пехотную дивизии сразу, а кроме того, 6-ю танковую и 83-ю пехотную позднее, когда их заменят части Девятой армии. Возвращение 2-й французской и 79-й означало возвращение Третьей армии 15-го корпуса, который она, к моему большому сожалению, утратила после перехода Сены. Прибыл и командир корпуса генерал Хэслип; мы были настолько же рады видеть его, насколько и он нас.

Ожидая появление 15-го корпуса к востоку от Труа, мне приходилось удерживать участок от Нёфшато до Нанси силами 12-го корпуса и одновременно контролировать переправу через Мозель в районе Туля и Понт-а-Муссон. Как только 15-й корпус прибудет и сможет включиться в дело, 12-й корпус должен будет выступить вдоль линии: Нанси — Шато-Сален, 15-й корпус — атаковать вторым эшелоном, одновременно прикрывая тыл 12-го с правого фланга, а затем переправиться через реку Мозель, по всей видимости, в окрестностях Шарма. 20-му корпусу надлежало форсировать Мозель в окрестностях Меца.

Я отправился на передовую через Верден и Этен, где мы повернули на север и прибыли в штаб-квартиру 90-й дивизии. Так уж вышло, что мы оказались там прежде, чем пришла дивизия. Затем мы вернулись в Этен и взяли курс на Конфлан, знаменитый как место рождения гусар легендарного генерала Жерара[1]. Теперь Конфлан находился на линии фронта, и мы удерживали его частями 2-й и 5-й пехотных дивизий. На восточном конце города я обнаружил штурмовую бригаду 7-й танковой дивизии, более часа сдерживаемую огнем минометов и пулеметов противника. Разумеется, подобные заявления в устах танкистов по меньшей мере абсурдны. Я приказал им немедленно наступать, а затем отправился к командиру дивизии, чтобы поделиться впечатлениями от встречи с его людьми. Это был уже второй случай, когда мне лично приходилось подталкивать командира 7-й, заставляя его более активно вести боевые действия. Впервые на недостаток у него бойцовских качеств мое внимание обратил генерал Уокер, когда мы находились еще в Шартре. Он рекомендовал немедленно освободить командира этой дивизии от занимаемой должности. Так что, несмотря на мою репутацию этакого безжалостно ломающего людские судьбы танка, в действительности я очень терпелив.

Прибыв в штаб, я узнал, что у нас неприятности с Первой армией из-за снабжения горючим. Также нам сообщили, что 12-й корпус получил по носу в Понт-а-Муссон, где атака одного из батальонов 5-й дивизии была отбита неприятелем с большим уроном для наших.

8-го я поехал в Линьи-ан-Барруа, чтобы встретиться с Эдди, после чего вместе с ним проследовал дальше на линию к югу от Туля, где, по всей вероятности, скоро могло вспыхнуть сражение. Мы с Эдди прибыли в штаб-квартиру Вуда, размещавшуюся так близко к линии фронта, что мы могли наблюдать за ходом боя. Снаряды падали слева и справа от дороги, около которой мы находились. Признаюсь, приятно было иметь дело с командиром, не боящимся передовой.

---

[1] Герой произведения А. Конан Дойла «Приключения бригадира Жерара». — *Прим. пер.*

9-го числа генерал Брэдли согласился на то, чтобы 83-я пехотная и 6-я бронетанковая начали наступление, после чего мы завели разговор о Брестской операции. Наши мнения снова совпадали в главном — в том, что брать Брест теперь абсолютно бесполезное занятие. Во-первых, потому, что он находится очень далеко от линии фронта, а во-вторых, потому, что порт практически разрушен и ни нам, ни противнику не будет от него никакой пользы. С другой стороны, мы сошлись и на том, что раз уж американский солдат взялся за плуг, негоже ему уходить, пока не поднимет пашни. Поэтому взять Брест было все же необходимо.

В тот же самый день я впервые за все время кампании посетил Париж, где встретился с мадам Во и ее сыном, которых знавал в Бурге[1] двадцать семь лет назад. После обеда мы с мадам Во отправились навестить генерала Сериньи, бывшего начальника штаба генерала Петэна[2], с которым Сериньи порвал из-за позиции, которую Петэн занял во время последней войны. Сериньи — мой старый знакомый еще по той, «старой» войне, расчувствовался и сказал, что он — большой поклонник генерала Першинга[3], но моя тактика в тысячу раз лучше. Ох уж эта французская куртуазность. Хотя, конечно, современная техника дает возможность армиям перемещаться так быстро, как во времена Першинга никому и не снилось. Будь у него такие возможности, я уверен, он бы действовал стремительно.

В ночь на 9 сентября командный пункт 90-й дивизии подвергся атаке немцев, так что генерала Маклейна разбудил вражеский танк, ведший огонь на расстоянии нескольких метров. К счастью для Маклейна, танкисты целились не в него; танк вообще, как видно, принадлежал к какой-то отбившейся от своих группе. Они отступили, соединились с остальными частями и на рассвете атаковали вновь. Как бы там ни было, добрый вояка Маклейн тоже даром времени не терял, и во время второй попытки немцы оставили на поле сорок танков и девятьсот человек убитыми. Одним из немногих танков, которым удалось улизнуть, оказалась «пантера». Я видел следы от гусениц. Машина шла прямо на наших ребят, несмот-

---

[1] В Бурге размещалась штаб-квартира 1-й танковой бригады США в 1918 г.

[2] Анри Филипп Петэн (1856–1951) — французский генерал (позднее маршал), ставший национальным героем своей страны за победу в битве при Вердене во время Первой мировой войны и преданный позору за руководство вишистстким правительством, созданным во Франции после поражения в войне с Германией в 1940 г. — *Прим. пер.*

[3] Джозеф Першинг по прозвищу Черный Джек (1860–1948) — генерал, командовавший Американскими экспедиционными силами (AEF) в Европе во время Первой мировой войны. Он был выбран на эту роль президентом Вудро Вильсоном (иначе Вильсоном) после того, как США объявили войну Германии в апреле 1917 г. — *Прим. пер.*

ря на то, что сидевшие в ней прекрасно осознавали, чем все может закончиться. В какой-то момент они резко развернули танк влево, выскочили на дорогу, ведущую в Германию, и, осыпаемые нашими трассерами, скрылись в клубах пыли.

Мы узнали, что командир 15-го корпуса будет наступать по линии Шомон — Нёфшато — Люневилль в 08.00 11-го числа. Ведя тяжелые бои к востоку от реки и к югу от Нанси, 12-й корпус все равно продолжал наступать. Странной особенностью этой переправы стал тот факт, что в то время, как один полк встречал сильное сопротивление и нес тяжелые потери, другой, находящийся справа от него, не встречал никакого сопротивления и не нес никаких потерь. Если бы мы воевали по учебнику, то в соответствии с рекомендациями авторов должны были бы отвести войска с участка, на котором противник оказывает упорное сопротивление, на тот, где оно незначительно. Но ни один учебник никогда не сможет учесть того, как трудно перегруппировывать силы во время ночной атаки, более того, как опасно останавливать ее после того, как она началась.

Часть пехоты 20-го корпуса переправлялась южнее Меца, а 90-я дивизия прорывалась в направлении реки от Меца к Тионвиллю. 10-го числа части 2-й французской бронетанковой дивизии 15-го корпуса вошли в соприкосновение с частями 1-й французской пехотной дивизии Седьмой армии в окрестностях Сомбернона.

Летая над территорией Франции, я не переставал удивляться тому, сколько сил ушло на возведение различных оборонительных сооружений и рытье траншей как во время той, так и этой войны. Пацифиста вид из иллюминатора моего самолета натолкнул бы на блестящую мысль выдать гневную обличительную речь, направленную против пороков общества и ужасов войны. Однако он не смог бы найти лучшего аргумента против самого себя, бросив взгляд на кладбища, где каждый маленький белый крест говорит о людской глупости, которая неизбежно выльется в новые и новые войны.

Двадцать тысяч немцев, сдавшихся частям Девятой армии 11-го числа, просили особо отметить, что сдались они Третьей армии и 19-й тактической воздушной бригаде, а не Девятой армии.

12-го мы устроили совещание по вопросам снабжения в штаб-квартире 12-й группы армий. Поскольку там присутствовал полковник Р. У. Уилсон — начальник снабжения Первой армии, мне приходилось внимательно следить за тем, что я говорю. Прежде он был начснабом у меня во 2-м корпусе. Мы узнали, что Монтгомери объяснил Эйзенхауэру, что задержка продвижения 7-го корпуса вызвана нехваткой горючего, но в действительности дело обстояло иначе. Просто Монти вновь пытался сосредоточить все силы союзников на севере для удара в направлении Нидерландов, Бельгии и Люксембурга, а также Рура. Если бы верховный главнокомандующий поддался на хитрость Монти, Третьей армии пришлось бы пе-

рейти на реке Мозель от наступления к обороне и, более того, послать 20-й корпус в Люксембург. Так или иначе, я чувствовал, что только быстрейшее завершение перехода через эту водную преграду может предотвратить малоприятные последствия, и к ночи на 14-е Брэдли разрешил мне действовать. Если бы я к тому времени не обеспечил себе мощный плацдарм на противоположном берегу, мне пришлось бы, погрязнув в позиционной войне, довольствоваться печальной ролью обороняющегося.

Генерал Хьюз вручил мне новенький пистолет 38-го калибра с перламутровой рукояткой, а также зимний бушлат нового образца. Проявленная им забота тронула меня. Мы с ним пытались навестить 15-й корпус, но, вследствие ошибки, смогли попасть лишь в тыловой эшелон. Беннет с двумя самолетами подобрал нас с пологого склона холма, где мирно паслись коровы. Как мы взлетели, не знаю, но как-то все же взлетели. На следующий день мы с Хьюзом отправились в 12-й корпус, но оказалось, что Эдди еще с рассветом уехал в 80-ю дивизию, которая подверглась мощнейшей контратаке противника к югу от Понт-а-Муссона. Немцам все же удалось захватить мост, но, на их беду, туда прибыл вездесущий полковник Брюс Кларк со своей штурмовой бригадой 4-й бронетанковой и прогнал германцев прочь. 2-й пехотный полк 5-й дивизии и одна штурмовая бригада 7-й бронетанковой были также сброшены контратакой противника с высоты к северо-западу от Меца. Но, несмотря ни на что, 35-я дивизия вместе с штурмовой бригадой 4-й бронетанковой под командованием бригадного генерала Х. Э. Дейджера благополучно перешли водную преграду к югу от Меца и наступали на Люневилль. 5-я дивизия, исключая 2-й пехотный полк, также перебралась на ту сторону реки Мозель южнее Меца.

В ходе нашего турне мы с Хьюзом имели возможность наблюдать великолепное танковое сражение с расстояния километр-полтора. Поскольку мы находились в сливовом саду, то могли совмещать приятное с полезным. Прямо перед нами весело пылали два немецких танка, а три наших немного подальше от них расправлялись с преградившей им путь лесополосой. Мы видели вспышки разрывов снарядов и по звуку отличали наши пулеметы от немецких. У последних заметно выше скорострельность. Понаблюдав за сражением, мы поехали в штаб-квартиру 15-го корпуса, которую в прошлый раз так и не нашли. Части корпуса проделали прекрасную работу, взяв Нефшато и обойдя Шомон. Также они закрепили за нами переправу через Мозель в районе Шарма.

Этим же вечером нас посетил архиепископ Стеллмен.

К вечеру 14-го я сдержал данное Брэдли обещание и, как по его, так и по моему мнению, обеспечил твердый плацдарм на восточном берегу реки Мозель. Я чувствовал себя в силах продолжать отодвигать границы очищенных от противника территорий дальше в направлении Германии.

Мы переместились на новый командный пункт в восьми километрах к югу от Этена, который был центром снабжения германской армии в ходе Верденской операции во время Первой мировой войны, поэтому тогда город и его окрестности подвергались сильнейшим артиллерийским обстрелам. В общем-то Этен практически полностью перестроили в 1921 г. на средства, предоставленные Америкой. По дороге на командный пункт я сделал остановку и отобедал с генералами Брэдли и Буллем. Брэдли был очень расстроен, поскольку, как я и подозревал, Монтгомери вновь преуспел и ему удалось уговорить главнокомандующего передать все ресурсы снабжения Первой армии, оставив Третью армию в обороне. Брэдли, несмотря ни на что, сопротивлялся, так как видел, что Третья армия могла и должна была продолжать наступление. Еще больше огорчило нас известие о том, что один состоявший из двух дивизий корпус из состава 12-й группы армий перенаправлялся в Седьмую армию, фактически представлявшую собой на тот момент один корпус. Затем Симпсон из Девятой армии должен был получить семь дивизий, а Первая и Третья армии — увеличить число своих дивизий до девяти пехотных и трех бронетанковых каждая. Тогда я, все еще не утративший оптимизма, подумывал, что война закончится раньше, чем мы получим все эти части. На деле же вышло так, что во время операции «Балдж» под моим началом находилось семнадцать дивизий, в апреле — мае 1945-го — восемнадцать.

Пока мы беседовали, пришло радостное сообщение о том, что Нанси пал и 15-й корпус разгромил 16-ю немецкую пехотную дивизию (командующий генерал-лейтенант Эрнст Хэкель), а также уничтожил шестьдесят танков как раз в тот момент, когда танки эти ударили в правый фланг 12-го корпуса. Для того чтобы сорвать контратаку немецких танков, 15-й корпус форсировал реку Мозель в районе Шарма, и, к счастью, успел вовремя.

Поскольку командный пункт находился в Этене, я не мог отказать себе в удовольствии осмотреть поле Верденской битвы, и особенно Фор-Дуомон[1]. Мне представилось, что это — великолепный памятник бесполезного героизма. Всюду встречались следы былых сражений — разрушенные здания и укрепления, на которых, обороняясь, умирали храбрецы. Их погибло бы куда меньше, если бы они, вместо того чтобы отражать наступление, атаковали сами. Для

[1] Верденское сражение (с 21 февраля по июль 1916 г.) — одна из наиболее кровопролитных битв Первой мировой войны, в которой французам удалось отразить массированное немецкое наступление. Начав продвижение 21 февраля, немцы на протяжении первых четырех дней практически не встречали сильного сопротивления, пока не достигли крепости Фор-Доумон, которую они взяли. С приходом подкреплений, генералу Анри Петэну (о нем см. сноски выше) удалось после серии контратак замедлить темпы наступления противника. — *Прим. пер.*

меня Дуомон небольшой, но яркий пример того, сколь нелепа оборонительная стратегия.

Стало очевидным, что появилась возможность осуществить прорыв на участке, где действовал 12-й корпус. И, принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, я решил передать 12-му корпусу 7-ю танковую, вверив Мец на попечение 20-го корпуса с его 83-й, 90-й и 5-й дивизиями. Тем временем 12-й корпус с его 7, 6 и 4-й бронетанковыми, а также с 35-й и 80-й пехотными дивизиями должен был предпринять энергичное наступление на восток к Рейну.

На следующий день нас посетила делегация русских, встречи с которыми я избежал, отбыв на передовую. Однако я отплатил им за их обращение с нашими наблюдателями тем, что дал им карту начальника моей разведки, понять по которой что и где происходит, было просто невозможно. По приезде в 12-й корпус я нашел генерала Эдди в состоянии крайнего возбуждения. Я посоветовал ему пораньше лечь спать, выпив на сон грядущий хорошую порцию виски или бренди, поскольку хотел видеть его в добром здравии для броска на линию Зигфрида.

Надежды переполняли меня, я уже видел себя на переправе через Рейн. Я даже посоветовал Эдди после того, как его колонны прорвут линию Зигфрида, послать вперед танковые части и мотопехоту, чтобы те успели захватить мост в Вормсе. В то время как самому ему с остальными частями надлежало бы расширить пробитую в обороне противника брешь и очистить от противника территорию между реками Саар и Мозель. «Самые лучшие планы людей и мышей идут ко дну»[1].

На пути к расположениям 12-го корпуса я проезжал через Туль, Панн и Эссе — города, где я жил и воевал двадцать шесть лет тому назад. Многое осталось таким же, каким помнилось мне, однако стена, за которой я находился, управляя действиями атакующих, была теперь не из камня, как тогда, а из цемента. Наверное, здесь просто построили новую. Так или иначе, я совершил путешествие в тот далекий день 12 сентября 1918 г.

Французы вновь постарались отгрести под себя свою 2-ю танковую дивизию, но Хэслип — командир корпуса, в который она входила, удачно отразил их попытки.

Потери на 17 сентября:

Третья армия	
Убитыми	3841
Ранеными	8441
Пропавшими без вести	4120
Общие	26 402

[1] Строчка из произведений Роберта Бернса (1759–1796) — национального шотландского поэта, писавшего стихи и песни на шотландском диалекте английского языка. — *Прим. пер.*

Противник

Убитыми	26000
Ранеными	73000
Пленными	87000
Общие	186000

Материальные потери

Третья армиия

Легкие танки	121
Средние танки	264
Артиллерийские орудия	99

Противник

Средние танки	542
Танки «Пантера»и «Тигр»	307
Артиллерийские орудия	1596

Выйдя на связь, Брэдли сообщил, что Монти хочет, чтобы все американские части остановились и чтобы он, Монти, имел возможность нанести «кинжальный удар в сердце Германии силами 21-й группы армий». Брэдли же заметил, что «кинжальный удар» Монти может запросто оказаться ударом «столовым ножом». Становилось совершенно очевидным, что, дабы избегнуть опасных последствий намечающегося решения главного командования, Третья армия должна развивать свои успехи со всей возможной скоростью. Словом, я попросил Брэдли не выходить на связь со мной раньше наступления темноты 19-го числа.

18-го я наградил генерала Леклерка Серебряной звездой, а также вручил ему шесть Серебряных звезд и двадцать пять Бронзовых звезд, чтобы он мог наградить ими отличившихся солдат своей дивизии. Как раз в это время от 106-й кавалерийской бригады Вентнарда Уилсона пришло сообщение, что немецкая пехота двумя колоннами наступает на Люневилль от Баккара. Я велел Хэслипу немедленно атаковать противника. Хэслип немедленно бросился раздавать приказы, и, поскольку Уайч оказался на месте, все закрутилось буквально мгновенно.

Затем я отправился в Нанси на встречу с Эдди, которого нашел в бодром расположении духа, занятого раздачей распоряжений. Он отправил штурмовую бригаду «Б» 6-й бронетанковой, которая достигла Туля, к Люневиллю, чтобы остановить немцев. Я пребывал в уверенности, что наступление 12-го корпуса на линию Зигфрида должно продолжаться, несмотря на прорыв в районе Люневилля, и с большим удовлетворением узнал о том, что 12-й и 20-й корпуса вошли в соприкосновение к северу от Понт-а-Муссона.

Изучая новые донесения о состоянии вражеской обороны на линии Зигфрида, рассматривая карты саперов и разведчиков, я еще раз убедился в том, что прежде, руководствуясь картой автомобильных дорог, сделал верные расчеты — правильно выбрал два места как возможные точки для осуществления прорыва.

19-е число не оправдало надежд, не став днем, о котором я мечтал. Противник вынудил 35-ю дивизию оставить высоту к северо-востоку от Нанси и теперь получил возможность простреливать город. 4-я танковая подверглась сильнейшей контратаке немцев, а частям 15-го корпуса не удалось достигнуть Люневилля. Чтобы подбодрить приунывшего Эдди, я напомнил ему слова, которые как-то сказал Грант[1], и другие слова, принадлежавшие Ли[2]. Первый говорил: «В каждом сражении наступает момент, когда обе стороны считают себя побежденными. Выигрывает тот, кто атакует», а второй, как считается, произнес после Ченслорсвима[3] следующее: «Мне не хватало сил на оборону, поэтому я был вынужден атаковать». Подействовало — Эдди тут же отобрал у немцев высоту.

Затем оба мы с ним направились к Вуду. Мы нашли его у Брюса Кларка, штурмовая бригада которого только что вывела из строя двадцать танков противника. После переправы через Мозель ребята Кларка уничтожили семьсот солдат и офицеров противника и тысячу четыреста взяли в плен, а также вывели из строя семьдесят танков и двадцать семь артиллерийских орудий. Я видел, что дивизия сильно растянула свои порядки, однако все же считал, что атака должна продолжаться. Как я полагал, наступательные действия всегда были наиболее правильной тактикой в отношении немцев, поскольку, пока ты атакуешь немца, у него нет времени на то, чтобы сообразить, как бы ударить на тебя.

Находясь 20-го числа в штаб-квартире Брэдли, я видел карту; на нее было нанесено направления наступление, которое мы с Брэдли считали наиболее верным с самого начала. Согласно плану, предполагалось наше быстрое выдвижение вперед силами двух корпу-

---

[1] Улисс С. Грант (1822–1885) — американский генерал, командовавший силами северян против конфедератов в заключительный период Гражданской войны в США (1864–1865 гг.), а позднее ставший 18-м президентом Соединенных Штатов. — *Прим. пер.*

[2] Роберт Эдвард Ли (1807–1870) — генерал вооруженных сил южан, командовавший армией Северной Виргинии, самым результативным соединением конфедератов на протяжении всей Гражданской войны в США. В феврале 1865-го он принял командование всеми силами Юга. Его сдача в плен в Аппоматокс Корт Хауз (в штате Виргиния) 9 апреля 1865 г. считается датой окончания Гражданской войны. — *Прим. пер.*

[3] Ченслорсвиллское сражение (1–5 мая 1863 г.) — кровавое наступление северян на позиции конфедератов, в ходе которого последние сумели избежать окружения и уничтожения своей северно-виргинской армии. — *Прим. пер.*

сов, третий же должен был двигаться во втором эшелоне в тылу у первых, справа от главного направления наступления: Нанси — Шато — Сален — Сааржмин — Майнц или Вормс и далее к северо-востоку от Франкфурта. Было очевидно, что к Третьей армии следовало придать по меньшей мере две пехотные дивизии, сохранив за ней четыре имеющиеся бронетанковые. Тогда я не сомневался, что перед нами не было других немецких частей, за исключением тех, с которыми мы уже сражались, а затем получил твердое тому подтверждение. Иными словами, у них отсутствовала эшелонированная оборона. Как раз в тот день я окончательно принял решение о нецелесообразности штурма Меца — следовало оставить небольшие силы для того, чтобы, блокировав его, развивать наступление к берегам Рейна.

21-го числа с наступлением все было в порядке, однако один из моих штабных офицеров, который находился в 6-й группе армий генерала Диверса, слышал, как тот говорил о том, что собирается взять у меня некоторые части. Поэтому я полетел в Париж к генералу Эйзенхауэру, чтобы не допустить этого. Как показали события, поездка моя оказалась совершенно бесполезной, но в тот момент мне представлялось правильным упредить действия Диверса.

На следующий день мы с Кодменом и Стиллером посетили 90-ю дивизию и 358-й пехотный полк, которым командовал подполковник Кристиан Кларк, бывший в 1936-м адъютантом генерала Драма. Потом мы вместе с полковником Полком из 3-й кавалерийской бригады отправились на самый дальний левый край расположений наших частей, где оказались между линией наших войск и немцами. Во время той поездки мы проезжали мимо группы невооруженных и совершенно недисциплинированных французских солдат, главной заботой которых было набить себе животы на американской походной кухне. Я решил, что от таких солдат надо избавляться, и чем скорее, тем лучше.

23 сентября стало самым отвратительным днем за все годы моей службы в армии. Мне позвонил Брэдли, который сказал, что в соответствии с решением высшего руководства мне предстоит отказаться от 6-й бронетанковой дивизии и ввиду недостатка горючего и боеприпасов перейти от наступления к обороне. Генерал Диверс заявил генералу Эйзенхауэру, что 1 октября ему нужен 15-й корпус, снабжение которого он мог бы наладить через Дижон. Как мы с Брэдли и предчувствовали, Диверс своего добился. Когда я в беседе пожаловался генералу Гэю, он спросил: «Чего стоит победа?» желая сказать этим, что и в Марокко, и в Тунисе, и в Сицилии и здесь во Франции, мы побеждали, но плоды наших побед неизменно бездарно растрачивались. Так или иначе, я утешал себя тем, что всегда, когда мне приходилось испытать в жизни сильнейшее разочарование, это шло мне на пользу. Так случилось и теперь, хотя тогда я не знал об этом и сильно переживал.

24-го Гэффи, Мэддокс[1] и я встретились с командирами трех корпусов — Эдди, Хэслипом и Уокером — в Нанси (в штаб-квартире Третьей армии), где договорились о том, что будем продолжать развивать наступление к востоку от реки Мозель. Мы также наметили точки, в которых мы будем действовать «по принципу каши из топора», чтобы, не переставая надеяться на лучшее, быть готовыми перерезать ленточку и устремиться вперед, когда станет можно. Генерал Хэслип очень не хотел покидать Третью армию, а мы и вся Третья армия не хотели его отпускать.

24-го я отметил еще один прекрасный пример взаимодействия наземных и воздушных частей. Пять танков из 4-й бронетанковой подверглись атаке не менее чем впятеро превосходившим их бронетанковым соединением противника; мы могли оказать им помощь только с воздуха. И хотя по всем показателям погода стояла нелетная, генерал Уэйленд приказал двум эскадрильям взлететь. Они взлетели и, используя радары, промчались на расстоянии всего лишь нескольких метров над землей. Обнаружив неприятеля, пилоты сбросили бомбы замедленного действия и обстреляли из пулеметов и пушек. Атакуя врага, летчики даже не знали, сумеют ли приземлиться после окончания налета, но прекрасно сделали свое дело. Отбомбившись, они полетели в глубь Франции и, как только нашли просвет в облаках, пошли на посадку и благополучно приземлились. Один из офицеров носил фамилию Коул, и позднее я слышал, что ему вручили медаль Почета. Он заслужил эту награду.

По состоянию на 24-е число потери в живой силе составили:

Третья армия

Убитыми	4541
Ранеными	22 718
Пропавшими без вести	4548
Всего	31 807
Небоевые потери	13 323
Общий итог	45 130
Пополнения	43 566

Противник

Убитыми	30 900
Ранеными	89 600
Пленными	95 600
Всего	216 000

[1] Полковник Х. Дж. Мэддокс — начальник отдела планирования и обучения личного состава в Третьей армии; находился при генерале Паттоне на протяжении всей войны.

Материальные потери

Третья армия		Противник	
Легкие танки	140	Средние танки	708
Средние танки	342	Танки «Пантера» и «Тигр»	415
Артиллерийские орудия	103	Артиллерийские орудия	1718

ТОПТАНИЕ НА МОЗЕЛЬСКОЙ ЛИНИИ

С 25 сентября по 7 ноября 1944 г.

Этот период действий Третьей армии в Европе с полным правом можно назвать самым бессмысленным и бесплодным периодом в ее истории. Казалось, высшее начальство и погода сговорились с единственной целью не дать частям Третьей армии двигаться вперед. После двух месяцев быстрого продвижения и почти постоянного наступления подразделениям приходилось переходить к обороне и позиционной войне.

Несмотря на сказанное выше, все — от солдата до командующего — продолжали надеяться на возвращение жарких дней, и состояние дел постепенно улучшалось: чувствовавшие себя неуверенно на новых позициях войска медленно, но неуклонно овладевали ситуацией, закрепляясь на плацдармах, с которых им предстояло продолжить прерванное наступление.

В вышеуказанный период сопротивление немцев возросло и на других участках фронта. 21-я группа армий фельдмаршала Монтгомери потратила это время на освобождение от вражеских войск порта Антверпен и Вальхеренских островов. Первая армия, очистив от неприятеля Аахен, продолжала наседать и теснить немцев. Замедлилось продвижение 6-й группы армий генерала Диверса (Седьмая американская и Первая французская армии) в Вогезских горах. Русские вошли в Чехословакию и Венгрию, очистив от вражеского присутствия Будапешт. В Италии продвижение войск союзников к долине реки По шло медленно. Военно-воздушные силы продолжали наносить удары по немецким аэродромам и по индустриальным центрам.

Потоп

Период с 25 сентября по 7 ноября стал самым трудным для Третьей армии. Впервые за все время мы не наступали быстро, впрочем, и небыстро тоже — мы фактически не могли наступать. У нас отсутствовали соответствующие возможности в борьбе с равными или превосходящими силами противника, занимавшего превосходные позиции. Даже погода, и та обратилась против нас. 25 сентября я получил от генерала Брэдли документ с грифом «Совершенно секретно», где говорилось то, что мне и так уже было известно из полученной на днях неофициальной информации, —

нас вынуждают перейти к оборонительной тактике. Дабы сделать мой изложенный на словах план официальным, я предоставил генералу Брэдли письменные раскладки по укреплению оборонительных рубежей и расширению плацдарма на восточном берегу реки Мозель. Как значилось в заключительной части, весь план основывался на поддержании наступательного духа в войсках, а для этого необходимо продолжать продвижение на тех участках фронта, где только будет возможно.

26-го числа мы с полковниками Кодменом и Кампанолем отправились в Годрекур с целью найти мадам Жуатт, у которой в 1917-м останавливался генерал Маршалл[1]. Годрекур ничуть не изменился за прошедшие годы, но семья, которую мы искали, перебралась на Юг Франции. Однако мы все же не совсем напрасно проездили — мэр города, отец двух очаровательных дочерей, угостил нас вином, а одна из девушек поиграла нам на фортепиано.

Из Годрекура мы через Нёфшато поехали в Шомон и пообедали там в «Отель-де-Франс» — там, где генерал Першинг, генерал Харборд, де Шамбрен и я обедали осенью 1917 г., когда мы впервые прибыли в Шомон и избрали его в качестве штаб-квартиры Американского экспедиционного корпуса. Гостиницей заправляла та же самая семья, только поколением младше. Даже блюда, которые нам предложили, мало чем отличались от меню образца 1917 г. После обеда мы посетили дом, где жил генерал Першинг, а также казармы, где в течение двух лет размещался наш штаб.

За две недели до того 15-й корпус Третьей армии вторично взял Шомон и наши доблестные летчики разрушили казармы ударами с воздуха. Как бы там ни было, мой маленький кабинетик рядом с воротами уцелел. Хорошо, что они не разбомбили его, кабинет мне нравился, потому что тогда я был комендантом штаба Американских экспедиционных сил генерала Першинга, и это была первая солидная должность, которую я занимал.

В казармах полковнику Кампанолю пришлось пережить один неприятный момент. По дороге в Шомон он не уставал твердить нам о красивой француженке, которую знавал в 1917–1918 гг. и которую очень надеялся разыскать. Дама имела кое-какие связи с полицией, потому, когда мы находились в казармах, я поинтересовался у полицейского, не знаком ли он с той женщиной — другом полковника Кампаноля. «Вежливый» полицейский с убийственной откровенностью повернулся к Кампи и изрек: «Конечно, я прекрасно знаю ее. Однако она старовата даже для вас».

---

[1] Джордж Кэтлетт Маршалл (1880–1959) генерал армии и начальник штаба армии США во время Второй мировой войны. Во время Первой мировой войны командовал оперативным штабом 1-й дивизии, первой высадившейся во Франции в 1917 г., а затем — оперативным штабом Первой армии в ходе Мёз-Аргонского наступления в 1918 г. — *Прим. пер.*

После того как Кампаноль получил эту плюху от полицейского, мы направились в Валь-дез-Эколье, где ближе к окончанию прошлой войны жил генерал Першинг и где я служил адъютантом принца Уэльского, с которым вместе танцевал и которого учил бросать кости в крэпс. К несчастью, местечко было практически полностью разграблено.

Затем мы через Лангр, не останавливаясь там из-за нехватки времени, поехали в Бург в бывшую штаб-квартиру моей танковой бригады в 1918 г. Первый же человек, которого мне довелось встретить там, стоял на той самой куче мусора, на которой, я уверен, он находился и в 1918 г. Я спросил его, был ли он здесь в прошлую войну, и он ответил: «Конечно, генерал Паттон, и вы тоже. Только тогда вы были полковником». Затем он собрал целую триумфальную процессию из земляков, вооруженных вилами, косами и граблями, в сопровождении которой мы отправились по местам моей боевой славы, включая мой кабинет и жилище в шато мадам Во.

За могилой национального героя — «Брошенного сортира» — все еще ухаживают местные жители. А ведь именно я положил этому начало. В 1917 г. мэр, живший в Бурге в «новом доме», построенном в 1760 г., явился ко мне со слезами на глазах и поинтересовался, почему ему не сообщили о смерти одного из моих солдат. Будучи в полном неведении относительно сего скорбного факта и не желая открывать своей неосведомленности перед иностранцем, я исподволь выяснил, что произошла ошибка и на самом деле никто не погиб. Но мэр не хотел мне верить и настоял на том, чтобы я пошел с ним и сам во всем убедился, потому что он лично видел «могилу». В общем, мы пошли и обнаружили только что по всем правилам запечатанную выгребную яму, из одного ее конца торчал шест с напоминавшим крест знаком, где было написано: «Брошенный сортир». Французы просто приняли табличку за крест на могиле. Открывать, каково истинное положение вещей, я им не стал ни тогда, ни уж тем более теперь.

На обратной дороге к Этену мы проезжали через летное поле, с которого Кодмен много раз взлетал во время Первой мировой войны и откуда они летали бомбить Конфлан.

27-е стало днем большого наплыва важных гостей — десять генералов кряду, из коих я принимал с удовольствием только Хьюза и Спаатса. Нам пришлось еще раз услышать подтверждение того, что скоро мы лишимся 15-го корпуса, состоявшего из 2-й французской танковой и 79-й дивизий. Вместе с тем нам обещали прислать пехотные части 26-й дивизии генерал-майора Уилларда С. Пола, а затем, когда мы сможем вновь наступать, передать ее целиком. Я никогда не испытывал трудностей с перемещением имевшихся в моем распоряжении частей, однако размещать отнятые у тебя подразделения дело сложноватое.

Нехватка войск продолжалась еще какое-то время и ужасно раздражала. Нам пришлось превратить солдат одиннадцати пехотных батальонов в грузчиков, а также использовать весь способный двигаться транспорт вновь прибывающих дивизий для доставки всего необходимого.

Я рассчитывал высвободить части 80-й дивизии и всю 4-ю танковую, заменив их 26-й, когда та прибудет. Двум первым дивизиям в последнее время пришлось очень много сражаться, а 80-я к тому же занимала довольно сложную позицию. 4-я бронетанковая дивизия отразила кряду три атаки, но полк 35-й пехотной дивизии был сброшен с высоты к северу от Шато-Сален. Меня всегда бесили подобные вещи, и я никогда не перестану принимать близко к сердцу ситуации, в которых наших парней вынуждают оставить завоеванные ими позиции.

Мы со Стиллером поехали на машине через Понт-а-Муссон в Сен-Бенуа и Триокур. В последнем расположено огромное кладбище для военных Соединенных Штатов — прекрасный монумент пацифистам, ставшим, по сути дела, виновниками последней войны. Вместе с генералом Макбрайдом мы посетили наблюдательный пункт 80-й дивизии. Плацдарм, на котором она дислоцировалась, трудно было бы назвать как безопасным, так и удобным, поскольку впереди перед мостом находились три пока не занятые нами высоты. Именно здесь, о чем рассказывалось в предыдущей главе, 80-я подверглась жестокой контратаке противника. Чтобы закрепить за собой высоты, нам пришлось бы сначала дать передышку штурмовой бригаде 80-й. Я как раз и собирался сделать это, заменив уставшее подразделение аналогичным из 26-й, когда та наконец поступит в мое распоряжение.

На обратном пути я наградил нескольких солдат из полкового штаба; мне также представился приятный шанс произвести трех отличившихся на поле боя сержантов в лейтенанты.

Затем я пригласил генерала Ирвина из 5-й дивизии отправиться в передовой батальон 2-й пехотной. Добраться туда можно было двумя путями: пешком, карабкаясь в гору по грязи, или проехать на машине по дороге, находившейся под наблюдением неприятеля и простреливавшейся на расстоянии не меньше полутора километров. Я выбрал дорогу. Пока мы ехали по ней, немцы все время мазали, однако, когда мы добрались до батальонной штаб-квартиры, они обстреляли ее из орудий. Надо полагать, они потренировались, паля по дороге, потому что, когда мы возвращались, противник дал залп четырьмя 150-миллиметровыми снарядами. Первый пролетел очень далеко, второй лег поближе, третий забросал нас галькой и грязью, а четвертый шарахнул в полуметре от левой подножки моего джипа, но, по счастью, не разорвался.

29 сентября я лично присутствовал в расположении 35-й, когда ее к востоку от Нанси атаковали части одной или двух немецких

дивизий, заставив наших отступить. 4-я бронетанковая дивизия также подверглась атаке. Я велел Эдди использовать оставшиеся части 6-й бронетанковой, чтобы прийти на выручку 35-й. Он возразил, заметив, что, если лишится и этих подразделений, у него не останется ничего. Я в ответ сказал ему, что именно по этой причине его контратака и не должна провалиться, напомнив про то, как Кортес[1] сжег корабли. Мы послали за штурмовой бригадой «В» (командир — полковник, позднее бригадный генерал Г. У. Рид) 6-й бронетанковой дивизии, находившей с 20-м корпусом. Рид прибыл через пятнадцать минут.

Ко мне на обед приехали генерал Эйзенхауэр и генерал Брэдли со своими офицерами, и мы выпили смеси из бренди и шампанского. Большинство решило, что их угощают чистым шампанским, так что результат получился исключительный.

Генерал Эйзенхауэр довольно четко и убедительно изложил ситуацию. Он заявил, что из-за недостатка в живой силе 6-я группа армий (штаб генерал-лейтенанта Джекоба Л. Диверса) насчитывает не более шестнадцати дивизий, а 21-я группа армий (штаб фельдмаршала Монтгомери) — семнадцать. Фактически к концу войны численность еще сократилась. Ввиду вышеназванных причин, все оставшиеся дивизии из числа прибывших во Францию отойдут Первой, Третьей и Девятой армиям. На тот момент он планировал поставить ее между Первой и Третьей армиями и взять Мец, когда мы возобновим наше наступление на восток.

Когда он закончил, я внес предложение, чтобы кто-нибудь — сам ли он или же кто-то из высшего командного состава — был назначен в качестве арбитра между 12-й группой армий (штаб генерала Брэдли), управлением снабжения и воздушным корпусом в вопросах раздела поставок всего необходимого. В тот момент распределением горючего, боеприпасов и прочего занималось управление снабжения. Более того, я заявил, что оно проявляет негибкость и недальновидность в этих вопросах и что, если бы такого рода негибкость и недальновидность проявляли те, кто сражается, война была бы давно проиграна.

Я также убедил генерала Эйзенхауэра сделать достоянием прессы имена офицеров до командиров полков включительно. Имена младших офицеров уже были опубликованы.

К тому времени я прекрасно представлял, что немцы хотят иметь как Мец, так и Нанси, но поскольку Мец находился у них в

[1] Эрнан Кортес (1485–1547) — испанский конкистадор, сокрушивший империю ацтеков и завоевавший Мексику для испанской короны. 18 февраля 1519 г., когда Кортес отплыл к берегам Юкатана, у него было 11 кораблей, 508 солдат, около 100 матросов и 16 лошадей. Высадившись, он, демонстрируя решимость победить или умереть, приказал сжечь корабли. — *Прим. пер.*

руках, а мы не беспокоили их, они будут сидеть там тихо, сосредоточив все свои усилия на взятии Нанси, потому что все понимали: Нанси, а более того Шато-Сален — дверь для вторжения в Германию. Я дал разъяснение по этому вопросу в своей ориентировке № 4[1].

30 сентября решил передохнуть, а генерала Гэффи послал в 12-й корпус. В 15.00 он связался со мной по радиотелефону и сказал, что мне лучше всего немедленно самому прибыть в Нанси. Когда я приехал туда, то узнал, что 35-я дивизия получила позволение отступить из леса к западу от Шато-Сален, а 6-я бронетанковая не вступила в сражение, как я приказывал. Похоже, 35-ю атаковали 15-я и 539-я германские дивизии. После разговора на повышенных тонах с командиром 6-й бронетанковой, она вступила в сражение, атаковала неприятеля на рассвете следующего дня, отбив у него высоту и уничтожив большое количество немцев. Все это можно было проделать на день раньше, если бы мои распоряжения были выполнены. По счастью, генерал Гэффи прибыл в Нанси вовремя.

Вместе с тем ситуация выглядела не особенно обнадеживающе, и я приказал одной штурмовой бригаде 90-й дивизии 20-го корпуса держать грузовики наготове, чтобы иметь возможность выступить по первому приказу в течение пятнадцати минут. Думаю, одним из объяснений, почему наши войска не смогли удержать высотку в тот день, может служить то обстоятельство, что они чуть не лишились всех трех генералов, чудом избежавших смерти. Буквально в полуметре от них ударил снаряд, убивший двоих сотрудников военной полиции и смертельно ранивший трех других.

Как-то на Сицилии я сказал не слишком горевшему желанием наступать генералу, что полностью доверяю ему и, желая продемонстрировать это, уехал к себе. На сей раз я попробовал применить эту уловку снова, и опять сработало.

Улетая обратно в штаб-квартиру, мы как раз и достигли поставленной цели. Приземлился наш самолет уже в полной темноте, в чем не было ничего необычного, поскольку майор Беннет — летчик от Бога.

В полночь я связался с начальником штаба 12-го корпуса (бригадный генерал Ральф Дж. Кейнин) и, узнав, что тот спит, тоже отправился отдыхать, поскольку знал — ситуация выправится.

Потери в живой силе по данным на 1 октября:

Третья армия

Убитыми	4849
Ранеными	24 585
Пропавшими без вести	5092

[1] См. Приложение D.

Всего	34 526
Небоевые потери	14 637
Общие	49 163

Противник

Убитыми	32 900
Ранеными	99 300
Пленными	96 500
Всего	228 700

Материальные потери по данным на 1 октября:

Третья армия

Легкие танки	143
Средние танки	363
Орудия	103

Противник

Средние танки	808
Танки «Пантера» и «Тигр»	439
Орудия	1751

2 октября я вручил награды командирам двух полков, взявших высоту, а потом отправился осмотреть местность, которую обороняла 4-я бронетанковая генерал-майора Дж. С. Вуда. Как и всегда, диспозиция данной дивизии была безупречной. Затем я посетил Бада, который командовал 35-й дивизией и был ранен в сражении за день до моего приезда. Как мне говорили про Бада, ни один человек не проявляет такого спокойствия, как он, под огнем противника.

Дней, наверное, десять мы словно пребывали в задумчивости, пробуя на прочность немецкие форты на подходах к Мецу западнее реки Мозель. В 5-й дивизии считали, что один из таких фортов, Дриан, можно взять силами одного батальона. 3 октября они начали приводить свои планы в жизнь и на первом этапе действовали успешно, однако примерно через неделю мы решили оставить свои попытки, потому что операция слишком дорого нам обходилась.

4 октября 83-я дивизия приблизилась к Люксембургу. Я отправился осмотреть позиции и был поражен тем, что, если не считать железнодорожной сортировочной станции самого города, война вообще не затронула герцогство. Что-то тут такое было со статусом этого маленького государства, поскольку его никто не бомбил.

Это была годовщина дня, когда я впервые произвел попытку установить на башнях всех танков сдвоенные, спаренные с пушкой

пулеметы вместо обычных[1]. Попытка и по сей день осталась безуспешной.

5-го числа пришлось усилить штурмующих Дриан еще одним батальоном.

Эдди явился ко мне, чтобы поговорить о командире одной из его дивизий, имевшем скверную манеру руководить в бою отдельными батальонами, а не оперативными командованиями, в которые те батальоны входили. Сначала мы хотели освободить данного офицера от занимаемой должности, но, прикинув, что не знаем, кем бы его заменить, решили просто объяснить ему, как нужно действовать. Впоследствии он стал одним из самых лучших офицеров в Третьей армии.

Тогда же он просто вмешивался не в свое дело, опускаясь на слишком низкий для него уровень командования. Как я совершенно уверен, стиль, продемонстрированный тем офицером, прививается во время учебы и на маневрах. А вообще, генерал должен уметь руководить войсками, если можно так сказать, на один уровень ниже и знать диспозицию частей на два уровня ниже. Что это означает на практике? Например, командующий армией должен управлять корпусами и быть в состоянии контролировать по своей оперативной карте дислокацию корпусов и дивизий, но не должен управлять этими дивизиями. Командир корпуса должен руководить дивизиями и ориентироваться по карте в расположении штурмовых бригад. Командир дивизии должен управлять штурмовыми бригадами, фиксируя на карте расположение батальонов. Командир полка должен командовать батальонами и знать, где находится каждая из входящих в те батальоны рот. Ну и так далее.

Как показывают мои наблюдения, если любой офицер в звании генерала нарушает данные правила и, если можно так сказать, находясь на уровне командования армией, вмешивается в процесс дислокации батальонов, а затем начинает командовать ими, он снижает результативность своих действий и, как следствие, действий всей армии. В Тунисе один британец, начальник отдела планирования операций и обучения личного состава штаба генерала Александера, начал указывать мне, где мне следует разместить батальоны, так что мне пришлось твердо и решительно отвергнуть его помощь. При этом Александер поддержал меня.

Прибывшая 26-я дивизия взяла под контроль сектор, находившийся в ведении 4-й бронетанковой, а одна из штурмовых группировок высвободила на северном направлении аналогичное подразделение 80-й дивизии.

Немцы обстреляли штаб-квартиру 20-го корпуса под Конфланом из 280-миллиметрового орудия. По толщине оболочки голо-

[1] Имеется в виду пулеметное вооружение, устанавливаемое на качающейся части башни танка в спарке с пушкой. В своих воспоминаниях Паттон не раз возвращается к этой теме. — *Прим. пер.*

вки снаряда и размерам найденных осколков было сделано предположение о том, что выстрелы производились из морского орудия, вероятно установленного на замаскированную в каком-нибудь тупике железнодорожную платформу.

К этому времени получили одобрение планы 8 октября начать наступление силами 12-го корпуса. Разработка операции выглядела следующим образом: 80-я дивизия атакует прямо на восток, при этом три ее штурмовые бригады занимают три высоты на передовой линии; один батальон 35-й, усиленный танковой ротой, продвигается на северо-запад, чтобы очистить леса в зоне действий дивизии; тем временем две штурмовые бригады 6-й бронетанковой дивизии развивают свое наступление на север между левым крылом 35-й дивизии и правым — 80-й. Вся операция была спланирована как самый экономичный метод укрепление передовых позиций нашей армии, а также как способ поддержать наступательный дух солдат и офицеров.

7 октября приехали генерал Маршалл и генерал Брэдли. После обеда собрался весь штаб, где мы представили наши планы по взятию крепости Дриан, а также вышеизложенный план наступления силами 12-го корпуса. Как обычно, генерал Маршалл задавал острые и не простые вопросы, но, уверен, на все из них мы ответили достойно. Он расстроился, что из-за обещания встретиться с Монтгомери не сможет присутствовать в Третьей армии 8 октября, чтобы самому наблюдать развитие наступления.

Мне это тоже не удалось, так как 8-го я решил отправиться в Нанси по воздуху, что было ошибкой, поскольку из-за погоды нам удалось взлететь только тогда, когда сражение уже началось, и мне не пришлось присутствовать при начальном этапе операции. Когда я оказался на наблюдательном пункте 12-го корпуса, расположенные прямо впереди четыре населенных пункта уже ярко пылали, а от одного из них в небо поднимался огромный столб дыма высотой, наверное, не меньше километра. Машины 6-й бронетанковой продвигались вперед к южным предместьям двух деревень, откуда противник вел по ним довольно плотный огонь, одновременно с другой стороны эскадрильи P-47 из 19-й тактической воздушной бригады, как всегда, мастерски бомбили неприятельские позиции. Прямо перед нами несколько сотен пленных ожидали дальнейших приказов. Очень жаль, что генералу Маршаллу не удалось присутствовать здесь и видеть наших ребят в действии.

Полюбовавшись зрелищем в течение нескольких часов, я нанес визит генералу Полу, командовавшему 26-й дивизией. В 1925 и 1926 г. он был адъютантом в 27-й пехотной на базе Шофилд Баррекс[1], где у меня сложилось о нем весьма высокое мнение. Как вы-

[1] Schofield Barracks — одна из крупнейших военных баз США на Гавайях. — *Прим. пер.*

яснилось позднее, вполне и вполне обоснованное. Из его штаба мы отправились на наблюдательный пункт 80-й дивизии. Самая южная из двух высот на этом участке была взята, однако другая, лесистая — та, что находилась севернее, — по всей видимости, все еще удерживалась противником. К моему приезду атакующие, похоже, уже согласились оставить высоту в руках немцев до утра. Я же считал данное решение опасным и распорядился взять высоту ночью, что и было проделано.

10-го числа три командующих армиями (Ходжес, Паттон и Симпсон) вместе с начальниками управлений снабжения своих штабов собрались в штаб-квартире группы армий. Когда мы прибыли, генерал Брэдли довел до нашего сведения заявление Монтгомери о том, что для взятия Рура необходимы две армии — а именно его собственная и Первая армия США, — поставленные под командование одного человека, и что руководить их действиями должен он, Монтгомери. Генерал Эйзенхауэр согласен с необходимым числом армий, однако видит в данной роли две американские армии. Поэтому Девятая армия, вместо того чтобы занимать позиции между Первой и Третьей армиями, со своим базовым подразделением — 8-м корпусом, двигающимся сейчас на восток от Бреста, — будет переброшена на участок к северу от Первой армии и включит в свой состав ее 19-й корпус, в то время как 8-й корпус войдет в состав Первой армии с командным пунктом в окрестностях Битбурга. Третья армия лишится 83-й дивизии, которая отойдет к 8-му корпусу, но в конечном счете получит 95-ю дивизию и 10-ю бронетанковую дивизию. Первая и Девятая армии начнут наступать на Рур, как только будут получены необходимые боеприпасы, что произойдет, как в тот момент предполагалось, 23 октября.

После того как дело уладилось, мы, ожидая прибытия генерал-майора Уолтера Б. Смита, начальника штаба генерала Эйзенхауэра, занялись обсуждением вопросов снабжения. Когда Смит приехал, он сообщил, что мое предложение относительно назначения третейского судьи в разрешении вопросов поставок горючего, боеприпасов и всего прочего, необходимого для ведения боевых действий, получило одобрение и что таким человеком станет генерал Р. К. Крофорд, начальник снабжения командования экспедиционных сил союзнических войск. На том же совещании я особо подчеркнул тот факт, что в подходе к проблемам снабжения больший упор делается на общий объем поставок — тоннаж грузов, в то время как конкретные требования момента не всегда должным образом учитываются. Вот, например, к чему мне получать тысячу тонн бензина, когда мне его нужно всего пятьсот тонн, но при этом мне просто необходимы двести тонн боеприпасов и триста тонн материалов для наведения мостов? И после всего снабженцы обижаются и говорят, мол, мы же выполнили требуемые объемы, чего вы от нас хотите? Еще мы наконец определись с тем, что сами бу-

дем решать, какие именно боеприпасы нам нужны, а также, чем и сколько нам стрелять; вдобавок ко всему нам отныне позволялось экономить боеприпасы и использовать сэкономленное по собственному разумению. Также мы определились, что впредь отпуск боеприпасов будет производиться из расчета на одно орудие в день, а не в огневых единицах, потому хотя бы, что до сих пор никто так и не мог с уверенностью сказать, что же подразумевается под огневой единицей. На тот момент мы были убеждены, что шестьдесят снарядов для орудия калибра 105 миллиметров и сорок для тяжелой артиллерии — минимальная дневная норма. Все эти вычисления означали, что если снабженцы сумеют помножить количество снарядов на количество орудий и на число дней, армия сможет сэкономить нужное количество боеприпасов, чтобы в период жарких сражений расчеты 105-миллиметровых орудий имели возможность дать по триста пятьдесят — четыреста залпов за день.

Потери на 8 октября:

Третья армия

Убитыми	5131
Ранеными	25 977
Пропавшими без вести	5096
Всего	36 204
Небоевые потери	16 494
Общий итог	52 698

Противника

Убитыми	36 800
Ранеными	103 000
Пленными	98 900
Всего	238 700

Материальные потери

Третья армия

Легких танков	154
Средних танков	368
Артиллерийских орудий	103

Противника

Средних танков	822
Танков «Пантера» и «Тигр»	444
Артиллерийских орудий	1754

С утра пораньше 10-го числа я поехал в Нанси, чтобы успеть позавтракать с генералом Маршаллом, который заночевал у Эдди. Эдди сделал отличный макет местности, изучая который мы мог-

ли наглядно представлять расположение всех дивизий и корпусов. Во время нашей встречи я нашел возможность обсудить возможность присвоения генеральского звания полковнику Брюсу Кларку (позднее бригадному генералу, командиру штурмовой бригады 4-й бронетанковой дивизии) и Джорджу В. Риду (позднее бригадному генералу, командиру штурмовой бригады 6-й бронетанковой дивизии). Возвращаясь из расположений 35-й дивизии, мы попали под обстрел. Два вражеских снаряда ударили в склон горы, возвышавшейся рядом с дорогой, по которой мы ехали, а еще три разорвались примерно в трехстах метрах с другой стороны. Этот случай стал уже третьим за последнее время, когда я угодил под обстрел, что говорило о наличии у противника хорошего обзора или же о том, что огонь корректировался разведчиком по радиосвязи.

После 12-го корпуса мы в компании генерала Уокера совершили объезд дивизий 20-го корпуса. Во время инспекции 90-й дивизии я настойчиво хвалил генерала Маклейна. После того как мы покинули расположение этой дивизии, генерал Маршалл признался, что надеется на возможность в ближайшем будущем вверить под командование Маклейна корпус. На протяжении дня мне удалось несколько раз побеседовать с генералом Хэнди[1], что всегда доставляло мне удовольствие.

11-го мы решили оставить свои атаки на Дриан. Снабжение боеприпасами в тот момент стало крайне нерегулярным. Выходило по семь снарядов в день для 155-миллиметровых орудий и не более чем по пятнадцать для 105-миллиметровок.

12-го числа по приглашению генерала Брэдли я приехал в Верден на встречу с государственным секретарем мистером Дж. Ф. Бирнсом. Так как Брэдли срочно вызвали к генералу Эйзенхауэру, оставшуюся часть дня я провел с мистером Бирнсом в беседах, посвященных событиям на Сен-Миельском и Мёз-Аргоннском театрах военных действий. В мистере Бирнсе я нашел очень интересного и весьма разбирающегося в данном вопросе человека. Все оценки, данные им обстоятельствам тех операций, были предельно верны, так что я получил большое удовольствие от общения с ним.

13-го числа мы перенесли командный пункт в Нанси, где устроились в немецких казармах как у себя дома. Это была одна из шести казарм, изначально построенных французами и подвергнутых бомбардировкам нашими летчиками во время взятия города. Нам повезло, что работа авиации тогда оказалась не слишком эффективной. Когда Спаатс увидел, как поработали его парни, он выразил надежду, что я нигде не стану распространяться об «успехах» американских ВВС.

---

[1] Генерал-лейтенант Т. Т. Хэнди, заместитель начальника штаба армии США.

14-го числа генерал Эйзенхауэр пригласил командующих армиями и корпусами в расположенную к востоку от Льежа штаб-квартиру Первой армии для встречи с королем Англии Георгом[1]. После отбытия его величества генерал Эйзенхауэр в довольно бодром тоне завел с нами беседу относительно поддержания боевого духа в войсках и попросил не слишком критиковать деятельность главного управления снабжения. Учитывая ситуацию, и в том и в другом случае пообещать было куда легче, чем сделать.

15-го мы с генералами Эдди и Вудом отправились в 26-ю дивизию для проведения моей обычной неофициальной беседы с офицерами, сержантским составом и рядовыми. Данная дивизия одной из первых приняла на вооружение мой наиглавнейший постулат о необходимости ведения огня с ходу во время атаки и во время ведения боевых действий показала хорошие результаты при минимальных потерях.

Потери в живой силе на 15 октября:

Третья армия

Убитыми	5438
Ранеными	27 111
Пропавшими без вести	5457
Всего	38 006
Небоевые потери	18 537

Противник

Убитыми	40 100
Ранеными	110 500
Пленными	100 600
Всего	251 200

Материальные потери за тот же период:

Третья армия

Легких танков	156
Средних танков	374
Артиллерийских орудий	104

Противник

Средних танков	834
Танков «Пантера» и «Тигр»	445
Артиллерийских орудий	1766

Вскоре Маклейн был снят с командования дивизией и назначен командовать 19-м корпусом, бывший командир которого генерал-

[1] Георг VI — король Великобритании с 11 декабря 1936 г. — *Прим. пер.*

майор С. Х. Корлетт отбыл домой по болезни. 90-ю дивизию принял генерал-майор Дж. А. Ван Флит. Ван Флит, показавший себя прекрасным командиром дивизии и корпуса, во время высадки в Нормандии командовал одним из полков 4-й дивизии и оказался в числе офицеров, рекомендованных на временное повышение. Войну он закончил командиром 3-го корпуса.

Я также посетил 95-ю дивизию, которая только что перешла под начало генерал-майора Х. Л. Твадла, и провел обычную беседу в неофициальной обстановке как со старшими, так и с младшими офицерами. В тот день мы перемещались в открытой машине под дождем в течение восьми часов и потому промокли до нитки.

17-го числа мы с генералами Гэффи и Гэем, а также полковниками Харкинсом, Мэддоксом, Мюллером и Кохом занялись разработкой плана новой операции, который заключался в том, чтобы осуществить наступление силами трех дивизий 12-го корпуса с целью создания плацдарма по ту сторону реки Сель. После выполнения данной задачи 4-й и 6-й бронетанковым дивизиям предстояло выдвинуться через расположения пехоты. Далее 6-я бронетанковая дивизия должна была занять господствующие высоты к востоку от Меца, а 4-й бронетанковой дивизии предстояло выдвинуться к берегу реки Саар и обеспечить переправу к югу от Саргемунда. На следующий день предполагалось наступление 20-го корпуса — силами 5-й, а затем и 80-й дивизий к югу от Меца. 95-й дивизии предстояло связать обороняющие Мец войска неприятеля и создать видимость попытки форсировать реку к северу от города. В то же самое время 90-я дивизия должна была осуществить переправу к северу от Тионвилля, где сразу же за ней последовала бы 10-я бронетанковая. Как только господствующие высоты к востоку от Меца оказались бы занятыми нашими войсками, 10-й бронетанковой надлежало повернуть в северном направлении и ударить на Саарбург, который в преддверии прибытия 90-й дивизии подвергся бы атаке тактического оперативного командования полковника Дж. К. Полка из 3-й кавалерийской бригады. Мы надеялись, что данная операция завершится взятием Меца, после чего для осуществления попытки прорыва линии Зигфрида и последующего наступления к берегам Рейна высвободятся две танковых дивизии — 4-я и 6-я.

Нужно заметить, что оба плана операций по захвату Меца и кампании на реке Саар были куда более детально разработаны, чем прочие подобного рода мероприятия в период нашего продвижение по территории Франции. Причина понятна. Главное, о чем нам приходилось помнить, маршируя по Франции — дальнейшее развитие успеха, использование имевшихся у нас преимуществ, потому мы не были ограничены в методах и, грубо говоря, хватали все, что подвернется под руку. Разница между той и этой операциями заключалась в следующем: на сей раз преимущества у нас отсутствовали.

19-го числа Харкинс повез наш план для одобрения к Брэдли. Бригадный генерал Р. Э. Дженкинс (начплан и подготовки 6-й группы армий) и полковник Дж. С. Гатри (начплан и подготовки Седьмой армии) выразили намерение заняться разграничением позиций между Седьмой и Третьей армиями. Кроме всего прочего, они желали наряду с нами контролировать железную дорогу на участке от Туля до Нанси. Что касается разграничений позиций, никаких возражений я на сей счет не имел, тут мы обо всем легко договорились. Насчет же дороги я сказал им, чтобы не беспокоились — она останется под моим контролем. Дело тут не в каком-то особом эгоизме, просто эта ветка была жизненно важной артерией в системе снабжения Третьей армии всем необходимым.

Вечером того же дня, по разным оценкам, до шестидесяти вражеских самолетов появились над Нанси, из них наши зенитчики сбили три наверняка и еще три предположительно. Чего мы не узнали, так это того, зачем они прилетали, поскольку нас они не бомбили и десанта тоже не высаживали.

20-го командующий Седьмой армией генерал Пэтч попросил у меня инженерно-саперную роту для обеспечения операции, которую он планировал осуществить 1 ноября, и я распорядился направить ее в его распоряжение.

В тот же день генерал Спаатс и я нанесли визит генералу Вуду, где получили возможность видеть в действии весьма интересное приспособление, повышающее проходимость танков, называемое «гусиными лапками»[1].

Генерал Спаатс остался у Вуда, а я поехал дальше, проверить, как поживают подразделения 26-й дивизии, поскольку на них возлагалась обязанность начать наше представление. Все находилось в полном порядке, если не считать того, что командирам не хватало умения помочь личному составу пережить тяготы окопной жизни. Я показал им, как оборудовать сушильные отделения, и особо предупредил о необходимости следить за тем, чтобы ноги у солдат не промокали. Довольно показательно, поскольку в скором времени в дивизии было отмечено свыше трех тысяч случаев заболевания так называемой траншейной стопой[2].

21-го прибыл с рапортом генерал-майор Джон Милликин, командир 3-го корпуса, в настоящее время переданного в состав Тре-

---

[1] «Гусиные лапки» — название, данное приспособлениям, сконструированным для американских танков. «Гусиные лапки» увеличивали ширину гусениц, что повышало проходимость машин на бездорожье. «Гусиные лапки» производились во Франции и Люксембурге специально для танков Третьей армии.

[2] Траншейная стопа (встречается также вариант — окопная стопа) — термин, данный врачами во время Первой мировой войны для обозначения болезни с симптомами ревматизма, вызываемой сыростью и холодом, когда ноги человека распухали, словно бы в результате обморожения. — *Прим. пер.*

тьей армии. Я противился этому назначению, потому что считал ошибочным доверять корпус офицеру, никогда не руководившему в бою даже дивизией, притом что в дивизиях командирами были только ветераны. Если не считать вышесказанного, я считал Милликина превосходным военным.

Я посоветовал Милликину отправить штабистов своего корпуса в штаб армии, чтобы там их ввели в курс дела. Таким образом, когда придет время действовать, он будет знать, чего от кого ожидать.

Эдди предложил план наступательных действий, каковой получил одобрение.

В ту ночь единственный упавший на территории Третьей армии снаряд Фау-1 врезался в гору к востоку от города, не причинив никому никакого вреда.

Первая атака 26-й дивизии прошла успешно; раненые, которых я посетил в госпитале, находились в приподнятом настроении и радовались достижениям своих частей.

Потери на 22 октября составляли:

Третья армия

Убитыми	5511
Ранеными	27 405
Пропавшими без вести	5407
Всего	38 323
Небоевые потери	20 221
Общий итог	58 544

Противник

Убитыми	40 900
Ранеными	113 100
Пленными	101 300
Всего	255 300

Материальные потери за тот же период:

Третья армия

Легкие танки	156
Средние танки	374
Артиллерийские орудия	106

Противник

Средние танки	834
Танки «Пантера» и «Тигр»	445
Артиллерийские орудия	1766

22-го числа прибыл Брэдли со своим начальником штаба Алленом, и мы занялись обсуждением плана предстоящего наступления. Наши мнения разошлись. Генерал Брэдли выражал уверен-

ность, что если все силы — то есть две британские армии, три американские, входящие в 12-ю группу армий, и Седьмая армия из состава 6-й группы армий — ударят разом, это может положить конец войне. Я же по-прежнему держался точки зрения, высказанной в моем к нему письме от 19 октября, что мы имеем дело с тремя противниками. Первый — немцы, второй — погода и третий — время. Из них самым серьезным я считал погоду, потому что в тот момент наши потери на поле боя сравнялись с теми, которые мы несли из-за болезней; при этом погода и не думала улучшаться. Что же касается времени, каждый день промедления помогал противнику улучшать оборону. Далее я заметил, что на подготовку наступления всех армий не хватит ни горючего, ни боеприпасов, зато их будет более чем достаточно для снабжения одной — Третьей армии, которая станет наступать двадцать четыре часа в сутки сразу же, как только получит приказ. После соответствующего обсуждения я назвал самую ближайшую дату для начала наступления, 5 ноября или любой следующий за ней день, когда бомбардировочная авиация будет способна совершать боевые вылеты.

23-го Уокер и Эдди встретились в моем присутствии для обсуждения деталей совместных наступательных действий их соединений. На совещании также присутствовал командир 3-го корпуса генерал Милликин, хотя его части и не участвовали в операции. После этой встречи я провел инспекцию баз снабжения в предместьях Туля, впервые использовав для данной цели специальный железнодорожный вагон, доставшийся нам как трофей от немцев и переданный Мюллером штабу армии. По распространенному мнению, изначально вагон принадлежал Гинденбургу[1], а потом Герингу.

Под утро 24 октября немцы открыли по Нанси огонь из 280-миллиметровых пушек или гаубиц, продолжавшийся до 04.45. Три снаряда упали вблизи от места, где мы квартировали — не более чем в тридцати метрах от моего дома. Один снаряд угодил в здание через улицу от нашего; угол падения был таков, что чуть не снес крышу комнаты генерала Гэффи. Практические все стекла в домах вылетели.

Я услышал вопли и крики в развалинах и, взяв свой фонарик, перешел на ту сторону, где столкнулся с французом, который вытаскивал за ногу из-под руин какого-то человека. Желая присоединиться к доброму делу, я взялся за другую ногу, но человек начал стонать, затем хрипеть, а потом прекратил издавать вообще какие бы то ни было звуки. Разобравшись, в чем дело, мы обнаружили,

---

[1] Пауль Людвиг Ганс Гинденбург (1847–1934) — во время Первой мировой войны немецкий фельдмаршал, а позднее второй президент Веймарской республики (1925-1934). Способствовал приходу к власти Адольфа Гитлера, которого в 1933 г. назначил канцлером Германии. — *Прим. пер.*

что ему придавило столом голову, которую мы своими стараниями чуть не оторвали. Если не считать ссадины на шее, бедняга вообще не пострадал.

Тем временем заваленная обломками пожилая женщина, не переставая, звала на помощь, а мой французский приятель успокаивал ее следующими словами: «Умоляю вас, мадам, успокойтесь. Все будет хорошо, все будет в порядке. Вы только представьте себе, что сам великий генерал Паттон разбирает завалы, так что вы можете не сомневаться, — вас непременно спасут. Более того, он уже распорядился вызвать «скорую помощь». Я прошу вас успокоиться». Пока мы доставали беспокойную женщину, третий, не причинивший большого вреда снаряд упал неподалеку, осыпав нас комьями земли и камнями. Кажется, никогда еще на протяжении всей моей службы в армии мне не было так страшно, как в тот день.

Ситуация со снабжением, особенно в том, что касается питания, горючего и боеприпасов, находилась на исключительно низком уровне — до того низком, что 25 октября мы удостоились личного визита генерала Ли и его людей. Ли, как я думаю, прилагал все усилия, чтобы улучшить ситуацию.

25-го числа 104-й пехотный полк полковника Д. Т. Колли (26-я дивизия) начал наступление, которое, если можно так сказать, увенчалось успехом только на три четверти, поскольку часть высоты все еще оставалась в руках неприятеля. Так или иначе, генерал Пол решил, что они уже достаточно попрактиковались, и около 18.00 отправил в атаку другой полк. Узнав об этом, Колли поспешил к своему первому батальону и заявил солдатам, что честь полка не позволяет им отойти, не закончив дела. Он лично возглавил штурм высоты. Благодаря храбрости полковника, неприятель был выбит с холма и позиция осталась за 104-м полком. Однако сам Колли получил ранение в правое плечо, при этом пуля, войдя по косой, пробив правое легкое и выйдя из нижней части левого, чудом не задела ни сердца, ни кровеносных артерий. Я вручил Колли «Дубовую ветвь» в дополнение к заслуженному им еще в Первую мировую кресту «За отличную службу»[1]. Он полностью поправился и по собственному настоянию вернулся в строй вновь командовать полком.

Я посетил три штурмовые бригады 95-й дивизии, где обсудил тактические моменты данной операции.

К этому моменту нам, как мы считали, удалось установить наблюдательный пункт, с которого велась корректировка огня 280-миллиметрового орудия, и выработали очень хитрый план по

---

[1] «Дубовая ветвь» — бронзовая или серебряная награда в виде дубовых листьев с желудями. Ее вручали как дополнительную награду к уже полученной ранее в знак того, что обладатель заслужил право быть награжденным повторно. — *Прим. пер.*

захвату пункта наведения, поскольку он должен был находиться на нашей территории. Однако мы так и не поймали разведчиков. Проблему, должно быть, решили пикирующие бомбардировщики Р-47, поскольку больше нас та пушка не беспокоила.

Поставки боеприпасов по-прежнему оставляли желать лучшего, бензина тоже привозили меньше, чем нужно, а сделанные запасы быстро сокращались.

761-й танковый батальон под командованием подполковника П. Т. Бейтса прибыл в распоряжение армии 28 октября. У нас это был первый батальон из цветных.

В тот же день, 28-го я приказал генералу Уокеру перестать валять дурака с Мезье-ле-Мец, который 357-й полк 90-й дивизии безуспешно атаковал в течение нескольких дней, и в конце концов взять его. 29-го мое указание было выполнено, однако в ходе сражения командир полка полковник Г. Б. Барт получил считавшуюся смертельной рану. Тем не менее Барт поправился.

29-го числа мы с Уэйлендом посетили 12-ю группу армий, чтобы договориться об участии в предстоящем наступлении 83-й пехотной дивизии. Идея заключалась в том, чтобы 83-я перешла мост, захваченный 90-й, и, прикрываемая кавалерией Полка, быстро развивала наступление с целью овладеть Саарбургом и, если представится возможность, Триром, после чего вновь вернулась бы в состав Первой армии. По завершении дискуссии Брэдли согласился предоставить мне оперативный контроль над 83-й дивизией с оговоркой, что я не буду вводить в действие больше двух полковых штурмовых подразделений.

Другой вопрос, обсуждаемый нами в ходе совещания, состоял в том, должны ли мы привести численность наших частей в соответствие с нормами О/Т[1] до предполагаемого наступления, поскольку в период затишья мы получили пополнения, достаточные для того, чтобы на первых порах укомплектованность личного состава подразделений превышала положенную по штатному расписанию. Генерал Брэдли высказал весьма разумную мысль. «Как вы могли заметить, приказ о приведении численности частей в соответствие с нормами О/Т вступает в силу после 15 ноября, — сказал он. — К тому времени противник своими действиями, по всей видимости, сделает это за нас». Генерал Уэйленд при моем активном содействии старался добиться возвращения отосланных в Девятую армию частей 19-й тактической воздушной бригады, однако наша атака на начальство успеха не имела.

31-го я произвел смотр 761-го танкового батальона и поговорил с солдатами и офицерами. Немало лейтенантов и некоторые из капитанов этого батальона ранее служили сержантами у меня в 9-м и

[1] Организационный табель — документ, регулирующий численность подразделений армии США.

10-м кавалерийском. Каждый в отдельности они были неплохими солдатами, но я выражал свое мнение тогда и не вижу оснований менять его теперь: цветные солдаты не способны соображать достаточно быстро для того, чтобы быть хорошими танкистами.

Перед нашим отбытием из Англии мы с Брэдли развивали мысль о том, чтобы добавить в штатное расписание каждой дивизии еще одного полковника. Тогда в случае гибели или ранения одного из командиров мы могли бы сразу же его заменить, поскольку разница в возрасте между командирами полков и батальонов оказывалась столь серьезной, что последние не имели достаточно опыта, чтобы командовать полком. Одним из таких полковников, отобранных мной для замены, стал учившийся вместе со мной Боб Сирс, который был старше меня на три года. Он принял полк 35-й дивизии примерно в августе и командовал им во всех боях до 31 октября, когда, несмотря на его храбрость и трепетное отношение к делу, стало очевидным, что, если его, Сирса не освободить от занимаемой должности, он умрет на посту. Он замечательно зарекомендовал себя и своими руками убил семерых немцев. Думаю, что это рекорд для командира полка на любой войне.

Когда генерал Спаатс посетил генерала Вуда, о чем я уже упоминал, то был поражен тем фактом, что Вуд живет в промокшей, покрытой грязью палатке, и послал ему свой собственный трейлер. Мы устроили грандиозную церемонию торжественного вручения трейлера генералу Вуду. Я никогда не встречал человека, который бы так радовался подарку, как Вуд, но был совершенно уверен в том, что пользоваться трейлером он не станет.

В 14.00 2 ноября мы провели совещание, на котором присутствовали командиры корпусов, генерал Уэйленд, я и главный штаб армии, а также представители 8-го и 9-го воздушных соединений. Предметом встречи служила необходимость окончательно определиться с тем, когда и где в ходе предстоящего наступления ВВС должны нанести удары по противнику. В результате совещания приоритетными целями были признаны в первую очередь оборонительные рубежи вокруг Меца и лес на участке продвижения 80-й дивизии; кроме того, мы решили, что дата начала наступления Первой армия получит кодовое обозначение «День-Д». Таким образом, пехота 12-го корпуса двинется вперед через двадцать четыре часа после «Дня-Д», а танки из состава этого же подразделения соответственно еще через день, если ситуация не позволит ввести бронетехнику раньше. Соответственно 95-я дивизия 20-го корпуса начнет ложную акцию к северу и западу от Меца через день после «Дня-Д», а 90-я дивизия атакует неприятеля к северу от Тионвилля еще одним днем позже. После длительных переговоров было осуществлено разграничение между частями 20-го и 12-го корпусов.

2 ноября в Нанси прибыли генерал Брэдли и начальник планирования его штаба генерал А. Фрэнклин Киблер. Они «обрадова-

ли» нас известием, что британцы, по всей видимости, не будут готовы к броску на восток раньше 10 ноября, а то и до начала декабря. Брэдли добавил, что Первая армия тоже не сможет наступать, если две ее дивизии, приданные британским силам, не будут возвращены и приданы либо Первой, либо Девятой армии. Он спросил, когда бы я мог начать наступление. Я ответил, что, как я уже говорил, могу начать на следующий день после успешной воздушной подготовки; если же погода не позволит действовать авиации, в независимости от нее Третья армия может начать не позднее 8-го. На это генерал Брэдли признался, что ему приятно найти кого-то, кто готов наступать.

3 ноября я обратился с речью к собравшейся группе офицеров, части сержантского состава и нескольким специально отобранным рядовым трех пехотных дивизий 12-го корпуса — а именно, 26, 35 и 80-й. Я сообщил им, сколь великую честь оказывает верховное командование Третьей армии, позволяя ей наступать самостоятельно. Я также не преминул повторить, что настаиваю на ведении во время атаки стрельбы с ходу и поддержке наступающих огнем из всех видов оружия.

Мы в последний раз обсудили с Уэйлендом предстоящие совместные действия наземных сил и авиации. Все свелось к тому, что если авиация не сможет подняться в небо и отбомбиться по неприятелю до наступления темноты 7 ноября, 8 ноября 12-й корпус пойдет на прорыв без поддержки с воздуха. Я имел телефонный разговор с Брэдли относительно возможности использования 83-й дивизии. Я попросил его санкционировать переход части корпусной артиллерии через реку Мозель с тем, чтобы они могли поддержать атаку двух приданных моей армии штурмовых бригад, однако мы так и не пришли к окончательному решению по этому вопросу.

Из-за плохой погоды назначенная на 5-е число пробная бомбардировка Меца не состоялась, и пилоты повели свои машины в глубь Германии, чтобы сбросить бомбы там.

В тот же день меня посетил Диверс и пообещал, что Седьмая армия поддержит меня с правого фланга.

5-го я в своей обычной манере провел беседы с офицерами 10-й бронетанковой, 90-й и 95-й пехотных дивизий, а также перед штабистами 20-го корпуса. Все эти встречи проходили под дождем.

В тот же день, 5-го, меня навестил генерал Хьюз. 6-го мы с ним, идя навстречу пожеланиям офицеров и солдат, выступили перед личным составом 4-й и 6-й бронетанковых дивизий. Первоначально я не собирался заезжать к ним, потому что считал этих ребят опытными бойцами, воодушевлять которых перед боем все равно что раскрашивать лилию, но они, похоже, все поняли по-своему и чуть не обиделись. Что ж, я обратился с речью и к ним. Выступая перед бойцами 4-й, я пошутил над тем фактом, что Первая армия не примет участия в наступлении, как то изначально планирова-

лось. Я сказал буквально следующее: «Последней будет Первая — 4-я будет первой».

Шестого числа я сообщил представителям прессы, что наступление начнется утром или ночью перед рассветом 8 ноября. Я представил им полный план и попросил держать все в тайне. Я также попросил корреспондента объявить по радио о целях атаки — сказать, что она будет носить локальный и ограниченный характер, а поставленной задачей будет укрепление плацдармов накануне наступления зимних холодов. Я предупредил его, что дам знать, когда можно будет открыть правду. Он сделал все, как я говорил, и уверен, это сообщение здорово сбило немцев с толку.

Было странно думать, что два года тому назад, вот так же 7 ноября, мы приближались к берегам Африки на борту «Августы». Тогда с утра и почти до окончания светлого времени дня дул сильный ветер, но в 16.00 он перестал, и мы удачно высадились на марокканском берегу. В 14.30 7 ноября этого года вовсю лило, как и почти все последние дни. В 19.00 генералы Эдди и Гроу явились ко мне с предложением отложить наступление из-за отвратительной погоды и вызванных дождями разливов рек. Я спросил, кого бы они хотели видеть своими преемниками, поскольку наступление начнется тогда, когда оно должно начаться. Они немедленно забыли о дожде и разлившихся реках и, как всегда, взялись за дело.

Сводка потерь по состоянию на 7 ноября:

Третья армия

Убитыми	5734
Ранеными	28 273
Пропавшими без вести	5421
Всего	39 428
Небоевые потери	24 386
Общий итог	63 814

За минусом боевых и небоевых потерь до 24 сентября:

Всего	45 130

Общие потери за период с 24 сентября по 7 ноября включительно

Всего	18 684

Интересно заметить, что, как показано выше, вынужденное стояние на реке Мозель увеличило наши потери. Если бы мы продолжали наступать и после 24 сентября, наши потери могли быть гораздо меньшими.

Потери в живой силе у противника по состоянию на 7 ноября:

Убитыми	42 500
Ранеными	117 000

Пленными 103 000
Всего 262 500

Материальные потери по состоянию на 7 ноября:

Третья армия

Легкие танки 157
Средние танки 374
Артиллерийские орудия 109

Противник

Средние танки 834
Танки «Пантера» и «Тигр» 445
Артиллерийские орудия 1773

ВЗЯТИЕ МЕЦА И СААРСКАЯ КАМПАНИЯ

С 8 ноября по 8 декабря 1944 г.

Не составляло большого труда пробудить части Третьей армии от октябрьской летаргии. Они никогда не настраивались на оборону и были готовы что называется по первому свистку бежать в атаку.

«Свисток» прозвучал 8 ноября, когда был отдан приказ о наступлении. Хотя стихия восставала против них на протяжении всего октября, солдаты Третьей армии не зря топтались на Мозеле — все это, казалось, бездарно растрачиваемое время они пробовали на прочность оборону противника, подготавливая трамплин для последующего броска вперед — в Германию.

В период с 25 сентября по 7 ноября они продвигали фронт, обкладывая Мец с востока и с юга, но даже и к северу от города они были достаточно сильны для того, чтобы перейти реку Мозель в любом месте.

Их новое наступление на восток началось ранним утром 8 ноября. Тысяча орудий загрохотали в единый миг, давая старт атакующим, которые ринулись вперед, давя лягушек и утопая по колено в грязи под непрерывным дождем. Медленно, мучительно трудно, теряя людей, продвигались вперед части Третьей армии, чтобы к середине декабря течение операции могло подвигнуть ее организаторов на новые замыслы — совместную акцию, направленную к единой цели — прорыву к Рейну. Взятый штурмом, как это случилось впервые в 641 г. — тринадцать столетий назад, — Мец перешел в руки Третьей армии 13 декабря.

Начало нового наступления, спланированного при участии генерала Спаатса и британских ВВС, предполагалось 19 декабря. Поддержка с воздуха должна была стать самой массированной в истории войн — невиданной по размаху и интенсивности. Тысяче тяжелых бомбардировщиков королевских ВВС предстояло в течение трех дней

подряд обрабатывать позиции неприятельских войск. Приказы были разосланы, командиры сориентированы, пополнения обещаны, войска отправлены на позиции, молитвы прочитаны — словом, все и у всех было готово. Но, как выяснилось, кое-что все же упустили — забыли проконсультироваться у германского командования насчет их планов. Итогом стал прорыв войск противника — операция, получившая название «Балдж».

На другом участке фронта, к западу от Германии, 21-я группа армий, встречая отчаянное сопротивление, медленно продвигалась вперед. Первая армия закрепляла достигнутый успех. Русские продвигались к Будапешту. В Италии союзные войска взяли Равенну. 6-я группа армий, ураганом промчавшись по Вогезским горам, вышла к берегам Рейна в районе Страсбурга, Кольмара и Гагенау. Стратегическая авиация продолжала наносить мощные удары по позициям противника и по индустриальным центрам Германии. На Тихоокеанском театре Токио наглядно ощутил на себе военную силу Соединенных Штатов, когда сухопутные войска при поддержке флота взяли Лейте[1].

P. D. H.

По пояс в грязи

8 ноября 1944 г. я проснулся в 03.00. Хлестал дождь. Я попытался снова заснуть, но, убедившись, что ничего не получится, поднялся и начал читать книгу Роммеля «Наступление пехоты». Так уж вышло, что, открыв ее наугад, я попал на страницы, где давалось описание боя, происходившего под сильнейшим дождем в сентябре 1914 г. Чтение ободрило и успокоило меня; я подумал, что, если немцы могли сражаться под дождем, наши парни тоже смогут, поэтому я лег и заснул, чтобы пробудиться уже в 05.15 от звуков лучшего будильника — орудийной канонады. Началась артподготовка.

Казалось, что не семь с лишним сотен орудий бьют залпами, а хлопают миллионы дверей в тысячах пустых, брошенных хозяевами домов. Дождь перестал, облака рассеялись, и вышли звезды. Небо на востоке осветилось вспышками. Мне даже стало жаль немцев, которые со страхом ждали нашего наступления и теперь понимали — то, чего они так боялись, началось. Успокаивая себя, я старался помнить, что я всегда «желал невозможного», «осмеливался на то, чего не дерзали другие» и что я — и это всего важнее — «не брал в советчики свои собственные страхи».

---

[1] Остров Лейте — один из Филиппинских островов. Речь идет о битве в заливе Лейте 23–26 октября 1944 г. Одно из важнейших сражений во время Второй мировой войны, во время которого в результате решительных действий авиации и ВМФ США понес поражение флот Японии и были обеспечены условия для вторжения США на Филиппины, а союзники получили контроль над Тихим океаном. — *Прим. пер.*

В 07.45 позвонил Брэдли, которому не терпелось узнать, как началось наступление и началось ли оно вообще. Я так и не сказал ему, буду или не буду действовать сегодня — боялся получить приказ сворачиваться. Узнав, что начало положено, он, как мне показалось, обрадовался. Потом трубку взял Эйзенхауэр и сказал: «Я надеюсь, что вы проведете мяч куда надо». Мы с Кодменом и Стиллером поспешили на наблюдательный пункт 12-го корпуса, но из-за дымовой завесы, которой прикрывали свои действия войска возле переправы, мы мало что смогли увидеть. Около 10.00 появились крупные соединения бомбардировщиков, обрушивших удары на выявленные разведчиками командные пункты неприятеля. Было ясно и почти безоблачно — за последние два месяца такой погожий денек выдался впервые.

Я посетил штаб-квартиры 80, 35 и 26-й дивизий; встретился с генералом Вудом. С наступление темноты тем вечером все части находились на заранее намеченных позициях, но, к несчастью, погода продержалась недолго — к ночи снова начался дождь.

Поездка на передовую 9-го числа произвела на меня тяжкое впечатление. Многие наплавные мосты ушли под воду; грузовики, самолеты, полевые госпитали — все они напоминали рыбаков, терпящих бедствие на льдине, — на множестве льдин в потоке жидкой грязи. Казалось, наступление обречено. Однако, когда я прибыл в расположение 5-й дивизии, мы с ее командиром генералом Ирвином и командиром 2-го пехотного полка полковником А. У. Рофом поднялись на пригорок, откуда увидели 1476 самолетов британских ВВС, занятых бомбардировкой целей в Меце. Прекрасное зрелище! Поначалу некоторые из нас забеспокоились, увидев в небе дымные шлейфы и приняв их за «хвосты» противовоздушных реактивных снарядов. Однако скоро стало ясно, что это сигнальные буйки, оставленные первыми пролетевшими над городом самолетами. Мы находились так близко, что слышали грозный рокот тысяч моторов, а земля у нас под ногами непрерывно сотрясалась и гудела от разрывов бомб.

На обратном пути мы видели, что все мосты через Мозель, кроме одного в Понт-а-Муссоне, ушли под воду, а сравнительно узкая, всего метров шестьдесят река Сель разлилась, став более чем вдвое шире. С другой стороны, не все и не везде обстояло так плохо. Когда я приехал в расположение штурмовой бригады «В» бригадного генерала Э. У. Пайлберна (10-я бронетанковая дивизия) около Мар-ля-Тур, места величайшего столкновения кавалерийских частей в 1870-м[1], личный состав сохранял превосходную выправку и

[1] Речь идет о сражениях под Мар-ля-Тур и Гравлот 16–18 августа 1870 г. — двух важнейших эпизодах франко-германской войны, в которой 130-тысячная французская армия под командованием маршала Ашилля-Франсуа Базена потерпела поражение от германских войск Гельмута фон Мольтке

дисциплину. Пять батальонов 90-й дивизии переправились через Мозель прошедшей ночью.

Генералы Спаатс, Дулитл[1] и Кертис[2], а также профессор истории военной авиации Брюс Хоппер заночевали у меня. Я был очень благодарен им за ту неоценимую поддержку, которую ВВС, как и положено настоящим друзьям, нам оказали.

10-го числа половодье немного пошло на убыль, и переправой в Понт-а-Муссон, которая ушла под воду в ночь на 9-е ноября, стало вновь можно пользоваться. Данное обстоятельство ободряло, поскольку, имея семь дивизий и ни одного моста через неприступную водную преграду, я чувствовал себя как без рук. 4-я бронетанковая дивизия продвигалась нормально, а 6-я бронетанковая на своем пути на северо-восток оттеснила значительные по численности немецкие колонны к расположениям 5-й пехотной дивизии, где, зажав противника с двух сторон, наши части нанесли ему серьезный урон в живой силе и технике. Командир 15-го корпуса Хэслип прибыл, дабы заверить меня в том, что его подразделение прикроет Третью армию с фланга. В тот момент 15-й корпус был придан Седьмой армии.

Я надеялся поставить победную точку в этом сражении 11-го числа, поскольку это день моего рожденья и потому что 11-е стало для меня счастливым днем в Западной Африке, но так или иначе моим чаяниям не суждено было сбыться.

В 17.10 вышел на связь Брэдли. Как я считаю, он сильно подвел меня, запретив использовать 83-ю дивизию. Уверен, тут не обошлось без происков Мидлтона или Ходжеса, а скорее всего обоих. В тот момент я испытал глубокое огорчение и по сей день считаю звонок Брэдли серьезнейшей ошибкой. Если бы две штурмовые бригады 83-й ударили на Саарбург, город почти наверняка пал бы 12-го или 13-го числа, что позволило бы нам захватить Трир, а если бы Трир находился в наших руках, прорыв фон Рундштедта[3] не стал бы возможным. Пожалуй, ситуацию эту можно охарактеризовать так: опять из-за одного гвоздя пропал весь ботинок.

и оказалась блокированной в Меце. Попытка графа Патриса де Макмагона выручить Базена закончилась сокрушительным поражением французов под Седаном 2 сентября 1870 г. — *Прим. пер.*

[1] Генерал — лейтенант Джеймс Х. Дулиттл — командир 8-го корпуса ВВС США.

[2] Бригадный генерал Э. Ф. Кертис — начальник штаба генерала Спаатса.

[3] Карл Рудольф Герд фон Рундштедт (1875–1953) — немецкий фельдмаршал, один из самых способных военачальников в гитлеровской Германии во время Второй мировой войны, игравший ведущую роль в разгроме Франции в 1940 г. и обороне западных рубежей Германии в период наступления войск союзников в 1944 г. — *Прим. пер.*

Случаи заболевания траншейной стопой заметно участились. Только в одной дивизии за короткое время их было отмечено три тысячи. Никакие средства и попытки обезопасить личный состав от данной напасти не могли служить панацеей, поскольку людям приходилось переходить через многочисленные водные преграды зачастую по пояс в воде. Так что даже резиновые сапоги не спасали. И все же в значительной степени вина за распространение болезни лежала на офицерах и сержантском составе, не озаботившихся вовремя принятием превентивных мер. Я разослал личные разъяснения с указаниями о том, что надо делать, и ситуация несколько улучшилась. Я отдал приказ промазывать всю обувь салом, используя на работах такого рода пленных солдат неприятеля. Также приказал одновременно с пайком выдавать солдатом ежедневно по паре сухих носков. Благодаря усилиям полковника Мюллера мы смогли обеспечить калошами почти всю пехоту, но в некоторых подразделениях командиры сделали солдат жертвами своей нелепой жалости, посчитав ношение галош слишком утомительным для людей. Из-за проблем с траншейной стопой становилось все очевиднее, что оба корпуса должны быть разделены на отдельные дивизионные колонны, чтобы, пока одни дивизии отдыхают и сушатся, другие бы наступали, а потом первые сменяли бы их и так далее.

Начальники штабных отделов устроили празднование моего дня рожденья у полковника Коха, где мы пили коктейль «Танковые гусеницы»[1], усовершенствованный в соответствии с полевыми условиями; при этом пометка «полевые условия» означает, что полагающиеся по рецептуре сорта спиртного в коктейле могут быть заменены на доступные в данной ситуации.

12-го 90-й дивизии пришлось отражать жестокую контратаку численно соответствовавшей ей немецкой дивизии, действия которой поддерживали танки. Наши бойцы не дрогнули и отбили контрудар, несмотря на то что им приходилось действовать без поддержки бронетехники и противотанковой артиллерии, не имея путей для отступления — мост за их спинами погрузился под воду. Как бы там ни было, корпусная артиллерия численностью в тридцать дивизионов вовремя вступила в бой.

Ситуация со снабжением снарядами улучшилась, если не считать факта недопоставки боеприпасов для 240-миллиметровых гаубиц и восьмидюймовых орудий.

Позвонил генерал Эйзенхауэр, который сообщил мне о снятии с командования 7-й бронетанковой дивизией генерала Сильвестра, сказав, что тот заявил, будто я имел предубеждение против него.

---

[1] Рецептура коктейля: сок одного лимона, сахар по вкусу, полторы унции (около 50 г.) ржаного виски или бурбона, чайная чашка колотого льда; полученную смесь взбить в миксере.

Это неправда, поскольку я не позволял командирам корпусов, в которые в тот или иной момент входила 7-я дивизия, отстранить его от командования все прошедшее время, начиная еще с августа.

13-го в наступление включилась Седьмая армия. Брэдли и Бонестил[1] навестили меня, и мы отправились в штаб-квартиру 12-го корпуса в Шато-Сален. Мы также нанесли визит в 4-ю бронетанковую дивизию, где Брэдли имел возможность воочию убедиться, сколько бед приносит нам грязь. Танки фактически ложились на брюхо, едва съехав с дороги.

Командование обещало направить в наше распоряжение пехотные части 75-й дивизии[2] не позднее 10 декабря и передать остальные ее подразделения к 15-му числу. Также нам обещали 11-ю бронетанковую дивизию, которая тогда как раз грузилась на суда в порту Соединенного Королевства.

В то время Брэдли высказал мысль о том, что, когда будет организована Пятнадцатая армия Соединенных Штатов, он поставит ее в тылу Третьей и Первой армий, что дало бы нам возможность отвлекать меньше сил на обеспечение порядка у себя за спиной.

Позднее вечером мы навестили раненых в госпитале, которые пребывали в приподнятом настроении. Вообще же такое положение буквально стало правилом в той операции.

14-го числа мне пришлось отговаривать Эдди от намерения обойти Фалькерберг.

Я посетил Уокера, и мы произвели смотр частей 95-й дивизии. Потери, понесенные этим соединением с 8 ноября, составляли 80 человек убитыми и 482 ранеными. Это, как я считаю, слишком много, учитывая, сколь малых успехов добилась дивизия за истекший период времени, о чем я и сказал Твадлу.

В Тионвилле мы видели самый длинный мост Бейли[3] в мире; саперы наводили его под огнем и только что закончили свою работу. Снаряды еще падали вблизи сооружения, но ни один из них не попал в мост, пока мы находились на нем. Оттуда мы направились в Каттеном, пересекли временный мост под прикрытием дымовой завесы и прибыли в расположение 90-й дивизии. Осуществленное 90-й дивизией форсирование реки Мозель достойно пера романиста. Переправа была сопряжена с огромными трудностями: после того как два батальона благополучно перешли на восточный берег,

---

[1] Генерал-майор Чарлз Х. Бонестил из штаба генерала Эйзенхауэра.

[2] Командир — генерал-майор Рэй Б. Пикетт. Данная дивизия не была придана Третьей армии в указанный момент времени.

[3] Мосты Бейли — изобретение сэра Дональда Коулмана Бейли (1901–1985), британского инженера, в конце 1940 г. разработавшего самую простую конструкцию наплавного моста, способного выдерживать большие нагрузки. Мосты Бейли имели огромное военное значение во время Второй мировой войны. — *Прим. пер.*

мост сорвало и всем остальным пришлось переправляться на плотах и лодках.

Генерал Ван Флит показал нам поле, где 12-го числа шел ожесточенный бой. Никогда еще в своей жизни я не видел такого количества убитых немцев в одном месте. На расстоянии полутора километров они лежали рядом практически плечом к плечу друг к другу[1].

В тот день (14-го) начала переправу 10-я бронетанковая дивизия, а это означало, что дела все же продвигались.

15-го прибыл генерал Эйзенхауэр, и мы нанесли визит в 12-й корпус, а также в 26-ю и 35-ю дивизии. Ему понравилось то, что он увидел, верховный главнокомандующий даже сфотографировался шагающим по грязи, которой там хватало.

В ту ночь с нами произошел довольно забавный случай. Мне хотелось хорошенько протопить камин в комнате генерала Эйзенхауэра, при этом мы так постарались, что подожгли гостиницу, да так, что едва потушили пожар. Скажу откровенно, нам с британским адъютантом главнокомандующего полковником Джимми Голтом пришлось попотеть.

По состоянию на 15 ноября операция протекала вполне удовлетворительно, если не считать того, что 4-я бронетанковая продвигалась не так быстро, как хотелось бы, а Седьмая армия помогла нам меньше, чем мы рассчитывали. Командир 12-го корпуса начал перестроение дивизий, с тем чтобы 6-я бронетанковая была готова в случае чего пойти на прорыв.

Потери в живой силе по состоянию на 15 ноября составили:

Третья армия

Убитыми	6778
Ранеными	35 296
Пропавшими без вести	7700
Всего	49 844
Небоевые потери	29 857
Общий итог	79 701

Противник

Убитыми	48 000
Ранеными	131 000

[1] Мертвых немцев из состава двадцати семи батальонов, погибших в результате наступления 20-го корпуса, специально свезли с места сражения и уложили вдоль дороги для последующего захоронения сотрудники американской военной похоронной службы.

Пленными 111 000
Всего 290 000

Материальные потери по состоянию на 15 ноября:

Третья армия

Легкие танки 182
Средние танки 410
Артиллерийские орудия 114

Противник

Средние танки 857
Танки «Пантера»и «Тигр» 454
Артиллерийские орудия 1836

16-го генерал Эйзенхауэр уехал, перед отбытием посетив склады артиллерийских боеприпасов и обмундирования, а также госпиталь.

От Марлен Дитрих, которая жила в Германии во время Первой мировой войны, я слышал, будто бы немцы использовали для борьбы с траншейной стопой противостолбнячную вакцину или сыворотку, мы тоже попробовали на добровольцах в госпитале, но безуспешно.

17-го числа в Фалькенберге мы узнали от пленных, что в разных местах в городе заложено множество мин замедленного действия, причем взрыватели у некоторых из них установлены на три недели. Впоследствии пятнадцать из таких мин взорвались.

Эдди позвонил мне и сообщил, что расчет расхода снарядов на 18-е число составляет девять тысяч, но я велел наступать и ни о чем таком не думать, а если надо, израсходовать двадцать тысяч, поскольку я не вижу причин экономить боеприпасы. Чрезмерная бережливость во время наступления ни к чему хорошему не приводит. Незачем ограничивать себя и на протяжении трех дней выпускать по девять тысяч залпов, теряя пехоту из-за того, что не подавлены огневые точки противника, когда можно в первый день дать двадцать тысяч, достигнув максимального эффекта. Если же и тогда не удается добиться цели, а боеприпасы на исходе, тут уж делать нечего — бери лопату и начинай окапываться.

18-е число стало днем триумфа авиации. Самолеты 19-й тактической воздушной бригады поднялись со своих аэродромов с рассветом и вернулись обратно, только когда стемнело; но и тогда бал не кончился, потому что в дело вступили ночные бомбардировщики, которые атаковали пятнадцать транспортных автоколонн.

20-й корпус наступал успешно. 90-я и 95-я дивизии продвинулись глубоко и находились в соприкосновении с 5-й дивизией к востоку от Меца. 10-я бронетанковая дивизия также вполне справ-

лялась с поставленной задачей. Вообще операция протекала столь успешно, что я уже видел себя по ту сторону линии Зигфрида. Однако я предвосхищал события.

Я посетил штаб-квартиру 5-й дивизии в Фор-Лезн поблизости от Верни. 10-й пехотный полк (командир — полковник Роберт П. Белл) из состава этой дивизии провел ночную атаку и, продвинувшись на шесть километров, перерезал защитникам Меца последние пути к отступлению. Пока я находился в крепости, вышеназванный полк вступил в контакт с частями 90-й дивизии, и к 11.00 в тот день подразделения как 5-й, так и 90-й уже завязали бои на улицах Меца. Ночная атака 10-го пехотного была характерна тем, что идти солдатам пришлось через минное поле. Поскольку они переходили его в темноте, то потеряли около тридцати пяти человек, но, попробуй они сделать это в дневное время, скорее всего, на минах подорвались бы те же тридцать пять, плюс еще несколько сотен полегло бы под пулеметным и ружейным огнем противника.

В Верни мы смогли видеть наглядный пример последствий попадания тяжелых фугасов, которые разрушали крепости, хотя и не так сильно, как можно было ожидать. Вместе с тем ударное действие от взрыва бомбы, по всей вероятности, оказывалось очень сильным и приносило немалый вред защитникам.

Последнюю немецкую колонну, пытавшуюся выбраться из Меца, перехватила на пути рота средних танков 6-й бронетанковой дивизии, открывшая огонь с расстояния не больше полутора сотен метров.

Позднее я специально приехал посмотреть место сражения и должен сказать, что редко встречал подобное — то был не бой, а бойня.

Еще одним замечательным эпизодом операции стал захват моста, соединявшего западный берег реки Мозель с расположенным на ней напротив Меца островом. Мост удалось взять целым, обстреляв его защитников рвущимися в воздухе шрапнельными снарядами с бесконтактными взрывателями, а затем сразу же пустив на них танки, которые не позволили минерам замкнуть контакты детонаторов.

Я оповестил Брэдли о том, что хотя официально немцы в Меце еще не капитулировали, захват его — на нашем счету, и в особенности на счету 20-го корпуса.

20-го числа погода не позволяла самолетам подниматься в воздух, так что никакой поддержки с воздуха мы не получили. Тем не менее французы осуществили прорыв в Бельфоре, и Седьмая армия также смогла продвинуться вперед. Ничего не скажешь — хорошие новости.

В тот же самый день мы начали приводить в действие решение о включении 5-й дивизии в состав 3-го корпуса, перед которым ставилась задача окончательного подавления сопротивления за-

щитников Меца. Такое решение не только избавляло командира 20-го корпуса от необходимости постоянно оглядываться, но также выводило на оперативный простор 3-й корпус; учитывая тот факт, что на северном участке 7-й корпус подвергался атакам противника, теперь у нас появлялась возможность кое-что противопоставить немцам. 20-й корпус, состоявший на данном этапе из 10-й бронетанковой, а также из 90-й и 95-й дивизий, мог продолжать наступление на Саарбург и готовить вторую атаку на участке между Мерцигом и Саарлаутерном[1]. На первый взгляд наступление на данном направлении могло показаться полным безрассудством, поскольку наиболее мощным являлся именно этот участок линии Зигфрида. Тем не менее очевидная сила на деле порой оборачивается слабостью, поскольку люди часто склонны ставить на сильных позициях слишком слабые или недостаточные по численности подразделения.

Как командир 20-го корпуса, так и его коллега из 12-го волновались за свои обращенные друг к другу (для первого — правый, для второго — левый) фланги в окрестностях Сент-Авольда, при этом каждый требовал, чтобы другой заполнил образовавшуюся пустоту. Как бы там ни было, я считал, что вместо этого им следовало бы сузить фронт и положиться на Бога, чтобы немцы не нанесли удара между ними. Насколько мне известно, противник так никогда и не попытался сделать чего-либо подобного.

Безусловно, темпы наступления снижались из-за утомления личного состава и недостатка пополнений. Единственным решением в сложившейся ситуации виделось мне сужение ширины фронта наступления каждого из корпусов. 22-го числа заключительная схема продолжения операции выглядела следующим образом: 20-й корпус (10-я бронетанковая дивизия и одна штурмовая бригада 90-й) наступают на Саарбург и Мерциг; остальные части 90-й дивизии и 95-я дивизия ведут атаку в окрестностях Саарлаутерна. Далее так: 5-я дивизия, за исключением одной штурмовой бригады, которую приходилось выделить для завершения осады Меца, останется в резерве, чтобы поддержать наступление на том участке фронта, где оно окажется успешным.

К тому моменту сопротивление противника в Меце было практически сломлено, и мы фактически уничтожали артиллерийским огнем остатки немецких складов с боеприпасами, горючим и амуницией. По нашим расчетам, предполагалось, что 80-я и 6-я бронетанковые дивизии из состава 12-го корпуса поведут наступление в окрестностях Саргемина; одна штурмовая бригада 35-й дивизии

[1] Саарлаутерн — так в период с 1936 по 1945 г. назывался город Саарлуис в земле Саарланд на юго-западе Германии. Город расположен по обеим сторонам реки Саар около французской границы к северо-западу от Саарбрюккена. — *Прим. пер.*

станет действовать совместно с 6-й бронетанковой; 26-я дивизия и остальные части 35-й, сделав остановку, приведут себя в порядок и просушатся. 4-я бронетанковая должна была наступать к югу от Саарбрюккена. В схеме развития операции заключался один весьма серьезный недостаток — планировалась она, когда стояла сухая погода, потому виделась как самый настоящий блицкриг. Когда же наступила пора действовать, мы оказались посредине самой огромной грязной лужи, в которую только случалось превращаться территории между Мозелем и Рейном за последние восемьдесят лет.

23-го мы построили почетный караул в честь генералов Эдди и Уокера и их побед в Нанси и Меце. Несмотря на то что оба они все еще оставались генерал-майорами, оркестр играл для них мелодию как для генерал-лейтенантов, и я надеялся, что музыка напророчит им заслуженное повышение. В случае с Уокером уже так и случилось, и я верю, что Эдди тоже получит-таки свою третью звездочку.

Мы с командующим французской армией генералом Жиро провели вместе часть дня за приятной и полезной беседой. Когда-то он в течение нескольких лет командовал в Меце французскими частями и знал все возможные направления для атаки на Германию. Жиро выражал полное согласие с избранной нами тактикой. Однако он указал несколько участков, продвижение на которых было бы невозможно. В этот раз я последовал его совету, однако, когда 13 марта 1945 г. 20-й корпус развивал наступление на данном участке, ему вполне удалось пройти в непроходимых местах.

В промежутке между 12-м и 15-м корпусами были обнаружены части 130-й отборной танковой дивизии (генерал-лейтенант Фриц Байерлейн)[1], которые успешно атаковала во фланг 4-я бронетанковая.

Мы направили командованию рапорт о целесообразности передачи 15-го корпуса Третьей армии на период проведения намеченного наступления на участке фронта от реки Саар в направлении Рейна. 24-го генералы Эйзенхауэр и Брэдли проезжали через Нанси на пути в штаб 6-й группы армий, и я попытался протолкнуть идею относительно 15-го корпуса. Я аргументировал тем фактом, что между Люневиллем и Тионвиллем, где имелся всего один естественный коридор, должна была дислоцироваться всего одна армия. Несмотря на основательность моих уверений, мне не удалось отвоевать себе 15-й корпус.

Поскольку дни становились все короче, а расстояния, на которые продвигались части Третьей армии, быстро увеличивались, представлялось своевременным перенести командный пункт вперед. Однако из-за отсутствия необходимой сети дорог ни одно другое место, за исключением Сент-Авольда, не подходило, между тем в этом населен-

---

[1] Фриц Баейрлейн (1899–1970) с 10 января 1944 г. командовал учебной танковой дивизией, которая иногда также называлась 130-й танковой.

ном пункте находился 12-й корпус. Важно знать, что, выбирая место для командного пункта, нужно подыскивать такую точку, откуда вы можете проехать на позиции своих войск, двигаясь только вперед. Командный пункт, устроенный в таком месте, откуда полководцу приходится добираться к местам дислокации своих подразделений в направлении, противоположном тому, в котором наступает его армия, крайне неудобен по ряду причин. Первая, и главная, — поступая так, как я считаю правильным, вы не только сбережете время, но и солдаты всегда будут видеть, что их командир едет к передовой, а не в тыл. Возвращаться же лучше на «Кабе» — так и солдаты никогда не увидят вас спиной к фронту, и время можно будет сэкономить.

Когда я вспоминаю о полетах, мне на ум приходит начало нашего продвижения по территории Франции. Тогда я не раз замечал с воздуха множество укрытий по обеим сторонам главных дорог. Как я выяснил, «лисьих нор» понастроили для того, чтобы обезопасить водителей немецких грузовиков во время налетов наших бомбардировщиков. Как только водители заметят самолеты, они, остановив машины, смогут спрятаться в укрытиях. Не очень-то это им помогло. Теперь местные жители, которых и заставляли рыть те норы, благополучно засыпали их землей.

Еще одно обстоятельство немало поразило меня — обилие на полях воронок от бомб. Бомбы, по всей видимости, никому не причинили вреда, а тот, кто сбрасывал их, похоже, не думал ни о чем, кроме того, чтобы побыстрее отбомбиться где угодно. Конечно, это довольно частый случай, однако не стоит слишком придираться к авиации, поскольку и орудийные снаряды, и пули совсем не так часто находят свою цель. С другой стороны, все немецкие аэродромы из-за воронок от бом наших летчиков выглядят сверху словно ноздреватый швейцарский сыр.

25-го я посетил 95-ю дивизию. Боевой дух личного состава находился на должном уровне, однако подлинного и единодушного стремления продвигаться вперед к победе в них все же не чувствовалось. Ребят, как мне казалось, следовало бы совсем немножко подтолкнуть. Пока мы добирались в расположение этой части, поблизости упало несколько снарядов, выпущенных из 88-миллиметровых или 105-миллиметровых орудий. После 95-й мы проезжали через Мец, и душу мне согревала мысль о том, что этот город впервые за тысячу триста лет был взят штурмом, и взяли его американские парни.

С пополнениями прибыло немало капитанов, и я для начала поставил их в роты в подчинение к лейтенантам, пока не освоятся и не разберутся, что к чему. Хотя по уставу делать так не полагается, я поступал подобным образом и во время Первой мировой войны, и теперь; оба раза срабатывало.

Седьмая армия установила оговоренные границы между своим флангом и флангом Третьей армии, в результате чего мы оказыва-

лись на деле очень стесненными, но нам в конечном итоге удалось убедить их принять разграничение, существующее между 12-м и 15-м корпусами — причем такое, как если бы 15-й принадлежал нам. А именно, северную линию: Лорентцен — Ралинген — Боулин — Вальтхольбен — Кайзерслаутерн — Бобенгейм[1]. Я позвонил генералу Хэслипу и поздравил с действительно заслуживавшим всяческих похвал прорывом, осуществленным его корпусом.

Нас посетил посол в России Эверелл Гарриман[2], которого я отвез в расположение 4-й бронетанковой дивизии с намерением продемонстрировать, что русские не единственные на свете мастера воевать в грязи. Во время этой поездки нам пришлось переезжать через четыре старых и два новых противотанковых рва глубиной от четырех до пяти и шириной от восьми до двенадцати метров, а также пересекать бесчисленное множество траншей, каждую из которых нашим ребятам приходилось брать с бою. Количество человеко-часов, затраченных на рытье этих бесполезных преград, не может не поражать воображение.

Когда мы прибыли в расположении 4-й бронетанковой, то переправились через Саар и объехали удаленные позиции.

Я наградил лейтенанта, который, командуя «Шерманом» М-4, уничтожил пять «пантер». Затем я пожелал отправиться на место героического поединка и нашел все подбитые машины дымящимися. По оставшимся в грязи следам гусениц можно было понять, как все происходило. Наш танк шел по дороге, проложенной по насыпи, экипаж заметил справа внизу на расстоянии метров двухсот пятидесяти две «пантеры». Огнем своего орудия он вывел машины противника из строя и, вероятно стремясь довершить дело, подъехал ближе. Спустившись, он обнаружил еще три вражеских танка и вступил в схватку с ними на расстоянии не более сорока метров. Все немецкие танки были подбиты. Наш тоже.

Гарриман сказал мне, что Сталин в присутствии штаба Красной Армии дал весьма высокую оценку действиям Третьей армии, заявив: «Красная Армия даже и мечтать не могла о таком марше, какой осуществила Третья армия по территории Франции».

28-го в штаб Третьей армии явились генералы Бреретон[3] и Ри-

---

[1] Города в земле Рейнланд-Палатинат на Юго-Западе Германии. — *Прим. пер.*

[2] Эверелл Уильям Гарриман (1891—1986) — государственный деятель, который был ведущим американским дипломатом по связям с Советским Союзом во время Второй мировой войны. В 1941 г. президент Рузвельт направил его в Британию и Советский Союз для оказания помощи от Америки и поставок по ленд-лизу. Затем в период с 1943 по 1946 г. Гарриман был послом США в Советском Союзе. — *Прим. пер.*

[3] Генерал-майор Л. Х. Бреретон — командующий Первой воздушно-десантной армией.

джуэй[1] с предложением задействовать в наступлении воздушно-десантную армию. Я указал им участок территории между Вормсом и Майнцем, который с полным на то основанием мог считаться пригодным местом для переправы. Они ответили, что им данный квадрат кажется вполне удачным и что они займутся изучением деталей.

У воздушно-десантной армии есть один недостаток — слишком уж она неповоротлива. Учитывая сегодняшнее состояние дел в области десантирования с воздуха, представляется более правильным иметь на армию всего один полк парашютистов, готовых приступить к выполнению задания в течение двенадцати часов, чем собранные воедино несколько дивизий десантников, которым нужно несколько недель, чтобы начать действовать. Трижды на протяжении всего нашего наступления в августе — сентябре этого года мы обсуждали планы задействовать в наших операциях воздушных десантников, и трижды мы оказывались в точках, куда они должны были выброситься, раньше, чем эти парни успевали надеть парашюты.

Генерал Уокер заявил, что он может ударить на Саарлаутерн в любой день, начиная с утра 25 ноября, и что, хотя он и предпочел бы получить поддержку с воздуха, вполне способен обойтись без нее. Брэдли сообщил, что Первая и Девятая армии, похоже, завязли, и что если мы пойдем на прорыв, то получим подкрепление, которое в противном случае направили бы к ним.

29 ноября я изучал планы 12-го корпуса по обеспечению переправы через реку Саар с использованием 26-й дивизии на участке к северо-западу от 4-й бронетанковой. Это дало бы нам возможность приготовить восточный берег реки к высадке 35-й дивизии, что в свою очередь, как предполагалось, предоставит верный шанс пересечь Саар в том же месте 6-й бронетанковой.

На пути из Шато-Сален в Сент-Авольд мы пересекли линию Мажино[2] и поразились тому, что не нашли там для себя ничего по-

---

[1] Генерал-майор М. Б. Риджуэй — командир 18-го корпуса Первой армии.

[2] Линия Мажино — построенный в 1930-е гг. укрепленный рубеж на Северо-Востоке Франции. Назван в честь создателя Андре Мажино, министра обороны Франции в 1929–1931 гг. Линии Мажино предстояло стать преградой на пути войск наступающего неприятеля. Главным противником со времен Бисмарка для Франции являлась Германия, поэтому, по замыслу творцов, именно ее солдатам предстояло бы штурмовать неприступные форты линии Мажино в случае войны. За толстыми бетонными стенами укреплений могли укрыться, сделавшись недосягаемыми для огня противника, сотни тысяч солдат. Наступающих же должен был встретить ураганный огонь из орудий крупного калибра, множества минометов и станковых пулеметов. К несчастью, линия находилась на франко-германской, а не на франко-бельгийской границе. Наступление немцѐв в мае 1940 г. развивалось через Бельгию, поэтому они просто обошли грозную линию с фланга. — *Прим. пер.*

разительного. На самом деле части 80-й дивизии прошли через нее с боями, даже и не зная, по каким «священным» местам ступают подошвы их башмаков.

Медленное прибытие пополнений привело к тому, что недокомплект личного состава составлял по армии девять тысяч человек. Мне пришлось перевести в пехоту пять процентов корпусных и армейских штабных подразделений, что немедленно вызвало вой со стороны всех штабных отделов. Начальники заявили, что не смогут справляться с делами, если будет произведено намеченное урезание. В действительности же, как показали дальнейшие события, даже десятипроцентное сокращение численности их подразделений не оказало негативного воздействия на деятельность штаба.

В длинный перечень того, чего нам в тот момент не хватало, можно занести и спиртное. Добрые старые времена, когда нам удалось захватить двадцать шесть тысяч ящиков шампанского в одном городе и четырнадцать тысяч ящиков коньяка в другом (все до одного они являлись прежде собственностью вермахта, о чем говорили соответствующие штампы), утекли в Лету вместе с самим шампанским и коньяком.

Мы с генералом Уэйлендом обсудили на собрании обоих штабов перспективы использования средних бомбардировщиков против Саарлаутерна и пришли к выводу, что если они не смогут бомбить, видя цели, то придется сбрасывать бомбы вслепую через облака. Кроме того, если они не нанесут ударов с воздуха до 2 декабря, 90-й и 95-й дивизиям придется обходиться без поддержки авиации. Позднее вечером Уэйленд позвонил и выразил опасения, что, если атака не будет начата 1 декабря, бомбардировщики могут вообще не взлететь, тогда я приказал Уокеру быть готовым атаковать сразу после 1-го. Наверное, с моей стороны это была ошибка — в целях достижения лучшего результата следовало дать 95-й дивизии еще один день на подготовку.

Когда средние бомбардировщики ударили на Саарлаутерн 1 декабря, только четыре из восьми эскадрилий смогли поразить цели, и у 95-й дивизии было куда больше проблем с выходом к реке, чем ожидали командиры. 2-го числа, однако, Саарлаутерн подвергся налету десяти эскадрилий средних бомбардировщиков, которые отработали по объектам столь успешно, что уничтожили городскую электростанцию. Немцы собирались использовать энергию электростанции в том числе и для подрыва мостов через реку. В результате удачного бомбометания мосты достались нам целыми.

Я нанес визит в расположение 90-й дивизии и заехал на командный пункт 359-го пехотного полка, находившегося под началом полковника Реймонда Э. Белла. Я попросил его отвезти меня на наблюдательный пункт к северу от Саарлаутерна. Часть пути мы проделали на колесах, а затем, достигнув леса, вышли из машины и долго шагали пешком по дороге. Прямо напротив, на той сторо-

не реки, я увил немецкую огневую точку с торчавшим из амбразуры стволом пулемета и поинтересовался у Белла, есть ли в доте расчет. Полковник ответил, что, как он думает, есть. Нас разделяло не более полутора сотен метров. К счастью, немцы не стреляли, однако, когда мы подошли к дому, где располагался наблюдательный пункт, они очнулись и дали несколько длинных очередей, но промазали. Всегда ненавидел устроенные в зданиях наблюдательные пункты — кажется, только ленивый не выстрелит. Хорошо еще, что из пулемета, а не из пушки.

2-го числа стало ясно, что генерала Вуда пора отправлять домой на отдых. С генералом Эйзенхауэром вопрос был улажен, и я послал генерала Гэффи, прежде руководившего штабом моей армии, принять дивизию Вуда. Конечно, мне не хотелось отпускать Гэффи из штаба, но никого другого я не мог найти, а 4-й бронетанковой в тот момент требовался очень толковый командир. Последующие достижения дивизии показали, что назначение оправдало себя.

Ситуация с прибытием пополнений находилась на грани или уже за гранью. В армии, состоявшей из шести пехотных и трех танковых дивизий, не хватало одиннадцати тысяч человек. Если перевести подсчет на стрелков, — а именно стрелков более всего выбывает из строя, — то означает, что стрелковые роты оказывались укомплектованными только на пятьдесят пять процентов от положенного по штату. Мы, где только можно, искали способы пополнить численность личного состава в стрелковых частях. Сняли еще пять процентов штабистов в корпусах и армии, а также издали приказ по дивизиям перетрясти менее важные в свете момента части, например, уменьшить численность расчетов противотанковой артиллерии и перевести освобожденных бойцов в стрелки.

5-го декабря, через день после назначения Гэффи на пост командующего, 4-я бронетанковая дивизия продвинулась на двенадцать километров; возглавлял атакующие колонны генерал Эрнст. 90-я дивизия перешла Саар выше Саарлаутерна; в 95-й дивизии уже второй полк успешно форсировал реку южнее города. Несмотря на плотный огонь вражеской артиллерии, наши части не понесли значительных потерь.

6-го числа во время экскурсии по фронту Третьей армии артиллеристы позволили двум конгрессменам, Льюсу и Меррику, дернуть вытяжные шнуры двух орудий, обстреливавших Фор-Дриан. Мне это известие страшно не понравилось, потому что во время Первой мировой войны один конгрессмен точно таким же поступком вызвал резкую реакцию населения.

Тем вечером прибыли генералы Спаатс, Дуллитл и Ванденберг[1], и мы договорились о массированной бомбардировке участка

[1] Генерал-майор Х. С. Ванденберг — командир 9-го корпуса ВВС США.

линии Зигфрида в районе Кайзерлаутерна. Более грандиозного воздушного налета мы еще никогда не планировали. Он замышлялся как серия атак общей продолжительностью три дня. При этом каждый день тысяча тяжелых бомбардировщиков должна была отодвигать границы секторов нанесения ударов все дальше и дальше вглубь вражеской обороны. Чтобы избежать попаданий по своим, мы предполагали отвести пехоту на три с половиной километра от наиболее близко расположенного к нам рубежа зоны бомбометания, совмещая таким образом эту границу с передовой линией наших позиций в том виде, в котором она существовала на данный момент. Чтобы помешать противнику немедленно после окончания нанесения авиаудара занять трех с половиной километровую полосу, освобожденную нашими войсками, мы намеревались выдвинуть на данный участок танки. Риск прямого попадания случайной бомбы в танк был невелик, а осколки не могли причинить им вреда.

В Саарлаутернском сражении 90-я дивизия не смогла удержать мост на своем участке из-за слишком сильного огня неприятеля, однако, используя паромные переправы в ночное время, сумела отстоять позицию.

Захват Меца и Саарская кампания Третьей армии начались 8 ноября 1944 г. 8 декабря — иными словами, спустя месяц после начала боев — мы освободили 873 города и очистили территорию площадью свыше четырех тысяч квадратных километров. Мы захватили 30.000 пленных, ранили или убили 88 000 солдат и офицеров противника. Также записали на свой счет 137 танков и 400 орудий, потеряв в боях за тот же период всего 23 000 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, не считая 18 000 человек, вышедших из строя не вследствие боевых действий. Таким образом, общий итог потерь составил 41 000 солдат и офицеров. При полученном пополнении численностью 30 000 человек недокомплект личного состава равнялся 11 000. Продолжая оперировать цифрами, скажу, что за 130 дней боев, начиная с 1 августа и по 8 декабря, средние ежедневные потери Третьей армии составили 812 человек в день, тогда как средние потери противостоявших нам частей германской армии равнялись 2700.

Чтобы наземные войска могли координировать собственные действия с работой авиации в ходе нашего нового, назначенного на 19 декабря броска к берегам Рейна, нам следовало, не теряя времени, выйти на позиции перед линией Зигфрида, и потому для 12-го корпуса начались самые настоящие конские бега. Для того чтобы выйти победителями в соревновании, нам надлежало ввести в действие штурмовую бригаду (346-й пехотный, под началом полковника Н. А. Костелло) 87-й дивизии (бригадный генерал Фрэнк Л. Кьюлин-младший), как только та бригада прибудет в наше распоряжение, а также привести в боевую готовность отправленные на

непродолжительный отдых 4-ю бронетанковую и 80-ю дивизии.

Погода была такой мерзкой, что я отдал приказ всем полевым священникам молиться Богу, чтобы тот остановил дождь и ниспослал нам солнце. Я также распространил среди личного состава открытки с текстом молитвы о ниспослании хорошей погоды[1], на обратной стороне которых напечатали мои праздничные рождественские поздравления.

Было ли то божественным вмешательством — ответом на слова молитвы, или причина заключалась в обычных капризах природы, мы едва ли когда-нибудь узнаем. Так или иначе, 23-го числа, на следующий день после опубликования текста молитвы, погода улучшилась и держалась еще примерно неделю. Союзникам вполне хватило времени, чтобы, отложив на время нанесение решающего удара по врагу, переломить хребет наступлению фон Рунштеда.

Чтобы находиться ближе к месту предстоящего сражения, мы перенесли наши оперативные штабы в Люксембург. Основная же часть штаба армии, при котором находился и капеллан, все еще оставалась в Нанси. Генерал Паттон вновь вызвал меня к себе. Когда я вошел, он встретил меня с широкой улыбкой и воскликнул: «Черт побери!

---

[1] 14 декабря 1944 г. (днем раньше или днем позже) генерал Паттон вызвал капеллана Третьей армии полковника О'Нила и меня (П. Д. Харкинса) в свой кабинет в штабе Третьей армии в Нанси. Состоялся примерно следующий разговор:

Генерал Паттон: Капеллан, я хочу, чтобы вы помолились за ниспослание нам хорошей погоды. Мне надоело, что мои солдаты вместе с немцами барахтаются в этой грязи и мокнут под дождем. Хотелось бы заручиться поддержкой Господа в данном вопросе. Надо бы привлечь его на нашу сторону.

Капеллан О'Нил: Сэр, мне понадобится очень толстый коврик, чтобы Бог меня услышал.

Генерал Паттон: Можете взять хоть ковер-самолет, если потребуется. Важно, чтобы молитва была произнесена, записана и доведена до всего личного состава.

Капеллан О'Нил: Так точно, сэр. Позвольте сказать, генерал, довольно необычно для людей моей профессии просить Бога даровать нам ясную погоду, чтобы одним христианам было удобнее убивать других.

Генерал Паттон: Капеллан, кем вы служите? Профессором теологии или военным священником в Третьей армии? Мне нужна молитва.

Капеллан О'Нил: Так точно, сэр.

Выйдя из кабинета генерала, священник сказал:

— Ну и крут же он! Чего он от меня хочет?

Мне все было предельно ясно. Генерал хотел получить молитву — он хотел, чтобы ее могли услышать и даже прочитать солдаты и офицеры в наступающих частях, но при этом он хотел, чтобы решением вопроса занимался главный специалист в данной области.

Вызвали начальника инженерно-саперных частей армии и, обсудив все, решили, что наша картографическая рота сделает клише текста и распечатает молитву на небольших открытках, чтобы она дошла до каждого солдата.

Только посмотри, какая погода! Этот парень О'Нил знает свое дело. Доставь-ка его сюда, я хочу пришпилить ему медаль на грудь».

Капеллан прибыл на следующий день. Когда мы пришли в кабинет генерала Паттона, все еще держалась солнечная погода. Генерал встал, вышел из-за стола, протягивая руки к священнику, и произнес: «Капеллан, вы самый знаменитый человек в штабе. Вне сомнения, вы любезны и Богу и солдатам». Затем генерал вручил капеллану О'Нилу медаль «Бронзовая звезда».

Все поздравляли священника и благодарили его за ясное солнце над головой и за то, что мы теперь можем с новой силой посвятить себя уничтожению неприятеля.

P. D. H.

12-го числа мы со Стиллером посетили командный пункт 4-й бронетанковой, 26-й и 87-й дивизий. 87-я занимала позиции 26-й, и одна штурмовая бригада вела бой с неприятелем, как казалось, успешно продвигаясь. Позднее, однако, стало ясно, что успех был не таким, как представлялось вначале. В любом случае, это была отличная дивизия.

Поскольку приближалось Рождество, мы предложили генералу Паттону напечатать на тех же самых открытках его официальное поздравление. Он согласился и написал несколько строчек; открытки были набраны, распечатаны и распространены среди личного состава 22 декабря.

Молитва понадобилась для того, чтобы обеспечить благоприятные условия для назначенного на 21 декабря прорыва Третьей армии к берегам Рейна на Сааргеминском участке фронта. «Балдж», или «Вклинение», — контрнаступление противника смешало карты. И посколъу произошло то, что произошло, Третьей армии пришлось сосредоточить свои силы для удара в северном направлении по южному флангу устремившихся на прорыв немецких частей. Как раз в этот момент и была опубликована молитва.

МОЛИТВА

Всемогущий и всепрощающий Отец наш, смиренно молим Тебя о великой милости Твоей унять неистощимые потоки, от коих нам приходится столь туго. Даруй же нам ясное небо для битвы с врагами нашими. Внемли же нам, воинам, призывающим Тебя и молящим Тебя дать нам силу Твою, чтобы с нею идти от победы к победе до полного сокрушения злокозненного неприятеля и восстановления правды Твоей среди племен и народов. Аминь.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА ОТКРЫТКИ:

Всем солдатам и офицерам Третьей армии Соединенных Штатов я желаю счастливого Рождества. Я верю в вашу храбрость, верность присяге и воинское мастерство. Чувствуя свою силу, мы выступаем, чтобы вернуться с победой. Да пребудет в это Рождество на каждом из вас благодать Господня.

Командующий Третьей армией США генерал-лейтенант
Дж. С. Паттон-младший.

Затем мы направились в 35-ю дивизию, которая, несмотря на недокомплект личного состава и утомление бойцов, сражалась с похвальным упорством. В ее задачу входило овладение высотой на левом фланге 12-го корпуса у Сааргемина. Я принял решение включить 6-ю бронетанковую и 26-ю дивизии в состав 3-го корпуса, дислоцированного около Саарбрюккена. Таким образом, если бы неприятель контратаковал 8-й корпус Первой армии, что не исключалось[1], я мог бы помочь соседям, ударив 3-м корпусом строго на север, к западу от реки Мозель. С другой стороны, 20-й корпус мог бы осуществить скачок с севера, где в окрестностях Трира концентрировал свои силы неприятель, развернуть фронт влево и сдерживать вражеские атаки, в то время как 3-й корпус мог бы продвигаться на восток в районе Саарбрюккена, действуя в согласовании с 12-м корпусом. Я обсудил эти схемы с генералом Эдди, и тот признал их верными.

3 декабря мы определились с датой начала авиарейдов, окончательно решив назначить ее на 19-е число. По плану продвижение 12-го корпуса через позиции неприятеля должно было начаться с наступлением ночи 22-го. Если к тому времени 6-й корпус (под началом генерал-майора Э. Х. Брукса) Седьмой армии справа от нас не сможет прорваться на своем участке, у нас еще останется время перенести удар авиации южнее по оборонительным позициям противника, дислоцированного перед 6-й корпусом.

Битва за Саарлаутерн носила крайней изматывающий характер, потому что нам приходилось драться буквально за каждый дом. Хотя, с другой стороны, потери оказались на удивление незначительными.

Численность 80-й и 5-й дивизий была доведена до нормы за счет пятипроцентного сокращения штабных частей армии и корпусов, а также четырех тысяч солдат и офицеров, собранных из частей, понюхавших пороху в Меце. Этого количества хватило, чтобы покрыть недостаток штата 26-й дивизии, и еще даже осталось для пополнения численности 90-й и 95-й дивизий. Если бы главное управление снабжения провело бы у себя аналогичную процедуру, нам бы хватило солдат, чтобы закончить войну. Все, что было нужно для этого, — приказ генерала Эйзенхауэра о десятипроцентном сокращении численности частей управления снабжения и направлении высвободившихся солдат в стрелковые подразделения.

14-го числа в Саарлаутерне мы с Кодменом проезжали через мост, как считалось, простреливавшийся неприятелем. С моей стороны было намеренным жестом продемонстрировать солдатам, что

[1] Следует заметить, что как раз в это время, 12 декабря, генерал Паттон предвидел возможность прорыва вражеских соединений в зоне ответственности Первой армии. Его штаб разрабатывал варианты действий Третьей армии в случае наступления противника к северу от территории ее дислокации.

генерала тоже могут подстрелить. Меня не подстрелили — можно сказать, вообще не стреляли в меня. Почти все здания, которые я посетил в Саарлаутерне как на этой, так и на той стороне реки, представляли собой самые настоящие крепости. Подвалы и полуподвальные помещения были построены из бетонных плит тридцать сантиметров толщиной, и практически в каждом располагались пулеметы, торчавшие из гнезд прямо над тротуаром. Немцы и в самом деле народ обстоятельный и педантичный.

Несмотря на отсутствие моста на ее участке, 90-я дивизия успешно продвигалась к востоку от города. Хотя стрелков сильно не хватало, боевой дух личного состава находился на высоком уровне, и ребятам удалось уничтожить немало немецких солдат.

Затем мы отправились к Брэдли в Люксембург через Тионвилль. Монтгомери, как видно не без участия премьер-министра[1], добился контроля над Девятой армией. Фельдмаршал жесточайшим образом противодействовал моей и Пэтча операциям. Монтгомери по-прежнему хотел сконцентрировать на севере все боеспособные части, чтобы командовать ими самому; он упорно настаивал на том, что переход Рейна возможен только в районе Кельна и, главное, что осуществить данную операцию можно будет лишь в том случае, если руководить ей станет он. Все это ужасно удручало меня, поскольку до тех пор пока мое наступление походило на короткие прыжки вперед, я не мог должным образом развернуться. Я предчувствовал, что, если не смогу осуществить серьезного прорыва на восток после запланированной массированной подготовки с воздуха, мне придется перейти к обороне, что означало — лишиться нескольких дивизий.

16-го числа я нашел Эдди в весьма удрученном состоянии: он нервничал, поскольку 87-я дивизия никак не могла справиться с задачей и из-за того, что пришлось отстранить от занимаемой должности одного полковника, не сумевшего принять в своем подразделении должных мер для снижения распространения заболеваний траншейной стопой. Впоследствии вышеупомянутый полковник показал себя отличным бойцом.

В тот момент я оценивал ситуацию как гораздо более благоприятную, чем она в действительности являлась, и подумывал разместить 3-й корпус в тылу у 35-й дивизии, чтобы в случае удачного развития событий немедленно начать развивать успех, поскольку, хотя Милликин еще по-настоящему не нюхал пороха, он, по крайней мере, не страдал от утомления.

Я намеревался дать хотя бы короткую передышку Эдди и непременно сделал бы это, если бы не опасения, что отпуск только повредит ему.

---

[1] Имеется в виду премьер-министр Соединенного Королевства Уинстон Черчилль. — *Прим. пер.*

В ночь на 16 декабря вышел на связь начальник штаба 12-й группы армий генерал Аллиен, который высказал намерение передать 10-ю бронетанковую дивизию 8-му корпусу Первой армии для отражения сильного натиска немцев. Это стало первой официальной реакцией на давно предвиденный нами прорыв неприятельских частей, позднее получивший название «Балдж». Поскольку утрата данной дивизии ставила под удар мой прорыв на Саарлаутернском направлении, я решительно высказался против, упирая на то, что мы уже заплатили высокую цену за обладание инициативой на данном участке и что передача 10-й бронетанковой дивизии Первой армии сыграет на руку противнику. Генерал Брэдли согласился с моими доводами, но заметил, что ситуация настолько серьезна, что не стоит обсуждать ее по телефону.

17-го числа сведения о наступлении немецкой армии приобрели более отчерченные формы. На протяжении довольно широкого участка фронта обнаруживалось немало отдельных частей неприятеля, однако о едином крупном соединении пока не сообщалось. В ночь с 17-го на 18-е было отмечено заметное оживление в перемещении немцев на участке фронта перед позициями частей 20-го корпуса. Данное обстоятельство могло оказаться отвлекающим маневром для атаки на 8-й корпус Первой армии, или же атака на 8-й корпус могла служить отвлекающим маневром для нанесения удара по 20-му корпусу. Я склонялся к мысли, что действительной целью противника являлся 8-й корпус.

Если бы немцы атаковали позиции Третьей армии, мы бы нашли, чем их встретить. 5-я дивизия высвободила 95-ю, а 80-я выдвигалась на линию 12-го корпуса, чтобы гарантировать выход наших частей на линию Зигфрида к 19-му числу. Единственным участком, на котором немцы могли действительно нанести урон Третьей армии, был треугольник между реками Саар и Мозель, где, прикрывая участок шириной в пятьдесят километров, находился полковник Полк с усиленным 3-м кавалерийским дивизионом.

Я вызвал генерала Милликина и обсудил с ним возможные варианты действий 3-го корпуса — его атаку в северном направлении в случае, если немцы продолжат наступление на 8-й корпус Первой армии. Я также дал распоряжение Эдди ввести в бой 4-ю бронетанковую, поскольку чувствовал, что иначе дивизию направят на север по приказу главнокомандующего. Факт, что я поступил подобным образом, говорит о том, сколь невысоко я в тот момент оценивал серьезность угрозы, которую несли в себе действия неприятеля.

В 10.30 18-го числа позвонил Брэдли и попросил меня прибыть на совещание в Люксембурге с начальником разведотдела, начальником планирования и начснабом моего штаба. Он предупредил, что я услышу там нечто такое, что мне очень не понравится. Когда я появился в штаб-квартире, Брэдли показал мне на карте, как глубоко продвинулись немцы, и спросил, что бы я мог предпринять в

связи со сложившимися обстоятельствами. Я ответил, что могу сегодня же ночью остановить наступление 4-й бронетанковой и начать концентрировать ее части в районе Лонгви. Я также сказал, что утром можно снять с фронта и перебросить на Люксембург 80-ю дивизию, а 26-я дивизия, хотя в ее составе и находятся четыре тысячи «зеленых» из пополнений, полученных от штабных частей, может быть приведена в состояние боевой готовности в течение двадцати четырех часов.

Той же ночью около 23.00 мне позвонил Брэдли и попросил приехать в Верден в 11.00 19-го для встречи с ним и с Эйзенхауэром. Я сразу же объявил на 08.00 19-го штабное совещание с участием всех членов главного штаба Третьей армии, а также генерала Уэйленда с его штабом.

Я открыл совещание сообщением об изменении планов и предупреждением относительно того, что, хотя все мы привыкли действовать быстро, теперь нам придется продемонстрировать еще большую скорость и оперативность. Мы набросали черновой план, основанный на том, что мне будет предоставлена возможность оперировать 8-м корпусом Первой армии (Мидлтон) и 3-м корпусом Третьей армии (Милликин) на любых двух из трех возможных направлений. С левого фланга маршруты атаки располагались по приоритетному принципу следующим образом: из предместий Дикирка прямо на север; из предместий Арлона на Бастонь, который все еще принадлежал нашим войскам; и последний вариант — из предместий Нефшато против левой стороны острия клина вражеского наступления.

Поскольку предполагалось, что мы с Кодменом вылетим в Верден в 09.15, между 08.00 и 9.00 мы провели штабное совещание, где выработали три варианта дальнейших наших шагов, мы также договорились об условном сигнале. Данный сигнал я должен был подать, позвонив Гэю, чтобы он и остальные поняли, в каких именно двух из трех возможных направлениях должно развиваться наше контрнаступление. Все крайне просто, так что люди, считающие, будто война какая-то очень сложная вещь, заблуждаются.

В Вердене мы приземлились в 10.45. На совещании присутствовали Эйзенхауэр, Брэдли, Диверс, маршал авиации Теддер, а также еще большое количество офицеров штаба. Начальник разведотдела штаба экспедиционных сил союзников генерал Стронг обрисовал сложившуюся ситуацию — положение не давало поводов для оптимизма. Эйзенхауэр выразил намерение пригласить меня в Люксембург, с тем чтобы я руководил контрударом, и спросил, когда бы я мог приступить. Я ответил, что во второй половине дня 19 декабря. Он пожелал, чтобы я решительно атаковал силами по меньшей мере шести дивизий.

Я заявил, что смогу нанести противнику ответный удар силами трех дивизий, а именно 4-й бронетанковой, а также 26-й и 80-й пе-

хотными, причем сделаю это не позднее 22-го числа. В том случае, если мне придется дожидаться сбора больших сил, мы лишимся эффекта внезапности.

Мое намерение контратаковать 22-го вызвало волнение. Судя по восклицаниям, кому-то казалось, что я зарываюсь, стремлюсь произвести внешний эффект, тогда как другие одобряли мое решение.

В действительности я прикидывал, какие части понадобятся мне для выполнения задач в ходе всей операции: 8-й корпус (Первая армия), плюс 101-я парашютно-десантная (командир генерал-майор М. Д. Тейлор), 28-я пехотная дивизия и часть 9-й бронетанковой дивизии; 3-й корпус с 26-й и 80-й пехотными дивизиями, а также 4-й бронетанковой; 12-й корпус с 5-й и 4-й пехотными дивизиями и 10-й бронетанковой дивизией; а также 20-й корпус с 90-й и 95-й пехотными дивизиями и 6-й бронетанковой дивизией. 87-я пехотная дивизия и пехотные полки 42-й дивизии, которые в тот момент находились в нашем распоряжении, отходили к Седьмой армии.

После того как было определено, что Третья армия переходит в наступление, Эйзенхауэр, Диверс, Брэдли и я провели совещание относительно передислокации фронтов. В конечном итоге решили, что части Седьмой армии, которой отводилась пассивная роль, займут определенный участок фронта Третьей армии от самой восточной точки своих расположений у Рейна до определенного пункта к югу от Саарлаутерна. Ожидая завершения перестроений, мы не могли ввести в бой 6-ю бронетанковую.

Маршал авиации Теддер подбивал меня отделаться от 20-го корпуса, чтобы ограничить фронт наступления одним участком. Я же не спешил отпускать 20 корпус, поскольку хотел сохранить его в резерве. Как стало очевидным гораздо позднее, это решение оказалось едва ли не самым удачным, которое мне приходилось принимать, поскольку наличие этого подразделения позволило мне взять Трир, что сделало возможным решающий бросок через Палатинат[1].

Как только все эти решения были приняты, я связался с Гэем и велел ему распорядиться о выступлении 26-й дивизии и 4-й бронетанковой на Арлон через Лонви, а 80-й дивизии на Люксембург через Тионвилль. Фактически 4-я бронетанковая уже находилась на марше с предыдущего вечера, 18 декабря. 80-я выступила утром 19-го и только 26-я — по получении приказа.

---

[1] Рейнланд — Палатинат или Рейнланд — Пфальц — в настоящее время девятая по величине земля Германии, расположенная в юго-западной части страны и граничащая с Францией, Люксембургом и Бельгией (на юге и западе), а также с землями Северный Рейн Вестфалия (на севере), Гессе и Баден-Вюртемберг (на востоке) и Саарланд (на юго-западе). — *Прим. пер.*

Если мы возьмем сводку потерь на 21 декабря — день завершения Саарского сражения — и вычтем оттуда данные на 8 декабря, то увидим, сколь тяжелой и кровопролитной стала битва на Сааре. Также мы получим исходную точку отсчета потерь в операции «Балдж», которая в тот момент должна была вот-вот начаться.

Сводка понесенных потерь в живой силе на 21 декабря:

Третья армия

Убитыми	10 264
Ранеными	49 703
Пропавшими без вести	9149
Всего	69 116
Небоевые потери	9844
Общий итог	118 960

Противник

Убитыми	63 800
Ранеными	180 200
Пленными	140 000
Всего	384 000

За минусом общих боевых и небоевых потерь на 8 ноября 64 956.

Общие потери за период с 8 ноября по 21 декабря включительно 53 904.

Материальные потери на 21 декабря:

Третья армия

Легкие танки	198
Средние танки	507
Артиллерийские орудия	116

Противник

Средние танки	946
Танки «Пантера» и «Тигр»	485
Артиллерийские орудия	2216

«БАЛДЖ»
БАСТОНЬ — СЕН-ВИТСКАЯ КАМПАНИЯ

С 19 декабря 1944 по 28 января 1945 г.

19 декабря 1944 г. генерал Эйзенхауэр созвал совещание в Вердене, чтобы обсудить обстоятельства, сложившиеся в результате прорыва частей фон Рундштедта — события, получившего название «Балдж»[1]. Не далее как 12 декабря генерал Паттон обсуждал возможность прорыва немцев с левого фланга своей армии в секторе Первой армии, в результате чего был разработан план на случай подобной акции противника. То, что произошло в те дни, и то, каковы были последствия случившегося, превосходно изложено в его записках, освещавших ход кампании.

Операция «Балдж» — один из самых острых моментов в истории Второй мировой войны. Полная драматизма, изнурительная, выматывающая кампания, требовавшая постоянной готовности личного состава к подвигу, заставила американских солдат и офицеров достичь предельного напряжения как физических, так и моральных сил. К 28 января цепь сражений, вошедшая в историю самой кровопролитной войны в истории человечества под названием «Балдж», закончилась, и американские войска прочно укрепились на границе Германии, готовые в любой момент ринуться в сердце рейха под звездно-полосатым знаменем. Новое полномасштабное наступление началось 29 января.

В этот период генерал Монтгомери принял командование Первой американской армией, находившейся к северу от пробившего фронт союзников «Клина». Монтгомери атаковал противника в правый фланг; продвигаясь на юг, части его армии вошли в соприкосновение с подразделениями Третьей армии в предместьях Гуффализа. Затем как 21-я, так и 12-я группы армий объединили свои усилия, тесня противника на восток к линии Зигфрида. 6-я группа армий, согласно планам командования, взявшая на вооружение оборонительную тактику для того, чтобы обеспечить частям Третьей армии возможность наступать, заняла один из участков фронта Третьей армии и укрепила оборонительные позиции в Вогезских горах. В Италии ничего нового не происходило.

На Филиппинах генерал Макартур[2] высадился на Лузоне и к моменту завершения операции «Балдж» в Европе находился в предместьях Манилы.

---

[1] The Buldge — «клин». Немцы осуществляли прорыв, по форме очень напоминавший клин на штабной карте. — *Прим. пер.*

[2] Дуглас Макартур (1880–1964) — генерал вооруженных сил Соединенных Штатов, во время Второй мировой войны командовавший войсками на Тихоокеанском театре военных действий, занимавшийся проблемами после-

Русские войска, стремительно продвигаясь на запад, взяли Варшаву, Краков и Лодзь и находились в ста пятидесяти километрах от Берлина.

Авиация стран антигитлеровской коалиции продолжала превращать Германию в руины, в то время как их флот господствовал на море.

P. D. H.

«Балдж»

Ночь 19-го числа я провел в расположении 20-го корпуса в Тионвилле, позвонил оттуда и распорядился, чтобы 5-ю дивизию отвели с передовой, и затем поехал в Люксембург. На следующее утро я прибыл в штаб-квартиру Брэдли в Люксембурге и узнал, что он, не предупредив меня, перевел штурмовую бригаду «Б» (бригадный генерал Х. Э. Дейджер) 4-й бронетанковой дивизии из Арлона на позиции к юго-западу от Бастони, а также остановил продвижение 80-й дивизии в Люксембурге. Поскольку бригада ничего не делала там, куда отвел ее Брэдли, я вернул ее к Арлону и приказал командиру 80-й дивизии продолжать продвигаться к Мершу.

Пока мы с Брэдли обговаривали перспективы совместных действий Первой и Третьей армий, позвонил Эйзенхауэр и сообщил Брэдли, что, ввиду плохого телефонного сообщения между Брэдли и частями Первой и Девятой армий Соединенных Штатов, оперативное командование обеими этими армиями переходит к Монтгомери. В действительности предлог не имел под собой основательной почвы, и мне показалось, что Брэдли пытаются отвести на запасный путь, то ли вследствие утраты доверия к нему, то ли потому что Эйзенхауэр не видел иного пути удержать Монтгомери от «перегруппировки».

Говоря о медлительности Монтгомери, я вспоминаю то, что сказал сержант Микс еще тогда, когда мы только начинали и Монтгомери героически топтался возле Кана[1], пока мы вели мяч к воротам. Тогда Микс заметил: «Господи, генерал. Если генерал Монтгомери не пошевелится, его парни напрочь прирастут к траве и сами пустят побеги».

В любом случае, генерал Брэдли принял данное сообщение, по сути означавшее его понижение в должности, с мужеством, подобавшим настоящему солдату. На протяжении всей последующей кампании он ни разу не пытался вмешаться в действия Третьей ар-

военного устройства Японии в период оккупации этой страны союзниками, а также возглавлявший силы ООН в первые пять месяцев войны в Корее (1950–1953). — *Прим. пер.*

[1] Кан (Caen) — город на реке Орн, столица департамента Кальвадос в Нижней Нормандии на Северо-Западе Франции. — *Прим. пер.*

мии, хотя мог бы, поскольку теперь она стала фактически единственным соединением, оставшимся под его управлением. С другой стороны, я всегда держал его в курсе относительно собственных планов и обсуждал свои замыслы с ним и с его штабом, отчего только выгадывал.

Из Люксембурга я направился в Арлон, где повидал Мидлтона, Милликина, Гэффи и Пола, узнав от Мидлтона картину происходящего, что называется, из первых рук. 8-й корпус сражался хорошо, однако беда заключалась в том, что от него почти уже ничего не осталось — если не считать 101-й воздушно-десантной дивизии[1] в Бастони — и он не мог представлять собой серьезную опасность для противника. Также в Бастони находилась одна штурмовая бригада 9-й бронетанковой и одна 10-й бронетанковой дивизии, а также 705-й противотанковый дивизион[2], некоторое количество артиллерии с расчетами из цветных парней и интендантские части, также из числа цветных. В отличие от некоторых цветных солдат и офицеров артиллерии, цветные из интендантских частей вооружились винтовками и неплохо сражались.

После встречи с Мидлтоном и другими я нанес визит в штаб 9-й и 10-й бронетанковых дивизий, а также 4-й и 80-й пехотных дивизий (все они располагались к северо-востоку от Люксембурга). Я распорядился, чтобы командовавший 10-й бронетанковой дивизией генерал Моррис[3] взял под свое прямое начало обе имевшиеся в наличии штурмовые бригады его дивизии и одну штурмовую бригаду 9-й бронетанковой, дислоцированной по соседству, а также 4-ю пехотную дивизию на время, пока с юга не подойдет 12-й корпус генерала Эдди. Я велел командовавшему 9-й бронетанковой дивизией генералу Леонарду перевести свою штаб-квартиру так, чтобы присоединиться к 8 корпусу и принять командование двумя штурмовыми бригадами 9-й бронетанковой дивизии и одной — 10-й в Бастони. По моему мнению, разделять 10-ю и 9-ю бронетанковые дивизии не следовало, однако ситуация в тот момент этого требовала. Мне приходилось буквально не слезать с телефона, чтобы договориться о прибытии самоходок и дивизионных танковых батальонов, о развертывании полевых госпиталей, чтобы обеспе-

---

[1] 101-й воздушно-десантной дивизией в тот момент командовал бригадный генерал А. С. Маколифф. Генерал-майор М. Д. Тейлор находился тогда в Соединенных Штатах.

[2] 705-м противотанковым дивизионом командовал подполковник Клиффорд Темплтон; штурмовой бригадой (боевым командованием) «Б» 10-й бронетанковой дивизии — полковник У. Л. Робертс; штурмовой бригадой (боевым командованием) «Б» 9-й бронетанковой дивизии — полковник Дж. Х. Джилбрет.

[3] Чтобы координировать действия Третьей армии в районе к северо-востоку от Люксембурга, генерал Паттон поместил все расположенные в окрестностях города части под начало генерал-майора Морриса.

чить поставки боеприпасов и инженерного оборудования для наведения понтонных мостов, и т. д. и т. п. Затем я приказал командирам двух танковых дивизий и 4-й пехотной дивизии перетрясти свои противотанковые дивизионы и перевести часть людей в стрелковые подразделения, поскольку во всех трех вышеназванных дивизиях отчаянно не хватало людей.

На исходе того бесконечного изматывающего дня мой шофер сержант Микс сказал мне: «Генерал, правительство тратит уйму деньжищ, чтобы содержать весь этот генеральный штаб. Мы с вами вдвоем управляемся с Третьей армией куда ловчее». В действительности же столь замечательным маршем навстречу противнику Третья армия была обязана прежде всего своему штабу, в особенности генералам Гэю и Мюллеру, а также полковнику Никсону и интенданту Третьей армии полковнику Э. Бушу. Тот, кто хочет знать, как управлять армией, должен изучить данную кампанию в мельчайших деталях, прочитав «Отчет о проведенной операции» Третьей армии. С заходом солнца 20 декабря расклад выглядел следующим образом: приданный Третьей армии 8-й корпус Мидлтона находился на левом фланге и состоял из 101-й воздушно-десантной с дополнительными подразделениями; урезанной по численности почти на два полка 28-й пехотной дивизии; 9-й бронетанковой, а также соответствующих частей корпусной артиллерии. 3-й корпус Милликина включал в себя 26-ю и 80-ю пехотные и 4-ю бронетанковую дивизию; 12-й корпус Эдди, находившийся в тот момент в Люксембурге, — 4-ю пехотную дивизии, 5-ю пехотную и 10-ю бронетанковую, отданную на данном этапе в ожидании прибытия Эдди под начало Морриса. 20-й корпус Уокера включал 90-ю, 95-ю и 6-ю бронетанковую дивизии. Между тем 6-я бронетанковая не могла покинуть место своей дислокации возле Сааргемина до тех пор, пока она на данном участке не будет заменена частями Седьмой армии. 35-я дивизия шла маршем на Мец, где должна была получить пополнения, после чего влиться в состав 12-го или 8-го корпуса в зависимости от обстоятельств. Время начала атаки для 3 корпуса было определено: 04.00 22 декабря.

21-го мне несколько раз звонило разное начальство, озабоченное тем, действительно ли я готов начать контрнаступление всего тремя дивизиями. Я по-прежнему настаивал на том, что предпочтительнее атаковать сразу пусть и небольшими силами, чем ждать, пока они удвоятся, но лишиться эффекта внезапности. В тот момент я не сомневался, что 23-го, крайний срок 24-го я подниму корпус генерала Эдди, который вольется в операцию с 5-й пехотной, 10-й бронетанковой дивизиями и, возможно, 4-й пехотной дивизией, хотя последняя остро нуждалась в получении пополнений и отдыхе. Я пребывал в уверенности тогда и заявляю сегодня: Первая армия могла бы атаковать противника с севера во фланг 23-го числа, если бы того пожелало ее командование. Я боялся, как

бы противник не предпринял ложный маневр к югу от Эхтернаха поблизости от мест дислокации 4-й дивизии. Знай Рундштедт ситуацию, как знал ее я, он бы непременно так и поступил, но система оповещения у немцев всегда работала крайне скверно, и я сомневаюсь, что он представлял себе, где находится Третья армия и в каком направлении она двигается.

Я созвал совещание штабов 3, 12 и 20-го корпусов в Люксембурге. 8-й корпус находился слишком далеко, поэтому его штаб не смог участвовать в заседании. Как и всегда накануне крупной акции, все испытывали сильнейшие сомнения — все, кроме меня. Мне всегда доставалась незавидная роль луча света в непроглядном мраке нерешительности накануне жаркого дела, причем как для тех, кто был подчинен мне, так и для тех, кому подчинялся я. Между тем не могу не признаться, что в тот момент и меня терзали сомнения в успешном исходе операции, причем даже тогда, когда в 17.00 21 декабря 4-я пехотная дивизия телефонировала о начале яростной атаки неприятеля, обернувшейся позднее пшиком. Я волновался главным образом потому, что планировал открыть боевые действия на день позднее и боялся опоздать, поскольку когда мы атакуем, врагу приходится обороняться, в то же время, когда мы вынуждены защищаться или только готовимся к атаке, враг может ударить на нас. В ту ночь Милликин попросил меня отложить контрнаступление до 06.00 22 декабря.

Несмотря на серьезное сопротивление, отвратительное состояние дорог и нехватку мостов, в этот час 3-й корпус пошел на прорыв и продвинулся в среднем на двенадцать километров. Это было меньше, чем я рассчитывал, но мне приходилось отдавать себе отчет в том, как тяжело разворачивать наступление. Кроме всего прочего, я чувствовал, что враг не будет оказывать масштабного противодействия еще в течение тридцати шести часов, а к тому моменту, как я надеялся, развертывание операции уже полностью осуществится.

В полдень 10-й пехотный полк (командир — полковник Роберт П. Белл) из 5-й пехотной дивизии стодвадцатикилометровым маршем из Саарлаутерна совершил достойное всяческих похвал выдвижение в направлении Эхтернаха. В результате проявленной оперативности полк ударил на два немецких батальона, уже готовых атаковать 4-ю пехотную дивизию, и уничтожил их. В Арлоне я говорил с офицером и восемью сержантами и рядовыми, которых прорыв неприятеля застал в Вилтце и которые смогли выбраться оттуда 19 декабря. Они шли через южные районы занятой противником территории и видели только семь немцев. Это сообщение пробудило во мне уверенность, что в действительности плотность немецких частей была меньше, чем доносили источники.

Из-за погодных условий в Англии мы не имели возможности пополнить запасы всего необходимого гарнизону в Бастони, пере-

бросив грузы по воздуху 22-го числа, но сделали все, чтобы осуществить доставку снаряжения в ночь с 22 на 23 декабря. К этому моменту стало очевидным, что 12-й корпус не может наступать к северу от реки Сюр, пока мы не оттесним немцев на ее восточный берег и не произведем замену крайне измотанной в боях 4-й пехотной дивизии, в которой уже недоставало тысячи шестисот человек личного состава. Как предполагалось, сменить ее предстояло 90-й дивизии.

6-я бронетанковая дивизия 20-го корпуса должна была соединиться с 12 корпусом, а 4-я пехотная и 10-я бронетанковая дивизии войти в 20-й корпус. Существовала возможность высвободить 11-ю бронетанковую дивизию, которая считалась находящейся в резерве Штаба главнокомандующего союзническими экспедиционными силами в Реймсе. Численность артиллерии, призванной поддержать наступление Третьей армии, впечатляла — восемьдесят восемь батарей, или, иными словами, 1056 орудий калибра 105 мм и больше.

22-го числа 101-я воздушно-десантная дивизия в Бастони отразила яростную атаку неприятеля. Это была, пожалуй, первая настоящая реакция противника на наши действия.

Из допросов пленных мы узнали, что немцы собирались продвинуться на запад за Арлон, а затем, повернув в южном направлении, ударить на город Люксембург с запада. Поскольку такая опасность все еще существовала, надлежало немедленно подумать о левом фланге армии. 12-й корпус силами 5-й и частично 4-й пехотных дивизий провел ограниченную наступательную акцию с целью потеснить немцев на восточный берег реки Сюр, в то время как 20-й корпус провел другую ограниченную наступательную акцию в направлении Саарбурга, но уже как отвлекающий маневр. Погода улучшилась, и семь эскадрилий наших бомбардировщиков провели удачную бомбежку неприятельских позиций. Несколько самолетов из 9-го воздушного корпуса уничтожили мосты в окрестностях Саарбурга. С другой стороны, чтобы предотвратить прорыв неприятеля к Бастони, было необходимо переместить штурмовую бригаду «Б» (командир полковник Уэнделл Блэнчерд) 4-й бронетанковой дивизии с правого на левый фланг 3-го корпуса. В результате переброски вышеназванного подразделения образовывалась огромная брешь между позициями 26-й пехотной и 4-й бронетанковой дивизиями, которую заполнил 6-й кавалерийский дивизион полковника Э. М. Фикетта. Продвижение в тот день оказалось незначительным — от трех с половиной до восьми километров.

События следующего дня (24-го числа) внушали мало оптимизма. Почти по всему фронту противник яростно контратаковал; в результате одной из таких контратак штурмовой бригаде «Б» 4-й бронетанковой дивизии пришлось отойти на несколько километров, потеряв немалое число танков. В этом, как я полагаю, была

моя вина, поскольку я велел командиру штурмовать позиции неприятеля и днем и ночью. Такая тактика хороша в первый день операции, еще, может быть, во второй, но затем люди устают. Более того, если ночь темная, луны нет и поле боя видно плохо, результативность таких атак вообще сомнительна. Помню, как поразило меня открытие, что мне понадобилось так много времени на осознание многих вещей, которые уж мне-то, как казалось, следовало бы знать раньше.

101-я воздушно-десантная дивизия в Бастони получила боеприпасы и продовольствие по воздуху и пережила день без неприятельских атак; потому, вероятно, что противник опасался действий наших штурмовиков.

Наступая на участке от Декирха до Эхтернаха с целью закрепиться на плацдарме по берегу реки Сюр, 12-й корпус почти достиг цели везде, кроме предместий Эхтернаха. Захваченные в ходе акции пленные уверяли, что не получали полного рациона питания от трех до пяти дней. Мы также осуществили радиоперехват переговоров 5-й немецкой парашютно-десантной дивизии (командующий генерал-майор Людвиг Гелльман), сражавшейся с частями 26-й пехотной дивизии. В сообщении говорилось, что они находятся на пределе возможностей и не смогут продержаться без подкреплений, панцерфаустов[1] и пополнения запаса боеприпасов. На контролируемом 20 корпусом участке фронта не происходило ничего.

Потери по состоянию на 22 декабря составили:

Третья армия

Убитыми	10 432
Ранеными	50 824
Пропавшими без вести	10 826
Всего	72 082
Небоевые потери	50 241
Общий итог	122 323

Противник

Убитыми	66 800
Ранеными	186 200
Пленными	140 200
Всего	393 200

[1] Panzerfaust — противотанковый гранатомет. Существовало несколько моделей от малого, весом всего полтора килограмма, способного кумулятивной гранатой 0,68 кг с расстояния 30 м пробить 140-мм танковую броню, до семикилограммового Panzerfaust-60, 3-кг снаряд которого пробивал 200-мм броню с расстояния в 60 м. Очень грозное истребительно-противотанковое оружие пехоты. К счастью для союзников, из Panzerfaust было довольно трудно стрелять прицельно. — *Прим. пер.*

Материальные потери понесенные на 22 декабря:

Третья армия

Легкие танки	198
Средние танки	507
Артиллерийские орудия	116

Противника

Средние танки	946
Танки «Пантера» и «Тигр»	485
Артиллерийские орудия	2216

В ту пору я почти не сомневался, что целью атаки, разработанной германским генштабом, являлось стремление перехватить инициативу, однако последующие события показали ошибочность такой точки зрения. Как бы там ни было, противник выбился из графика, а потому я все больше и больше укреплялся в мысли, что нам удастся окружить и уничтожить его. Хотя нельзя было забывать, что в 1940 г. немцы наступали так же, как и теперь, а затем повернули на юго-запад и, пройдя через Саарбрюккен и Тионвилль, обрушились на Мец; теперь они могли повторить тот же маневр. Мы понятия не имели, каковы намерения немцев, и, точно не представляя себе, каковы их возможности, вне всякого сомнения, переоценивали их. Хотя, пожалуй, я ошибался в данном вопросе менее других.

Рождество встречали под ясным небом и с морозцем — отличная погода, чтобы убивать немцев, хотя дни — такой праздник! — может быть, как раз наоборот, совсем не подходящие. Я выехал на передовую с утра пораньше, чтобы успеть побывать во всех дивизиях, и посетил две штурмовые бригады 4-й бронетанковой, 26, 80 и 5-ю дивизии, а также части 4-й пехотной и 10-й бронетанковой дивизий.

Велика заслуга интендантского корпуса, обеспечившего всех солдат индейкой на Рождество — те, кто был на передовой, получили сэндвичи с индейкой, а все остальные — горячую индейку. Не знаю ни одной армии на земле, кроме американской, где бы так заботились о личном составе. На парней индейка подействовала ободряюще; даже сверх ожидания.

Когда мы проезжали через расположения штурмовой бригады «А» (командир — бригадный генерал Х. Л. Эрнст) 4-й бронетанковой, на нас сбросили бомбы, а затем обстреляли два немецких самолета, однако атака их успеха не имела. За все время военных действий на территории Франции и Германии, это был единственный случай, когда мне довелось подвергнуться обстрелу с воздуха на дороге.

В целом день выдался не очень удачный. Хотя мы продолжали наступление, снять осаду с Бастони нам пока не удавалось. Из-за

погоды не удавалось доставлять в город продовольствие и боеприпасы по воздуху. Единственной радостью стал успех 5-й пехотной дивизии, которая смогла прижать противника к реке Сюр на протяжении всего своего фронта, а также нанести значительный урон пытавшимся спастись бегством на ту сторону немцам.

Были отданы приказы: 6-й бронетанковой сменить 10-ю бронетанковую на участке к северу от Люксембурга, а находившейся с ночи 23-го числа в Меце 35-й дивизии соединиться с 3-м корпусом утром двадцать шестого, заняв позиции между 26-й и 80-й дивизиями. После чего 80-й дивизии надлежало соединиться с 12-м корпусом.

Поздно вечером у нас состоялся рождественский ужин в столовой генерала Брэдли. После ужина мы с ним имели продолжительную беседу. В ходе нее Брэдли передал мне новое заявление Монтгомери, который сказал, что Первая армия не сможет вести наступательные действия еще в течение трех месяцев и что единственный, кто может атаковать, это я. Однако, по его мнению, у меня для этого недостаточно сил. Следовательно, нам придется отступить на линию Саар — Вогезы, а то и к реке Мозель, чтобы моя армия пополнила ресурсы и могла атаковать. Мы с Брэдли оба считали данную программу неприемлемой, и не только с военной точки зрения, но и с политической — вообще с любой, с какой только ни посмотри. Ведь отвод наших частей обрек бы на рабство или гибель все брошенное нами на произвол судьбы французское население Эльзаса и Лотарингии.

По данному вопросу генерал Паттон проконсультировался с работниками своего штаба. Их ответ заключен в следующем письме:

26 декабря 1944 г.

Меморандум
Для сведения командующего армией

1. Мы глубоко убеждены в том, что Третья армия должна продолжать наступление и уничтожать неприятеля, не допуская никак проволочек. Вот основания для подобного рода рекомендаций:

a. Установлено, что все ударные части немцев сосредоточены на выявленных нами участках.

b. Насколько нам известно на сегодняшний момент, другие подразделения противника смогут вести лишь ограниченные наступательные действия и, если только танковые части не будут переброшены с других фронтов, ударная сила и скорость действия танков противника будут недостаточными для продолжения наступления.

c. В настоящий момент Третья армия включает в себя семь (7) сильных пехотных дивизий и три (3) бронетанковые дивизии. Кроме того, эти силы способны поддержать орудийным огнем 108 артиллерийских батарей. В дополнение к этому, существуют четы-

ре дивизии, которыми может располагать командование Третьей армии (94-я, 87-я, штурмовые бригады (боевые командования) «А» и «Б» 17-й и 11-я бронетанковая). К этим силам могут позднее быть добавлены 28-я пехотная и 9-я бронетанковая и плюс к тому 101-я воздушно-десантная (после ее переформирования). Все соответствующие службы Третьей армии расположены исключительно выигрышно для того, чтобы армия могла продолжать вести наступательные действия. Работа наших складов и арсеналов день ото дня улучшается. Сеть железнодорожных путей в данном регионе функционирует исправно. Налажены поставки в части боеприпасов и других снабженческих грузов. Поскольку все необходимые договоренности относительно подвоза горючего, боеприпасов, продовольствия и амуниции для наступающих частей достигнуты, при наличии содействия со стороны Главного управления снабжения продвижение армии возможно, и оно будет продолжаться. Сети связи в настоящий момент отлажены и функционируют исправно.

d. Союзные части могли бы выдвинуться на позиции к северу от реки Маас; используя данную водную преграду в качестве естественного рубежа, Третья армия силами вышеназванных подразделений могла бы блокировать южный фланг клина вражеского наступления. Предлагается передвинуть части, дислоцированные в настоящее время на реке Маас в зоне ответственности Третьей армии, на реку Семуа, создав там надежный заслон на пути неприятеля.

e. Продолжение контрнаступательных действий Третьей армии создает постоянную угрозу коммуникациям неприятеля на территории, занятой подразделениями, входящими в ударную группировку противника. Всеобщее наше отступление позволит неприятелю произвести перегруппировку сил, пополнить свои части подкреплениями и снабдить их всем необходимым для нанесения в самое ближайшее время нового удара на нашем фронте. Выиграть время — вот главная стратегическая цель врага в настоящий момент.

f. В ходе наступления наша авиация будет иметь строго очерченную зону действий и ее удары будут нанесены в тех из указанных выше мест, где это потребуется, поскольку самолеты в настоящий момент размещены на аэродромах таким образом, чтобы иметь возможность поддержать атаку Третьей армии. Сейчас у ВВС пилотов и машин больше, чем было при проведении каких-либо других операций.

g. Также необходимо учитывать психологический фактор — настроение американских солдат и населения. Хотя точной оценки дать нельзя, моральный дух армии и граждан США может оказаться серьезным образом подорван вследствие добровольного отступления. Американские солдаты положили немало сил и умения, а многие из них заплатили жизнями за обладание завоеванной территорией, и оставление ее вполне может обернуться катастрофой

как с психологической, так и с военной точки зрения. Личный состав Третьей армии знает и понимает, что такое наступление, но он не знает и не понимает, что такое отступление или широкомасштабный отвод войск и переход к обороне.

2. Мы пришли к единому мнению, что армия не должна покидать позиций на реке Саар. Если уж говорить об отводе войск, можно передвинуть на противоположный фланг с линии вдоль реки Рейн на линию реки Саар — Вогезских гор две дивизии. Вначале эти дивизии могут внести свой вклад в наступательные действия Третьей армии, очистив от неприятеля треугольник в зоне действий 20-го корпуса между реками Саар и Мозель, что само по себе создаст проблемы неприятелю. Оставление нашими войсками Вогезов не сулит выгоды неприятелю, так как оно не затруднит для нас решения вопросов снабжения, не осложнит работу нашей авиации и не создаст нам проблем в стратегическом смысле. Отвод же войск на линию реки Мозель не принесет нам пользы ни с одной из точек зрения.

Заключение:

a. Линия обороны на реке Маас между флангами Первой и Третьей армий Соединенных Штатов должна распространяться до этой реки.

b. Необходимо продолжать наступательную операцию, разворачиваемую Третьей армией Соединенных Штатов.

Заместитель начальника штаба
полковник Пол Д. Харкинс

Начальник службы планирования
и обучения личного состава штаба
бриг. ген. Х. Дж. Мэддокс

Начальник службы разведки штаба
полковник Оскар У. Кох

До 14.00 26-го числа ситуация оставалась очень незавидной. Мы так и не могли пробиться в Бастонь, а немцы повсеместно контратаковали. 5-й пехотной дивизии удалось все же закрепиться на берегу реки Сюр в ночь с 25 на 26 декабря; в ту ночь мы применили против немцев снаряды с радиолокационными взрывателями и уничтожили не менее семи тысяч человек.

Действовавшая совместно с 12-м корпусом штурмовая бригада (командир — полковник Т. Л. Харролд) 9-й бронетанковой дивизии была переброшена на соединение с 4-й бронетанковой в составе 3-го корпуса для прикрытия его левого фланга. Также одна из частей 28-й пехотной дивизии, которая оказалась на участке 12-го корпуса, была передана 8-му корпусу. 35-я дивизия начала выдвижение на позиции, подготовленные для атаки 27-го числа, а две трети со-

става 6-й бронетанковой дивизии заняли позиции к северу от Люксембурга. Уже тогда я подумал, что несколько поспешил с передислокацией 6-й бронетанковой дивизии. Мне следовало подождать с этим шагом, тогда бы стало ясно, что лучше использовать ее на левом фланге, поскольку коридор к северу от Декирха — наиболее предпочтительное место для нашей атаки — считался слишком узким для танков. Однако, обследовав коридор позднее, я нашел, что они вполне могли бы там пройти. Никогда не знаешь заранее.

В 14.00 26 декабря генерал Гэффи попросил моей санкции на прорыв в Бастонь силами штурмовой бригады «Б» полковника Блэнчерда и получил согласие. В 18.45 бригада Блэнчерда и наши части в Бастони вошли в соприкосновение, однако образовавшийся коридор не превышал в ширину трехсот метров.

Во время налета немецкой авиации в ночь на 26-е сотня пленных, бросившись на охранявших их солдат, попыталась вырваться на свободу. Многие пленные поплатились за свою дерзкую и бессмысленную попытку жизнями, но сбежать не удалось никому.

Я с помощью генерала Брэдли старался сделать все возможное, чтобы заполучить если не все три дивизии — 11-ю бронетанковую, 17-ю воздушно-десантную и 87-ю пехотную, — то хотя бы одну из них, находившихся в тот момент в резерве Штаба командующего союзническими экспедиционными силами под Реймсом. Я считал, что в результате нашего прорыва в Бастонь немцы были обречены, а потому надлежало вывести все резервные части и обрушить на врага все силы, которыми мы располагали.

Утром Брэдли отправился на встречу с Эйзенхауэром и Монтгомери. Мы с Брэдли очень надеялись, что Эйзенхауэр назначит его командовать Первой и Девятой армиями, поскольку чувствовали, что Монтгомери никогда не будет наступать. Я также попросил Брэдли выйти с предложением перевести 11-ю бронетанковую и 17-ю воздушно-десантную из Реймса на позиции вдоль реки Семуа, где бы эти дивизии выполняли сразу две задачи: прикрывали левый фланг Третьей армии и служили заслоном для всех американских частей на линии фронта, проходящей по реке Маас.

После совещания с Миддтоном и Милликином в Арлоне было решено, что до прояснения ситуации части 8-го корпуса в Бастони будут переданы под оперативное управление командира 3 корпуса. Кроме того, мы запланировали наступление 30-го числа на Гуффализ одной бронетанковой дивизией, усиленной одной пехотной штурмовой бригадой, а также атаку одной бронетанковой и двумя пехотными дивизиями на Сен-Вит 31-го. В целях обеспечения проведения операции командование 8-го корпуса должно было вернуть себе контроль над 101-й воздушно-десантной и приданными ей силами для прикрытия левого фланга наступления. Все это время меня не покидала уверенность, что передача мне еще трех дивизий способствовала бы крайне быстрому завершению операции.

По возвращении Брэдли мы с ним и генералом Андерсоном, заместителем начальника штаба 8-го воздушного корпуса, составили план наступления через реку Сюр в районе Эхтемаха и далее на Бонн. Воздушному налету должен был предшествовать рейд подразделений 20-го корпуса на Саарбург с целью отвлечения внимания неприятеля в южном направлении. Возможность такого маневра представлялась нам крайне привлекательной, однако, чтобы он оказался по-настоящему успешным, потребовалось бы по меньшей мере еще три дивизии — то есть еще три в дополнение к 11-й бронетанковой и 87-й пехотной, которые Брэдли удалось для меня выбить. Еще три дивизии взять было неоткуда, и шоу провалилось.

Я направил генерала Гроу и полковника Харкинса в Бастонь, чтобы под покровом ночи передвинуть в ее окрестности 6-ю бронетанковую дивизию для использования в спланированном нами марше на Сен-Вит — появление 6-й должно было стать неожиданностью для противника. 11-й бронетанковой и 87-й пехотной предстояло передислоцироваться к юго-западу от Бастони в 24.00 29-го, чтобы утром наступать в направлении Гуффализа через расположения частей 101-й воздушно-десантной. Ситуация на участках фронта, где находились 12-й и 20-й корпуса, оставалась без изменений.

30-го пошли на прорыв 11-я бронетанковая и 87-я пехотная (последняя на левом фланге), которые немедленно ударили в левый фланг контратакующим 130-й учебной танковой дивизии (Panzer Lehr) и 26-й народно-гренадерской дивизии. Данное столкновение не только приостановило продвижение противника, но задержало и наше наступление, хотя в целом сыграло положительную роль, поскольку, если бы наши части не атаковали немцев, те могли бы закрыть Бастонский коридор. Все генералы, подразделения которых принимали участие в той атаке, уговаривали меня отложить ее на двадцать четыре часа, но, послушайся я их, немцам удалось бы достигнуть своих целей.

В тот же самый день немцы осуществили еще две попытки прорыва силами двух дивизий — 1-й дивизии СС (бригаденфюрер Т. Виш, штандартенфюрер Монке[1]) и 167-й дивизией вермахта (генерал-лейтенант Ганс-Курт-Хёккер[2]) — наступая с северо-востока на участке 35-й и 26-й, а также третью против защитников северных рубежей Бастони. Пожалуй, это была самая масштабная коор-

---

[1] Бригаденфюрер СС и генерал-майор войск СС Теодор Виш (1907—1995) с 4 июля 1943 г. и до своего ранения 28 августа 1944 г. командовал 1-й танковой дивизией СС «Лейбштнадрат Адольф Гитлер» Его место занял оберфюрер СС (с января 1945 г. — бригаденфюрер СС и генерал-майор войск СС) Вильгельм Монке. — *Прим. ред.*

[2] 167-я дивизия называлась народно-гренадерской (Volksgrenadier-Division), она была сформирована в сентябре-октябре 1944 г. и с этого момента ей командовал генерал-лейтенант Ганс-Курт Хёккер. — *Прим. ред.*

динированная атака на нескольких направлениях одновременно, которую только приходилось выдерживать моим ребятам. Удача сопутствовала нам в том деле.

В тот день были уничтожены четверо переодетых в форму военнослужащих американской армии немцев, а еще об одной группе численностью в семнадцать человек, также в американской форме, из 35-й дивизии доложили буквально в следующих выражениях: «Один усиленный пост засек семнадцать немцев в американской военной форме. Пятнадцать были уничтожены, а еще два неожиданно скончались».

Я направился в Бастонь через коридор, проезжая в непосредственной близости от немцев, которые, по счастью, не стреляли. Прибыв в город, я наградил крестами «За отличную службу» командира 101-й воздушно-десантной бригадного генерала Маколиффа и командира 502-го полка десантников подполковника С. А. Чэппиуса. Затем мы проехали перед расположениями дивизии, чтобы солдаты могли нас видеть, чему они были очень рады. 25-го немцы прислали Маколиффу белый флаг с требованием сдаться, на что он ответил им коротко и доходчиво: «Черта с два!»

31-го противник предпринял против нас семнадцать контратак, которые мы все отразили. Мы практические не продвигались, если не считать 6-й бронетанковой дивизии, заставшей противника врасплох и сумевшей оттеснить его на четыре километра по дороге на Сен-Вит.

В течение нескольких дней активно распространялись слухи о том, что немцы, летающие на захваченных Р-47, обстреливают наши позиции. Разумеется, мы не могли не понимать, какую опасность могут заключать в себе подобные слухи. Для обсуждения проблемы прибыли генералы Спаатс, Дуллитл и Ванденберг, и мы сообща решили, что 1-го числа ни один Р-47 не поднимется в воздух на участке 12-го и 20-го корпусов, так что, если самолеты данной модели будут замечены в том районе, значит, это совершенно точно машины врага. Нам удалось также добиться направления в состав Третьей армии 17-й воздушно-десантной, взамен которой мы отдали 28-ю пехотную дивизию.

Приводимый ниже приказ кратко и живо рассказывает обо всех обстоятельствах кампании 1944 г:

ПРИКАЗ НОМЕР 1 от 1 января 1945 г.

ЛИЧНОМУ СОСТАВУ ТРЕТЬЕЙ АРМИИ И НАШИМ ТОВАРИЩАМ ИЗ 19-Й ТАКТИЧЕСКОЙ ВОЗДУШНОЙ БРИГАДЫ

Авраншский коридор, Брест, затем вся Франция от самых восточных до самых западных ее границ, Саар, затем рейды в пределы Германии и вот теперь Бастонь — таковы звенья в цепи ваших побед. Вы не только неизменно побеждали хитроумного, изобрета-

тельного и беспощадного врага, но вы с вашим мужеством и выносливостью преодолевали препятствия, создававшиеся на вашем пути ввиду крайне сложного ландшафта местности и отвратительной погоды. Ни жара, ни пыль, ни потоки воды, ни снег не смогли остановить вас. Скорости и стремительности, подобных тем, что отличали ваши атаки, военная история еще не знала.

Совсем недавно мне была оказана великая честь — я получил из рук командующего 12-й группы армий генерал-лейтенанта Омара Н. Брэдли вторую «Дубовую ветвь» в дополнение к моей медали «За отличную службу». Однако награду эту мне пожаловали не за то, что сделал я — не за мои, а за ваши заслуги и достижения. Потому благодарю вас от всей души.

Каковы мои новогодние пожелания вам? Я желаю — и уверен, вы это желание исполните, — чтобы вы, опираясь на помощь всемогущего Господа Бога, воодушевленные верой в нашего президента и верховного главнокомандующего, продолжали свой победный марш во имя свержения тирании и наказания зла, ради мести за ваших павших товарищей и наступления мира в измученном войной мире.

В заключение я привожу слова, которые произнес в Чапултепеке генерал Скотт[1], ибо лучших слов, сколько бы ни старался, я для вас найти не смогу: «Храбрецы. Ветераны. Вы крестились огнем и кровью и теперь вы тверже, чем сталь».

Командующий Третьей армией Соединенных Штатов
генерал-лейтенант армии США
Дж. С. Паттон-младший

Начиная с 1-го числа немцы применяли для обстрела города Люксембурга некое невиданное прежде оружие[181]. Сначала мы думали, что это ракета или дальнобойный реактивный снаряд, судили да рядили, как стреляющее такими штуковинами орудие функционирует, пока совсем недавно в конце концов не захватили его.

---

[1] Уинфилд Скотт (1786–1866) — генерал и предводитель армии Северных Штатов в трех войнах. Во время войны с Мексикой (1846–1948), эпизод из которой и имеет в виду Паттон, говоря о важном стратегическом пункте Чапултепеке (Горе Кузнечиков), расположенном на западной окраине Мехико, Скотт командовал морским десантом и в марте 1847 г. захватил Веракрус, а в сентябре взял Мехико. За свои успехи Скотт получил досрочно звание генерал-лейтенанта. — *Прим. пер.*

[181] Немецкий H.D.P. (Hochdruckpumpe, или нагнетательный насос высокого давления). Приведенные генералом Паттоном оценки размеров ствола пятьдесят девять с половиной метров весьма сдержанны, поскольку обнаруженные в разных местах устройства имели в длину от 57,61 до 120 метров. Это объясняется тем фактом, что секции пятнадцатисантиметровой трубы имели длину три метра. Ускорители сконструированы так, что могут быть присоединены к стволу в любом из этих сочленений.

Ракета имела около двух метров в длину и десять сантиметров в диаметре, но впереди имелось утолщение диаметром пятнадцать сантиметров, а также хвостовое оперение в задней конической части. Взрывавшийся порох создавал давление газа, и снаряд мчался по длинному, гладкому внутри стволу длиной пятьдесят девять с половиной метров, состоявшему из двадцати пяти секций, соединенных между собой с помощью скрученных болтами фланцев. К каждой четвертой секции под углом сорок пять градусов крепились по две короткие трубки, содержавшие дополнительные ускорители. Когда снаряд вылетал из дула, утолщение отваливалось, и он продолжал лететь прямо за счет хвостового оперения. Дальность полета составляла, вероятно, пятьдесят — пятьдесят пять километров. Заряд, который несла такая ракета, был очень незначительным по мощности, однако, к несчастью, в результате одного попадания в отель, где размещалась штаб-квартира Третьей армии, погиб выходивший оттуда капитан Джон Клементи.

Наше продвижение в первый день нового года особенно заметным не назовешь, если не считать успехов 6-й бронетанковой дивизии. Поводы для беспокойства отсутствовали; все части Третьей армии находились там, где им полагалось находиться, так что если бы они проиграли, то произошло бы это только вследствие большего упорства неприятеля, а не из-за того, что я допустил ошибку при развертывании войск.

11-я бронетанковая дивизия прекрасно сражалась в начале партии, но потеряла больше танков, чем могла бы. Я полагал, что происходило это из-за недостаточно квалифицированных действий командира дивизии. Позднее, когда он был сменен, соединение стало воевать заметно лучше.

Ровно в полночь 31 декабря все орудия Третьей армии разом открыли беглый огонь по позициям противника, поздравляя немцев с наступлением нового года. Когда канонада стихла, наши передовые наблюдатели донесли о том, что слышат в лесу крики немцев.

2-го числа мне стали известны малоприятные подробности действий 11-й бронетанковой, включая и то, что генералу Мидлтону пришлось лично вмешаться, чтобы восстановить порядок в дивизии. Мы собирались пустить вперед 17-ю воздушно-десантную, придержав танкистов 11-й, за исключением одного батальона. Он, как мы предполагали, должен будет поддержать атаку 17-й воздушно-десантной, поскольку в ее составе отсутствовали танковые части. Один из главных недостатков парашютных дивизий — это то, что после высадки у солдат при себе нет ничего, кроме автоматов — ни танков, ни соответствующей артиллерии, ни транспортных средств.

6-я бронетанковая дивизия по-прежнему сражалась хорошо. 15-й корпус Седьмой армии подвергся мощной атаке на правом фланге, но, поскольку все противостоявшие 15-му корпусу части

были нам знакомы, — мы гоняли их по грязи между реками Мозель и Саар, — я не принимал их всерьез. После долгих раздумий 7-й корпус Первой армии наконец-то начал наступление в направлении Гуффализа силами 2-й и 3-й бронетанковых дивизий[1], а также 83-й и 84-й дивизий[2]. Как я считал, немцы отреагируют на эту атаку только через несколько дней, но не видел причин менять текущую диспозицию Третьей армии.

У меня возникло сильное подозрение, что в ночь со 2 на 3 января немцы попытаются напасть на нас, но, как оказалось, я ошибся. 3-го числа 6-я бронетанковая продвинулась на три с лишним километра, в то время как 87-я дивизия на левом фланге практически топталась на месте. 11-я бронетанковая сдержала неприятельскую контратаку левее центра своих порядков. Из-за плохого состояния дорог и ввиду того, что управление снабжения не смогло, как было обещано, снабдить всем необходимым 17-ю воздушно-десантную дивизию, она оказалась не в состоянии начать атаку 3-го числа, но была готова наступать в связке со 101-й воздушно-десантной утром 4-го.

К большому нашему удовольствию, Штаб главнокомандующего союзническими экспедиционными силами издал директиву, согласно которой Первая армия вернется в состав 12-й группы армий, как только Первая и Третья армии войдут в соприкосновение в Гуффализе. Таким образом, стремление поскорее добраться до вышеназванного населенного пункта стало главным побудительным мотивом ускорить наше продвижение в ближайшие дни. В это время Монтгомери имел наглость отправить в Америку своего эмиссара, задачей которого стало «продавить» назначение генералу Эйзенхауэру заместителя — командующего наземными силами в Европе, — мотивируя это тем, что верховный завален работой и не успевает с ней справляться. В роли такого заместителя Монтгомери не видел иного человека, в достаточной мере одаренного Богом талантами военного, кроме себя.

4-го числа немцы надрали одно место 17-й воздушно-десантной, потерявшей, по донесениям, в ходе атаки в одном из батальонов до сорока процентов личного состава. Кто бы и когда бы ни сообщал о таких потерях, ясно, что он ничего не смыслит в военном деле. Даже доклады о десятипроцентных потерях на поверку редко подтверждаются, сведения могут оказаться верными, только если войска обратились в бегство или побросали оружие.

Я нашел Майли, командира 17-й воздушно-десантной, в Бастони. Пока я находился там, канонада шла с обеих сторон, вражеские

---

[1] 2-й бронетанковой дивизией командовал в тот момент генерал-майор Э. Н. Хармон, а 3-й бронетанковой дивизией — генерал-майор Морис Роуз.

[2] 83-й дивизией командовал генерал-майор Роберт С. Мейкон, а 84-й — бригадный генерал А. Р. Боулинг.

снаряды взрывались в воздухе, изрыгали огонь жерла наших пушек, и в сгущающейся над покрытыми снегом полями темноте все это казалось прекрасным, хотя, правда, не слишком ободряющим. 4 января 1945 г. я сделал в дневнике одну важную пометку перед датой — заявление, которого никогда прежде не делал, написав: «Мы все еще имеем шанс проиграть эту войну».

Ранее я уже отмечал в этих записках, что Брэдли никоим образом не вмешивался в боевые действия Третьей армии. Однако он хотя и не приказывал, но все же сильно настаивал на размещении новой дивизии к юго-востоку от Бастони в целях расширения и укрепления коридора. Делая это, нам приходилось отказываться от наступательных действий на участке к северу от Декирха, что позволило бы нам перебить хребет неприятелю. Поскольку я позволил Брэдли уломать себя, то разделяю с ним полную меру ответственности за ошибку, последствием которой стало чрезмерное удаление 90-й дивизии к западу. Размести я ее, как собирался, к северу от Декирха, уверен, мы наколошматили бы больше немецкой дичи и обошлось бы нам это дешевле.

Чтобы атаковать 90-й дивизией 20-го корпуса через расположения 26-й и очистить от неприятеля район к юго-востоку от Бастони, мне было необходимо получить под свое командование 94-ю дивизию. Я рассчитывал, что когда прибудет 94-я, то я включу ее в состав 20-го корпуса, а 90-я в этом случае отойдет к 3-му. Как только 90-я выдвинется и окажется перед 26-й пехотной дивизией, последняя сменит в составе 20-го корпуса 94-ю, которая в этом случае отойдет к 12-му корпусу, и таким образом, новая дивизия будет наступать на участке к северу от Декирха.

Как будто бы сложная комбинация, но в действительности самый простой способ ввести дивизию в действие. Следует обратить внимание на то, с какой легкостью штаб Третьей армии мог манипулировать частями, не важно, сколько переходов предстояло сделать дивизии — один, два или три. Операцию пришлось отложить на два дня, потому что Штаб главнокомандующего союзническими экспедиционными силами отказывался отдать последнюю полковую штурмовую бригаду (на нее приходилась одна треть численности всего боеспособного личного состава дивизии) 94-й до тех пор, пока в Реймс не прибудет 28-я дивизия.

6-го я собрал в штабе армии командира 3-го корпуса генерала Милликина и командира 90-й дивизии Ван Флита, чтобы разработать детальный план наступления 90-й на участке 26-й в северо-западном направлении по дороге, проложенной к югу от Вильтца. Одна штурмовая бригада 26-й должна была атаковать по обоим флангам 90-й, в то время как 3-й штурмовой бригаде предстояло заменить правофланговую штурмовую бригаду 35-й и продвигаться в северном направлении. Высвобожденная таким образом штурмовая бригада 35-й поддержала бы наступление 6-й бронетанковой

дивизии на юго-восток, чтобы в результате соединиться на возвышенности с 90-й дивизией.

По нашим расчетам, наступление должна была поддержать тысяча пушек калибра от 105 мм и крупнее. Огонь предстояло вести в дух направлениях: примерно половина орудий стреляла бы по ходу движения 90-й, а другая половина — под прямым углом, что увеличивало площадь обстрела и предоставляло нам дополнительные преимущества. Я очень гордился этой идеей, поскольку она принадлежала мне и больше никому. Кроме всего прочего, стреляющие под прямым углом орудия могли обрушить свои залпы на горный хребет к северо-востоку от реки Вильтц.

Чтобы сбить с толку немцев относительно передвижений 90-й дивизии, мы использовали разведгруппу корпуса связи, оставив ее на бывшем командном пункте 90-й для ведения радиопереговоров, так, словно там по-прежнему находился командный пункт. Из захваченных впоследствии документов мы смогли сделать вывод, что немцы купились на наш трюк. Вводя в действие свои орудия, 90-я дивизия выполнила один очень разумный маневр. Когда артиллеристы расставили пушки на позициях и открыли огонь, такое же по численности соединение 26-й дивизии умолкло. Таким образом, мы могли не сомневаться, что противник находится в полном недоумении относительно прибытия в данный сектор новых частей. Естественно, 26-я дивизия держала фронт, так что никто из 90-й не мог попасть в плен. То, что со стороны противника было отмечено всего три, и притом не слишком отчаянных, контратаки, укрепило нас в уверенности, что немцы отводят свои войска.

Успешно развивая наступление через порядки 26-й дивизии, левофланговый полк 80-й дивизии сумел взять под контроль значительную территорию в предместьях Даля. Своими действиями они привели к ослаблению давления на правый фланг 26-й и способствовали более быстрому продвижению 80-й дивизии в северном направлении. Бросок 80-й оказался весьма успешным и обошелся нам сравнительно дешево, поскольку нам удалось подбить пять немецких танков и несколько самоходок ценой потери двух танков из вспомогательного подразделения дивизии.

Генерала Эдди беспокоили атаки к югу от Декирха, и хотя я не разделял его волнений, все же отдал ему единственный свой резерв — батарею противотанковых орудий с буксирами, прежде занятую охраной пленных, а затем приданную 12-му корпусу. Я также велел начплану 4-й бронетанковой (подполковнику Дж. Б. Салливану) и его коллеге из 10-й бронетанковой (подполковнику Дж. А. Маккристиану) провести рекогносцировку в зоне ответственности 12-го корпуса для быстрейшего развертывания их частей.

Полковник Конклин, командующий инженерными подразделениями армии, проверил состояние блокпостов и минных полей

перед позициями 12-го корпуса. Впервые за все время своей службы в армии мне приходилось использовать блокпосты и мины.

Начальство было настроено поторопить нас с наступлением на Гуффализ и начать его утром 8-го числа. Но поскольку нам сказали об этом не раньше 09.00, я отложил начало атаки на следующий день.

По пути в Арлон, где находилась штаб-квартира 3-го корпуса и куда я отправился, чтобы подготовить наступление, я проследовал мимо выдвигавшейся для атаки колонны последней штурмовой бригады 90-й дивизии. Люди несколько часов ехали на грузовиках при температуре ниже шести градусов и многие из них продрогли. На противоположной стороне дороги тянулся длинный хвост санитарных машин, отвозивших в тыл раненых. Несмотря на холод и усталость, завидев мою машину, солдаты 90-й дивизии поднялись и горячо меня приветствовали. Ничего так не трогало меня, как это приветствие, и мысль о том, что многих из этих парней вот так же повезут завтра в санитарных машинах, особенно обостряла мои чувства. На пути я встретил Гэффи и велел просигналить ему, чтобы он следовал за нами.

Расклад к 9 января выглядел следующим образом: от левого к правому флангу 8 корпуса размещались 87-я, затем 17-я воздушно-десантная, далее 101-я воздушно-десантная и 4-я бронетанковая; диспозиция 3-го корпуса — 6-я бронетанковая, за ней 35-я пехотная, 90-я и 26-я пехотные; и, наконец, 80-я дивизия 12-го корпуса. Всего девять дивизий. Поздно вечером мне позвонил Мидлтон и сказал, что 87-ю и 17-ю, которым изрядно досталось за день до того, лучше попридержать и не вводить в действие раньше десятого, что в равной мере относилось и к 4-й бронетанковой. Я ответил ему, что наступление пойдет так, как запланировано.

Весь тот день носились обраставшие все новыми деталями слухи о том, что немцы пошли или только пойдут в контратаку в районе Саарбрюккена. Главная причина возникновения этих слухов заключалась в том, что немцы просто должны были поступить таким образом, поскольку дорога из Саарбрюккена вела через Сент-Авольд прямо на Тионвилль, Мец и Нанси. Вследствие этого Сент-Авольд имел весьма важное значение — в зоне ответственности 20-го корпуса он выполнял ту же функцию, что Бастонь в зоне, контролируемой немцами в результате осуществленного ими перед Рождеством прорыва. Ввиду непрекращающихся слухов я позвонил Уокеру, командиру 20-го корпуса, и велел ему сделать все соответствующие приготовления на случай подобной неприятности, а также взял последнюю штурмовую бригаду 94-й дивизии, чтобы прикрыть Тионвилль.

Начало наступления 90-й дивизии едва не закончилось для генерала Ван Флита трагически. Когда он наблюдал за маршем головного батальона, рядом упал снаряд, выпущенный из немецкого

миномета, и спутники Ван Флита как справа, так и слева от него упали замертво.

Все распоряжения по ходу наступления делались устно и причем в очень сжатых выражениях, невзирая на всю сложность схемы действий, согласно которой дивизионная артиллерия генерала Гэффи и 4-я бронетанковая, приданная в настоящий момент 8 корпусу, должны были прикрывать огнем 35-ю дивизию 3-го корпуса, а последний, поддержав эту дивизию на начальном этапе сражения, затем бы последовал за 4-й бронетанковой к месту ее новой дислокации.

Несмотря на все взлелеянные нами надежды, атакующим колоннам удалось продвинуться в тот день на глубину не более трех километров, если не считать успехов штурмовой бригады «Б» 4-й дивизии, действовавшей в тандеме со 101-й воздушно-десантной и добравшейся до лесного массива к западу от Новилля.

Теперь вспомним, что высшее начальство требовало поднять армию в атаку не далее как 8 января. В 10.30 10-го, то есть спустя два дня, я получил распоряжение вывести из наступления одну танковую дивизию и оставить ее в резерве к югу от Люксембурга на случай возможного прорыва неприятеля на этом направлении. Два эти примера, к которым персонально Брэдли не имел никакого отношения, лишний раз доказывают, сколь неразумными могут оказаться решения, принимаемые военачальниками, находящимися слишком далеко от места проведения операции.

Получив приказ о переводе одной из частей в резерв, мы вместе с генералом Брэдли поехали в Арлон, где обсудили ситуацию с командованием корпусов, из состава которых пришлось взять требуемую дивизию. Единственной подходившей для выполнения поставленной задачи являлась 4-я бронетанковая — в тот момент в активных боевых действиях принимала участие только одна штурмовая бригада из ее состава. Два командира корпусов, я и командиры 4-й бронетанковой, 6-й бронетанковой и 101-й воздушно-десантной собрались в штаб-квартире 101-й дивизии в Бастони. Принимая во внимание увеличение концентрации войск неприятеля, мы пришли к решению сосредоточить на одном участке силы 6-й бронетанковой и 101-й дивизии одновременно с отводом частей 4-й бронетанковой.

Данный эпизод — еще один пример того, как легко было оперировать частями Третьей армии, при условии, что командиры не пугались передовой, поскольку только находясь там, можно понять, что же происходит в действительности. Приказ о передислокации дивизии мы получили в 10.30, и еще до наступления темноты две штурмовые бригады 4-й бронетанковой направились через Арлон в Люксембург. Предполагаемого прорыва неприятеля, ради которого и затевалась перестановка, так и не случилось.

На обратном пути в штаб-квартиру я нанес визиты в 35, 90 и 26-ю дивизии с целью предупредить их, что, когда на левом фланге про-

движение будет приостановлено, им надлежит продолжать наступление. Это нас всех устраивало, так как ребята уже изрядно продвинулись в тот день и были готовы развивать успех. Когда я прибыл в штаб-квартиру, до меня довели новый слух: теперь высшему начальству померещилось, что неприятель вынашивает гнусные планы атаковать нас из-за реки к северу от Трира. В то время я полагал — и впоследствии детальные разработки подтвердили правильность моих суждений, — что противник никак не мог готовиться к контатаке. У него просто не было в наличии необходимого числа свободных дивизий, а точнее, вообще не хватало людей для ведения активных действий — все германское наступление болталось на ниточке.

Мы лишились нескольких вагонов боеприпасов — как доносили, трехсот тонн, но на деле, полагаю, только ста тонн, — из-за того, что товарный поезд столкнул с грузовым воинским эшелоном к югу от Арлона.

11 января стало совершенно очевидно, что завершение битвы за Бастонь не за горами. Предчувствуя развязку, я велел штабу детально изучить сеть рек и автодорог в зоне ответственности 20-го корпуса и отправился в Тионвилль для встречи и обсуждения штабной разработки с генералом Уокером. Как представлялось мне, противник мог форсировать реку Саар в трех местах. Во-первых — в окрестностях Саарбурга, где он мог воспользоваться паромными переправами и кое-какими уцелевшими мостами. Между тем дорожная сеть находилась там в плохом состоянии, и я подумал, что здесь неприятель рисковать не станет.

Следующая возможная точка перехода водной преграды — наши прежние плацдармы на восточном берегу в Саарлаутерне. Данный вариант казался мне еще более неподходящим, поскольку тогда бы немцам пришлось сначала захватить западную часть города, которой по-прежнему владели мы, к тому же мост мы заминировали и могли взорвать, если бы противник попытался отбить его у нас. И, наконец, Саарбрюккен. Окажись я на месте немцев, я бы атаковал именно там. В городе имелось семь целых мостов, а на западном берегу у противника еще оставался двенадцати-или пятнадцатикилометровый плацдарм. Дороги, которые вели на Тионвилль и далее к Нанси, находились в превосходном состоянии. Так или иначе, самой критической точкой оказывался Сент-Авольд, и генерал Уокер, прекрасно осознавая данный факт, принял соответствующие меры для его защиты. Он также приказал подготовить к взрыву переправу через реку Нид, что должно было нарушить ход наступления немцев.

Оба мы с генералом склонялись к мысли, что в таком случае нужно ударить на Саарбрюккен всеми имеющимися в наличии силами. В свете того, что известно теперь, по всей вероятности, именно это нам и следовало сделать, поскольку тогда фронт неприятеля оказался бы прорван, и притом гораздо раньше, чем все в действительности случилось.

Из-за волнений и переживаний Штаба командующего союзническими экспедиционными силами относительно предполагаемого прорыва немцев позиции на участке 20-го корпуса и вблизи него усилились. В дополнение к 94-й и 95-й дивизиям и 10-й бронетанковой дивизии, входившим в то время в 20-й корпус, могла быть использована 4-я бронетанковая дивизия из резерва Третьей армии, и подтянулись 8-я и 9-я бронетанковая дивизии — одна в сектор Понт-а-Муссона, а другая — Меца. Правда, при всем этом две последние дивизии оставались в резерве Штаба командующего союзническими экспедиционными силами.

Решающее наступление 8-го и 3-го корпусов на Гуффализ наметили на 13-е число. 12-го корпусное командование посетил генерал Гэй с целью координации действий, а также с тем, чтобы вернуть дивизион 155-миллиметровых гаубиц, которые 12-й корпус передал во временное пользование 8-му.

Генерал Брэдли посвятил меня в свои планы относительно дальнейших действий группы армий. Роль главной наступательной силы в направлении на восток минуя Кёльн, он отводил Первой армии, в то время как Третьей армии надлежало продолжать свой натиск на противника, на деле уже не наступая, а создавая мощное крыло обороны от Сен-Вита и его предместий до участка фронта, занятого Седьмой армией. Преимущество данной схемы состояло в том, что так мы могли использовать существующую брешь в линии Зигфрида к западу от Кёльна, проделанную в ноябре Первой армией, а кроме того, это был самый короткий маршрут.

Что до меня, то я выступал против подобного плана, поскольку он не позволял мне наступать, а я не сомневался, что при поддержке 3-го и 12-го корпусов 20-й мог бы атаковать неприятеля в восточном направлении через Саарлаутерн, имея большие шансы разгромить германскую армию и захватить плацдармы в долине реки Саар. Я по-прежнему придерживался простой теории, что единственным способом не дать немцам наступать на нас оставалось наше наступление на них.

Атака на Гуффализ началась 13-го, но продвигались войска медленнее, чем мы надеялись. Но зато боевой настрой личного состава оставался на высоте. До последнего момента нашим парням все еще не было ясно, чья возьмет, теперь же они гнали выкуренную из логова лисицу и знали, что в конечном итоге они ее загонят.

14-го числа мне нанесли визит генералы Сомервелл, Кэмпбел[1], Ли и Планк[2], и мы обсудили вопросы боевого снаряжения частей. Я напирал на необходимость скорейшего отказа от использования

---

[1] Генерал-майор Л. Х. Кемпбелл—младший — начальник артиллерии Армии Соединенных Штатов.

[2] Бригадный генерал Э. Дж. Планк — начальник передового отдела управления снабжения.

противотанковой артиллерии и замене противотанковых дивизионов из состава пехотных дивизий танковыми батальонами. Я вновь повторил свою давнюю просьбу относительно установки на каждом танке сдвоенных, спаренных с пушкой пулеметов.

15-го числа части 12-го корпуса получили приказ наступать на север через Декирх 18-го января. Для предстоящей атаки я придал 12-му корпусу 4-ю бронетанковую дивизию и 87-ю пехотную вместе с 80, 4 и 5-й пехотными дивизиями. Погода оставалась все еще очень холодной.

Я отправился к наступавшим на Гуффализ войскам. В одном месте мы наткнулись на убитого и окаменевшего от мороза немецкого пулеметчика с пулеметной лентой в руках, сидевшего в позе, в которой его, по всей видимости, и настигла смерть. В другом месте мы увидели некие темные предметы, во множестве торчавшие то там, то тут из-под снега. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это пальцы ног мертвецов. Вот еще одна особенность быстрого замерзания погибших в бою: они приобретают цвет кларета[1] — малоприятное зрелище.

В 09.05 16 января 41-й кавалерийский эскадрон (капитан Герберт Фой) из состава 11-й бронетанковой дивизии, прикрывавшей левый фланг нашего наступления слева, вошел в соприкосновение с 41-м мотопехотным полком (командир — полковник, позднее бригадный генерал С. Р. Хиндс) 2-й бронетанковой дивизии в Гуффализе. Данный факт означал, что Брэдли вновь командующий 12-й группы армий.

Вечером мы получили директиву отослать 10-ю бронетанковую дивизию в состав 6-й группы армий, дабы помочь в ликвидации так называемого «кольмарского мешка».

17-го я поздравил Милликина и Мидлтона с успешным окончанием кампании по ликвидации последствий прорыва, получившего название «Балдж». Хотя мы еще не оттеснили немцев на те позиции, с которых они начали свой прорыв, в тот день мы приступили к завершению операции.

Я и находившийся вместе со мной генерал Хьюз нанесли визиты в 6-ю бронетанковую, 90-ю и 26-ю пехотные дивизии и обратились к личному составу, сказав солдатам и офицерам, что мы понимаем, как они устали, однако, несмотря ни на что, необходимо продолжать битву. Я наградил генерала Ван Флита и двух его офицеров крестами «За отличную службу». Во время этой поездки мне случилось видеть 120-миллиметровый немецкий миномет, который в артиллерийской роте 90-й дивизии использовали как пушку. Превосходное оружие.

8-й и 3-й корпус получили приказ продолжать наступление на линии Бастонь — Сен-Вит 21-го числа.

[1] Кларет — красное вино.

12-й корпус устремился на прорыв через реку Сюр в 03.30 утром 18-го числа без артиллерийской подготовки и застал противника врасплох.

Мы с генералом Эдди посетили 4-ю и 5-ю пехотные дивизии. Действия 4-й дивизии показались нам не слишком-то энергичными, и генералу Эдди пришлось приказать командиру дивизии лично переправиться на ту сторону реки, а также проследить, чтобы то же самое сделали все командиры батальонов. Боевой дух 5-й дивизии был выше всяких похвал. Мы отправились на наблюдательный пункт, откуда могли видеть немцев, находившихся внизу в долине реки всего в каких-нибудь двух сотнях метров от нас. Наши ребята обзавелись маскхалатами, частью трофейными, частью добытыми генералом Эдди в Люксембурге.

Мы отослали 101-ю парашютно-десантную дивизию, подразделение противовоздушной обороны и несколько противотанковых орудий в 6-ю группу армий. Они потребовались для продолжения атаки на «кольмарский мешок», которую кто-то, нам пока неизвестный, прежде грозился успешно завершить силами всего лишь одной дивизии, но теперь просил еще пять подразделений дополнительно.

Вышел на связь Уокер. Он просил разрешения провести наступательные действия в треугольнике Саар — Мозель силами 94-й дивизии и одной штурмовой бригады 8-й бронетанковой и получил зеленый свет.

Отсрочка наступления 8-го и 3-го корпусов до 21-го числа могла, вероятно, дать нам возможность задействовать еще несколько частей из состава 12-го корпуса, прикрывавших в сражении два этих корпуса. Так или иначе, 12-й корпус был свежее и находился ближе.

19 января дороги стали практически непроходимыми из-за гололедицы, так что ни 101-я, ни 76-я дивизии не смогли сделать и шагу.

В тот же день 94-я дивизия столкнулась с частями 11-й бронетанковой дивизии (командир — генерал-лейтенант Вайтерсгейн).

Несмотря на ужасную погоду, 20-го 12-му корпусу все же удалось продвинуться на несколько километров, в то время как 95-я дивизия в Саарлаутерне отбила контратаку четырех сотен немецких солдат. Их части понесли огромные потери, поскольку ринулись в бой слишком рано и попали под заградительный огонь, причем сначала под свой, а потом под наш. В плен попало только сорок человек. Генерал Шмидт из 76-й прислал сообщение о том, что одна из штурмовых бригад его дивизии достигнет расположений 8-го корпуса уже в этот день (20-го).

21 января, не успели солдаты 12-го корпуса развернуть наступление, как заметили большое скопление немцев возле моста в районе Вьяндана. Позиции неприятеля отлично просматривались, что позволило артиллерии корпуса накрыть противника огнем.

Во время посещения 8-го корпуса в тот же день мне довелось стать свидетелем двух поразивших меня вещей. В одном месте час-

ти 17-й воздушно-десантной дивизии застряли на скользком склоне, но у офицеров не хватало ума приказать своим ребятам вылезти из грузовиков и подтолкнуть их. Когда они это сделали, проблема немедленно разрешилась. Другая вещь была опять же связана с погодой, из-за которой забастовали даже мины, причем как немецкие, так и американские. Снег набивался под крышки и замерзал, поэтому мины не взрывались даже под тяжестью катка[1]. Ясно, что, когда наступит оттепель, мины оттают и потери немедленно возрастут, поскольку войска пойдут по дорогам, которые считаются разминированными. Приходилось поворачивать регуляторы чувствительности в миноискателях на максимум.

Генерал Ван Флит стал командиром формировавшегося в Англии корпуса, а позднее, когда в марте с генералом Милликином стряслась беда на Ремагенском мосту[2], возглавил 3-й корпус. Обсудив подходящие кандидатуры бригадных генералов Третьей армии на место Ван Флита в 90-й дивизии, мы остановили выбор на генерале Эрнсте. Однако в тот же самый вечер генерал Эйзенхауэр приказал мне назначить генерал-майора Л. У Рукса временным исполняющим обязанности командира дивизии, чтобы Рукс освоился с обстановкой на фронте, прежде чем генерал Эйзенхауэр заберет его на работу в свой штаб.

Наступление 8-го и 3-го корпусов развивалось удовлетворительно. Если не считать погоды и огня, который неприятель вел преимущественно из стрелкового оружия, ничто не препятствовало продвижению наших парней. К 22 января 8 корпус пришлось «пощипать»[3]. 80-я дивизия 12-го корпуса так хорошо продвигалась к северу от реки Вильтц, что я велел генералу Эдди не останавли-

---

[1] Союзники, особенно британцы, разработали множество моделей специализированной бронетехники, предназначенной в том числе и для обезвреживания минных полей, такие как «Шерман Крэб» с противоминными тралами, «Черчилль AVRE» с противоминным плугом «Булшорн», танки «Черчилль» и «Шерман» с системами минных катковых тралов (AMRA и AMRCR) и, наконец, танки с банголорскими торпедами. Ими выстреливали с установленных на «Шерманах» специальных трубчатых направляющих. Заряды взрывались на расстоянии метров десяти перед медленно продвигающимся вперед танком, расчищая ему проход — *Прим. пер.*

[2] Ремаген — город в земле Рейнланд-Палатинат на Западе Германии, расположенный на левом берегу реки Рейн к юго-востоку от Бонна. В марте 1945 г. во время наступления солдаты 9-й бронетанковой дивизии Первой армии США обнаружили Ремагенский железнодорожный мост через Рейн целым, хотя и поврежденным. Войска немедленно переправились на другой берег, создав первый плацдарм союзнических сил на восточном берегу Рейна. — *Прим. пер.*

[3] В ходе наступления своими действиями другие части зажали 8-й корпус, лишая его оперативного простора, поэтому было принято решение уменьшить количество подразделений данного корпуса.

ваться, а наступать дальше в северном направлении и, если понадобится, использовать 4-ю бронетанковую дивизию для прикрытия своего правого фланга.

В тот же день, 22 января, я позвонил генералу Брэдли и настоятельно просил его вне зависимости от того, устал личный состав армий или нет, большие у них потери или не очень, приказать всем наступать, что представлялось особенно важным и своевременным ввиду начала русского наступления186.

186 Русские войска, захватившие в ходе своего наступления в Восточной Пруссии Таннеберг и Лодзь, находились в сорока километрах от Бреслау и в двухстах пятидесяти от Берлина.

В 15.30 вышел на связь генерал Уэйленд, который известил меня о том, что к северу от Декирха отмечены крупные соединения вражеских танков, двигавшихся в разных направлениях. Еще Уэйленд сказал, что его пилоты уверяют, будто не видели подобного скопления неприятельской бронетехники со времен Фалезского окна. Летчики атаковали танки[1].

23 января все шло хорошо, если не считать того, что один батальон 94-й дивизии потерял сорок человек убитыми и ранеными и четыреста пропавшими без вести. Я приказал генералу Уокеру разобраться.

Несмотря на наши с генералом Брэдли протесты, Штаб главнокомандующего распорядился, чтобы 35-я дивизия, за исключением одной штурмовой бригады, выполнявшей боевые задачи совместно с 6-й бронетанковой, перешла в состав 6-й группы армий. Начиная с 6 июля 35-я за вычетом всего пяти дней постоянно находилась на передовой, и мне только теперь удалось отвести ее с линии фронта.

6-й корпус Седьмой армии был оттеснен противником на несколько километров назад.

В дальнейшем план наступления 12-й группы армий предполагал штурм линии Зигфрида силами двух корпусов Первой армии на участке севернее 8-го корпуса, а также параллельно с ними атаку вышеупомянутого корпуса Третьей армии. Перед 3, 12 и 20-м корпусами ставились задачи в основном оборонительного характера. В случае провала плана Брэдли пришлось бы передать Монтгомери двенадцать дивизий, так что нам очень не хотелось опростоволоситься.

Когда вопрос об атаке на северном участке фронта моей армии разрешился, я подумал сначала поручить дело генералу Уокеру, поскольку он казался мне менее измученным, чем командир другого корпуса, а также потому, что я всегда считал Уокера очень напористым и стоящим солдатом. Между тем, принимая во внимание то

[1] В тот день летчики 19-й тактической воздушной бригады совершили семьсот самолето-вылетов, уничтожив две тысячи единиц вражеской техники, в результате чего он стал лучшим днем в истории бригады за всю войну.

обстоятельство, что Мидлтону уже приходилось действовать в секторе предстоящего наступления, а также по причине того, что в данный момент он являлся командиром северного 8-го корпуса, я, несмотря на его утомление, оставил его на этом посту и позволил развивать наступление. Кроме всего прочего, я считал Мидлтона вполне сложившимся и опытным командиром.

Способ усилить вышеназванный корпус выглядел довольно сложно. Чтобы выполнить данную задачу, нам надлежало заменить на позициях новую 76-ю дивизию из состава 8-го корпуса 87-й дивизией из состава 12-го корпуса, которая отошла бы к Мидлтону. Затем 17-я воздушно-десантная дивизия из 3 корпуса должна была заменить 26-ю дивизию того же, 3-го корпуса, а 26-я дивизия в свою очередь войти в состав 20-го корпуса, чтобы высвободить 95-ю дивизию, которая поступила бы в распоряжение Мидлтона. Затем к Мидлтону отходили 90-я дивизия 3-го корпуса и 4-я дивизия 12-го корпуса. Таким образом, под его началом собирались четыре пехотных дивизии плюс 11-я бронетанковая, а с этим можно было показать неприятелю где раки зимуют. Разработкой наших планов мы с командирами корпусов занимались у меня дома за ужином поздно вечером 23-го числа.

24 января прибыл генерал Ходжес, и мы — он, я и Брэдли — вместе пообедали. Затем штабы Первой и Третьей армий обсудили вопрос разграничений между частями обеих армий, с чем мы превосходным образом справились.

Пока мы наслаждались собственными достижениями, из Штаба главнокомандующего экспедиционными силами союзников генералу Брэдли позвонил генерал Уайтели[1], который выразил намерение перевести штаб корпуса из состава 12-й группы армий в состав 6-й группы армий. Впервые за все время, что я его знал, Брэдли вышел из себя. Он набросился на Уайтели и заявил ему, что если тот хочет пустить псу под хвост всю операцию, то может взять все корпуса и все дивизии и перевести их куда ему заблагорассудится — хоть к черту на рога. Затем трубку взял помощник Уайтели генерал Булль, и Брэдли повторил все то же самое ему, добавив, что речь идет не только в судьбе обычной тактической операции, а о том, что на карту поставлен престиж американской армии в целом. Все мы дружно поддержали позицию Брэдли. Генерал Ходжес заявил, что мог бы начать действовать в воскресенье, 28-го, тогда я немедленно принял решение наступать в субботу, 27-го.

Мы с Брэдли и Ходжесом были единодушны в вопросе «кольмарского мешка», считая, что связывать большое количество войск его ликвидацией было неразумно и просто глупо. Более того, уже в

---

[1] Генерал—майор Дж. Ф. М. Уайтели — британский заместитель начальника отдела планирования и учебы личного состава Штаба главнокомандующего союзническими силами.

третий раз на нашей памяти планы высокого начальства менялись в самый последний момент. Каждого из нас наполняла решимость наступать, какие бы части у нас ни отобрали.

В тот момент я был уверен, что немцы оттянут войска на восток, возможно, к берегам Рейна. Интересно отметить, что, судя по рапортам немецких командиров, которые мне довелось прочитать потом, германский генштаб собирался поступить именно таким образом, однако Гитлер запретил им делать это.

25 января мы с Кодменом и Стиллером нанесли визит в 4, 5 и 80-ю пехотные дивизии. Мы также завернули в Декирх, Эйтельбрюкк и Вильтц. Мы здорово «облегчили» жизнь горожанам, освободив их. Поскольку все это время столбик термометра держался ниже нулевой отметки, а все окна и порой даже двери в зданиях из-за обстрелов и рейдов авиации вылетели, трубы парового отопления полопались, и даже канализация вышла из строя. Так что ввиду вышеназванных причин в больших домах никто не жил.

В тот самый день все подразделения 8, 3 и 12-го корпусов, не считая левофлангового полка 80-й дивизии, достигли расчетных позиций, а именно находились в горах к востоку от дороги Декирх — Сен-Вит. 76-я и 87-я пехотные дивизии занимались передислокацией.

Наступательные действия 12 корпуса в ходе проведения операции заслуживали особой похвалы; правильно спланированная, быстро развивавшаяся атака не повлекла за собой серьезных потерь.

24 января среди сотни вражеских солдат и офицеров, захваченных в плен 5-й пехотной дивизией, оказались военнослужащие из пяти разных дивизий противника. В тот же день в числе ста пятидесяти военнопленных, взятых 6-й бронетанковой, обнаружились солдаты и офицеры из десяти германских дивизий. Это свидетельствовало о высокой степени дезорганизованности частей неприятеля. К сожалению, мы даже и представить себе не могли, насколько плохо обстояли дела у противника в тот момент. Все это время склонный к пессимизму Генштаб одергивал нас, предостерегал от действий, казавшихся ему чрезмерно смелыми. Ничего хорошего, кроме вреда, подобные настроения делу не приносили.

С наступлением темноты 26 января стало очевидным, что вся перегруппировка частей завершится вовремя и 28-го числа можно будет начать наступление. Если бы кто-нибудь предложил осуществить подобное перемещение войск в Левенворте[1], там бы поднялся переполох, а здесь ничего — все всё сделали четко и правильно, без суеты и лишних разговоров. Конечно, между условиями этой операции и теми, что имелись в Левенворте, все же существу-

---

[1] Округ Левенворт на северо-востоке штата Канзас в США (на реке Миссури). Паттон имеет в виду форт Левенворт, где расположены командно-штабной колледж и военный колледж армии (сухопутных сил) вооруженных сил США. — *Прим. пер.*

ет разница. Здесь у нас наличествовал могучий штаб — собрание ветеранов и весьма способных специалистов, в то время как в Левенворте нет никого, кроме курсантов, чьи головы забиты всевозможными формулярами и циркулярами.

28-го я приехал к Мидлтону в Бастонь и нашел его полностью готовым к наступлению. Согласно разработанной им схеме, начать атаку предстояло 87-й дивизии на левом фланге и 90-й на правом, затем в дело вводились соответственно 95-я и 4-я пехотные дивизии. Продвинувшись на определенное расстояние, 90-я пехотная должна была остановиться и закрепиться на оборонительных позициях, после чего пропустить через свои порядки 4-ю, которой затем предстояло проделать то же самое, только уже восточнее. После того как 87-я начнет уставать, через нее выдвинется 95-я и продолжит наступление в заданном для корпуса направлении. Поскольку слева нас прикрывала Первая армия, закрепляться на этом фланге у нас не возникло бы необходимости. 11-я бронетанковая должна была выйти в тыл 90-й, будучи готовой к немедленным действиям.

Я сделал остановку в штаб-квартире 3-го корпуса в Мартеланже и распорядился приготовиться к тому, что, возможно, придется расширить сектор наступления к югу от 90-й дивизии, то есть пройти через проделанный 90-й коридор, а затем атаковать в юго-восточном направлении. Чтобы совершить все это с максимальным эффектом, мне требовалось иметь большее количество дивизий в составе 3-го корпуса, куда на том этапе входили только 17-я воздушно-десантная, одна штурмовая бригада 35-й пехотной и 6-я бронетанковая дивизия.

Когда я добрался до своей штаб-квартиры, там меня ждал Эдди с предложением атаковать в северном направлении и соединиться с 4-й пехотной дивизией. Меня его предложение очень обрадовало, и я приказал ему действовать. Первая армия передала нам дорогу к западу от Гуффализа. Сеть дорог в зоне ответственности 8-го корпуса находилась в отвратительном состоянии, но, как мы предполагали, должна была стать еще хуже.

28-го числа мы решили перенести наступление на 29-е, поскольку 28-е, как и обычно перед началом большого сражения, выдалось на редкость нервным днем. Между тем система доставки пополнений функционировала как никогда прежде, и численность личного состава в частях находилась практически уже в норме. Передислокация всех дивизий была проведена своевременно, несмотря на снег, лед и гололедицу.

Ситуация с техническим состоянием грузовиков оставляла желать лучшего, поскольку многие из них побились на скользких дорогах и еще из-за того, что в период с 19 декабря по 16 января семнадцать наших дивизий продвинулись в среднем на полторы сотни километров. Плюс к тому — сегодня мы осуществляли выдвижение

восьми дивизий практически на такое же расстояние. Лед налипал на ходовые части машин, водители дрожали от холода, что, конечно, создавало определенные трудности при продвижении первого эшелона наступающих. Кроме того, не хватало людей в орудийных расчетах, и соответственно артиллерийская поддержка оставляла желать лучшего.

Так закончилась кампания, получившая название «Балдж» и стоившая нашей армии 50 630 человек.

В ходе операции Третья армия, имея в своем составе большее количество дивизий, двигалась быстрее и продвинулась дальше, чем любая другая армия в истории Соединенных Штатов, а возможно, и в истории всего мира. Достижение подобных результатов стало возможным только благодаря великолепной выучке американских офицеров, беспримерному мужеству и выносливости американских солдат и непревзойденному качеству американской военной техники и снаряжения. С такой мощью не под силу тягаться ни одной стране мира.

Потери в живой силе на 29 января составили:

Третья армия

Убитыми	14 879
Ранеными	71 009
Пропавшими без вести	14 054
Всего	99 942
Небоевые потери	73 011
Общий итог	172 953

Противник

Убитыми	96 500
Ранеными	269 000
Пленными	163 000
Всего	528 500

Материальные потери, понесенные сторонами на 29 января 1945 г.:

Третья армия

Легкие танки	270
Средние танки	771
Артиллерийские орудия	144

Противник

Средние танки	1268
Танки «Пантера» и «Тигр»	711
Артиллерийские орудия	2526

ПО ЭЙФЕЛЬСКИМ[1] ХОЛМАМ К БЕРЕГАМ РЕЙНА. ЗАХВАТ ТРИРА

С 29 января по 12 марта 1945 г.

29 января 1945 г. тринадцать дивизий, входивших в состав четырех корпусов Третьей армии, стояли стеной по берегам рек Мозель, Сюр и Ур, готовые попробовать на прочность укрепления линии Зигфрида на участке от Саарлаутерна на юге и к северу до Сен-Вита.

В тот день наступление начал 8-й корпус, следом за которым немедленно включился в дело и дислоцированный южнее 3-й. 12 корпус совершил бросок вперед 6 и 7 февраля, а 20-й — 19-го.

К концу месяца все вышеназванные корпуса прорвали линию Зигфрида — этот «величайший памятник человеческой глупости», сделав март для немцев самым черным месяцем в году. Натиск наступления был непреодолим; 2 марта части 20-го корпуса взяли Трир; 5 марта — 4-я бронетанковая дивизия прорвала фронт неприятеля и 8-го вышла к Рейну. 13 марта Третья армия господствовала в районе реки Мозель от реки Саар до Кобленца, а на Рейне от Кобленца до Андернаха на севере.

В течение двенадцати дней считавшееся у скептиков труднопроходимым Эйфельское плоскогорье перешло под контроль наступающих американских войск, а Трир — город-ключ к Саарскому треугольнику — был взят 20-м корпусом.

На протяжении всего этого периода на участке фронта 21-й группы армий ничего значительного не происходило. В зоне ответственности 6-й группы армий американские и французские войска очистили от неприятеля так называемый «кольмарский мешок» и устремились в направлении Рейна. Русские вышли к Балтийскому морю между Штеттином и Данцигом и стояли на реке Одер в шестидесяти пяти километрах от Берлина. В Италии все оставалось по-прежнему. Первая американская армия, прорвав оборону противника на линии Зигфрида, перейдя через мост в Ремагене, захватила плацдарм на восточном берегу Рейна и выдвинулась вперед силами трех дивизий. Остров Иводзима[2] продолжал оставаться камнем преткновения на тихоокеанском театре военных действий.

P.H.D.

---

[1] Эйфельское горное плато в западной части Германии, лежащее между реками Рейн и Мозель в пограничных районах Люксембурга и Бельгии. — *Прим. пер.*

[2] Иводзима — один из островов архипелага Вулканических островов (Япония), расположенный в западной части Тихого океана в 1220 км к юго-востоку от Токио. Японцы были полны решимости удержать Иводзиму. Так же как и на других о-вах Тихого океана, используя природные особенности территории, в

Реки, реки, реки и глухая защита

В соответствии с планами 29 января один батальон 4-й пехотной дивизии 8 корпуса начал переправу на другой берег реки Ур. 90-й дивизии предстояло пересечь данную водную преграду севернее в ночь того же дня. 87-я дивизия, которая благодаря рельефу местности находилась дальше от берега, выдвигалась вперед для атаки.

Я вызвал генерала Эдди для обсуждения планов предстоящего наступления его корпуса на Битбург на севере. Мы оба прекрасно отдавали себе отчет, что сил для такого маневра у нас недостаточно, но рисковали в надежде, что сработает.

Поскольку мой план предполагал замещение 20-го корпуса частями Седьмой армии на участке треугольника Саар-Мозель, кроме Эдди я также вызвал Уокера для обсуждения схемы замещения его подразделениями частей 12-го корпуса в правом секторе зоны ответственности последнего, после того как 12-й пойдет в наступление. В тот момент мы думали, что 20-й корпус освободится сразу же, как только будет взят Кольмар.

Мы получили «приятную» информацию относительно того, что 35-я дивизия отправится в распоряжение командования Девятой армии и не вернется к нам, как предполагалось, но то обстоятельство, что мы «одолжили» ее Седьмой армии, будет учтено. Дивизия была одной из старейших в составе Третьей армии и всегда отличалась высокой боеспособностью.

С точки зрения поддержания морального духа личного состава, перемещение дивизии даже из одного корпуса одной и той же армии в другой — безусловная ошибка. Соответственно еще большая ошибка передавать корпус из состава одной армии в другую. Между тем именно наше умение манипулировать подразделениями, вне сомнения, стало во многом залогом нашего успеха.

В период января — февраля 1945 г. дела со снабжением и присылкой пополнений обстояли хорошо, как никогда раньше.

30-го числа я отправился в Бастонь, откуда, встретившись с генералом Мидлтоном, поехал в Сен-Вит. Городов, разрушенных

частности естественные пещеры в скалах, они создали систему подземных укреплений. Японский воинский контингент на Иводзиме под командованием генерал-лейтенанта Курибайяси Тадамити превышал 20 тысяч человек. Морская пехота Соединенных Штатов высадилась на Иводзиме 19 февраля 1945 г., встретив отчаянное сопротивление противника. В то же время летчики-камикадзе потопили и повредили большое число американских кораблей. Хотя знамя Соединенных Штатов было водружено на горе Сурибати уже 23 февраля, бои на острове продолжались до 16 марта и стоили жизни 6 тысячам морских пехотинцев США, а также практически всем участникам обороны Иводзимы. Однако на следующие пять месяцев США получили аэродром, с которого их «летающие суперкрепости» В-29, способные нести девять тонн смертоносного груза, могли наносить удары по Японии. — *Прим. пер.*

столь же сильно, как этот, я не видел со времен Первой мировой войны. Ответственность за то, во что превратились здания Сен-Вита, лежала как на немцах, так и на американцах с британцами.

По дороге мы имели возможность взглянуть на поле танкового сражения времен начала прорыва немцев. С обеих сторон то тут, то там я насчитал более сотни единиц американской бронетехники и издал приказ подвергнуть тщательному осмотру каждый танк, описать характер пробоин, направление и угол атаки снарядов, а также их калибр. Наступала пора учиться строить более надежные танки. Распоряжение мое позднее было исполнено, а все собранные таким образом данные переданы в соответствующее управление.

Поскольку из-за сильных разрушений Сен-Вита проехать через город не представлялось возможным, саперам 8-го корпуса пришлось прокладывать обводную дорогу. Пока почва оставалась промерзшей, объезд функционировал прекрасно, позднее, когда началась оттепель, пользоваться им стало почти невозможно. Однако к тому времени инженеры успели провести дорогу через превращенный в руины центр города.

На обратном пути мы нанесли визит в успешно развивавшую наступление 87-ю дивизию, частям которой на северном участке своего фронта удалось продвинуться на двенадцать километров. 4-й пехотной дивизии, в которую мы заехали позднее, не посчастливилось добиться столь же обнадеживающих успехов. И в той и в другой дивизии были приняты все меры для снижения случаев обморожения и заболевания траншейной стопой. Эта напасть все еще продолжала угрожать, поскольку солдатам приходилось форсировать множество рек и речушек. В действительности же заметный рост потерь, связанных с болезнями, отмечался только тогда, когда выдавалась особенно плохая погода.

Американские солдаты — народ изобретательный. Если им не удавалось овладеть городом и заночевать в более или менее сносных условиях, они скатывали снежные комья огромной величины, делали из них и еловых веток укрытия, где спали группами по три-четыре человека. Как можно сражаться в условиях, когда температура ниже нуля, находится за пределами моего понимания.

90-я дивизия, которую мы посетили в последнюю очередь, как обычно, действовала отлично и вполне справлялась с поставленными задачами.

Три других корпуса пока еще находились в обороне и проводили реорганизацию.

Эдди собирался начать наступление на Битбург 6-го, я же велел ему сделать это 4-го. Он горько посетовал на то, что я никогда не учитываю факторов места и времени. Я же ответил, что если бы я поступал с командирами корпусов так, как он хочет, мы все еще находились бы где-нибудь к западу от Сены.

После разговора с Эдди я связался с командованием 12-й группы армий, чтобы узнать, не могу ли я использовать 9-ю бронетанковую дивизию и еще одну пехотную, с тем чтобы заменить изрядно поредевшую 17-ю воздушно-десантную. Когда генерал Аллиен позднее перезвонил мне, то «обрадовал», заявив, что я не только не могу взять ни человека, но вообще не должен ничего предпринимать до поступления соответствующих распоряжений. В результате мне пришлось сказать Эдди, чтобы он отложил намеченное на 4 февраля наступление.

Я отправился в Тионвилль, где пообедал с командиром 20-го корпуса, а потом поехал в 94-ю дивизию, где имел откровенный, но не очень приятный разговор с ее командиром, поскольку небоевые потери, а также численность попавших в плен к неприятелю были здесь самыми высокими в армии. Я велел собрать всех офицеров, по возможности большее количество военнослужащих сержантского состава и рядовых и повторил им все то, о чем говорил с командиром, заявив им открыто, что слишком много их товарищей попало в плен, а потому они должны исправить положение, чтобы их дивизия производила лучшее впечатление.

По возвращении в штаб-квартиру я получил сообщение от Брэдли — мне предстояло передать 95-ю дивизию Девятой армии. Как всегда, я начал отбиваться, но мне было заявлено, что это — распоряжение Объединенного комитета начальников штабов в Вашингтоне. Брэдли также сказал, что я должен прибыть в Спа, в Бельгию, на обсуждение планов предстоящего наступления.

2 февраля мы с полковником Харкинсом и Кодменом поехали на машине в Спа через Бастонь и Гуффализ. Последний город практически перестал существовать, поскольку был разрушен даже сильнее, чем Сен-Вит.

Спа — курорт с водолечебницами. В 1918-м здесь помещалась штаб-квартира Гинденбурга — штаб-квартира Первой армии теперь занимала то же помещение. Любой, кто находился здесь, мог видеть из окон пруд, вокруг которого прогуливался кайзер[1], ожидавший Гинденбурга, чтобы принять решение — продолжать войну или нет.

На совещании нас уведомили о том, что генерал Эйзенхауэр получил указание объединенного комитета штабов передать Девятую армию британской 21-й группе армий под начало Монтгомери. Не было ли то попыткой генерала Маршалла таким образом заставить действовать четырнадцать британских дивизий, которые до сих пор практически ничего не делали?

---

[1] Имеется в виду Вильгельм II (Фридрих Вильгельм Виктор Альберт) (1859–1941), император (кайзер) Германии и король Пруссии с 1888 г. до окончания Первой мировой войны в 1918 г. — *Прим. пер.*

Целью наступления провозглашался захват как можно более широкого участка берега реки Рейн, чтобы в случае падения Германии мы могли бы быстро переправиться на другую сторону.

Я не сомневался тогда, что, хотя наступление британцев не могло начаться даже раньше 10 февраля, подготовленное и фактически уже развертывающееся наступление Первой и Третьей армий помогло бы нам продвинуться дальше и быстрее. Чтобы подсластить пилюлю, нам разрешили продолжать продвигаться вперед при условии, что потери и расход боеприпасов не будут слишком заметными.

Кроме того, я узнал, что 6-я группа армий не смогла взять Сарско-Мозельский треугольник. На самом деле неудача 6-й группы армий оказалась благотворна для меня, поскольку вследствие этого Третья армия позднее получила возможность взять Трир и повести наступление через земли Палатината. В тот же момент, как бы там ни было, я очень огорчился. Вот еще один из множества продемонстрированных мне жизнью примеров того, как крупная неудача становится дорогой к будущим успехам.

Все мы в тот день страшно расстроились, поскольку считали позором для американской армии завершать войну сидя в обороне. Что особенно разозлило нас, так это информация относительно того, что в Штабе командующего союзническими экспедиционными силами занимались созданием резервов, то есть поступали как те, кто запирает конюшню, после того как лошадь оттуда уже украли. Разумеется, в сложившейся ситуации никакие резервы больше не требовались, существовал один путь — собрать все силы и немедленно атаковать везде, где только можно.

3-го я созвал к себе всех командиров корпусов, чтобы обсудить с ними перспективы дальнейших наступательных действий. Генерал Мидлтон заявил, что, хотя он не хочет передавать 95-ю дивизию в распоряжение Девятой армии, все же считает, что смог бы наступать и с оставшимися у него тремя пехотными дивизиями. Учитывая тот факт, что дороги в секторе ответственности его корпуса находились в очень плохом состоянии, продвижение 95-й дивизии все равно оказалось бы осложнено. Принимая это во внимание, Эдди мог бы продолжать атаку на Битбург, и я велел ему идти на прорыв в ночь с 6 на 7 февраля.

Все, что дала нам встреча в Спа, так это потерю двух дней в самом начале наступления. Мои планы, основывавшиеся на допущении относительно неспособности немцев ответить серьезным контрнаступлением, доказали свою правоту.

Я сделал попытку, правда безуспешную, закрепить за собой 9-ю или 10-ю бронетанковую дивизию, чтобы обеспечить возможность 20-му корпусу очистить треугольник Саар — Мозель.

4-го я посетил госпитали и удивился сравнительно малому количеству раненых, однако нашел трех военнослужащих с самострелами: в двух случаях раны были в левой ноге, а в третьем, в левой

руке. Я склонен считать такого рода ранения самострелами. Я издал приказ, согласно которому впредь солдат с подобными ранами подвергали допросу на предмет или неосторожного обращения с оружием или умышленного нанесения себе ранений. Самострел доказать практически невозможно, но зато довольно просто выявить случаи, когда увечья получены из-за халатности при обращении с оружием. Случается, что солдат просит выстрелить ему в ногу какого-нибудь приятеля, но поскольку такие приятели обычно не слишком старательно прицеливаются и нередко лишают самострельщика слишком большого количества пальцев, данного рода практика не получила широкого распространения.

Поскольку я старался держать план наступления на Битбург в строжайшей тайне прежде всего от своих, чтобы мне не ударили по рукам в самый неподходящий момент, меня сильно огорчил телефонный звонок, которым меня вызвали в Бастонь для отчета к генералу Эйзенхауэру. Когда я прибыл туда, к моему огромному облегчению, оказалось, что это, так сказать, чисто фотографическая акция. Было довольно занятно, хотя и не слишком приятно отметить, что генерал Эйзенхауэр ни разу не завел речь о бастонском наступлении, хотя после 19 декабря, когда он, совершенно очевидно, был рад моему вмешательству в самый критический момент немецкого прорыва, мы с ним больше ни разу не виделись.

Польза от участия в совещании для меня была только в одном — в том, что касалось замены командира корпуса. Генерал Брэдли заявил, что Мидлтон должен возвратиться в Первую армию, откуда он и пришел ко мне. Я же возразил, что предпочел бы сменить не Мидлтона, а Милликина, поскольку, несмотря на его успехи во время бастонского наступления, по сравнению с Мидлтоном ему пока не хватало опыта. Генерал Эйзенхауэр разрешил мне оставить у себя Мидлтона. Все время, пока шло совещание, я часто подумывал о Нельсоне[1] — в ночь перед атакой на Кальви, что на Корсике. Когда адмирал открыл, что французов вдвое больше, чем он предполагал, то не стал докладывать об этом начальству, опасаясь, как бы ему не приказали отказаться от сражения.

На обратном пути в Бастонь я поехал через Труа-Вьерж, где находился новый командный пункт 8-го корпуса. Его наступление развивалось лучше, чем ожидалось. 4-я дивизия находилась уже всего в трех километрах от Прюма. В ту ночь 11-я бронетанковая

---

[1] Горацио Нельсон, виконт, герцог де Бронте (1758–1805) — британский адмирал, командовавший флотом в период наполеоновских войн, одержавший решительные победы в нескольких сражениях, включая Трафальгарскую битву (1805), стоившую ему жизни. После падения Тулона в 1794 г. командир Нельсона лорд Худ перенес базу британского флота на Корсику, где Нельсон, участвуя во взятии Бастии и Кальви (упомянутого здесь Паттоном), лишился глаза. — *Прим. пер.*

дивизия должна была наступать следом за 4-й пехотной, чтобы занять господствующие высоты к востоку от реки, но не смогла справиться с поставленной задачей.

Я встал в 03.00 утром 6-го числа с полностью сложившимся в моей голове планом прорыва силами 8-го и 12-го корпусов и уверенностью в том, что, когда процесс пойдет, мы сможем использовать две, а может, и три бронетанковые дивизии, чтобы вновь отыграть старый спектакль, премьера которого состоялась на Бретонском полуострове. Стали ли те тактические схемы результатом воодушевления или же просто бессонницы, я точно не знаю, однако чуть ли не все мои тактические идеи приходят мне в голову уже готовыми, точно Минерва[1], которая вышла из головы Юпитера.

Прибыл генерал Эдди в полной уверенности относительно успеха своего начинающегося наступления.

5-я дивизия пошла на прорыв в 01.00 7-го числа и форсировала реку Сюр. Из-за быстрого течения и разлива реки произошло немало неприятных инцидентов с лодками и плотами; вероятно, не менее шестидесяти человек утонуло в реке в ту ночь.

Одна штурмовая бригада 76-й дивизии (417-я, под началом полковника Джорджа Э. Брюнера), наступая на правом фланге 5-й пехотной дивизии, смогла лучше справиться с переправой, поскольку мало кто в ней представлял себе, насколько она опасна. Перебравшись на другой берег, они практически ничего не делали целых три дня — вероятно, приходили в себя от шока, вызванного собственным героизмом.

80-я дивизия, наступавшая к западу от Валлендорфа, что западнее слияния рек Ур и Сюр, не встретила серьезных трудностей и смогла благополучно осуществить переправу двух батальонов. В этом случае была предпринята получасовая артиллерийская подготовка, а с рассветом в атаку пошла пехота.

Форсирование водных преград этими тремя дивизиями стало замечательным подвигом. Разлив оказался настолько велик, что заграждения из колючей проволоки, протянувшиеся вдоль линии Зигфрида, которые прежде находились вплотную к реке, ушли под воду, так что, когда наши парни высаживались из лодок, многие угодили прямо в них. Все склоны холмов покрывали германские доты, дзоты и колючая проволока. Один гражданский наблюдатель признался мне позднее, что не думал, что на земле найдется разумный человек, верящий в возможность преодоления подобных преград. В действительности же дерзость атаки и сила позиции склонили чашу весов успеха на нашу сторону. Между тем погода улучшалась чрезвычайно медленно, и мы с Эдди здорово волновались.

---

[1] Минерва в римской мифологии — то же, что и Афина в греческой. Существует миф, согласно которому Афина родилась из головы Зевса (в римской мифологии Юпитера). — *Прим. пер.*

Единственный оставшийся как бы в стороне корпус (20-й) Третьей армии ничего замечательного в тот день не совершил.

Во второй половине дня я посетил участок реки Мозель, охраняемый 2-й кавалерийской бригадой под началом полковника Хэнка Рида (Чарлз X. Рид), и был приятно удивлен тем, как хорошо у них поставлено дело. Мы поднялись на берег и наблюдали немецкие позиции чуть ли не на расстоянии вытянутой руки. Поскольку я не привык находиться в такой близости от неприятеля, то немного забеспокоился. Однако никто не решился выстрелить в нас.

8-го числа ситуация не улучшилась. Мы все еще не располагали ни одним мостом через Ур или Сюр, и возможности для атаки оставались крайне ограниченными. Я предпринял не увенчавшуюся успехом попытку отсрочить отвод с передовой 17-й воздушно-десантной дивизии. Уверен, львиной доле своих успехов и своей непопулярности у начальства я обязан тому факту, что всегда бурно сопротивляюсь намерениям отобрать у меня ту или иную часть и нередко выхожу победителем, настояв на своем или добившись компенсации — предоставления взамен другой части.

Ситуация в зоне ответственности 8-го корпуса складывалась столь сложная, что Мидлтон предложил остановить наступление, но я велел ему идти вперед и взять Прюн, чтобы я мог попробовать наладить снабжение его подразделений всем необходимым по так называемой «дороге за горизонт»[1]. Хотя она и простреливалась немцами, я все же считал, что мы сможем ею пользоваться, и мое мнение впоследствии подтвердилось.

Генерал Мюллер (начальник снабжения) прилагал титанические усилия, чтобы восстановить железнодорожное движение в округе Сен-Вита. Нам пришлось заменить 17-ю воздушно-десантную дивизию 3-го корпуса двумя необстрелянными инженерно-саперными батальонами, поэтому я был вынужден уточнить у Милликина, сумеет ли он при таком раскладе действовать, но он оказался довольно оптимистично настроен.

9-го я отправился через Вильтц в Труа-Вьерж, чтобы встретиться с Мидлтоном. Ситуация на дорогах сложилась просто неописуемой, но Мидлтон со своим обычным упорством и даже с остервенением пытался заставить свои части продвигаться к цели.

Прибыл генерал Кейз[2]. Он воевал без отдыха начиная с 10 июля с 1943 г. и теперь, получив короткий отпуск, вместо того чтобы

---

[1] Национальное шоссе № 16, идущее от Декирха к Сен-Виту.

[2] Генерал-лейтенант Джеффри Кейз был заместителем командующего у Паттона в Седьмой армии в Западной оперативной группе войск. Он командовал временным корпусом на Сицилии, а затем был переведен из Седьмой армии для командования 2-м корпусом в Италии. Позднее он командовал Пятой, Седьмой и Третьей армиями.

отправиться куда-нибудь, где действительно можно отдохнуть, приехал ко мне в гости, точно еще не насмотрелся на войну.

10-го числа мне позвонил Брэдли и спросил, как скоро я могу перейти от наступления к обороне. Я сказал ему, что я самый старший по возрасту и самый опытный из командующих армиями Соединенных Штатов в Европе и что, если мне прикажут уйти в оборону, я попрошу, чтобы меня и вовсе освободили от занимаемой должности. Он ответил, что я в долгу перед солдатами и мне придется остаться. Я же возразил, что передо мной тоже много кто в долгу и что, если мне не позволят продолжать наступление, мне придется уйти. Я еще прибавил, что было бы совсем неплохо, если бы кто-нибудь из его штаба приехал на передовую посмотреть, как тут живут люди. Сам Брэдли не раз приезжал на фронт, но из его штаба я здесь никого не видел. Он отозвался об использовании Девятой армии для наступления Монтгомери как о самой большой ошибке Штаба командующего союзническими экспедиционными силами. Я считал самой большой другую — ту, в результате которой генерал Эйзенхауэр решил повернуть Первую армию на север на помощь Монтгомери ближе к концу августа, что привело к приостановлению поставок горючего и боеприпасов Третьей армии.

11-го ситуация на участке 8-го корпуса настолько ухудшилась, что мы с генералом Уэйлендом договорились о переброске по воздуху всего необходимого 87-й и 4-й пехотным дивизиям в случае крайней необходимости.

Кроме того, были отозваны два инженерных батальона, прикрывавших фронт ранее и находившихся в составе 3-го корпуса (к тому времени 3-й корпус вошел в состав Первой армии). Мне пришлось разрешить Мидлтону, отвечавшему теперь за данный участок фронта, если возникнет необходимость, временно взять часть танкистов 6-й бронетанковой дивизии и использовать их как пехотное подразделение, но чтобы он мог при этом удерживать мост через Ур, находившийся в зоне ответственности данной дивизии.

С другой стороны, не все обстояло так уж печально. 12-й корпус в конечном итоге переправился по мостам через реки Ур и Сюр и успешно продвигался.

12-го мы с генералом Кейзом отправились в 8-й корпус через Арлон, Бастонь и Вильтц. По пути мы проезжали через лес, подвергшийся сильнейшему обстрелу нашей артиллерии во время Бастонской операции. Последствия использования снарядов с радиолокационным взрывателем в лесу — вещь весьма впечатляющая. Можно проследить угол атаки всех снарядов, взрывавшихся примерно в десяти метрах выше — на подлете к верхушкам самых высоких деревьев. Взрываясь, снаряды срезали верхушки под углом примерно сорок градусов к земле. Мне тем не менее показалось тогда, что применение снарядов с неконтактным взрывателем против неприятеля, укрывшегося в густом лесу, не эффективно, по-

скольку деревья становятся естественным щитом на пути осколков; генерал Гроу подтвердил мои предположения. Для таких случаев, напротив, предпочтительны снаряды замедленного действия, которые будут взрываться только при ударе в толстые деревья близко к земле. Все учатся воевать, воюя.

Мы проезжали через поля, усеянные сотнями трупов лошадей из немецких артиллерийских частей и транспортных бригад, а также мимо множества мертвых человеческих тел. Видели мы и несколько «Королевских Тигров», по всей вероятности взорванных собственными экипажами. Несколько машин мы даже осмотрели.

Дорога от Труа-Вьержа до Сен-Вита была в самом прямом смысле слова непроходимой, однако весь личный состав частей 8-го корпуса, не принимавший участия в боевых действиях, занимался тем, что мостил ее бревнами. Руководившие этой работой саперы клали продольные балки на расстоянии около полутора метров друг от друга, а затем на шипах сажали поперечные брусы. Как всегда, смотреть на их слаженную работу было настоящим удовольствием.

Погода ухудшилась настолько, что я сам дал генералу Эдди разрешение приостановить наступательные действия, но это лишь заставило его с большим воодушевлением продолжить атаку. Такова уж человеческая природа.

В ходе всей Бастонской операции я проводил по пять-шесть часов в открытой машине и не имел никаких проблем со здоровьем, хотя и не кутался. Я ни разу не простудился, а кожа лица, хотя и сильно обветрила, почти не доставляла беспокойства. Зато я оборачивал ноги одеялом, что, как я считаю, здорово предохраняло меня от переохлаждения. Сидевшие на заднем сиденье Кодмен и Стиллер, как я полагаю, испытывали значительно большие трудности, чем я.

13-го бригада транспортных самолетов (командир — генерал-майор П. Л. Уильямс) сбросила с восьмидесяти трех бортов боеприпасы и все необходимое 4-й и 87-й дивизиям.

Мы с Эдди переправились через реку Сюр на участке 5-й дивизии, а затем поехали к северо-восточному берегу на джипе, который мы нашли на той стороне. Думается, здесь и нужно искать корни истории про то, будто бы я переплыл реку. Мы переправились по наполовину притопленному штурмовому мосту под дымовой завесой, так что когда солдаты увидели нас вдруг на том берегу, то подумали, что мы переплыли реку, чего никто из нас, конечно, не делал. Так или иначе, переправляться по покрытому водой мосту в клубах дыма, когда ты не видишь и на полшага вперед, да еще без перил — занятие, несомненно, впечатляющее и надолго запоминающиеся. Зато как были рады наши парни на том берегу, когда увидели нас!

Дальше от края воды на той стороне находилось множество немецких дотов. Один, как сейчас помню, был замаскирован под сарай. Когда открывалась дверь, через которую полагается класть се-

но, за ней оказывалась бетонная стена более двух с половиной метров толщиной, из бойниц которой торчало 88-миллиметровое орудие. Другой дот находился внутри старого дома, стены которого можно было быстро удалить перед началом боевых действий. Самое замечательное во всех этих оборонительных изысках было то, что в данном случае они оказались совершенно бесполезными.

В ходе операции бойцы одной лишь 90-й дивизии уничтожили сто двадцать таких дотов за сорок восемь часов, потеряв не более ста двадцати человек. Достигнуть таких результатов удалось прежде всего благодаря отличным действиям разведчиков. Они выявили все точки, что позволило подавить их меткой стрельбой в амбразуры из пулеметов и винтовок, а также забрасывая динамитные шашки в дверь сзади дота. Когда и это не помогало, использовались самоходные 155-миллиметровые орудия, стрелявшие с близкого растояния. С трехсот метров достаточно одного прямого попадания 155-миллиметрового снаряда, чтобы обезвредить огневую точку.

С начала нашего наступления и переправы через реку Сюр самоходки вели огонь с западного берега в среднем с расстояния полукилометра. Без их помощи форсирование реки могло оказаться, вероятно, куда менее успешным.

Капитан Красс — один из немецких мастеров контратаки, возглавлявший то, что на передовой называли «Шоу Красса», добровольно сдался солдатам одной из наших дивизий. Он назвал себя и сообщил, что сделал все от него зависящее, чтобы американцы знали, кто он такой. Когда его спросили, почему он сдается, он ответил, что сделал все, что в человеческих силах, и получил все награды за храбрость, которые только можно получить в немецкой армии. Красс добавил, что при всем этом он вовсе не дурак, а поэтому должен выжить, главным образом, чтобы после этой войны учить молодежь, которой предстоит воевать в следующей.

14-го числа сто три самолета транспортной авиабригады осуществили вторичную выброску боеприпасов и провизии для частей 4-й и 87-й пехотных дивизий. Несколько следующих дней ситуация развивалась мучительно медленно.

19-го я отправил генералу Брэдли депешу, где говорилось о том, что поскольку все войска Соединенных Штатов, за исключением частей Третьей армии, ничего не делают, в то время как я наступаю, мне нужны еще дивизии — хотя бы одна, а лучше три. Можно считать, что это единственное письмо, написанное мной для официального оглашения, но тогда я остро чувствовал, что потомки осудят нас за топтание на месте и будут правы.

В 11.30 19 февраля мне позвонил Уокер и сказал, что, по его мнению, ситуация для прорыва в секторе Саарско-Мозельского треугольника созрела и что если он получит одну бронетанковую дивизию, то берется решить эту проблему. Поскольку Брэдли

отсутствовал, я связался с генералом Буллем и получил 10-ю бронетанковую, однако не без оговорки: «Только на эту операцию».

Меня всегда просто бесит необходимость выпрашивать разрешение одержать победу.

20 февраля 10-я бронетанковая дивизия вошла в состав 20-го корпуса и начала наступать на севере к западу от (с левого фланга) 94-й дивизии. Атака была удачной, и с наступлением темноты дивизия приблизилась к Саарбургу. 10-я бронетанковая сражалась в данном секторе в ноябре, поэтому командиры хорошо знали местность и те условия, в которых им предстояло действовать.

Вместе с Эдди я побывал на передовых позициях 12-го корпуса и переправился через реку Сюр по мосту, где висела такая табличка: «Мост генерала Паттона. Построен Майти Миджетами». Причина появления надписи такова. Когда в прошлый раз я проезжал здесь вдоль берега, то заметил строившим мост саперам, что никогда еще не видел такого количества маленьких людей, занятых столь грандиозной работой. «Миджетами» прозывались парни из роты «Ф» 1303-го инженерно-саперного полка общего назначения (под командованием капитана Уолферда Т. Грейдисона).

Попрощавшись с Эдди, я вместе генералом Мидлтоном проехался по «дороге за горизонт» и произвел осмотр сети транспортных артерий в секторе ответственности его корпуса. Он предпринял немало усилий, чтобы наладить сообщение; теперь, когда движение по железнодорожной ветке стало возможным до самого Сен-Вита, ситуация была «у нас в кармане», поскольку Мидлтон мог больше не тревожиться об автодорогах у себя в тылу и нужные на передовой инженерные части могли быть переброшены на другие участки фронта. Более того, он прямо так и въедет в Германию на поезде, поскольку дороги у немцев куда лучше, чем в Бельгии и Люксембурге. На самом деле дороги в двух этих странах очень ненадежны. Возможно, потому, что они не рассчитаны на большое движение в зимнее время; местные жители говорят, что интенсивное железнодорожное движение зимой в их странах запрещено законом.

Покончив с осмотром дорог, мы отправились в 6-ю бронетанковую, а также в 90-ю и 4-ю пехотные дивизии. Генерал Гроу из 6-й бронетанковой приболел и отнюдь не смотрелся молодцом, так что я посоветовал ему отдохнуть несколько дней, передав командование следующему за ним командиру (бригадному генералу Джорджу У. Риду-младшему).

21 февраля в штаб-квартиру Третьей армии прибыл генерал Брэдли с планом новой операции. Схема предстоящих действий выглядела следующим образом: 21-я группа армий и Девятая армия Соединенных Штатов начнут наступление 23-го. Достигнув Рейна, они должны будут постараться захватить плацдарм на противоположном берегу. Пока они будут заняты всем этим, Первая армия станет прикрывать правый фланг Девятой, а Третья, по крайней

мере в теории, будет наступать. Когда 21-я группа армий выйдет на берег реки, Первая армия силами левофлангового корпуса двинется на Кельн. Когда Кельн будет обложен, — даже не обязательно взят, — в дело войдут 3-й и 5-й корпуса — то есть центр и правый фланг фронта Первой армии. В то время как Третья армия поведет наступление от Прюма на Кобленц. Данная фаза операции, по замыслу разработчиков, должна завершиться сосредоточением всех сил союзников по берегам Рейна от Кельна до Кобленца.

В следующей фазе Первой армии отводилась пассивная позиция вдоль береговой линии, в то время как Третья армия стала бы наступать старым Франкфуртским коридором, начиная свое продвижение от Саарлаутерна и Сааргимина или же от Саарбурга, в зависимости от конкретных обстоятельств.

Я задал конкретный вопрос: «Могу ли я осуществить бросок к Кобленцу раньше, чем будет обложен Кельн?» — и получил ответ, что если такая возможность мне представится, то могу.

22 февраля я наградил группу медсестер Бронзовыми звездами, а также вручил Почетную медаль лейтенанту Джеймсу Х. Филдсу из 4-й бронетанковой дивизии. Я сказал Гэффи, что хотел бы отправить лейтенанта Филдса с передовой в тыл, поскольку сделал одно печальное наблюдение: когда человек получает Почетную медаль или вот хотя бы крест «За отличную службу», то стремится еще больше отличиться и превзойти самого себя, в результате чего частенько погибает. Между тем такой человек очень нужен в тылу, где он мог бы стать отцом нескольких таких же храбрецов.

Затем я поехал в Ремих, где встретился с генералами Уокером и Моррисом. Я был неприятно поражен известием о том, что Моррис потерял инженерно-саперный состав с понтонным мостом и потому до сих пор не начал переправы в Саарбурге. Никто не шевелился и теперь, несмотря на то что день уже катился к закату, а с противоположного берега противник вел огонь только из стрелкового оружия. Я велел Моррису немедленно готовить переправу, невзирая на то, стреляют с той стороны или не стреляют. Чтобы немного оживить наступавших в Саарбурге, на этот участок отправился генерал Уокер.

Судя по тому, как успешно развивались дела у 8-го корпуса, 23 февраля его части должны были выйти на реку Прюм.

В тот день ситуация с треугольником складывалась очень непринятая, причем вовсе не из-за немцев, а из-за Штаба командующего союзническими экспедиционными силами. Идея разукрупнения резерва Штаба командующего была крайне неудачной, поскольку всякий раз, когда нам удавалось выудить оттуда какую-нибудь часть, нам немедленно приходилось отдавать им что-то взамен. Несмотря на тот факт, что три имевшиеся в моем распоряжении танковые дивизии были расставлены должным образом для наступления и две уже фактически вели боевые действия, макси-

мум, что я мог сделать, это оттянуть на сорок восемь часов отсылку в резерв замены для 10-й бронетанковой дивизии.

Брэдли позвонил и сказал, что мы можем получить две свежие пехотные дивизии, если отправим на отдых две уже имеющиеся в нашем распоряжении. Как 80-я, так и 90-я как раз нуждались в подобной передышке, так что я не видел тут никаких возражений. Это было просто, поскольку фактически части не выводились из зоны ответственности Третьей армии.

24 февраля стало печально знаменитым днем, поскольку по отчетам, подготовленным к этой дате, с января небоевые потери — 13 976 человек — превысили боевые — 12 296 человек. Такое положение в истории Третьей армии отмечалось впервые. Единственное, что обнадеживало, — такая картина складывалась не ввиду роста количества заболевших, а благодаря снижению боевых потерь. Равновесие между двумя категориями потерь — хороший показатель для командира дивизии, если он не забывает о том, что следует понимать под нормальными небоевыми потерями.

25 февраля я пригласил на обед Мидлтона, Уокера и Гэффи (исполняющего обязанности командира 12-го корпуса на время отсутствия отправленного на отдых Эдди). Позвонил генерал Брэдли и спросил, не могли ли бы они с Алленом тоже присутствовать. Я проинструктировал трех командиров корпусов и генерала Уэйленда соответствующим образом, чтобы совместными усилиями нажать на Брэдли и позволить нам оставить 10-ю бронетанковую дивизию для наступления на Трир.

Уэйленд старался больше других, проявляя завидное красноречие. Не сомневаюсь, Брэдли с нами согласился, однако я чувствовал, что командующему группы армий приходится выполнять приказы. И все же мы убедили его позволить нам продолжать атаковать до наступления темноты 27-го числа, при условии, что генерал Эйзенхауэр разрешит мне в случае надобности ввести в действие находившуюся на отдыхе резервную 90-ю дивизию. Откажи нам вышестоящие начальники в праве наступать, вся история войны могла бы пойти по-другому, поскольку овладение Триром стало ее поворотным пунктом.

Я добился от Брэдли согласия на попытку осуществить прорыв на восток от реки Прюм, если, а вернее, когда такая возможность представится. Как Брэдли, так и Аллен остались довольны, я уверен. В конце концов, Аллен так и сказал, что рад оказаться среди парней, горящих желанием подраться.

Череда событий, приведших к захвату нами Трира, заслуживает внимания, поскольку нарушает правила штабного планирования на высоком уровне. Начало наступления в треугольнике Саар — Мозель было положено 20-м корпусом с целью ввести в действие 94-ю дивизию. Затем 19-го Уокер, всегда верно чуявший момент, когда надо начинать, позвонил и предложил очистить треугольник.

Для выполнения задания ему требовалась помощь одной бронетанковой дивизии, а я, как вы помните, взял взаймы 10-ю бронетанковую. Успехи наши были весьма скромными до тех пор, пока мы не переправились на участке возле Саарбурга. Тут мы с Уокером разом осознали, что сам по себе Саарбург нам не очень нужен, а в действительности наша цель — захват Трира, так что мы пошли дальше.

26 февраля 20-му корпусу многого достигнуть не удалось, поскольку на участке к востоку от реки Саар и к северу от Церфа он подвергся жестокой атаке 2-й германской горнострелковой дивизии под командованием генерал-майора Дегена. В тот момент даже показалось, что нам лучше изменить направление и повернуть на восток, чтобы удалить помеху, которую представляла та дивизия. С другой стороны, у 12-го корпуса с 4-й бронетанковой превосходно шли дела на левом фланге на реке Килль в окрестностях Битбурга. 5-я и 76-я дивизии находились то ли уже на берегу Килля, то ли в самой непосредственной близости от него.

Принимая во внимание данное обстоятельство, я пришел к выводу, что надо передвинуть 4-ю бронетанковую южнее и разместить между 5-й и 76-й пехотными дивизиями, а затем ударить на Трир с севера. Временно исполняющий обязанности командира 12-го корпуса генерал Гэффи указал на сложность такого перестроения с технической точки зрения и предложил вместо передислокации 4-й бронетанковой усилить на правом фланге 76-ю дивизию находившимся на отдыхе танковым батальоном 80-й дивизии.

Какой урок нужно отсюда извлечь? А вот какой — умеющий побеждать генерал подстраивает свои планы под обстоятельства, а не пытается заставить обстоятельства подстраиваться под его планы!

Название Битбург напоминает мне об одном весьма показательном для немцев случае. Я въехал в город с юга, когда сражение еще вовсю полыхало на его северных окраинах. Поскольку городок Битбург небольшой, я находился недалеко от места боя. Несмотря на то что снаряды падали тут и там с завидной регулярностью, я своими глазами видел трех женщин и двух мужчин, занятых починкой крыши своего дома. Они вовсе не собирались ждать помощи по ленд-лизу, как люди во многих других странах.

27 февраля 10-я бронетанковая дивизия прошла восемь километров на север от Церфа и таким образом оказалась на полпути к Триру. Днем раньше противник подтянул ей навстречу 2-ю горнострелковую дивизию, однако ошибся в оценке маршрута движения 10-й бронетанковой. Немцы, как видно, думали, что 10-я бронетанковая будет наступать на юго-восток от Церфа, чтобы выйти в тыл линии Зигфрида, поэтому и проведение контратаки своей намечали исходя из данных соображений. В действительности 10-я бронетанковая повернула к северу в сторону Пеллингена, подставив, однако, под удар неприятеля тыловые колонны своего правого фланга.

Когда уже стемнело я, как и обещал, позвонил Брэдли и сказал ему, что хотя я еще не в Трире, но до него осталось всего восемь километров. Я спросил, можно ли мне продолжать. Он дал добро, оговорившись, что, если высокое начальство прикажет, он вынужден будет остановить мое продвижение. При этом он добавил, что постарается сделать так, чтобы с ним в ближайшее время было трудно связаться по телефону.

28 февраля 10-я бронетанковая все еще находилась около Трира, но кое-что обнадеживало, поскольку дивизии удалось выйти на удобные для развернутой атаки позиции. Прежде им приходилось наступать единой колонной, что для бронетанковой дивизии всегда представляет определенные трудности.

Визит к генералу Моррису в тот же день показал, что наши телефонные линии почти наверняка находятся на прослушке у противника. Перед выездом Кодмен позвонил и узнал название города, где нам предстояло встретиться с Моррисом. Когда мы подъехали к перекрестку поблизости от места встречи, нас встретил человек из военной полиции, сказавший, что генерал ждет нас в другом городе, куда сотрудник ВП нас и проводил. Когда мы преспокойно общались с Моррисом, тот город, где мы должны были изначально встретиться, подвергся сильнейшему артиллерийскому обстрелу.

В Саарбурге, где разместилась штаб-квартира 94-й дивизии, некогда жил Иоанн Чешский, король Богемии и герцог Люксембурга, погибший в битве при Креси в 1346 г.[1] Его плюмаж из трех перьев теперь принадлежит принцу Уэльскому. Иоанн стал учредителем ордена Красного Льва Люксембургского и Белого Льва Богемского; обе награды мне позднее были вручены.

На пути домой генерал Мэлоуни зазвал меня посмотреть на средневековый замок. То, что показалось Мэлоуни средневековым замком, на деле являлось современной винокурней, производившей наисквернейшее вино. Пока мы осматривали «замок», над нами пролетел снаряд и чудом не снес нам головы.

Полагаю, именно этот «перелет» настроил всех на религиозный лад. Так или иначе, один из находившихся при мне офицеров принялся распространяться о необычайной набожности и чуть ли не святости своих предков. Он так разошелся, что в какой-то момент заявил: «Господи, генерал! Мои предки были правоверными като-

---

[1] Имеется в виду Иоанн Люксембургский (1296–1346) — король Богемии с 1310 г. — одна из героических фигур своего времени. Он пал в битве французов с англичанами при Креси 26 августа 1346 г. (эпизод начала Столетней войны), где французское рыцарство было наголову разгромлено англичанами и где сложили головы брат Филиппа VI Французского Карл II Алансонский, граф Фландрии Луи Неверский вместе с полутора тысячами других рыцарей и солдат. — *Прим. пер.*

ликами на протяжении трех тысяч лет!» — «Вот как? — не выдержал я. — Так они были христианами еще до Рождества Христова?» И что бы, вы думали, он ответил? «Так точно, сэр». Я не раз рассказывал этот случай, но смеялись немногие.

1 марта я полетел в Бастонь обговорить с генералом Мидлтоном планы проведения следующей операции. Суть заключалась в том, чтобы силами 11-й бронетанковой дивизии пробить коридор к реке Килль через позиции 5-й парашютно-десантной дивизии немцев. Когда танки достигли бы берега реки, подтянувшаяся через коридор 4-я пехотная дивизия осуществила бы переправу. Остальные части корпуса Мидлтона занимались выполнением поставленных задач и отлично с этим справлялись.

Все подразделения 12-го корпуса дислоцировались на береговой линии реки Килль, и одна только 76-я дивизия захватила в плен тысячу солдат и офицеров противника.

В 14.15 позвонил Уокер, который сказал, что 10-я бронетанковая дивизия вошла в Трир и овладела мостом через реку Мозель. Овладеть мостом удалось благодаря самоотверженным действиям геройски погибшего подполковника Дж. Дж. Ричардсона. Он ехал в головной бронемашине своего батальона мотопехоты и, увидев тянувшиеся к взрывателям провода, спрыгнул на землю, под шквальным огнем неприятеля помчался к проводам и перерезал их. В жарком горниле битвы кипит чистый металл героизма.

Когда я позвонил генералам Смиту и Брэдли и сообщил им, что Трир теперь наш, оба очень обрадовались.

2 марта мы с Уокером обсуждали планы операции по ликвидации так называемого Метталахского выступа к югу от Саарбурга, которая стала бы возможной после того, как отдохнувшая 26-я пехотная дивизия сменит на позициях измотанную 94-ю дивизию. Пока мы с Уокером строили схемы предстоящих действий, я вдруг со всей отчетливостью увидел, что куда правильнее будет форсировать Мозель в Швайхе силами 10-й бронетанковой дивизии, придав ей полковую ударную бригаду 76-й пехотной дивизии, а затем наступать на Виттлих. Уокер немедленно принялся приводить этот план в действие.

Мы с Эдди переправились через Саар в Эхтернахе и поехали в Битбург, где нанесли визит в 76, 5 и 80-ю пехотные дивизии, а также в 4-ю бронетанковую дивизию. Поездка оказалась весьма интересной по двум причинам. Первое, для меня стало очевидным, какого титанического труда стоило 76-й дивизии прорвать линию Зигфрида в этом месте, а второе, у меня больше не осталось даже тени сомнений в бессмысленности возведения такого рода сооружений.

Только с одного из участков дороги, по которой и вдоль которой 76-я дивизия успешно развивала наступление, были видны пятнадцать дотов, не считая надолбов и противотанковых рвов. И все же эта дивизия, состоявшая преимущественно из зеленых новобран-

цев, преодолела все препятствия. Мы посетили дот, предназначенный для командира немецкой части, удерживавшей здесь оборону. Чего только мы там не увидели!

Трехэтажные подземные казармы с туалетами, душевыми, госпиталем, прачечной, кухней и кладовыми. Телефонизация находилась на высшем уровне, автономное электропитание осуществлялось от двух дизелей-генераторов. В общем, все мыслимые и не мыслимые удобства. Какие тут могут быть мысли о войне в таком комфорте? Не случайно же все это сооружение располагало всего двумя пулеметами и 60-миллиметровым минометом, высовывавшими свои жерла из броневых куполов, приводимых в движение гидравликой. Вести огонь из миномета можно было и вовсе с помощью пульта дистанционного управления. На броневых куполах толщиной двадцать пять сантиметров остались следы отскакивавших от стали как горох от стенки 90-миллиметровых снарядов наших орудий, стрелявших с расстояния всего двести метров. Как и всегда в подобных случаях, дот был взорван с помощью динамита, брошенного в заднюю дверь.

Пацифистам бы приехать посмотреть на линию Зигфрида и Мажино да хотя разок задуматься о том, сколько пользы принесли подобные укрепления тем, кто их строил. Троя пала, и оборонительный вал Адриана[1] не спас Англию от нашествия варваров, как не спасла Китай Великая Китайская стена. Так и нас не спасут будто бы неодолимые бескрайние моря, окружающие нашу страну. Подобные вещи не могут стать преградой на пути решительного и изобретательного врага. Единственный способ обороны на войне — наступление, а эффективность его зависит от желания сражаться в сердцах тех, кто идет в атаку, и тех, кто командует ими.

3 марта Гэй лично передал приказ командиру 10-й бронетанковой дивизией о переходе реки Мозель и совместном с штурмовой командой 76-й дивизии развитии наступления в направлении реки Килль с целью осуществить форсирование этого водного рубежа и продолжать продвижение на восток параллельно реке Мозель. Остальным частям 20-го корпуса надлежало очистить тылы наступающих 10-й и 76-й дивизий. 5-й дивизии 12-го корпуса предписывалось создание плацдарма на восточном берегу реки Килль для обеспечения прорыва на этом участке силами 4-й бронетанковой. Эти подразделения успешно справились с задачей, однако 11-я бронетанковая дивизия 8-го корпуса, начавшая атаку через расположения 4-й пехотной дивизии шестью часами позже, столкнулась с заметным сопротивлением неприятеля.

---

[1] Вал Адриана — построенный римлянами оборонительный вал, защищавший северо-западные провинции Британии от набегов варваров. Вал тянулся с востока на запад через всю Британию (118 км от Уоллсенда (лат. Сегедунум) до Боунеса. — *Прим. пер.*

Генерал Брэдли высказал мнение, что наступающие части Третьей армии слишком разбросаны и не смогут осуществить то, что он называл нанесением «удара кулаком» по Кобленцу. Его удалось убедить в том, что ввиду состояния дорог в данном конкретном секторе наступления такой удар возможен не более чем силами двух дивизий. Удары наносились в разных направлениях при следующем раскладе: на участке 8-го корпуса — силами 11-й и 90-й дивизий; на участке 12-го корпуса — силами 4-й бронетанковой и 5-й дивизий; на участке 20-го корпуса — силами 10-й бронетанковой и подразделений 76-й дивизии. 65-я дивизия соединилась с Третьей армией в зоне действий 20-го корпуса, а 26-я дивизия высвободила 94-ю.

В тот день, 4 марта, Девятая армия и Первая армия вышли на линию реки Рейн. В течение предшествовавшего периода численность захваченных частями Третьей армии военнопленных достигала в среднем тысячи человек в день, а общее число взятых в плен солдат и офицеров противника с начала операции 29 января превышало суммарные потери, понесенные Третьей армией за тот же самый период.

В зоне действий 12-го корпуса 5-я пехотная дивизия переправилась через реку Килль, создав плацдарм на противоположном берегу. Южнее, в секторе наступления 20-го корпуса, 10-я бронетанковая дивизия форсировала ту же самую водную преграду и продвигалась в восточном направлении севернее реки Мозель.

5 марта 4-я бронетанковая дивизия 12-го корпуса пошла на прорыв к Рейну и, несмотря на дождь и грязь, продвинулась на шестнадцать километров, достигнув предместий города Даун.

В 10.00 6 марта я связался с Брэдли, впервые доложил ему, что 12-й корпус находился на пути к Рейну, и попросил отдать приказ о том, чтобы правофланговые части Первой армии тоже переместились вперед, дабы не задерживать наступление левофланговой 87-й дивизии Третьей армии.

На протяжении дня 4-я бронетанковая разгромила 53-й германский армейский корпус под началом генерала Эрвин фон Роткирха и генерал-лейтенанта Боча[1], пленив командира.

В зоне ответственности 8-го корпуса на нашем северном фланге было подготовлено три моста для переправы через Килль: один для 4-й пехотной, один для 11-й бронетанковой и еще один для 90-й дивизии.

Фронт на участке 10-й бронетанковой дивизии, а также город Трир посетил в сопровождении генерала Гэя князь Феликс Люксембургский. Отчитываясь о результатах поездки, генерал Гэй вы-

---

[1] 53-м армейским корпусом командовал генерал кавалерии граф Эрвин фон Роткирх унд Трах, а 6 марта 1945 г. его сменил генерал-лейтенант Вальтер Боч. — *Прим. ред.*

разил уверенность в том, что территория к северу от Рейна в зоне ответственности Третьей армии практически очищена от неприятеля, а также в том, что нам следует наступать в юго-восточном направлении по территории Палатината. Он высказал свои соображения относительно того, что продолжение атаки 10-й бронетанковой нецелесообразно, так как на данном конкретном участке достаточно места только для продолжающих наступление частей 12-го корпуса, а вышеназванную дивизию можно будет с большей выгодой использовать в другом месте.

4-я бронетанковая дивизия достигла реки Рейн в 17.00 7 марта. 11-я бронетанковая дивизия, дела которой в этот день пошли в гору, прорвалась к предместьям Килльберга. Продвижение 10-й бронетанковой дивизии было остановлено приказом.

В тот же день мы посетили места содержания пленных немцев и сфотографировали двухсоттысячного военнопленного. Мы отослали фотографию в отдел по связям с общественностью 12-й группы армий, но там отказались публиковать ее, объяснив это тем, что публикация нарушает права изображенного на снимке человека как военнопленного, что противоречит принципам Женевской конвенции[1].

8 марта по приказу сверху нам пришлось расстаться с 6-й бронетанковой дивизией, которая отправилась в распоряжение командования 6-й группы армий.

Мы провели совещание, на котором присутствовали представители всех штабов, включая генерала Уэйленда, где определили план дальнейших действий Третьей армии и 19-й тактической воздушной бригады. Намеченная, а позднее приведенная в жизнь схема выглядела следующим образом: двум корпусам предписывалось начать наступление для создания плацдармов на восточном берегу реки Рейн в окрестностях городов Майнц, Оппенгейм и Вормс. 20-й корпус, состоявший из 94, 26, и 80-й пехотных дивизий и 10-й бронетанковой дивизии, а позднее усиленный приданными ему 65-й пехотной и 12-й бронетанковой, должен был атаковать на линии Трир — Саарбург в направлении Кайзерслаутерна. 12-му корпусу, состоявшему из 4-й бронетанковой, 5, 76, 90 и 89-й пехотных дивизий[2], предстояло наступать в южном направлении через реку Мозель к юго-востоку от Майена, вначале нацеливая направление главного удара на Бинген и Бад-Кройцнах и имея целью отрезать противника от Рейна и тем воспрепятствовать переправе через реку немецких частей, обеспечив возможность пересечь ее нашим частям на участке между Майнцем и Вормсом. 8-й корпус, в составе 87-й и 4-й пехотных, а также 11-й бронетанковой, должен будет продолжать зачистку местности к се-

[1] Речь идет о третьей Женевской конвенции 1929 г. по вопросам обращения с военнопленными (ранее урегулированием этого вопроса занималась Гаагская конвенция 1907 г.). — *Прим. пер.*

[2] Под командованием генерал-майора Т. Д. Финли.

веру от реки Мозель и к западу от Рейна, с дальним прицелом на то, что, если нам удастся обеспечить переправу через Рейн, эти части тоже будут задействованы на данном участке.

Генерал Брэдли высказал пожелание, чтобы мы не развивали наступление в южном направлении и не форсировали реку Мозель, если только мост через нее не достанется нам целым.

Первой армии как будто удалось добиться значительных успехов в создании Ремагенского плацдарма на восточном берегу Рейна. Мы очень радовались этому обстоятельству, но немного завидовали.

9 марта я вместе с генералами Брэдли, Ходжесом, Дуллитлом, Симпсоном и некоторыми другими принял участие в церемонии вручения нам высших наград Франции — ордена Почетного легиона степени Большой Офицерский и Военного креста с Пальмовой ветвью. Перед награждением мы с Брэдли договорились о передвижении границы зоны действий Третьей армии на юг; таким образом мы могли организовать переправу через реку Саар в Саарлаутерне. Затем я по телефону приказал Гэю перевести 80-ю дивизию в состав 20-го корпуса, а 90-ю дивизию — в состав 12-го корпуса. Мы с Брэдли считали, что необходимо задействовать Первую и Третью армии в связке, дабы помешать планам Монтгомери использовать максимальное число как своих британских, так и американских дивизий для наступления в районе Рура, что осложнило бы положение Первой и Третьей армии.

Мы также обсудили возможность координации действий Третьей и Седьмой армий, но поскольку Седьмая армия не могла пойти на прорыв раньше 15-го, я настоял на том, чтобы атаковать, не дожидаясь соседей с юга, так как время дороже координации. На самом деле я уверен, что слово «координация» крайне часто употребляют неверно, да и вообще достижение координации вещь весьма и весьма сложная.

10 и 11 марта стали днями затишья, поскольку все готовились к предстоящей операции. Так или иначе, это дало нам время собрать командиров корпусов. По счастью, на нашем совещании присутствовал также и командующий Седьмой армии генерал Пэтч, так что все получили полную картину предстоящих действий, и Пэтч согласился позволить Уокеру (мой корпус на юге) взаимодействовать с Хэслипом — командиром самого северного корпуса Седьмой армии. Нам с Пэтчем всегда удавалось договориться.

Уокер оказался не готов к прорыву 12-го, но обещал атаковать в 03.00 в ночь на 13-е. 12-й корпус мог начать сразу же после полуночи 14-го.

Мы с Литтлджоном[1] довольно долго обсуждали различные предлагаемые образцы военной формы и пришли к выводу, что из

[1] Генерал—майор Роберт М. Литтлджон — глава интендантской службы генерала Эйзенхауэра.

обуви солдату лучше всего подойдут добротные башмаки из кожи или замши, а из одежды — плотные шерстяные брюки шириной внизу не более сорока — сорока пяти сантиметров. Также шерстяная рубашка и каска или подшлемник, а для зимы — новая модель бушлата с подстежкой и рукавицы. Одна модель рубашки и брюк показалась мне наиболее удачной и самой подходящей — такой хорошей формы у наших парней еще не было. Две смены рубашек и одни (плотные) штаны — то, что им нужно. И смотрится хорошо, и практично, и носко.

Я принял по его просьбе одного освобожденного генерала, который попытался объяснить мне, почему его сняли с командования. Я предложил ему пост в другой дивизии, но на ступеньку ниже, он попросил двое суток на размышление. Я не сказал ему тогда, но вдруг понял, что любой, кто не может принять решения меньше чем за двое суток, не может командовать людьми в сражении.

На этом и завершается кампания, которую историки, возможно, назовут Эйфельской. В ней войскам пришлось пройти через кровопролитные сражения, много раз переправиться через реки и речушки, и все это при отвратительной погоде, но при изрядной доле везения. По итогам на 12 марта соотношение потерь выглядело следующим образом:

Третья армия

Убитыми	18 529
Ранеными	87 566
Пропавшими без вести	15 328
Всего	121 423
Небоевые потери	93 801
Общий итог	215 224

За минусом общего числа потерь на 29 января, 172 953 человека, Эйфельская кампания стоила Третьей армии Соединенных Штатов 42217 человек.

Противник

Убитыми	116 000
Ранеными	321 800
Военнопленные	216 500
Всего	654 300

Материальные потери Третьей армии

Легкие танки	284
Средние танки	837
Артиллерийские орудия	158

Противника

Средние танки 1369
Танки «Пантера» и «Тигр» 805
Артиллерийские орудия 2811

ВЗЯТИЕ КОБЛЕНЦА И КАМПАНИЯ В ПАЛАТИНАТЕ

С 13 марта по 21 марта 1945 г.

Кампания, которую вела Третья армия в Палатинате, многими, включая и немцев, оценена как одна из лучших операций на протяжении всей войны.

За десять дней двенадцать дивизий генерала Паттона, точно соревнуясь друг с другом, буквально перепрыгнули через реку Мозель и устремились в южном направлении по тылам немецких войск, все еще сдерживавших продвижение частей Седьмой американской армии на линии Зигфрида. В результате рейда подверглись полнейшему разгрому две германские армии — в плен попали более шестидесяти тысяч солдат и офицеров противника — и было освобождено двадцать пять тысяч квадратных километров территории.

22 марта восемь горевших желанием побеждать дивизий стояли на Рейне южнее города Кобленц. Десять бронетанковых дивизий, за которыми последовали пехотные части, прогрохотали через «непроходимые для танков» Хонсбрукские горы, буквально ошеломив врага, сломив его и выбив почву у него из-под ног. Твердолобые наци превратились в толпу бегущих людей. Война была выиграна к западу от Рейна, как и предсказывал генерал Паттон почти за год то того. Третья армия была готова форсировать Рейн в Майнце, Вормсе и Оппенгейме.

Продолжалось продвижение к берегам Рейна 6-й группы армий; на северном фланге противник отходил, закрепляясь на линии Зигфрида и оказывая наступающим упорное сопротивление.

На других фронтах Второй мировой войны дела обстояли так: Панай[1] сдался войскам Макартура; Мандалай[2] в Бирме все еще держался; а в Италии продвижение шло по-прежнему очень медленно.

---

[1] Панай — самый западный из островов Висайской группы (Центральные Филиппины). — *Прим. пер.*

[2] Мандалай — город на реке Ирравади в центральной части Бирмы (ныне Мьянма). Будучи вторым по величине городом этого государства после ее столицы Янгуна (Рангуна), Мандалай находится в центре страны, куда сходятся линии коммуникаций и торговых путей (железные и автодороги, авиа и речные линии). Мандалай был взят силами Четырнадцатой армии США 13 марта 1945 г., а весь регион перешел под контроль американцев к концу месяца. По завершении операции две противостоявшие им японские армии потеряли до одной трети численности. — *Прим. пер.*

Военно-воздушные силы продолжали осыпать Германию бомбами, концентрируя свои удары на Берлине.

P.D.H.

Начало конца

20-й корпус устремился в наступление 13 марта. Однако продвижение его оказалось не столь быстрым, как ожидалось, главным образом из-за труднопроходимой местности на пути следования 94-й и 26-й пехотных дивизий. 12-й корпус был приведен в полную готовность к броску в предместьях Трейса в 02.00 в ночь на 14 марта. Начавшему наступление силами 5-й пехотной дивизии на левом фланге и 90-й на правом 12-му корпусу, саперы которого к полудню успели навести через реку Мозель четыре моста, к исходу дня удалось перевести на южный берег четырнадцать батальонов.

Тут мы наблюдали случай крайнего везения или же божественного вмешательства, поскольку во второй половине дня 12-го по меньшей мере половина частей 2-й немецкой горнострелковой дивизии находилась как раз напротив места предстоящей переправы. Они, как можно предположить, оказались сбиты с толку атакой 20-го корпуса и поспешили навстречу ему, благодаря чему позволили 12-му корпусу форсировать водную преграду практически без проблем. Вот доказательство того, что правильно начинать атаку не одновременно.

В Трир я отправился через Вассервилиг. Римские легионы шагали к Триру из Люксембурга той же самой дорогой; здесь еще словно бы не выветрился терпкий запах их пота и не осела пыль, поднятая этими непревзойденными вояками. Точно памятником их героическим деяниям, высились сохранившиеся с тех древних времен ворота римского амфитеатра, — наверное, менее всего пострадавшее в эту войну сооружение. Остальная часть центра города и все мосты, кроме того, который мы успели захватить целым, сильно пострадала.

Я нанес визит в 10-ю бронетанковую, а также в 80, 94 и 26-ю пехотные дивизии. Меня очень беспокоило, как бы Седьмая армия, которая должна была начать наступление утром 15-го, не обскакала нас в Майнце. Умей я предвидеть будущее, я бы не беспокоился.

15 марта я полетел в Майен, где встретился с командиром 12-го корпуса генералом Эдди и командиром 8-го корпуса генералом Мидлтоном. Когда я объявил Мидлтону, что отберу у него все части кроме 87-й дивизии, но, как только будет возможно, дам ему 76-ю, он не возражал, но, напротив, вышел с прекрасным предложением немедленно ударить на Кобленц и овладеть им силами 87-й. С Мидлтоном всегда было приятно иметь дело, он не только понимал меня с полуслова, но и умел действовать с максимальной отдачей.

В остальном армия большими успехами похвастаться не могла, если не считать участка фронта, контролируемого 80-й и 94-й пехотными дивизиями, где нашим ребятам удалось продвинуться примерно на десять километров.

Возвращаясь обратно к себе в штаб-квартиру, я велел пилоту сделать крюк, чтобы насладиться видом Вьяндана и Клерво, двух превосходных замков. Они принадлежат к двум разным типам крепостей, одна из которых речная, а другая — горная.

В 11.00 16 марта позвонил Брэдли и сказал, что генерал Эйзенхауэр, по всей видимости, полетел ко мне, так как не смог приземлиться в городе, где находился Брэдли. Я поспешил на летное поле, где около двух часов и встретил Эйзенхауэра, которого сопровождал генерал Смит. Мы тотчас же отправились ко мне и обсудили положение у карты; главнокомандующий не скупился на похвалы в мой адрес. Смит заявил, что после успеха, достигнутого 10-й бронетанковой, я могу брать любую дивизию. Во второй половине дня мы выставили в честь Смита почетный караул; как я полагаю, первый в его жизни.

Затем мы с генералом Эйзенхауэром на двух джипах отправились в Трир на командный пункт штурмовой бригады «А» 10-й бронетанковой дивизии, где мы нашли генерала Морриса и заместителя командира дивизии генерала Пилберна. Части 10-й бронетанковой и 90-й дивизий достигли реки Наге и обеспечили переправу через нее. 11-я бронетанковая дивизия вошла в состав 12-го корпуса и дислоцировалась в окрестностях Буле, готовясь последовать через реку за 89-й дивизией. 87-я дивизия перешла Мозель северо-восточнее 90-й и достигла предместий Кобленца, в то время как 28-я дивизия, временно переданная мне из состава Первой армии, влилась в 8-й корпус и заняла позиции по берегу к югу от Первой армии, но не доходя до Кобленца.

Генерал Эйзенхауэр велел Смиту изъять 12-ю бронетанковую дивизию из состава Седьмой армии и передать в состав 20-го корпуса моей армии, который выступал 17 марта.

Утром 17 марта генерал Эйзенхауэр провел короткое совещание, где вновь не скупился на похвалы в мой адрес. Он заявил, что мы, как ветераны, не осознаем собственного величия и не демонстрируем его окружающим, и сказал, чтобы мы не сомневались — остальные народы сознают мощь Америки. Как пример занижения успехов американских солдат он привел одну из газетных статей. Ту, где содержался намек на то, что 4-й бронетанковой дивизии удалось добиться успехов только потому, что на ее участке противник оказался в меньшинстве, однако ни слова не говорилось о том, что своим стремительным продвижением 4-я бронетанковая лишила немцев возможности выдвинуть против нее большие по численности подразделения.

Мы полетели в Луневилль навестить генералов Пэтча и Диверса. Возникла «блистательная» идея поместить нас с Пэтчем на один

командный пункт, однако после того, как мы объяснили, что предпочитаем держать связь по телефону и, кроме того, наши задачи заметно различаются, идея благополучно увяла.

По возвращении из Люксембурга я дал пресс-конференцию, где поднял тему, затронутую генералом Эйзенхауэром. Я также заявил, что три дивизии морских пехотинцев на Тихоокеанском фронте стяжали себе славу из-за громадных потерь, понесенных ими в сражениях с японцами, в то время как двенадцать или даже тринадцать дивизий нашей армии остаются безвестными, поскольку не несут таких потерь. Я попросил газетчиков отметить данный факт в своих статьях, а затем велел вручить им для опубликования сводку потерь, понесенных Третьей армией и сражающимися с ней частями противника.

Мне задали вопрос относительно способности наших танков противостоять немецким, и я ответил, что на данном этапе дела обстоят таким образом, что на каждый подбитый американский танк мы имеем два подбитых танка противника[1]. Я также заявил, что наша техника, наше снаряжение, оборудование и даже обмундирование превосходят аналогичные образцы, имеющиеся у союзников или немцев.

Поразмыслив в результате дискуссии с военными корреспондентами над вопросами критики нашей бронетехники, я написал письмо генералу Хэнди, где повторил то, о чем говорил с журналистами. Письмо получило широкую огласку и оказало определенное воздействие на умы, позволив остановить волну дурацкой критики, не имевшей под собой почвы, но оказывавшей скверное влияние на настроения среди личного состава.

Около 18.00 явился Уокер с просьбой снять с должности командира одной из дивизий его корпуса. Я сказал, что, если он сможет найти взамен лучшего, я не возражаю. Уокер так и не назвал подходящей кандидатуры. Затем я позвонил Эдди и устроил ему разнос

---

[1] Паттон вынужденно лукавит. Статистика в данном случае неуместна, так как многие немецкие танки уничтожались господствовавшей в воздухе авиацией союзников. Американцы и британцы отказались даже от строительства дополнительных самоходных зенитных установок — почти не было надобности прикрывать наземные части союзников, и особенно бронетехнику, от атак с воздуха — штурмовой авиации Люфтваффе отчаянно не хватало даже на Восточном фронте, не говоря уже о Западном. Кроме того, союзники имели численное преимущество в бронетехнике. Для того чтобы одолеть один «тигр», обычно задействовались четыре «Шермана», два из которых атаковали тяжелый немецкий танк с флангов, стараясь поразить его в менее защищенные борта (толщина броневой защиты 60–80 мм). Количество «Шерманов», выпущенное американцами, превышало число произведенных немцами «Тигров» в двадцать раз, а «Пантер» — в восемь, и это не говоря о том, что основные силы бронетанковых войск Германии действовали на Восточном фронте. — *Прим. пер.*

за то, что 11-я бронетанковая ни черта не сделала за день. Дабы улучшить собственное настроение, я позвонил Мидлтону и, поздравив его с взятием Кобленца, поблагодарил за то, что хоть он не подвел.

Что до 18-го числа, то его не назовешь ни особенно хорошим, ни плохим днем. 4-ю бронетанковую сдерживала яростная контратака двух гренадерских полков 2-й танковой дивизии противника под началом генерал-лейтенанта фон Лютвица и генерал-майора фон Лаухерта[1]. Успехи прочих частей 8, 12 и 20-го корпусов можно было назвать заметными, но незначительными.

19 марта ситуация заметно улучшилась. 8-й корпус завершил зачистку Кобленца. 4-я бронетанковая 12-го корпуса находилась в десяти километрах от Вормса и пятнадцати от Майнца. 90-я и 5-я пехотные дивизии переправились через реку Наге. Часть 11-й бронетанковой дивизии достигла Нейсенгейма и вошла в соприкосновение с 12-й бронетанковой 20-го корпуса, дислоцировавшейся в Лаутерекене. 10-я и часть 12-й бронетанковой находились километрах в двадцати от Кайзерслаутерна, а 80-я и 94-я наступали им на пятки на правом фланге.

Я считал тогда, что если война вдруг кончилась бы в тот момент, вверенные под мое командование войска могли похвастаться тем, что провели самую лучшую, самую успешную операцию в истории. Я и по сей день держусь такого мнения.

Во второй половине дня приехали Ходжес и Брэдли. Они предупредили, что если мы не обеспечим переправу через Рейн, то, скорее всего, лишимся десяти дивизий, уступив их Девятой армии под началом Монтгомери, и будем вынуждены перейти к обороне. Если же нам удастся форсировать Рейн до начала наступления британцев, то право вести мяч к воротам отдадут нам. Мы с Ходжесом прикинули, что он мог бы переправиться в Ремагене, а я в окрестностях Майнца, назначив встречу, скажем, в Гессене. Там он мог бы взять под контроль автобан и дороги к западу оттуда, в то время как я — по ведущим на восток дорогам устремиться на Кассель и Ганау.

20-го дела шли особенно хорошо. Тактические силы 90-й дивизии 12-го корпуса приближались к Рейну, с юга подходя к Майнцу, что могло бы отрезать противнику пути к отступлению на протяжении всего участка к югу от данного населенного пункта. Штурмовая бригада «А» 4-й бронетанковой (командир — полковник Х. А. Сирс) находилась в пятнадцати километрах к юго-востоку от Кайзерслаутерна, тогда как штурмовая бригада «Б» (той же дивизии) под началом полковника К. У. Абрамса обходила этот город, занять который поручалось командованию 80-й дивизии.

---

[1] Генерал танковый войск барон Дипольд Георг Генрих фон Лютвиц командовал 47-м танковым корпусом, главной ударной силой которого была 2-я танковая дивизия генерал-майора Мейнарда фон Лаухерта. — *Прим. ред.*

Я договорился с Пэтчем о новых границах между нашими армиями; согласно нашей схеме, мои дивизии устремлялись к Рейну южнее Вормса, отдавая Седьмой армии Кайзерслаутерн, когда (и если) они смогут войти туда. Я сказал Пэтчу, что когда мои парни возьмут Кайзерслаутерн, то я разверну в южном направлении по меньшей мере одну бронетанковую и одну пехотную дивизии для соединения с 6-м корпусом[1], таким образом полностью замкнув в кольце остатки немецких армий, а как только данная задача будет выполнена, немедленно уберусь с его территории.

Общее число наших потерь (как в боях, так и от иных причин) составляло 19-го восемьсот человек, в то же время мы захватили в плен приблизительно двенадцать тысяч немцев, не считая тех, которых убили в ходе нашего наступления.

Уже в то время я удивлялся, а теперь, вспоминая те дни, удивляюсь еще больше тому, каких усилий стоило мне выпросить разрешение взять Трир, равно как и на прорыв 4-й бронетанковой дивизии к Рейну. Что ни говори, мне пришлось развить бурную деятельность, чтобы получить право перейти Мозель в южном направлении[2].

Когда мы с Пэтчем разговаривали, он решил немного подшутить, сказав: «Джордж, я забыл поздравить тебя с тем, что ты стал последним, кто вышел к Рейну». Я ответил ему: «Позволь мне поздравить тебя с тем, что ты стал первым человеком, который ушел с Рейна», имея в виду тот случай, когда его 6-й корпус (командующий генерал-майор Э. Х. Брукс) получил приказ отходить после того, как вышел к берегам Рейна.

21 марта операция в Палатинате практически завершилась, поскольку 90-я дивизия 12 корпуса достигла Майнца и штурмовала город силами двух полков. 4-я бронетанковая вошла в Вормс, а 11-я бронетанковая подходила к этому городу с юга. 12-я бронетан-

---

[1] Командир — генерал-майор Э. Х. Брукс.

[2] В соответствии с желанием генерала Брэдли начать операцию на территории Палатината не раньше, чем Третья армия захватит мост через реку Мозель, на поиски такого моста были высланы разведывательные подразделения 12-го корпуса. В окрестностях Трейса передовые отряды разведчиков нашли то, что искали, и тут же радировали: «Мост в Трейсе цел и годится для переправы. Продолжаем выполнять задание». Сообщение передали по эстафете от штаба дивизии в штаб корпуса, от штаба корпуса в штаб армии, от армии в группу армий, и кампания началась. Войска двинулись к реке Мозель, но никакого моста там больше не было, поскольку то сообщение разведчиков стало их последним сообщением в жизни. Продолжая выполнять задание, они на машине выехали на середину моста и... взлетели на воздух вместе с ним. Когда пришло известие о том, что моста больше нет, отменять операцию стало уже поздно. Потребовалось совсем немного времени, чтобы навести мосты и продолжить продвижение. Для Третьей армии эта переправа через Мозель стала уже четвертой.

ковая 20-го корпуса окружала Маннергейм, а 10-я бронетанковая повернула к югу от Нойштадта и держала курс на Ландау.

80-я дивизия закончила зачистку Кайзерслаутерна, в то время как 94-я и 26-я дивизии двигались в этом направлении, невзирая на некоторую сумятицу, которую 6-я бронетанковая из Седьмой армии внесла в действия 26-й дивизии появлением своих машин прямо на пути маршировавшей пехоты.

Я провел консультации с Эдди в Зиммерне. Стало очевидным, что немцы осведомлены относительно наших планов осуществить форсирование Рейна в Майнце, куда они направили два полка с приказом держаться до последнего человека. Поэтому мы решили создать дымовую завесу в месте предполагаемой переправы около Майнца, чтобы сбить с толку противника, а самим переходить реку в Оппенгейме.

Лучше места для переправы, чем Оппенгейм, не придумаешь. На нашей стороне находилась бухта, где помещались несколько барж, но самое главное, туда можно было проникнуть через город незаметно для тех, кто находился как на этом, так и на противоположном берегу. Мы могли скрытно от неприятеля спустить на воду десантные лодки и неожиданно для него начать форсирование реки. Эдди присмотрел эту точку несколько месяцев назад.

Так или иначе, я до сих пор корю себя за ошибку, которую совершил, не выбрав для переправы место севернее слияния рек Майн и Рейн, то есть — севернее города Майнц. Причиной, по которой я отказался от данного намерения, стало опасение оказаться лишенным возможности маневра на возвышенностях к северу от слияния двух рек. С другой стороны, поступи я подобным образом, можно было бы избежать форсирования Майна в районе Франкфурта в устье этой реки. Это был как раз тот редкий случай, когда я решил как следует подстраховаться и в результате перестраховался.

В любом случае мы намеревались перейти Рейн в ночь на 22-е силами 5-й пехотной дивизии. Я изложил Эдди свой весьма соблазнительный план использовать две сотни L-4, чтобы перевезти на другой берег стрелковое подразделение. Задействовав самолеты, мы могли доставлять на восточный берег по две сотни человек каждые полчаса. Чрезвычайно оригинальная идея принадлежала начальнику артиллерии армии бригадному генералу Р. Т. Уильямсу[1].

Договорившись обо всем с Эдди, мы полетели к Майнцу, где встретились с командиром 80-го корпуса генералом Мидлтоном и условились с ним, что он форсирует горловину Рейна в окрестнос-

---

[1] Собранные для этой цели «Кабы» получили прозвище «солдатских извозчиков Третьей армии». В данной ситуации генералу Паттону представлялось самым целесообразным перебросить через Рейн как можно большее число людей за как можно более короткое время. В тот конкретный момент он считал, что главное преимущество в численности.

тях Боппарда или около Лорха. Оттуда он затем сможет двинуться на Масштаттен, привлекательный как место пересечения нескольких дорог и дававший возможность выбирать, куда направиться дальше, на северо-восток к Лимбургу или же к Майнцу, но уже с востока, дабы облегчить задачу переправляющимся на том участке частям 12-го корпуса.

Получение необходимого мостового оборудования оказалось делом крайне затруднительным, и тем, что нам вообще удалось добыть все необходимое, мы обязаны нечеловеческим усилиям командующего инженерно-саперными частями армии генерала Конклина, а также сотрудничавшему с нами подразделению ВМС.

В тот момент остро встал вопрос организации питания личного состава, и мы были вынуждены принять меры для экономии.

21 марта стало заключительным днем операции на территории Палатината, однако прежде чем поставить точку в данной главе, я должен отметить, что форсирование Рейна в Оппенгейме было осуществлено без каких-либо задержек: мы просто изменили направление движения 5-й и 90-й дивизий с южного на восточное, в то время как остальные части двух корпусов продолжали наступать на юг. Подобный маневр сбил с толку немцев, решивших, что мы не собираемся переходить Рейн на том участке. Замысел этой операции родился в голове генерала Эдди и был блестяще исполнен генералом Ирвином.

Потери в живой силе на 21 марта составили:

Третья армия

Убитыми	19 281
Ранеными	91 081
Пропавшими без вести	15 556
Всего	125 918
Небоевые потери	96 593
Общий итог	222 511

За вычетом общего количества потерь по состоянию на 13 марта (216 106 человек), потери в операции в Палатинате составили 6405 человек.

Противник

Убитыми	123 800
Ранеными	337 300
Пленными	282 900
Всего	744 000

23 марта был опубликован мой приказ по армии за номером 70. Документ касался периода боевых действий с 29 января по 22 марта 1945 г. Поскольку в приказе отражались мои соображения отно-

сительно кампании на территории Палатината, ниже я помещаю этот документ:

ПРИКАЗ № 70
23 марта 1945 г.

К СОЛДАТАМ И ОФИЦЕРАМ ТРЕТЬЕЙ АРМИИ И К НАШИМ БРАТЬЯМ ПО ОРУЖИЮ ИЗ 19-Й ТАКТИЧЕСКОЙ ВОЗДУШНОЙ БРИГАДЫ

За период боевых действий с 29 января по 22 марта 1945 г. вы отобрали у противника 16 793 квадратных километра территории. Вы взяли 3072 города, населенных пунктов городского типа, села и деревни, среди которых такие значительные города, как Трир, Кобленц, Бирген, Вормс, Майнц, Кайзерслаутерн и Людвигсхафен.

Вы захватили в плен 140 112 солдат противника и вывели из строя, убив или ранив еще 99 000, уничтожив, таким образом, Семьдесят Первую и Первую германские армии. В истории не было случая, чтобы какое-нибудь войско достигло таких результатов за столь же короткое время.

Столь великая победа оказалась возможной только благодаря вашему мужеству, храбрости, отваге и дисциплине, вашей всецелой преданности долгу, а также в равной степени скорости продвижения наземных частей и неустанной работе пилотов, день и ночь напролет осыпавших бомбами неприятеля, дезорганизуя его действия и лишая воли к сопротивлению.

Мир рукоплещет вашим подвигам; генералы Маршалл, Эйзенхауэр и Брэдли лично выражают вам свою благодарность. Я же удостоен величайшей чести поставить свое имя рядом с вашими, подписываясь под длинным списком ваших славных свершений.

Прошу вас принять мое искреннее, идущее от самого сердца восхищение и благодарность за то, что вы сделали. Прошу помнить, что начавшееся вчера в 22.00 форсирование Рейна станет залогом еще более блистательных побед.

Командующий Третьей армией Соединенных Штатов
генерал-лейтенант *Дж. С. Паттон-младший*

ФОРСИРОВАНИЕ РЕЙНА И МУЛЬДЕ. ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

С 22 марта по 21 апреля 1945 г.

В данный период войны быстрота продвижения стала важна как никогда прежде. Быстрейший захват территории приобрел большее значение, чем необходимая зачистка отвоеванного пространства от остатков частей разгромленного и деморализованного противника.

На первое место вышли задачи взламывания обороны врага изнутри. Ошеломленный и близкий к панике противник становился с каждым днем все менее способен оказывать организованное сопротивление; сражалась уже не немецкая армия, а то, что от нее осталось.

Осознавая это, генерал Паттон отдал командиру 12-го корпуса приказ первым форсировать Рейн в ночь с 22 на 23 марта.

За спиной у Третьей армии, занявшей рубежи на берегах Рейна от Кобленца до Шпеера, оставались толпы близких к безумию, ничего не понимающих немцев, а также ничего не понимающих... американцев. Все стремились на восток, при этом американцы наступали, немцы отступали; некоторые из передовых частей Третьей армии вышли на Рейн раньше, чем туда добежали преследуемые Седьмой армией остатки войска великого рейха. Когда американские дивизии ударили на прорыв через Рейн, они словно бы превратились в выпущенного из бутылки джинна, когда же на берег реки вышли немцы, то они... стали военнопленными.

В соответствии с планом в 22.00 в ночь с 22 на 23 марта солдаты 5-й пехотной дивизии 12-го корпуса налегли на весла десантных лодок. Атаке не предшествовала артиллерийская подготовка, не было предварительной бомбардировки целей с воздуха, даже десант не высаживался. Переправа прошла так тихо, так организованно, что в результате застигнутым врасплох оказался не только противник, но и свои.

Война в оставшиеся месяцы, если не считать отдельных очагов сопротивления, стала походить на прогулку по автостраде. Так оно в какой-то степени и было, по крайней мере, в определенный момент, когда две бронетанковые и две пехотные дивизии катились на север от Франкфурта к Касселю по обеим сторонам автобана. В то же самое время десятки тысяч пленных немцев плелись по центру этой же дороги в южном направлении, причем безо всякой охраны.

Резервы Германии были истощены, организация тыла находилась в полном расстройстве, гражданское население металось в панике. Вышла наружу правда о творимых фашистами зверствах, а призрачные ожидания некоего неожиданного поворота войны растаяли. Миф о «национальном редуте» был развеян.

К концу марта передовые части Третьей армии завладели регионами Саксе, Кобурга и Готы[1]*, находясь в предместьях Хемница, недалеко от Нюрнберга. Войска форсировали реку Мульде и в соответствии со спущенными сверху новыми планами развития наступления продолжали продвижение не к востоку, а к юго-востоку через Баварию вдоль границы с Чехословакией.*

Если не считать Италии, на всех прочих фронтах ситуация также же бурно развивалась. На западе все армии союзников форсировали Рейн. 21-я группа армий на севере вышла к Эльбе; южнее Первая ар-

[1] Иными словами, захватили Саксонию. — *Прим. пер.*

мия вышла к окрестностям Дрездена. Седьмая армия вошла в Нюрнберг. Русские взяли Вену и Данциг. Авиация продолжала эффективно поддерживать наземные войска на всех участках и направлениях.

12 апреля 1945 г. скончался Верховный главнокомандующий армии США президент Соединенных Штатов Франклин Делано Рузвельт.

P.D.H.

«Рейн, Рейн, германский Рейн»

11 марта 10-я и 11-я бронетанковые дивизии, одна в составе 12-го, другая — 20-го корпуса, сменили 4-ю бронетанковую дивизию в предместьях Вормса. Части 12-й бронетанковой дивизия 20-го корпуса наступали на Людвигсхафен, тогда как 10-я бронетанковая дивизия отправила штурмовую бригаду в Ландау. И, наконец, одна штурмовая бригада 12-й двигалась к Шпееру. Как только она достигла Шпеера, все пути за Рейн для немцев в зоне действий моей армии оказались отрезанными.

22 марта мы поставили своеобразный рекорд по взятию пленных — прежде нам не доводилось захватывать одиннадцать тысяч человек за один день.

Мы с генералом Уэйлендом и полковником Кодменом отправились из Саарбурга через Санкт-Вендель в Кайзерслаутерн, а оттуда, двигаясь через лес, покрыли расстояние еще километров двадцать в направлении Нойштадта. Здесь нам довелось наблюдать последствия самой масштабной бойни, которую мне только приходилось видеть в своей жизни. Немецкая колонна, состоявшая из орудий и множества телег на гужевой тяге, подвергалась атаке роты средних танков 10-й бронетанковой дивизии. Немцы шли по довольно узкой горной дороге, слева у них был довольно крутой обрыв, справа высокий, склон горы; танки же ударили прямо на них, так что деваться противнику было некуда. На расстоянии почти в четыре километра внизу виднелись свалившиеся с обрыва лошади и повозки. На дороге валялись тела раздавленных гусеницами танков, расстрелянных в упор лошадей и людей. Несмотря на гордость за успехи 10-й бронетанковой, мне стало жаль тех несчастных.

Вернувшись уже затемно к себе в штаб-квартиру, мы узнали, что части 10-й бронетанковой вошли в соприкосновение с подразделениями 6-го корпуса Седьмой армии в окрестностях города, называвшегося Шваним, таким образом замкнув кольцо вокруг немецких войск. Меня ждала телеграмма от Гроу, ставшего командующим Пятнадцатой армии. «Поздравляю с уловом: кроме двух немецких вы окружили и одну американскую армию», — прочитал я.

Устремившись к переправе в Оппенгейме в 22.30 22 марта, 5-я пехотная дивизия завершила форсирование Рейна 23-го. Прежде чем рассвело, на восточном берегу уже находилось шесть батальо-

нов, при этом общее число потерь составило двадцать восемь человек убитыми и ранеными.

В связи с переходом Рейна вышел вот какой казус. 21-я группа армий должна была переправиться через реку 24 марта, и, как рассказывают, чтобы не оплошать и заранее подготовиться к этому небывалому на Земле событию, мистер Черчилль написал речь с поздравлением в адрес фельдмаршала Монтгомери, чьи войска первыми в новейшей истории форсировали Рейн. На Би-би-си речь записали и по ошибке пустили в эфир, несмотря на тот факт, что Третья армия форсировала Рейн на тридцать шесть часов раньше.

Ввиду того что 10-я бронетанковая дивизия слишком углубилась в зону ответственности Седьмой армии, я, по взаимной договоренности с Пэтчем, произвел обмен 10-й на 6-ю бронетанковую дивизию, находившуюся на левом фланге Седьмой армии.

24 марта мы с Колменом, Стиллером и генералом Эдди, переправляясь через Рейн в Оппенгейме, остановились, чтобы поплевать на воду. Когда мы добрались до восточного берега, я намеренно споткнулся и упал, зачерпнув пригоршню немецкой земли, как бы повторяя жест Сципиона Африканского[1] и Вильгельма Завоевателя. Оба они, споткнувшись, обратили свою оплошность — дурное предзнаменование в глазах войска — в шутку, воскликнув один: «Вот я держу в своих руках Африканскую землю», а другой — то же самое, только «...Английскую землю». У меня в руках была Немецкая земля.

Затем мы полетели в штаб-квартиру 8-го корпуса, чтобы обсудить форсирование Рейна силами этого соединения в районе Боппарда. Данное событие произошло в ночь с 24 на 25 марта, а 76-я дивизия переправилась на тот берег в Санкт-Гоарсхаузене днем позже, в ночь с 25 на 26 марта.

В том, что мы переходили Рейн в районе Санкт-Гоарсхаузена, был, как я считаю, определенного рода знак, поскольку здесь находится Лорелей[2] — одно из священных мест в германской мифологии.

---

[1] Трудно сказать, какого именно Сципиона здесь имел в виду автор, поскольку в истории существовало как минимум два Сципиона, носивших прозвище Африканский. Публий Корнелий, или Сципион Африканский Старший (236–184/183 гг. до н. э.), прославился тем, что победил знаменитого карфагенского полководца Ганнибала в битве при Заме (в 202 г. до н. э.). Сципион Африканский, так же Публий Корнелий, по прозвищу Младший (185/184–129 гг. до н. э.), в 146 г. до н. э. захватил и разрушил Карфаген. Вообще же подобное падение и очень похожие слова приписываются Юлию Цезарю, когда тот, высадившись в Африке в период войн с Помпеем и его сторонниками, споткнулся и упал на берегу. Цезарь будто бы воскликнул: «О, Африка! Я обнимаю тебя!» — *Прим. пер.*

[2] Лорелей — крупная скала на берегу Рейна поблизости от Санкт-Гоарсхаузена. Особое эхо, свойственное скале, послужило основой для создания легенды о прекрасной девушке, бросившейся в Рейн из-за безответной любви

Для 12-го корпуса форсирование Рейна прошло вполне гладко. Вся 5-я пехотная, два полка 90-й и большая часть 4-й бронетанковой находились на восточном берегу, и все было готово к тому, чтобы 6-я бронетанковая могла начать переправу утром 25 марта. В то же самое время части 20-го корпуса концентрировались в окрестностях Майнца, где мы решили построить железнодорожный мост, поскольку железная дорога стала важным источником поставок всего необходимого нашим частям.

План дальнейших действий предполагал направление одной штурмовой бригады 76-й дивизии на юг вдоль берега Рейна с целью взятия под наш контроль господствующих высот, важных для обеспечения прикрытия переправы напротив Майнца; далее 5-й дивизии предстояло форсировать реку Майн в окрестностях Майнца, а 80-й дивизии — перейти Рейн к северу от места впадения в нее реки Майн, в то же время 12-му корпусу надлежало пересечь Майн восточнее Франкфурта. Сборным пунктом назначался Гессен, куда нацеливался также и 8-й корпус. Желая подогреть в командирах корпусов дух здорового соперничества, я сказал каждому из них, что надеюсь на его прибытие в данный пункт первым.

В тот момент у меня возникла мысль сформировать бронетанковый корпус из трех танковых дивизии с приданной к нему штурмовой бригадой мотопехоты, поставив его под начало Уокера, и отправить его на прорыв, в зависимости от обстоятельств, к Касселю или Веймару.

Несмотря на все исторические исследования, в один голос утверждавшие, что на участке Бинген — Кобленц Рейн форсировать невозможно, начавшей переправляться в ночь с 25 марта 87-й дивизии к утру удалось благополучно пересечь непреодолимую водную преграду. Здесь мы снова проверили на прочность полностью подтвердившуюся на практике теорию относительно того, что самые труднопроходимые места обычно плохо защищены.

Нам пришлось столкнуться с довольно жестким натиском противника с воздуха. Немцы совершили, наверное, не менее двухсот самолето-вылетов, однако, благодаря слаженным действиям зенитчиков и пилотов 19-й тактической бригады мост остался цел, хотя паром после попадания в него авиабомбы затонул.

26 марта я вместе с Кодменом переправился через Рейн и приказал Эдди отправить подразделение вдоль берега реки Майн к Гаммельбургу. Отправка данной экспедиции преследовала две цели: первое, мне хотелось убедить немцев в том, что мы собираемся

и превратившейся в русалку, заманивающую в воду рыбаков. На роль создателя легенды претендовал немецкий писатель XIX в. Клементс Брентано, автор романа «Годви». Лорелей стала темой многих литературных произведений и песен, например поэмы Генриха Гейне «Лорелей», положенной на музыку более чем двадцатью пятью композиторами. — *Прим. пер.*

наступать прямо на восток, в то время как я намеревался продвигаться в северном направлении, а второе, надо было освободить девятьсот американских солдат и офицеров, плененных немцами и содержавшихся в Гаммельбурге. Я планировал послать штурмовую бригаду 4-й бронетанковой, но напрасно дал отговорить себя Эдди и Хоуджу, командиру 4-й бронетанковой дивизии. Пойдя на компромисс, я отправил к Гаммельбургу танковую роту и роту пехоты на бронемашинах.

Пришло грустное известие о том, что полковник Джон Хайнс, сын моего старого друга генерал-майора Джона Л. Хайнса, во время атаки на аэродром к югу от Франкфурта получил серьезное ранение в лицо и лишился обоих глаз в результате попадания в его танк снаряда калибра 88 мм. Уже раненный, он связался с командиром дивизии, точно обрисовал сложившуюся ситуацию и закончил следующими словами: «И последнее, генерал, пришлите когонибудь мне на смену, потому что я ранен». За свое геройское поведение Хайнс получил «Дубовую ветвь» к кресту «За отличную службу», которым его наградили за Саарскую кампанию. Он был замечательным солдатом, такие не должны умирать. Потеря Хайнса так потрясла генерала Гроу, что он целый день пребывал в бездействии. Пришлось даже подгонять его, чтобы заставить взять Франкфурт.

Позднее я встретился с генералом Уокером во втором эшелоне наступления 12-го корпуса, и мы договорились, что одна колонна 80-й дивизии переправится через Майн, а другая — через Рейн.

Вернувшись в штаб-квартиру, я узнал, что оперативно-тактическое подразделение 9-й бронетанковой дивизии из состава Первой армии осуществило прорыв к югу, и Брэдли спросил меня, не желаю ли я прибыть в Висбаден, атаковать который я собирался. Я, конечно, немедленно ответил согласием, а затем полетел в Бад-Кройцнах повидать полковника Хайнса. Когда я прибыл туда, он лежал на операционном столе без сознания. Тяжелое зрелище.

27-го мы перенесли командный пункт в Оберштейн, заняв бывшие казармы 107-го немецкого пехотного полка под началом полковника Гронау. Здесь в числе трофеев нам достался огромный, вырезанный из дерева имперский орел, которого мы отправили в Военную академию Соединенных Штатов как дар от Третьей армии.

28 марта возникли трения между отдельными частями. Поскольку 80-я дивизия завершила переправу через Рейн и Майн без проблем и выдвинулась к Висбадену, равно как штурмовая бригада 76-й и оперативно-тактическое подразделение 9-й бронетанковой дивизии, какое-то время ситуация оставалась напряженной, поскольку казалось, что вот-вот все там начнут палить друг в друга. В конечном итоге мы развели их, отправив 9-ю бронетанковую и 76-ю туда, где им полагалось находиться.

Полковник Э. М. Фикетт, командир 6-го кавалерийского полка, вместе с оперативным подразделением 8-го корпуса, пересек автобан и держал курс на восток, действуя на редкость успешно, в то время как 4-я бронетанковая проделала более двух третей пути к Гессену. 6-я бронетанковая также форсировала Майн прямо во Франкфурте и теперь продвигалась на север.

С другой стороны, мы изрядно нервничали, поскольку не могли получить никакой информации о том, как обстоят дела у посланного в восточном направлении оперативного подразделения 4-й бронетанковой дивизии.

Обговаривая с Брэдли проблему разграничения флангов между Третьей и Первой армиями, я внес предложение, чтобы мы, после того как будет взят Кассель, на который мы теперь нацеливали направление своего главного удара, повернули на восток и атаковали треугольник между Дрезденом и Лейпцигом. На мысль эту меня навела работа с картами, а также беседа с генералом Жиро из французской армии. Брэдли идея понравилась, и мы разработали план возможной операции.

Жиро сказал, что члены его семьи — полагаю, жена и две невестки — находились в плену где-то в окрестностях Веймара. Я предложил отправить его адъютанта с 4-й бронетанковой дивизией, которая, как представлялось в тот момент, должна была добраться туда быстрее других. Родственников Жиро в конечном итоге спасли, равно как и бельгийскую принцессу, которая немало рассказала нам про лагерь для важных особ женского пола к северу от Берлина. Она сообщила, что в том лагере содержалось около четырех тысяч женщин, чьи мужья занимали заметные посты в рейхе, и что те женщины являлись, по сути дела, заложницами. Кормили их там, судя по всему, неплохо, однако немцы казнили немало девушек и молодых женщин — принцесса сама видела это из окна барака, где жила. Вроде бы даже казни происходили каждую ночь, так что она под конец практически лишилась сна. Нам всем казалось, что она изрядно преувеличивает.

29 марта в состав Третьей армии перешли 70-я пехотная дивизия под началом генерал-майора А. Дж. Барнетта и 13-я бронетанковая генерал-майора Дж. Б. Вогена; эти соединения, однако, надлежало оставить в резерве Штаба командующего союзническими экспедиционными силами к западу от Рейна. Такое положение нас вполне устраивало, поскольку улучшало ситуацию в тылу, и мы дислоцировали 70-ю вдоль берега Рейна от Кобленца до Оппенгейма. Мы также нашли применение приданным Третьей армии четырем кавалерийским бригадам, которые нам прежде приходилось держать в резерве. Брэдли попросил меня оставить одну пехотную дивизию как резерв армии в сборном пункте где-то поблизости от Франкфурта или Висбадена. Выбор пал на 5-ю пехотную дивизию.

Что же касается всего прочего, дела шли нормально. 4-я и 6-я бронетанковые дивизии уверенно продвигались, хотя 11-я бронетанковая, которая повернула в восточном направлении, застряла под Ханау. Темпы наступления северных дивизий 8-го корпуса также замедлились, в основном из-за того, что Первая армия самостоятельно провела разграничение позиций на флангах, не согласовав свои действия со штабом 12-й группы армий и вразрез с принятыми там решениями, в результате чего правая граница Первой армии пролегла ровно поперек маршрута наступления 87-й дивизии. В конечном итоге недоразумение было устранено и границы выровнены.

30 марта немецкое радио передало заявление о том, что некая американская бронетанковая дивизия, наступавшая на Хаммельсбург, была окружена и уничтожена[1].

Мы получили указания наступать на линии рек Верра и Весер, а затем продвигаться к востоку от реки Эльба. Данный маневр высокое начальство предписывало нам выполнять медленно. Мы же, напротив, указывали, что в данном случае единственным способом избежать потерь было как можно более быстрое продвижение.

6-я бронетанковая дивизия при поддержке частей 80-й и 65-й пехотных дивизий достигла точки в двадцати километрах к юго-западу от города Кассель.

31 марта я полетел в новую штаб-квартиру 12-го корпуса, расположенную к востоку от Франкфурта, где объяснил командиру и его офицерам, что, проследовав через линию рек Верра и Весер, их подразделение должно будет продвигаться со скоростью не свыше двадцати — двадцати пяти километров в день. Я намеревался лететь к командиру 20-го корпуса, чтобы обрисовать Уокеру ситуацию, однако он сам приехал в штаб-квартиру 12-го корпуса, и мы все решили на месте.

Затем я поехал на поле, чтобы отправиться в 8-й корпус, когда приземлился самолет с генералом Сайбертом, начальником разведотдела Двенадцатой группы армий, который попросил меня повременить. У него имелся, как он уверял, многообещающий план захвата центра германских коммуникаций в окрестностях Гота, Эрфурта, Веймара и Ордруфа.

Прямо с аэродрома я позвонил в штаб 12-го корпуса, чтобы задержать Уокера до нашего с Сайбертом возвращения туда. К сожалению, Уокер уже уехал, однако его удалось перехватить, и он вернулся в штаб почти тогда же, когда мы с Сайбертом приехали туда. Мы изложили идею быстрого наступления на Веймарском четырехграннике с Эдди на правом фланге и Уокером — на левом. Я сказал командирам корпусов, что они получают величайший шанс вписать свои имена в историю. Надо было пошевеливаться,

---

[1] В действительности состав отряда был таков: рота танков и рота пехоты на бронемашинах — 11 офицеров и 282 солдата.

и я дал Уокеру разрешение обойти Кассель, чтобы ускорить продвижение.

Затем я полетел на командный пункт 7-го корпуса чуть к западу от Лимбурга. Лимбургский аэродром принимал самолеты транспортной бригады, привозившие по полтонны бензина практически ежеминутно. Если бы не авиация, мы бы уже остались без горючего.

Прежде чем я уехал из штаба корпуса, я добился от Гэя согласия договориться по телефону о границах между 8, 20 и 12-го корпусами, так как мы собирались поместить 8-й корпус в середину. Мидлтона вариант разграничения устраивал. Однако ввиду предстоящего наступления на Веймарский четырехгранник и возможной немецкой контратаки из предместий Ганау, я велел ему отложить операцию, поскольку с той позиции, которую он занимал около Лимбурга, он самым наилучшим образом мог воспрепятствовать любым поползновениям противника нанести нам удар со стороны Ганау.

На пути домой мы с Кодменом пролетали над Рейном и сделали фотографии с воздуха в том месте, где 8-й корпус форсировал горловину реки.

В 18.30 позвонил Брэдли и сказал, что генерал Эйзенхауэр обеспокоен риском, с которым связана атака на Веймар, однако после обсуждения я получил разрешение продолжить операцию.

Я договорился о создании двух новых рот в составе 4-й бронетанковой дивизии взамен тех, которые, как мы теперь уже точно знали, попали в окружение и были захвачены. Командовавший ими капитан получил легкое ранение, когда роты форсировали Майн восточнее Франкфурта. Однако они продолжали продвижение и достигли предместий Гаммельбурга. Они столкнулись с подразделениями трех немецких дивизий, которые дрогнули перед их натиском.

Когда часть танков и мотопехоты на бронемашинах дала бой противнику, оставшаяся часть танков отправилась в лагерь военнопленных в десяти километрах к северу и освободила всех, кто там находился. Эти танки вместе с более чем тысячей пленных присоединились к своим товарищам у Гаммельбурга и двинулись в обратный путь по дороге, которую отбили у неприятеля. То, что произошло дальше, рассказал мне присутствовавший там (но не командовавший) мой адъютант майор Стиллер. Он предлагал капитану, взяв немного севернее, воспользоваться другой дорогой, а не той, по которой они пришли сюда. Командовавший отрядом офицер отклонил предложение. Позднее, когда он остановил машины для заправки, колонна с разных сторон подверглась нападению сразу трех немецких пехотных полков и была рассеяна. Когда стало ясно, что происходит, майор Стиллер, командир отряда, а с ними еще пятеро рядовых и сержантов продолжали сражаться до тех пор, пока не истратили все патроны. Техника также

была выведена из строя, и им не осталось ничего другого, как сдаться.

1 апреля, два года спустя после гибели Дженсона[1], мы продвигалась медленнее обычного, в основном из-за блокпостов на дорогах и мин. Но так или иначе 4-я бронетанковая дивизия находилась в шести километрах к западу от Эйзенаха, в то время как северная колонна 11-й бронетанковой дивизии того же 12-го корпуса была в Оберфильде. Из штаба 12-й группы армий мы получили предупреждение: если мы не достигнем Веймара к концу дня 1 апреля, нам следует остановиться и дождаться выдвижения Первой и Девятой армий. Нам же удалось убедить вышестоящее начальство разрешить нам не прекращать наступления хотя бы до 17.00 2 апреля.

2 апреля 8-й корпус в соответствии с нашими планами, начал занимать позицию между 20-м на севере и 12-м на юге, высвобождая 4-ю бронетанковую дивизию. 80-я дивизия 20-го корпуса возобновила наступление на Кассель, имея времени в обрез; однако мы знали, когда мы ставим перед 80-й задачу, она будет выполнена и необходимый эффект всегда достигнут.

В тот день пришло несколько сообщений о том, что немецкие солдаты, как позднее выяснилось, из состава 2-й горнострелковой дивизии, бежавшие с высот к северо-востоку от Франкфурта, появились в тылу 12-го корпуса. Там они напали на санитарный поезд, убили офицера и двух рядовых, а также захватили полевой склад боеприпасов. В первых поступивших ночью сообщениях живописались зверства немцев, включая убийство всего персонала госпиталя, изнасилование медсестер и уничтожение склада боеприпасов. Это, попросту говоря, еще одна иллюстрация того, что сообщения о событиях, которые имели место после заката солнца, не заслуживают слишком серьезного отношения. Ночью у страха глаза особенно велики.

В данном конкретном случае офицер и двое рядовых погибли во время первой стычки. Впоследствии немцы, прорвавшись к грузовикам и санитарным машинам, которые они намеревались использовать как средства передвижения, не причинили ни малейшего вреда ни врачам, ни медсестрам, ни прочему персоналу госпиталя. В дальнейшем они действительно натолкнулись на склад с боеприпасами, охраняемый темнокожими солдатами, которые немедленно задали деру. Немцы, однако, и не подумали поджигать или взрывать боеприпасы, а постарались уйти как можно дальше.

На следующий день поисковая команда, состоявшая из 71-й пехотной дивизии, 10-го пехотного полка (полковник Р. П. Белл) 5-й пехотной дивизии и разведывательного батальона (подполковник

[1] Майор Ричард Н. Дженсон — адъютант генерала Паттона, погибший от взрыва бомбы в Тунисе.

М. У. Фрейм) 13-й бронетанковой, окружила немцев. В плен взяли восемьсот человек, еще пятьсот лишись жизни в основном потому, что слухи о якобы творимых ими зверствах докатились до личного состава.

Общие потери всей армии за целый день составили 190 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, что является самым наглядным доказательством того, сколь незначительным было оказываемое нам сопротивление.

Река Верра оказалась более серьезным препятствием, чем ожидалось, поскольку частично остановила 6-ю и 4-ю бронетанковые дивизии и замедлила продвижение 11-й бронетанковой. Кроме того, в тот же день при попытке пересечь реку 61-я бронетанковая дивизия подверглась яростной атаке с воздуха.

3 апреля мы переместили командный пункт в немецкие казармы в районе северного выезда из Франкфурта. Мы с Кодменом приехали туда из Оберштейна. Долина, по которой пролегает дорога на Майнц, сильно напоминает долину реки Коу в штате Канзас.

Дороги находились в превосходном состоянии, а все местное немецкое население отправилось на разборку завалов в разрушенных городах. Там было чем заняться. Майнц сильно пострадал. Вероятно, две трети города превратились в сплошные руины. Немцы взорвали множество мостов через Рейн, но в одном случае железнодорожный мост к северу от Оппенгейма, рухнув, перегородил реку, так что противник больше не мог, пуская нагруженные динамитом баржи по воде, взрывать наведенные нами переправы к северу от Оппенгейма.

На пути мы решили сделать остановку в Бад-Кройцнахе, чтобы проведать полковника Хайнса, однако его отправили из госпиталя за два часа до нашего приезда.

Мы видели довольно много освобожденных из плена солдат и офицеров, которые, учитывая тот факт, где они побывали, выглядели совсем неплохо. Еще в одной группе находившихся на излечении раненых насчитывалось по меньшей мере шесть самострельщиков, включая одного офицера, с чем я столкнулся впервые. Я завел с ними свой обычный доверительный разговор:

— Кто тебя ранил? Надеюсь, поквитался с ним?

— Нет, сэр, это я сам.

— Да ты что?! Когда это случилось? Днем?

— Нет, сэр. Ночью.

— Больно было?

— Нет, сэр. Приятель сразу же перевязал меня.

— Знаешь, кто ты такой?

— Не могу знать, сэр.

Затем я сказал: «Давайте и вы, парни, все слушайте, что я скажу», а потом угостил его самыми «теплыми» эпитетами из своего лексикона. Я прямо заявил, что, ранив себя, он не только показал

собственную трусость, но и переложил свою долю солдатского труда и риска на плечи своих храбрых товарищей, которые не искали столь же малодушного пути выйти из боя.

Прибыв в новую штаб-квартиру, мы узнали, что 4-я бронетанковая дивизия достигла предместий Готы, а штурмовая бригада «Б» 11-й (командир — полковник У. У. Йейл) находилась в двенадцати километрах к юго-западу от Ордруфа. У нас также имелся четкий приказ высокого начальства, заключавшийся в том, что по достижении линии Мейнинген — Ордруф — Гота — Мюльхаузен мы должны остановить продвижение и ждать, когда подтянутся части Первой и Девятой армий.

4 апреля мы провели новое разграничение зон ответственности между нами, Первой и Седьмой армией, а также определили новую линию остановки, проложив ее через Мейнинген — Готу — Зуль — Лангерзальц — Мюльхаузен. После выхода наших частей на эти рубежи мы не могли продолжать продвижение более чем на несколько километров в день, пока не подойдут Первая и Девятая армии. Ожидание обещало затянуться, поскольку два из четырех корпусов Первой армии и один корпус Девятой все еще не закончили уничтожение и взятие в плен окруженных в Рурском котле немцев. Мы одолжили Ходжесу для быстрейшего завершения дела 5-ю пехотную дивизию и 13-ю бронетанковую.

Очень удачно, что, когда мы проводили линии разграничения, а также определялись с рубежами, на которых нам предстояло ждать соседей, на совещании присутствовал генерал Пэтч — командующий Седьмой армией.

Я посетил штаб-квартиры трех корпусов. 6-я бронетанковая дивизия 20-го корпуса взяла Мюльхаузен, а 80-я дивизия устранила последние очаги сопротивления в Касселе, сровняв с землей те строения, которые не успели уничтожить другие. Они взяли в плен немецкого генерала и четыреста солдат и офицеров. При этом генерал заявил, что верит в победу Германии. Как-то не вяжутся такие высказывания со сдачей в плен — не сдавайся, если так уверен. Этот генерал вообще стал первым пленным немецким генералом, который заявил, что уверен в победе Германии. Другие не выражали сомнения в том, кто победит, но говорили, что продолжали воевать, выполняя приказ.

В штабе 8-го корпуса я видел двадцать девять немецких знамен времен Первой мировой войны, захваченные личным составом этого соединения. Позднее их переслали в Вашингтон.

Тем вечером меня посетили два лейтенанта из числа освобожденных отрядом танкистов из лагеря в Гаммельбурге, сумевших избежать повторного плена и добраться до наших позиций[1].

---

[1] Те два лейтенанта сообщили, что зять генерала Паттона полковник Дж. К. Уотерс содержался в лагере военнопленных в Гаммельбурге и был подстре-

Позднее позвонил Пэтч, который сказал, что три других офицера из Гаммельбурга прибыли к нему в штаб-квартиру и сообщили о серьезном ранении полковника Уотерса. Пэтч заверил меня, что сделает все возможное, чтобы захватить лагерь 5-го.

5-го числа 4-я бронетанковая дивизия взяла под контроль города Готу, Ордруф и Мюльберг. Я был очень обрадован тем, что генерал Гэй получил повышение, став генерал-майором, а генералы Уильямс, ведавший нашей армейской артиллерий, и Конклин, начальник инженерно-саперных частей Третьей армии, также получили свои первые звезды.

Мы собрали командиров корпусов на обед с целью обсудить вопрос разграничения зон ответственности. Кто бы и когда бы ни проводил границы между теми или иными подразделениями, всегда в результате кто-нибудь да останется недоволен, а поскольку границы — это прежде всего проблема раздела дорог, бои за них идут иной раз почище, чем с немцами, вот я и решил: пускай сами делят. Я высказал мысль, с которой согласились все три командира корпусов, что перед Третьей армией не существует силы, которую бы она или хотя бы один из ее корпусов не могли сокрушить. Естественно, мы противились остановке, предписываемой нам вышестоящим командованием. Между тем практически мы не могли не остановиться или хотя бы не замедлить своего продвижения. Иначе нам бы не удалось занять новые позиции в соответствии с приказом командования. Таким образом, мы оказались вынуждены перегруппировываться впервые в истории Третьей армии. Однако даже выполняя перестроения, мы продвигались на несколько километров в день, дабы не позволить противнику закрепиться на новых позициях.

6 апреля я наградил рядового Гарольда А. Гармана из 5-й пехотной дивизии Почетной медалью Конгресса. Гарман служил санитаром в одном из батальонов, форсировавших реку Сюр. В ходе боя лодка с четырьмя ранеными — тремя способными ходить и одним лежачим — попала под пулеметный огонь неприятеля. Два солдата инженерного батальона, сидевшие на веслах и один из ходячих раненых прыгнули в воду и поплыли к берегу. Двое раненых тоже бросились в воду, но из-за слабости плыть не смогли, а только держались за борт лодки, в которой остался Гарман. Все еще находясь под пулеметным обстрелом, лодка начала дрейфовать к немецкому берегу. Увидев это, рядовой Гарман прыгнул в воду и принялся толкать лодку к нашему берегу. Я спросил его, что заставило его поступить таким образом, он удивился и сказал: «Ну а кто поступил бы иначе?»

После вручения медали Гарману я поехал через Лимбург в Эренбрейтштейн, чтобы присутствовать на церемонии возвращения ту-

---

лен во время схватки с охранниками, возникшей при известии о приближении американских частей.

да американского флага, который был спущен двадцать шесть лет тому назад, когда 4-я пехотная дивизия Соединенных Штатов возвращалась домой после завершения оккупации Рейнланда. Присутствовал помощник министра обороны мистер Макклой[1].

13-я бронетанковая дивизия начала переход в тыл 20-го корпуса как резерв Третьей армии. Позднее вечером мне отзвонил Пэтч, сказавший, что 14-я бронетанковая дивизия под командованием генерал-майора А. С. Смита вновь захватила Гаммельбург и лагерь военнопленных, где осталось всего семьдесят американцев, включая тяжело раненного полковника Уотерса.

На ужин ко мне пожаловали Элмер Дэвис из Управления информационной войны и генерал Макклюр[2], а также полковник Дэрби, командир рейнджеров, дважды награжденный крестом «За отличную службу», впервые в Тунисе и вторично на Сицилии. Позднее он погиб.

В тот день добрые новости пришли в 17.05; позвонил генерал Эдди и сказал, что 90-я дивизия его корпуса захватила золотой запас Германии в Меркерсе. Данный факт подтверждал догадку генерала Сайберта относительно местоположения верховной штаб-квартиры немцев. Слухи о подобных находках уже возникали, но ни разу не подтверждались, поэтому я велел Эдди молчать, пока мы точно не убедимся, что обнаруженное нами — действительно золотой запас Германии.

7 апреля Брэдли поинтересовался, не мог ли бы я временно передать 13-ю бронетанковую дивизию Первой армии, чтобы завершить зачистку «котла», образовавшегося между ней и Девятой армией. Во время той операции командир дивизии генерал Воген получил серьезную рану. На замену 13-й бронетанковой дивизии мне пришлось пустить 4-ю бронетанковую, переведя ее из 8-го корпуса в 20-й, оставив, таким образом, 8-й корпус временно без танковой дивизии, что само по себе не слишком ослабляло корпус, поскольку контролируемая им местность плохо подходила для действий танков.

Интендантская часть Третьей армии обнаружила и самостоятельно обезвредила группу противника, захватив командира 82-го корпуса германской армии генерал-лейтенанта Гама вместе с полковником, майором, лейтенантом и семью рядовыми. Похоже, им просто надоело воевать и они ждали, когда какое-нибудь американское подразделение возьмет их в плен. Честь эта выпала цвет-

---

[1] Джон Макклой (1895–1989) — американский дипломат и юрист, который был советниками всех президентов Соединенных Штатов, начиная с Франклина Рузвельта и до Рональда Рейгана. — *Прим. пер.*

[2] Бригадный генерал Р. А. Макклюр — начальник отдела психологической войны (Psychological Warfare Division) Штаба командующего союзническими экспедиционными силами.

ным, и я еще никогда не видел таких счастливых солдат — они страшно гордились подобным обстоятельством.

В 15.00 Эдди позвонил, чтобы сообщить приблизительную сумму захваченных в хранилище ценностей — рейхсмарок в банкнотах на сумму примерно в миллиард американских долларов; относительно же золота он не знал, но предполагал, что оно находится за стальными дверьми. Я приказал взорвать двери. Эдди также сообщил, что у него под замком сидят два сотрудника германского рейхсбанка.

В тот день перед армейским фотографом продефилировал четырехсоттысячный пленный, взятый Третьей армией.

Поздно вечером в расположении 8-го корпуса вспыхнуло непродолжительное сражение с оказавшейся зажатой между флангами 89-й и 87-й дивизий группой немцев численностью две тысячи человек. В то же самое время северный фланг 20-го корпуса подвергся нападению, которое отразил силами 76-й дивизии и штурмовой бригады 6-й бронетанковой.

К ужину подоспел адъютант генерала Жиро с освобожденными из немецкой неволи членами семьи своего шефа, которых обнаружили в городе под названием Фридрихрода. Они провели у меня всю ночь, а утром я отправил их самолетом в Мец — так мне казалось безопаснее и, главное, быстрее, чем посылать их на машине.

Восьмого числа на утреннее совещание прибыли мистер Маккой с генералом Крейгом[1] из ВВС. Замминистра не скупился на комплименты. Он очень хотел побывать на передовой, чтобы увидеть наших ребят в деле, однако, принимая во внимание расстояния и учитывая тот факт, что вокруг шатались разрозненные группы немцев, зачастую обстреливавшие проезжавшие по дорогам колонны, я настоятельно отсоветовал ему ехать. 7 апреля полковник Р. С. Аллен, помощник начальника разведотдела Третьей армии, получил серьезное ранение, один человек был убит, а еще трое захвачены — и это из семи человек, проезжавших на машине в окрестностях Готы. Мы с мистером Макклоем затронули одну довольно сильно волновавшую меня тему — неоправданно массированные бомбардировки центральных кварталов городов. Замминистра признался, что говорил об этом с Диверсом и Пэтчем, и оба согласились, что подобная практика — бесполезное варварство.

Начальник штаба 90-й дивизии нарушил мое распоряжение до поры до времени скрыть информацию об обнаружении немецкого Гохрана. Взорвав двери хранилища, Эдди нашел еще 4500 золотых слитков весом почти по шестнадцать килограммов каждый на общую сумму приблизительно 57 600 000 долларов. Я немедленно связался с генералом Брэдли, сказав ему, что, принимая во внима-

---

[1] Генерал-майор Х. А. Крейг — помощник начальника оперативного штаба ВВС в городе Вашингтоне.

ние тот факт, что сведения стали достоянием гласности, я считаю данный вопрос скорее политическим, чем чисто военным и предлагаю прислать начснаба Штаба командующего союзническими экспедиционными силами для передачи ему наших трофеев.

Мистер Макклой пожелал навестить в госпитале полковника Уотерса, и мы вместе посетили также несколько палат и операционных. Он остался доволен работой врачей и прочего медперсонала, а также тем, как содержатся раненые. После отъезда замминистра я вернулся в госпиталь и вручил Уотерсу Серебряную звезду и Дубовую ветвь. Он и не знал, бедняга, что давно награжден, поскольку выпал из жизни более чем на два года, находясь в плену еще со времени Тунисской кампании.

Все три корпуса, которые я посетил во второй половине дня, были готовы возобновить ограниченные наступательные действия, чтобы выйти на 20-ю линию сетки координат[1]. Я сказал командиру 20-го корпуса: если при выходе на линию они смогут продвинуться к Эрфурту, что чуть восточнее, то пусть возьмут его в клещи с юга с целью «умыть» высокопоставленных немцев, намекающих на возможность некоего «ответного удара», во что я лично не верил. 8-й корпус силами 89-й дивизии на севере и 87-й на юге должен был передвинуться на ту же самую линию координат с приказом взять Арнштатд. 12-й корпус уже шел к намеченному рубежу, но я считал, что продвижение его задержится везде, кроме правого фланга, где данное соединение получило приказ взять Эйсфельд и Кобург.

10 апреля ограниченное наступление, решение о котором мы приняли накануне, успешно развивалось, и мы перенесли штаб-квартиру армии из Франкфурта в Герсфельд, проехав автобаном. Когда мы впервые столкнулись с германскими автобанами, мы намеревались использовать их как главные магистрали для продвижения наших войск, но вскоре практика доказала, что для стремительных атак более подходят дороги второстепенного уровня, поскольку автобаны в некоторых точках пролегают выше последних и в подобных местах легко могут быть взорваны и приведены в полную негодность. Как-то мы поймали одного немецкого полковника, который гордился тем, что с помощью всего лишь одного пятисоткилограммового авиационного фугаса остановил продвижение Третьей армии не меньше чем на два дня.

Вполне возможно, он говорил правду. Однако через три дня после перехода в наши руки автобан стал исключительно полезной штучкой, поскольку этого времени инженерным войскам вполне хватило, чтобы привести его в порядок. Они сделались настоящими специалистами по починке автобанов, как показали себя масте-

---

[1] Ограничительная линия на карте, на которую соседствующие друг с другом части должны выйти для координации перед предстоящим продвижением.

рами, выполняя все прочие задачи, которые вставали перед ними в силу военной необходимости. Дабы наглядно показать, как здорово немцы постарались, разрушая дороги, я скажу, что на одном участке в двадцать километров мы с Кодменом насчитали четырнадцать мест, где были взорваны фугасы.

По пути к новому командному пункту в Херсфельде мы сделали остановку в Висбадене и отобедали с генералом Брэдли. Место, где располагался командный пункт, прежде, по-видимому, служило тренировочным лагерем для бронетанковых или же интендантских войск. Все здесь было очень толково устроено; имелись кухня, офицерская и солдатская столовые, а также множество ангаров, один из которых был доверху завален запчастями для интендантских фур.

Во время долгого переезда я стал свидетелем величайшей бесхозяйственности наших солдат, бросавших бензиновые канистры по обочинам дороги, и издал приказ, чтобы помощник генерал-интенданта Третьей армии лично проехал по дороге в сопровождении двух грузовиков и проследил, чтобы все канистры были собраны.

Я также отметил, что едва ли не каждый рядовой медицинского корпуса, разжившись у гражданских лиц мотоциклом или автомобилем, раскатывал на нем повсюду, тратя немереное количество горючего и создавая пробки на дорогах. Кроме того, транспорт, на котором они разъезжали, позднее понадобится немцам для восстановления своей страны. Словом, мы издали приказ о конфискации всех добытых таким путем машин и мотоциклов.

И еще одно досадное обстоятельство — похоже, солдаты в нашей армии стали забывать, как должна выглядеть военная форма. Когда стояли холода, любые дополнения — все, что могло помочь солдату сохранить тепло, — имели право на существование, и потому можно было допустить послабления. Однако теперь, с приближением лета, надлежало вновь привести все в должный вид. Поэтому я издал соответствующий приказ.

Когда мы добрались на новый командный пункт в Герсфельде, там все пребывали в возбужденном состоянии, причиной которого стали слухи о том, будто бы немцы собиралась выслать посадочный десант[1] с целью убить меня. Я никогда не верил в возможность выброски подобного десанта, однако меры предосторожности принял, и каждую ночь, отправляясь спать в свой грузовик[2], брал с собой карабин.

Генерал Эйзенхауэр и генерал Брэдли прибыли на летное поле, где стояли наши «Кабы» в 09.00 12 апреля, и мы немедленно отправились к генералу Эдди и полковнику Бернарду Д. Бернстайну в солевые рудники Меркерса. Мы взяли с собой представителей-

---

[1] Диверсионную группу на планерах. — *Прим. пер.*

[2] В полевых условиях и дома, то есть в штаб-квартире армии, генерал Паттон жил и работал в двух прицеплявшихся к грузовикам трейлерах.

немцев и спустились на подъемнике на глубину семидесяти метров. Рудник, обычно описываемый как соляной, вовсе не служил для добычи соли, скорее в нем добывали какие-то минералы вроде асбеста. Я бы сказал, что это вообще не рудник, а какой-то гигантский муравейник с сетью туннелей длиной пятьсот восемьдесят километров, от девяти до пятнадцати метров в высоту и примерно столько же в ширину.

Кроме бумажных денег и золотых слитков, там находились французские, американские и британские золотые монеты. Также множество сундуков, набитых драгоценными предметами, такими, как серебряные или золотые портсигары, наручные часы, ложки, вилки, чаши, зубные коронки, фиксы и прочее. Поскольку сундуки не имели никаких надписей или маркировки, думается, сюда просто ссыпали предметы из драгметаллов, добытые преступным путем. Генерал Эйзенхауэр пошутил в том духе, что разочарован отсутствием сундука, полного алмазов. Действительно, никаких драгоценных камней в хранилище нам обнаружить не удалось. Мы осмотрели кое-что из так называемых предметов искусства, некоторые из которых, по моему мнению, стоили примерно два с половиной доллара и висели в каждом втором баре в Америке.

После посещения рудника мы поехали в Эйсфельд, где располагалась штаб-квартира 12-го корпуса; там к нам присоединился генерал Уэйленд. После обеда мы, не дождавшись эскорта, который, как потом выяснилось, просто заблудился, полетели в штаб-квартиру 20-го корпуса в Готе, где нашли Мидлтона и Уокера. По совету последнего мы полетели в Ордруф и посетили лагерь устрашения, который никто из нас прежде не видел.

Там было на что посмотреть. Человек, назвавшийся одним из бывших узников, взял на себя роль гида и показал нам сначала виселицы, на которых вешали тех, кто пытался убежать. Вместо веревки использовалась рояльная струна, а планка находилась всего в полуметре от земли, так что, когда ее выбивали из под ног, человек касался почвы кончиками пальцев и мучался еще минут пятнадцать, прежде чем задохнуться, поскольку высота, с которой он падал, не предоставляла ему счастливой возможности сломать шею. Выбивать планку должны были следующие двое приговоренных к такой же казни. Один из присутствовавших во время нашей экскурсии немцев уверял, что генералы, обвиненные по делу о покушении на Гитлера, были казнены именно таким способом.

Далее наш гид отвел нас к столу для порки с углублением для тела и высотой примерно по причинное место среднего роста мужчины. Экзекуция проходила крайне просто: наказуемый просто нагибался, два охранника держали его, а один бил по спине и филейным частям. Палка, которой пользовались для таких процедур, была толщиной с рукоять кирки и еще сохранила на себе сле-

ды крови. Наш экскурсовод уверял, что однажды получил двадцать пять ударов такой вот дубиной. Чуть позднее, правда, открылось, что он немного приврал, поскольку был не заключенным, а как раз экзекутором. Генерал Эйзенхауэр, кажется, уже тогда заподозрил его, поскольку поинтересовался, отчего же бывший узник выглядит столь упитанным. Утром был найден труп нашего гида, убитого кем-то из настоящих узников.

За столом для порки находилась гора из сорока мертвых тел, обнаженных или полуобнаженных. Всех людей убили выстрелами в упор в затылок совсем недавно, поскольку кровь еще виднелась на земле.

В находившемся рядом с той кучей ангаре нам показали еще одну — снова сорок человек, абсолютно голых и в последней стадии истощения. Трупы были присыпаны известью, но не вследствие попытки уничтожить их, а чтобы они не так воняли. Для борьбы с запахом подобное средство не очень-то годилось. По моим прикидкам, ангар мог вместить двести мертвых тел. Как нам сказали, когда ангар наполнялся, тела забирали и сжигали. По словам узников, с начала года в ангаре побывало примерно три тысячи трупов.

Когда наши войска начали приближаться, немцы задумали уничтожить свидетельства своих злодеяний. Они заставили заключенных выкопать из земли недавно захороненные тела, изготовить огромную решетку из железнодорожных рельсов, положить ее на кирпичный фундамент в огромной яме и, свалив тела сверху, попытались сжечь их. Попытка не удалась. Поневоле начинает казаться, что некое племя людоедов готовило здесь гигантскую трапезу. Из наполовину наполнявшей яму зеленой воды торчали руки, ноги и другие части полусгнивших тел.

Генерал Уокер и генерал Мидлтон приняли мудрое решение показать лагерь как можно большему количеству солдат. Меня это натолкнуло на мысль устроить сюда экскурсию для местного населения. Я высказал свои соображения Уокеру, и оказалось, что тот уже приглашал сюда мэра города и его жену. Придя домой, эти двое покончили с собой. Позднее мы заставили жителей Веймара посетить «достопримечательности» еще большего концлагеря, Бухенвальда, расположенного к северу от города.

Затем мы отправились в 80-ю дивизию, где генерал Макбрайд объяснил суть своего нового изобретения, предназначенного для облегчения взятия городов. В тот или иной населенный пункт летела парочка снарядов, начиненных листовками, в которых содержался призыв к жителям сдать город к тому или иному часу и говорилось, что, если же они не сделают этого, начнется штурм со всеми вытекающими последствиями. Далее излагалась методика сдачи: бургомистру с белым флагом надлежало выйти к нам с заверениями, что немецкие войска в городе отсутствуют. Чтобы помочь жителям принять правильное решение, все время, отведенное нем-

цам на переваривание содержащейся в листовках информации, над городом кружили бомбардировщики 19-й тактической воздушной бригады, постепенно спускаясь все ниже и ниже. Когда время истекало, пилоты «птичек» получали по рации приказ уронить свои «яички». Одновременно с этим начинала работу артиллерия. В результате использования такого метода многие города сдавались нам без единого выстрела.

Позднее мы разработали систему, получившую известность как «Мемориальный проект Третьей армии», по которой мы всегда сначала давали несколько артиллерийских залпов по любому городу на нашем пути, а потом уже делали предложение о сдаче. Целью такого подхода являлось стремление оставить жителям немеркнущие воспоминания, дабы они могли рассказать своим потомкам о том, что в их краях побывала Третья армия Соединенных Штатов.

Спать я лег довольно поздно и вдруг заметил, что забыл завести часы, которые остановились. Тогда я решил включить приемник, чтобы послушать сигнал точного времени. Я включил радио, и диктор объявил о смерти президента Рузвельта. Я немедленно сообщил известие генералу Эйзенхауэру и генералу Брэдли. У нас состоялась беседа, в которой мы обсудили возможные последствия смерти президента. Казалось очень неудачным, что в такой напряженный момент нашей истории мы должны менять коней. В действительности же, как показали дальнейшие события, все случившееся не повлекло за собой вообще никаких последствий.

13 апреля Брэдли попросил меня оставить 65-ю пехотную дивизию на ее теперешней позиции до ближайшего воскресенья, чтобы облегчить одну операцию, проводимую Первой армией.

Я навестил в госпитале полковника Аллена, освобожденного после взятия нашими войсками Веймара. В плену ему отняли правую руку по локоть, и он рассказал мне довольно интересные вещи. Оперировавший его хирург истратил последний эфир, но и его не хватило, поэтому Аллену налили бренди и попытались усыпить хлороформом. Полковник уверял, что видел по крайней мере восемьдесят немцев, которых оперировали вообще без анестезии, если не считать хлороформа и коньяка. Санитарно-профилактические средства практически отсутствовали, и врачи с сестрами буквально купались в крови. Многих нуждавшихся в помощи несли в операционную на руках, поскольку не хватало носилок.

Хирург, попавшийся Аллену, оказался австрийцем и постоянно врал относительно здоровья пациента, поскольку немцы, узнав, что Аллен полковник, хотели отправить его в штаб-квартиру армии для допроса. В конце концов хирург пообещал Аллену, что, если придется, поможет ему бежать и скрыться в лесу до подхода американских войск. По натуре своей Аллен был настоящим бойцом, и единственное, о чем он просил, — оставить его в штабе армии, каковая просьба была удовлетворена. Он принес еще немало пользы.

14 апреля 20-й и 12-й корпусы, благодаря активно содействовавшим им танковым частям, вышли на условленные позиции — на линию, тянувшуюся вдоль реки Мульде от северного края нашего фронта у Гохлитца до предместий Цвикау, а оттуда через Плауэн и Гоф и далее в основном параллельно восточной стороне автобана на Байройт.

Мы с лейтенантом Грейвзом[1] полетели в Майнц по приглашению начальника управления снабжения генерала Планка, чтобы присутствовать на торжественном открытии моста через Рейн, построенного моим другом и однокашником полковником Фрэнком Хьюленом. Хьюлен, похоже, досадовал на себя за то, что построил мост за девять дней, двадцать часов и пятнадцать минут, тогда как, по его словам, Цезарю удалось справиться с аналогичной задачей на целых двадцать часов быстрее. Мы заметили Хьюлену, что Цезарь строил не железнодорожный мост[2].

После всех подобающих церемоний меня попросили перерезать заменявший нам традиционную ленточку красный шнур и вручили ножницы. Мне же показалось, что ножницы в данном случае не совсем уместны, и я попросил штык, которым и перерезал шнур. Затем мы взобрались на платформу поезда, чтобы стать первыми, кто переедет Рейн по новому мосту. Признаться, никогда так не боялся на передовой, как боялся, что чертов хьюленовский мост рухнет. Когда мы вернулись, конструктор показал нам кое-что из приспособлений, с помощью которых он построил свой мост. Одним из них был огромный подъемный кран, способный поднять сразу целый пролет моста. Сооружение, как я помню, Хьюлен назвал «Моби Дик».

По возвращении в штаб-квартиру я узнал, что генерал Гэй, полковники Пфанн и Кодмен посетили еще один концлагерь к северу от Веймара, Бухенвальд, который, как я понял, был еще более отвратительным местом, чем тот, что мы видели в Ордруфе. Я немедленно позвонил генералу Эйзенхауэру и предложил ему распорядиться о присылке видных представителей прессы и фотографов, дабы запечатлеть ужасающие свидетельства злодеяний фашистов. Генерал Эйзенхауэр пошел дальше, он пригласил не только журналистов, но и конгрессменов. В том самом лагере мы устроили экскурсию для полутора тысяч жителей Веймара, дабы они могли получить информацию из первых рук о том, сколь велик позор их правительства. Честно говоря, мне думается, многие из них не знали, что творилось в том лагере.

---

[1] Позднее капитан Ф. П. Грейвз — младший — адъютант генерала Паттона.

[2] Речь идет о рейде Юлия Цезаря в Германию в 55 г. до н. э. Тогда римские легионеры за кратчайший срок возвели мост через Рейн ниже Кобленца и быстро переправились на восточный берег реки. На подобную переправу у орд варваров уходили недели. — *Прим. пер.*

Я не мог получить точной информации относительно того, что должно будет произойти после того, как моя армия выйдет на расчетные позиции. Единственное, что мне удалось выяснить, это то, что в штабе 12-й группы армий полагают, будто у меня недостаточно горючего, боеприпасов и продовольствия для продолжения наступления, но я-то хорошо знал, что для наступления у меня все необходимое есть.

Высшее начальство сообщило мне, что аккредитованный при Третьей армии журналист по фамилии Дрисколл[1] написал статью, в которой утверждал, будто продвижению Третьей армии помешала Первая армия. Людям положительно не живется спокойно. На еженедельных брифингах я всегда отказывался отвечать на вопросы, касавшиеся других армий, и обсуждать их действия, поскольку считал, что Третья армия способна стоять на собственных ногах, не давая никому никакого отчета в своих делах. Я вызвал майора Кирка[2] и приказал ему проследить, чтобы в дальнейшем никакие статьи, где бы сравнивались заслуги нашей и других армий, в свет не выходили.

15 апреля три корпуса (12, 20 и 8-й) уже практически вышли на заданные позиции. Я полетел в Веймар и посетил особняк, где предстояло разместить мой новый командный пункт. Здесь жил бывший местный гаулейтер, ответственный за все злодеяния, творившиеся на данной территории, в том числе и за то, что происходило в концлагере. Здесь генерал Уокер подарил мне игрушечный кораблик для внука, который я взял без колебаний, поскольку вещь, вне сомнения, была отобрана у кого-то этим немецким бандитом.

Затем в обществе генерала Уокера я посетил веймарский концлагерь, тот самый Бухенвальд. Лагерь находился рядом с заводом, производившим в основном детали Фау-1 и ящики для снарядов. Завод стал памятником искусству наших летчиков, которые практически сровняли его с землей, не сбросив ни единой бомбы на лагерь, несмотря на то что оба объекта стояли стена к стене.

Кроме фабричных рабочих в лагере в огромном количестве находили медленную смерть политические заключенные. Их рацион по энергетической ценности соответствовал восьмистам килокалориям[3] в день, вследствие чего каждую ночь от истощения умирало по сто узников. Я прошел через два барака, где с одной стороны тянулись ряды четырехъярусных коек, расположенных чуть под наклоном к центральному проходу. Таким образом, фекалии заклю-

---

[1] Джозеф Дрисколл из «Нью-Йорк Геральд Трибюн», президент Ассоциации американских военных корреспондентов.

[2] Позднее подполковник Дж. Т. Кирк — офицер по связям с общественностью Третьей армии.

[3] При том что норма для работающего взрослого мужчины не менее 3000 килокалорий. — *Прим. пер.*

ченных и прочие отбросы стекали в проход на пол, который, когда я пришел туда, сантиметров на пять — семь покрывали нечистоты. Странно, но там воняло не так уж сильно, как можно было бы себе представить, — просто очень неприятный запах гнили, но не нестерпимая вонь.

Заключенные казались только что ожившими мумиями, и не только по своему физическому облику — они, похоже, не понимали, что происходит вокруг. Если от голода или болезней умирало меньше узников, чем ожидалось, тогда в «естественный» процесс вмешивалось лагерное начальство. Заключенных по желобу спускали в помещение, где на высоту метра два с половиной с потолка свисали крюки, подобные тем, на которые мясники подвешивают туши. К каждому крюку прикреплялась веревка с подвижными втулками на обоих концах. Одна втулка вдевалась в другую, голова заключенного продевалась в петлю, втулка крепилась к крюку, и жертва висела так, пока не умирала от удушья. Если человек долго не умирал, применяли похожую на скалку дубинку, которой заключенному вышибали мозги. Судя по тому, как выглядел ее конец, дубинку пускали в ход довольно часто.

И что, пожалуй, было самым ужасным, все казни осуществлялись самими заключенными. Существовала дьявольская практика заставлять разные этнические группы выбирать между своими членами, кому из них жить, а кому умирать. Количество людей в национальных группах было определенным, и, когда численность их превышала установленную, им самим приходилось выбирать, кого уничтожить на месте, а кого отправить в Ордруф или другой подобный ему лагерь. Такие лагеря назывались лагерями смерти.

В этом лагере находилось немало известных врачей, у которых полностью отсутствовала профессиональная этика, так что они соглашались ставить чудовищные эксперименты на других заключенных. В одном случае, как мне сказали, восемьсот узников подверглись противотифозной вакцинации, а затем были искусственно заражены тифом. Поскольку из восьмисот умерло семьсот человек, эксперимент признали неудачным. Полковник Одем поинтересовался у этих врачей, не нуждаются ли они в чем-нибудь. Один сказал, что, поскольку он ставит эксперимент на человеческом мозге, ему необходимо некоторое количество угольных электродов. Вероятно, мозг испытуемого еще функционировал.

Из того помещения, где в Бухенвальде умерщвляли людей, тела с помощью специального ручного подъемника отправляли в расположенный этажом выше крематорий, где трупам предстояло закончить свой путь в одной из шести печей. Тело помещали на платформу, похожую на ту, которую используют при подаче снарядов для орудий калибра 155 миллиметров; по команде: «Пли!!!» — край платформы ударялся в стопор на дверце, и «снаряд» летел в печь, где быстро сгорал. Заключенный, отвечавший за этот процесс,

очень гордился чистотой на своем рабочем месте и в доказательство даже потер пол ладонью.

Вернувшись к себе, я узнал, что Брэдли пытался связаться со мной по оснащенному шифратором телефону, который как раз вышел из строя, так что Гэй сказал открытым текстом, что я буду у него утром.

Есть одна интересная вещь, на которую обращаешь внимание, когда летишь над территорией Германии, — это большое число бассейнов. Буквально каждый городок, даже самый маленький, располагает своим бассейном. Думается, причина тут в движении за здоровый образ жизни.

Примечательно еще вот что: когда мы находились во Франции, все электростанции там были полностью уничтожены, а когда мы перешли на немецкую территорию и особенно после того как форсировали Рейн, электростанции практически всегда доставались нам целыми.

16 апреля я вместе с полковником Харкинсом полетел в Висбаден, где увиделся с генералом Брэдли, а позднее также с Ходжесом и начальником службы планирования и обучения личного состава его штаба. Все вместе мы выработали новый план, по которому направление главного удара смещалось в южном направлении для атаки на так называемый «национальный редут». Чтобы осуществить перестроение, мы оставляли 8-й корпус на месте, передавая Первой армии и расширяя его фронт как к северу, так и к югу. Выбор пал на 8-й корпус, поскольку он мог быстрее развернуться в обе стороны, что было разумнее, чем брать другой корпус, которому пришлось бы растягивать фронт на вдвое большее расстояние в одном направлении. Южная граница зоны 8-й корпуса при этом достигла бы Гофа, а северная — прежней границы 20-го корпуса. Чтобы завершить данный этап перестроения, мы передали 8-му корпусу 76-ю дивизию 20-го корпуса, а также 4-ю и 6-ю бронетанковые дивизии.

Штаб-квартира 20-го корпуса, его артиллерия и 80-я дивизия переместились на юг, где левая граница их зоны ответственности сравнялась с границей 12-го корпуса на участке, прежде занимаемом 15-м корпусом Седьмой армии. Из 12-го корпуса они взяли 71-ю дивизию, которая развернулась вправо; а еще одна дивизия должна была подтянуться позднее из тыла.

В дополнение к этому мы получали в свое распоряжение 3-й корпус генерала Ван Флита и плюс другие войска, ранее задействованные на ликвидации Рурского котла. 3-му корпусу предстояло унаследовать практически весь бывший фронт 21-го корпуса (командир — генерал-майор Ф. У. Милберн) Седьмой армии.

Мы также задействовали три бронетанковые дивизии в дополнение к 11-й; а именно уже понюхавшую пороху 13-ю (генерал-майор Джон Милликин), а также еще не обстрелянные части —

16-ю (бригадный генерал Дж. Л. Пирс) и 20-ю (генерал-майор Орландо Уард) дивизии. Я радовался тому, что мне дали этих парней. Теперь они успеют побывать на настоящей войне, пока она не закончилась. Все их тренировки в учебных центрах не стоят нескольких дней настоящей драки.

Третьей армии отводилось юго-восточное направление. Таким образом, ей предстояло продвигаться параллельно границам с Чехословакией, при этом Дунай разделял границы корпусов — 12-го на севере и 20-го в центре. Седьмая армия отправлялась прямо на юг, а Первая и Девятая армии оставались в обороне.

На обратном пути мы пролетали над бывшей штаб-квартирой Рундштедта в городке Цигенбург, что в шестнадцати километрах к западу от Бад-Наугейма. Штаб немцев подвергся бомбардировкам нашей авиации, когда мы еще находились по ту сторону Рейна, и результаты бомбометания заслуживали всяческих похвал. Я не перестаю удивляться эффективности действий штурмовиков, особенно способности экипажа уничтожить бомбовым ударом какую-нибудь специально выбранную цель, скажем, движущийся грузовой автомобиль.

Мы собрали в штабе четырех командиров корпусов и объяснили им новый план развития событий. Никто из них не выказал сомнений в способности вверенных им подразделений осуществлять, как мы это называли, развороты со скольжением, менять направление движения и вообще выполнять все необходимые перестроения. Генерал Уэйленд, который неизменно присутствовал всякий раз, когда в штабе Третьей армии принималось то или иное важное решение, в равной степени, как и командиры корпусов, выразил свою уверенность в том, что авиация сможет должным образом поддержать любые действия сухопутных войск. Мидлтон, как и обычно, не поколебал моей уверенности в нем как в прекрасном солдате и предложил провести консультацию с генералом Ходжесом, чтобы выяснить, какой участок фронта последний отведет ему, а также обговорить время, когда армии смогут провести взаимную трансформацию частей. Во время обеда после совещания я сидел рядом с генералом Эдди, и меня серьезно беспокоило его подавленное настроение.

Ближе к вечеру мы с генералом Уильямсом, полковником Кодменом, полковником Одемом и лейтенантом Грейвзом полетели в Париж, где я долго беседовал с полковником Уотерсом, здоровье которого заметно улучшилось. Второй раз мы повидались с ним утром 18 апреля перед нашим отлетом обратно.

Утром за завтраком мы с генералом Хьюзом каждый читали свой номер «Старз-энд-Страйпс»[1]. Я смотрел правую колонку, где

[1] The Stars and Stripes («Звезды и полосы», то есть цвета национального флага США) — название газеты, издаваемой для личного состава армии

описывались действия Третьей армии, а Хьюз тем временем уткнулся в противоположную, где говорилось, что мне присвоено звание полного генерала[2]. Хотя я, безусловно, обрадовался повышению, однако тот факт, что мое имя стояло не в первом списке, а под рубрикой «а также», отчасти подпортило мне удовольствие. Услышав по радио первый список, сержант Микс зашел ко мне и проговорил: «Боже мой, генерал, да они здесь что, смеются над нами?» Кодмен достал для меня в Париже последний комплект четырехзвездной инсигнии, а я подарил свою трехзвездную генералу Кейзу, получившему повышение и ставшему генерал-лейтенантом, о чем сообщалось в том же списке.

29 апреля мы встречались с радиокомментаторами и экспертами из министерства обороны. Последние показались мне весьма интересными ребятами.

Позвонил начальник штаба 12-го корпуса генерал Кейнин и сообщил весьма печальную весть о душевном состоянии генерала Эдди, который явно нуждался в продолжительном отдыхе. Он зарекомендовал себя как очень толковый командиром корпуса, и мне не хотелось его отпускать. Он находился при мне с самого начала, когда мы еще только высаживались в Африке, и я не ошибусь, если скажу, что Эдди имел больший опыт командования крупным соединением, чем все прочие генералы.

В тот день я не мог повидаться с Эдди, поскольку генерал Брэдли послал мне приглашение приехать в Висбаден на совещание, которое проводил генерал Эйзенхауэр. Поэтому я велел Кейнину временно принять на себя обязанности командира до тех пор, пока я уже после встречи с генералами Эйзенхауэром и Брэдли не сделаю нового назначения на пост командира корпуса. Я назвал имена Гэффи, Хармона и Ирвина. Кандидатуры Гэффи и Хармона мы на тот момент решили не рассматривать, так что выбирать пришлось между моим кандидатом Ирвином и Уайчем, которого предложил генерал Эйзенхауэр. Думаю, он сделал это не только потому, что Уайтч был старше по званию — с Ирвином Эйзенхауэр вместе учился и не хотел, чтобы создалось впечатление, будто он продви-

---

Соединенных Штатов во времена Гражданской войны (1861–65). С 1918 г. газета стала выпускаться вновь для войск Соединенных Штатов в Европе и к концу Первой мировой войны стала еженедельной. Выпуск «Звезды и полосы» был приостановлен в 1919 г. и возобновлен в 1942 г., сначала как еженедельного, затем как ежедневного издания. В 1945 г. появилось Тихоокеанское издание «Звезды и полосы». Когда война достигла накала, тираж европейского издания газеты вырос до 1 млн экз. — *Прим. пер.*

[1] В армии Соединенных Штатов пять генеральских званий: бригадный генерал, генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал и генерал армии. Соответственно, знаки различия — от одной до пяти звезд. Паттон, таким образом, поднялся на предпоследнюю ступеньку по иерархической лестнице в табели о рангах. — *Прим. пер.*

гает приятеля. В конечном итоге я настоял на избрании Ирвина как генерала, обладающего большим боевым опытом, поскольку он, еще до того как началась кампания в Европе, участвовал в операции в Тунисе.

Генерал Эйзенхауэр выразил пожелание, чтобы мы как можно скорее начали наступление в направлении Линца, но предупредил, что, поскольку британские части продвигались гораздо медленнее, чем ожидалось, ему, возможно, придется перебросить на их участок дополнительный корпус. Он сказал, что не хотел бы слишком растягивать фронт, пока ситуация на севере не прояснится, а посему мне надлежало быть готовым к продолжению наступления, однако не начинать его до особого распоряжения.

Двадцатого числа мы отправили наш армейский С-47 в штаб-квартиру генерала Эдди с тем, чтобы отвезти его в Париж, и я полетел туда на «Кабе» попрощаться с Эдди. Он страдал таким высоким давлением, что было удивительно, как он еще жив.

С большим сожалением проводив Эдди, я отправился в штаб-квартиру 20-го корпуса в Шлосс-Вайсенштейне. Такого великолепного здания, как то, в котором разместился штаб, мне еще видывать не приходилось. Дом, где было полным-полно настенной живописи и скульптурных изображений дородных женщин, построили, очевидно, на рубеже XVII — XVIII вв. Имелась там и прекрасная коллекция картин. В одной комнате паркет покрывала серебряная инкрустация, а другая была вся в золотой эмали снизу доверху. Нельзя не признать за генералом Уокером особого таланта выбирать роскошные места для своего командного пункта.

Построенные полукругом конюшни шато находились прямо напротив парадного. Стены помещения, где, как я полагал, собирались всадники перед выездом, украшала прекрасная живопись, подобной которой я не встречал ни в одной из многочисленных гостиных этой усадьбы. Устроены конюшни были по самым современным правилам и находились в отличном состоянии. Я насчитал не менее двадцати стойл. Как можно предположить, Вайсенштейны любили поохотиться с размахом.

Оттуда мы полетели в штаб 3-го корпуса в Райдфильде. Мы уже подлетали, когда я вдруг заметил следы трассеров справа от нашего самолета, который в тот самый миг спикировал к земле, чуть не столкнувшись с самолетом, очень похожим на «Спитфайер»[1]. Пи-

[1] «Спитфайер» — британский самолет, считавшийся самым быстрым одноместным истребителем во время Второй мировой войны. Прославился как прекрасный перехватчик в ходе сражений за Британию. Машина, поступившая на вооружение в 1938 г., развивала максимальную скорость 580 км/ч и была оснащена восемью пулеметами 303 калибра (7,7 мм). Одна из последних моделей «Спитфайера» имела летный потолок 12.200 м и развивала скорость 710 км/ч. Пилоты, управлявшие машинами этой модификации, в 1944 г. сби-

лот сделал второй заход, снова дал очередь, но снова промахнулся. На сей раз я уже не сомневался, что нас атакуют, и решил, поскольку делать мне все равно нечего, хотя бы сделать фотографии на память. Однако я, как видно, здорово нервничал, поскольку забыл снять крышечку с объектива, и снимки не получись.

Во время третьего захода на атаку, когда наша машина уже практически касалась колесами земли, назойливый драчун, не рассчитав скорость и высоту, не смог выйти из пике и потерпел крушение, к большому нашему удовольствию. Пока С-47, где находились мы с Кодменом, летел на бреющем, стараясь уйти от воинственного джентльмена, еще четыре истребителя кружили рядом, но не нападали.

15-й корпус Седьмой армии, который осуществлял переброску частей со своих позиций на позиции 21-го корпуса, столкнулся с трудностями и не мог освободить фронт находившегося позади него нашего 3-го корпуса. Я приказал командиру 3-го корпуса просочиться через позиции пятнадцатого, чтобы выйти на расчетные позиции и быть готовым действовать к воскресенью, двадцать третьему апреля.

У меня заночевал генерал Милликин, прежде командовавший 3-м корпусом, а теперь получивший 13-ю бронетанковую дивизию. Он находился в отличном расположении духа, и я пообещал ему приехать для беседы с личным составом его дивизии, как только выпадет случай.

Как мне казалось, я никогда прежде не видел с самолета более красивой местности, чем та, что находилась между Нюрнбергом и Герсфельдом. Мы пролетали над конефермами, судя по тренировочным снарядам рядом с конюшнями.

Находясь в штаб-квартире 20-го корпуса, я вручил Уокеру знаки отличия трехзвездного генерала, поскольку его имя находилось в одном списке с моим среди тех, кто получил повышение.

21 апреля Третья армия лишилась своего главного врача, бригадного генерала Томаса Д. Хёрли и чуть не потеряла офицера, ведавшего арсеналом артиллерии полковника Никсона, у которого обнаружилось опасное желудочно-кишечное заболевание. Хёрли пришлось отправить домой, а Никсона решили прооперировать на месте. Он вполне мог умереть, если бы полковник Одем не осмотрел его и не поставил верного диагноза.

ли более 300 немецких снарядов Фау-1. В ходе Второй мировой войны конструкторы нашли возможность усилить вооружение «Спитфайера» — он был оснащен двумя 20-миллиметровыми пушками и двумя пулеметами 50 калибра (12,7 мм) или четырьмя 303 калибра. Некоторые из модификаций «Спитфайера» могли нести 250 фунтовую (113 кг) или 500-фунтовую (227 кг) бомбу под фюзеляжем и по одной 250-фунтовой бомбе под каждым крылом. Последние «Спитфайеры» уже как самолеты фоторазведки были сняты с вооружения Королевских ВВС в 1954 г. — *Прим. пер.*

Так завершилась Рейнская кампания, в ходе которой мы потеряли 17 961 человека.

Сводка потерь по состоянию на 21 апреля такова:

Третья армия

Убитыми	21 098
Ранеными	97 163
Пропавшими без вести	16 393
Всего	134 654
Небоевые потери	106 440
Общий итог	241 094

Противник

Убитыми	138 700
Ранеными	369 700
Пленными	545 800
Всего	1 054 200

Материальные потери за тот же период

Третья армия

Легкие танки	298
Средние танки	934
Артиллерийские орудия	174

Противник

Средние такни	1492
Танки «Пантера» и «Тигр»	857
Артиллерийские орудия	3324

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ДУНАЙ И ВТОРЖЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИЮ ЧЕХОСЛОВАКИИ И АВСТРИИ

22 апреля стало началом завершения эпопеи. Генерал Паттон высадился с первыми американскими частями на североафриканском берегу 8 ноября 1942 г., а его Третья армия в Европе закончила бои 9 мая 1945 г.

Три года он вел вверенные ему части от одной успешной операции к другой — от победы к победе. Он никогда не отдавал приказов занять оборону. Его теория, суть которой заключалась в том, чтобы наступать, наступать, наступать, а когда сомневаешься, не зная, как лучше поступить, тоже наступать, — приближала общую победу, поскольку, поступая таким образом, Паттон оставлял противнику лишь один шанс — обороняться.

Прекращение военных действий и приказ остановить продвижение настигли Третью армию 9 мая. К этому моменту она прошла больше километров, форсировала больше рек, захватила больше пленных, освободила больше квадратных километров территории дружественных стран и заняла больше площади в пределах неприятеля, чем любая другая армия в истории Соединенных Штатов.

К исходу всей кампании в Европе Третья армия, повернув на юго-восток, очистила Баварию и, развеяв миф о возможном повороте событий, вошла в Чехословакию, преодолел Альпы и встретилась с частями русских в Австрии к востоку от Линца.

Севернее британцы и американцы пожали руки русским на Эльбе и в Берлине. Американская Седьмая и французская Первая армия очистили от неприятеля Альпы в зоне своей ответственности и соединились с американской Пятой армией в Италии.

На Тихоокеанском театре войны британцы захватили Рангун[1]*, и все силы были брошены на создание баз для подготовки к вторжению на территорию Японии.*

Военно-воздушные и военно-морские силы наносили удары по врагу на всех фронтах.

P.D.H.

Последний штрих

К 22 апреля мне было уже совершенно ясно, что конец войны близок, но оставались и такие, кто уверял, что существуют огромные силы немцев, сконцентрированные на юге, — так называемый «национальный редут».

Мы перенесли наш командный пункт из Герсфельда в Эрланген. Я и Кодмен выехали в дождь, перемежавшийся со снежной крупой, а минуя горный перевал на высоте тысяча двести метров, попали под снег. Проехать из Бамберга в Эрланген оказалось делом непростым, на дорогах образовывались кошмарные пробки, поскольку все мосты там были с односторонним движением, а ни один офицер, кроме меня и генерала Мэддокса, не потрудился выйти из машины и урегулировать ситуацию.

Эрланген — университетский город, построенный во времена гонений на гугенотов. Я с удивлением узнал, что мансардные крыши относятся именно к этому времени, поскольку по некоторым причинам относил их постройку к 1870 г.

11-я бронетанковая дивизия, 71-я и 65-я дивизии справлялись с поставленным задачами вполне успешно. Я договорился с генералом Брэдли, чтобы 70-я дивизия дислоцировалась около Франкфурта и находилась в состоянии боевой готовности, а также чтобы

[1] Рангун — столица государства Мианма, ранее называвшегося Бирмой. — *Прим. пер.*

численность ее личного состава была увеличена за счет пополнений, в которых мы в последнее время практически не нуждались из-за невысоких потерь. Фактически эта дивизия на протяжении какого-то времени представляла собой не одну, а полторы дивизии.

23 апреля я поехал в штаб-квартиры 12-го и 20-го корпусов. Автобан на участке от Эрланген до Байройта, где располагалась штаб-квартира 12-го корпуса, позволял машине двигаться с высокой скоростью, как и на участке от Байройта до Бамберга, хотя с военной точки зрения последний отрезок пути был слишком извилистым и сложным.

Когда я вернулся в свой штаб, позвонил генерал Пэтч с предложением поменять 14-ю бронетанковую на 20-ю бронетанковую. 14-я бронетанковая еще вела бои в окрестностях Мюнхена и в зоне ответственности 3-го корпуса, в то время как 20-я бронетанковая находилась поблизости от Вюрцбурга, и ее было бы проще перевести в зону Седьмой армии. Я сразу же согласился.

24 апреля я, как и обещал Милликину, побывал в его 13-й бронетанковой дивизии и пообщался с личным составом.

3-й кавалерийский полк вышел к Дунаю в районе Регенсбурга в 04.00 утром 24-го. Под мудрым командованием Ван Флита 3-й корпус быстро стартовал с исходных позиций. Я с удивлением узнал, что 14-я бронетанковая дивизия, которая до прибытия Ван Флита безуспешно «бодалась» с 17-й моторизованной дивизией СС (оберфюрер СС Бохман[1]), теперь неожиданно легко «сковырнула» их с фронта.

25 апреля стал крайне интересным днем. Нам доложили, что пять тысяч немецких солдат, которые вошли в контакт с частями 26-й дивизии во второй половине дня 24-го и заявили о своем намерении сдаться в плен, оказались русскими, воевавшими на стороне Германии против России. Возник тут же вопрос, кто они, военнопленные или союзники? В конечном итоге мы решили, что они пленные — они ими были и остаются по сей день. По-моему, выбора у них нет — если их выдадут русским, эти ребята, несомненно, будут уничтожены.

Пилоты 19-й тактической воздушной бригады доложили о передвижениях по обоим берегам вверх по течению Дуная большого количества неопознанных воинских подразделений, при них была замечена бронетехника, а также большое количество фур и орудий на гужевой тяге. Сказать с уверенность, кто они, русские или бегущие от русских немцы, мы не могли, но пришли к выводу, что быстрое наступление поможет нам скорее разобраться в данном вопросе.

В полдень позвонил Брэдли и сказал, что, поскольку ситуация на севере прояснилась, части Первой армии корпус за корпусом наме-

[1] Оберфюрер СС Георг Бохман с 26 марта 1945 г. и до конца войны командовал 17-я моторизованной дивизией СС «Гетц фон Берлихинген». — *Прим. ред.*

рены выдвинуться к югу и занять позиции вдоль границы с Чехословакией почти до той точки, где эта граница встречается с границей Австрии. Нас это более чем устраивало, поскольку с этой стороны на нашем фланге оставался открытым довольно большой участок.

14-я бронетанковая достигла берегов реки Альтмуль примерно в центре сектора действий 3-го корпуса, в то время как передовой полк 86-й дивизии того же корпуса вышел на ту же реку на правом крае в Эйхштетте. Ван Флит уверил меня, что перейдет Альтмуль и к вечеру выйдет к Дунаю. Он был настоящим трудягой и великолепным солдатом.

Поскольку аэроразведка постоянно повторяла сведения о продвижении в долине Дуная вверх по обеим сторонам реки неизвестных подразделений, мы прикинули, и получилось, что 11-я бронетанковая дивизия, форсировавшая реку Нааде и продвинувшаяся на восемь километров в юго-восточном направлении, по всей видимости, первая столкнется с теми частями. Штурмовая бригада «А» под началом бригадного генерала У. А. Холбрука-младшего и штурмовая бригада «Б» полковника У. У. Йейла находились в тот момент в десяти километрах к югу от Регенсбурга, где они дали небольшое сражение, но, переломив ситуацию, далее продвигались легко, точно на прогулке.

Боевые потери Третьей армии за два предшествовавших дня составили не более двухсот человек, небоевые потери также были невысоки.

Принимая во внимание тот факт, что Третья армия состояла из четырнадцати дивизий, непосредственно участвовавших в операции и соответствующего количества армейских и корпусных частей, легко понять, сколь малой кровью велась на данном этапе кампания. Если грубо оценить численность дивизии в тридцать тысяч человек и умножить на число дивизий, то получится приблизительно то самое количество людей, которое входило в мою армию, включая дивизионные, корпусные и армейские части.

26 апреля в Швабахе я наградил Ван Флита медалью «За отличную службу», а также нанес визит в 99-ю дивизию и в 14-ю бронетанковую. Ни я, ни Ван Флит не приходили в восторг от работы штабов обоих этих соединений.

86-я дивизия 3-го корпуса достигла Ингольштадта и вела бой в предместьях города.

Вернувшись в штаб-квартиру, я узнал, что как 65-я, так и 71-я дивизия 20-го корпуса форсировали Дунай, одна к востоку, а вторая к западу от Регенсбурга. Они встретили весьма незначительный отпор — противостоявшие им части не располагали артиллерией и вели огонь лишь из стрелкового оружия — и продвигались очень успешно.

На участке 12-го корпуса 11-я бронетанковая дивизия находилась в десяти километрах от границы с Австрией. Один батальон 90-й дивизии приближался к Хаму с намерением закрыть ведущий

к городу перевал в тылу 11-й бронетанковой дивизии, поскольку постоянно циркулировали слухи о намерениях 11-й бронетанковой дивизии немцев ударить в тыл нашим танкистам.

Один немецкий офицер явился к командиру 26-й дивизии и сообщил генералу Полу, что на Дунае стоят на якоре пять барж и что, если в них попадут наши бомбы или снаряды, все живое в радиусе тридцати километров будет уничтожено. Пол велел офицеру отправиться обратно, выставить у барж охрану и дожидаться прибытия наших солдат, что и было исполнено. Пол также предупредил командование авиачастей, дабы исключить случайные бомбардировки барж на реке. Как позже выяснилось, на баржах находились емкости с отравляющим газом.

Это напомнило мне историю, рассказанную одним пленным немцем. По его словам, две сотни бойцов войск СС, все до одного воспитанники «Гитлерюгенда»[1], прошедшие особую подготовку как подрывники и моряки, получили особое задание. Им предстояло взорвать новую бомбу из свинцовой пыли — таково было кодовое название атомной бомбы — с целью уничтожить все живое в Германии. Узнав о выпавшей им чести, восемьдесят из тех двух сотен молодых людей отказались выполнять задание и были уничтожены, или же остальным членам группы так сказали. Сто двадцать парней получили возможность принять участие в операции.

Пролетевший низко над землей самолет сбросил бомбу. Затем парням завязали глаза и в течение часа везли куда-то на грузовиках, потом повязки сняли и велели осмотреть место взрыва. Везде лежал снег, но в ареале, где проходил эксперимент, он растаял, более того, мелкие камни были стерты в порошок, крупные расколоты, а все деревья вырваны с корнем и испепелены. Они заметили, что преградой в зоне поражения стала большая гора — по другую ее сторону следы взрыва не отмечались. Тот же военнопленный уверял, что в окрестностях Зальцбурга находился подземный ангар, где содержалось сто восемьдесят самолетов, каждый из которых был снаряжен такой бомбой.

Во всем этом, безусловно, интересном рассказе сомнительными казались две вещи. Во-первых, генерал Дуллитл заметил, что самолет не мог сбросить такую штуковину с малой высоты, а во-вторых, вызывала подозрения чересчур хорошая осведомленность пленника. Позднее, когда мы вошли в Зальцбург, мы не нашли следов чудесного ангара и ни одного из ста восьмидесяти смертоносных самолетов.

В тот день я впервые посетил центр Нюрнберга, это было тяжкое зрелище. Старинный город со средневековыми стенами лежал

---

[1] «Hitler-Jugend» («Гитлеровская молодежь») — организация, основанная Адольфом Гитлером в 1926 г. для обучения и воспитания молодежи в духе нацизма. — *Прим. пер.*

в руинах — пожалуй, такого кошмара мы еще не видели, хотя миновали множество разрушенных городов. Наша авиация была тут ни при чем, поскольку наступавшему на данном направлении 15-му корпусу Седьмой армии хватило артиллерии, чтобы заставить немцев бежать из Нюрнберга.

27 апреля мы с Кодменом полетели в штаб-квартиру 20-го корпуса в Питтерсберге, где я в торжественной обстановке вручил генералу Уокеру трехзвездную инсигнию. Он не хотел надевать звезды до тех пор, пока не получит подтверждение сената о своем повышении. Я решил поддразнить его, сказав, что он, наверное, в чем-то грешен и боится наказания свыше. Лично я никогда не ждал никаких подтверждений и надевал новые знаки различия, как только узнавал, что бумаги на представление поступили к президенту.

Вместе с Уокером мы отправились к востоку от Регенсбурга и по наведенному саперами мосту переправились через Дунай. Большого впечатления он на меня не произвел — так мутная грязная речушка. Однако рядом с мостом мы увидели несколько барж, груженных различными узлами подводных лодок.

Потом мы полетели в штаб-квартиру 12-го корпуса и имели беседу с генералом Ирвином. 11-я бронетанковая дивизия перешла границу с Австрией, а 90-я и 26-я дивизии приближались к ней. Ирвина тем не менее беспокоил не полностью прикрытый 5-м корпусом[1] фланг Первой армии, которая заняла позиции в соответствии с планом Брэдли. Я дал разрешение Ирвину остановить 11-ю бронетанковую на денек-другой для передышки, поскольку за последний месяц дивизия находилась вне зоны боевых действий только четыре дня.

86-я и 99-я дивизии 3-го корпуса успешно форсировали Дунай, а 14-я бронетанковая еще находилась в процессе перехода реки.

Командиры 3-го и 20-го корпусов, грамотные и прекрасные военные, явно старались отличиться и обойти один другого.

12-й корпус в этом соревновании участвовать не мог, поскольку на его участке дороги находились в отвратительном состоянии и ему приходилось продвигаться лишь дивизионными колоннами, что влекло за собой вполне понятные трудности.

5-я пехотная дивизия вновь вернулась к нам, теперь под командованием генерала «Берфи» Брауна. Позднее, когда 5-я доберется до своих позиций на передовой, мы пообещали вернуть за нее 97-ю «зеленую» дивизию.

На обед ко мне прибыли генералы Спаатс, Дуллитл и Ванденберг, и я распорядился выставить в честь Спаатса и Ванденберга почетный караул, поскольку с момента своего повышения в должности они еще не удостоились торжественного салюта.

---

[1] 5-м корпусом командовал генерал-майор Кларенс Р. Хебнер.

Британская вещательная компания (Би-би-си) выступила с заявлением, что Гиммлер отправил Соединенным Штатам и Великобритании предложение о немедленной и безоговорочной капитуляции Германии, однако получил ответ, что никаких переговоров без участия России быть не может.

29 апреля мы с лейтенантом Грейвзом полетели в Вихтах, что в двадцати пяти километрах к юго-востоку от Хама, но сесть там не смогли, поэтому нам пришлось вернуться в Хам и уже оттуда ехать на машине в Вихтах, где размещалась штаб-квартира 12-го корпуса. Корпус наступал на Линц, и я предложил повернуть вправо, чтобы захватить или создать для неприятеля угрозу захвата Пассау. Если бы нам не удалось занять данный населенный пункт и мосты через реки Дунай и Инн, которые сливались возле него, подобный маневр мог бы вынудить неприятеля взорвать мосты. Нас устраивал и тот и другой вариант, потому что главная цель взятия под контроль Пассау и его мостов заключалась в том, чтобы помешать немцам переправить войска на южный берег Дуная, в район так называемого «национального редута».

Затем мы полетели в расположение 20-го корпуса в Регенсбурге, где нашли генерала Уокера, устроившимся во дворце князей из рода Турн и Таксис. Это самый роскошный ансамбль в городе, строения которого расположены по всем четырем сторонам площади. Он включает в себя театр, библиотеку, арсенал и три церкви, не говоря уже о парках и сквериках. Впоследствии я тоже пожил в этом дворце, так что упрекать Уокера за то, что он устроился там, я не возьмусь. Так или иначе, он еще раз показал, что умеет выбирать места. Князья Турнского и Таксисского дома еще лет триста назад захватили монополию на почтовые услуги в Баварии и изобрели почтовую марку. Их умение мыслить, опережая время, принесло им солидный капитал; и теперь они все еще были очень богатыми людьми.

29 апреля мы взяли в плен двадцать восемь тысяч человек.

В конце месяца ситуация для Третьей армии не слишком изменилась, если не считать того, что 26-я дивизия находилась уже почти в Пассау, а 11-я бронетанковая сосредотачивалась у Линца. Мы договорились с генералом Брэдли об обмене 4-й бронетанковой дивизии на еще не нюхавшую пороха 16-ю. План состоял в том, чтобы силами 4-й бронетанковой и 5-й пехотной дивизий ударить в юго-западном направлении вверх по долине реки Траун на Зальцбург и одновременно силами 20-го и 3-го корпуса атаковать те же цели с северо-запада. На данном этапе войны овладение территориями выглядело более привлекательным, чем даже разгром войск противника, а дорога из Линца в Зальцбург вверх по реке была предпочтительнее, чем те, по которым приходилось продвигаться вышеназванным корпусам. Сумей мы своевременно взять Пассау, 4-я бронетанковая и 5-я пехотная могли бы тоже двинуться оттуда,

поскольку в дополнение к дороге из Линца в Зальцбург там существовала еще одна на южном берегу реки Инн, которую тоже можно было задействовать, если бы нам удалось захватить мосты в том городе. Таким образом, этот план представлял для меня нечто вроде лука с двумя тетивами.

Мы узнали, что 29 апреля пилотам 19-й тактической бригады удалось нанести весьма эффективный удар по скоплению бронетехники севернее Хама; как выяснилось позднее, это оказались танки 11-й танковой дивизии противника[1].

Как еще один признак того, что никто уже не сомневался в скором окончании войны, я получил распоряжение записать двухминутную речь для Дня Победы в Европе.

1 мая мы с генералом Ли, его адъютантом майором Х. Д. Ротроком и полковником Кодменом поднялись на «Кабах» с летного поля в Нюрнберге и полетели в штаб-квартиру 3-го корпуса в Майнбурге. Затем мы поехали к реке Изар в район Фрейзинга, где 86-я дивизия осуществляла переправу, а затем разворачивалась вниз по берегу в направлении Моосбурга. По пути мы заглянули в 14-ю бронетанковую дивизию, также занятую переправой через реку. Я с удивлением заметил на танках мешки с песком, что было совершенной глупостью. Во-первых, солдаты могли думать, что их танки недостаточно прочны, во-вторых, это увеличивало вес машин, а в-третьих, не повышало их защиту. Я распорядился немедленно снять мешки[1].

Когда мы находились на том мосту, вместе с войсками на другую сторону пытался перейти представитель Международного Красного Креста и женщина, которую он представлял как свою жену, а также группа пьяных англичан. Ни тем ни другим переправиться не удалось.

Затем мы направились в лагерь для военнопленных из частей союзнических войск в Моосбурге, где содержалось примерно тридцать тысяч человек, преимущественно офицеров, ожидавших отправки по воздуху. Лагерь находился в распоряжении групп-капитана[2] королевских ВВС, с которым мне довелось пообедать в Лондоне в 1942 г. Его помощником был полковник П. Р. Груд из Армии США. Болезнь этого человека стала причиной того, что пол-

---

[1] Командир — генерал-майор барон Хорст Тройш унд Буттлар-Бранденфельс. — *Прим. ред.*

[2] Мешки, укрепленные на броне запасные траки, дополнительная броня, которую наваривали на танки в полевых условиях, — все это средства, с помощью которых танкисты пытались повысить защиту своих машин, особенно от губительных кумулятивных снарядов и гранат, в частности от Панцерфаустов, причинявших большой урон бронетехнике союзников. — *Прим. пер.*

[3] Group captain — офицер в королевских ВВС Британии в звании, равном полковнику в наземных войсках. — *Прим. пер.*

ковник Уотерс не попытался бежать во время переезда лагеря из Польши на Юг Германии. Уотерс считал, что если он бросит Груда, тот наверняка умрет. Никто не знал о моем приезде, потому аплодисменты, которыми приветствовали меня военнопленные, носили спонтанный характер. Мне понравилась дисциплина в лагере и то, что все люди, несмотря на скученность, выглядели чистыми и аккуратными.

Я прошел по жилым помещениям, посетил также и бараки, где располагалась кухня и где я наблюдал разнообразные оригинальные приспособления для приготовления пищи, сконструированные попавшими в плен пилотами ВВС Соединенных Штатов. Приспособления напоминали кузнечный горн, где сгорало практически все, что могло гореть. В процессе горения агрегаты изрыгали имевший жуткий запах густой черный дым — самый густой и черный, какой мне только когда-нибудь в жизни приходилось видеть. И все же благодаря этим печкам, поставляемая американским Красным Крестом еда разогревалась и делалась более аппетитной. На протяжении последнего месяца пленные в Моосбурге питались полностью за счет поставок Красного Креста, поскольку немцы практически не поставляли в лагерь продуктов, которых у них самих уже не было. К их чести надо заметить, что они не препятствовали снабжению пленных провизией и не отбирали ее для себя.

Оттуда мы поехали в Ландсхут, где через Изар переправлялись части 99-й дивизии. Именно в Ландсхуте в шато на южном берегу реки полковнику Кодмену довелось провести в неволе долгое время в период Первой мировой войны, пока ему не удалось бежать. Я сделал несколько снимков на память.

На пути мы проезжали через немецкую кондитерскую фабрику, где за день до того генерал Ван Флит пресек действия шайки мародеров из местного населения. Не вмешайся Ван Флит и его личный шофер, действовавшие быстро и решительно, склад с сахаром, шоколадом и мукой — столь ценными во время войны продуктами — оказался бы полностью разграблен. В результате действий мародеров сахар и шоколад, высыпавшиеся из прорванных мешков, лежали на полу выше щиколоток. Похоже, от голода обезумели даже обычно сдержанные немцы.

Вернувшись в штаб-квартиру, я узнал, что задачу уничтожения «национального редута» предполагается перепоручить Седьмой армии. Мне пришло на ум, что если бы мы обеспечили переправу через реку Инн в Вайсербурге, чтобы взять под свой контроль дорогу из Вайсербурга на Альтенмаркт и далее на Зальцбург, мы смогли бы в зародыше пресечь амбициозные поползновения Седьмой армии.

Я позвонил Ван Флиту и попросил его, если надо, вывернуться наизнанку, но получить переправу в Вайсербурге, а также вызвать все части в его секторе и обеспечить их переправу через реку Инн.

Ван Флит сформировал оперативную бригаду и форсировал Инн в районе Вайсербурга до наступления утра, что по праву могло считаться самой элегантной и быстрой операцией из проведенных за всю войну.

2 мая мы перенесли наш командный пункт из Эрлангена в Регенсбург, иначе Ратисбон, где Наполеон одержал победу в славной битве[1], что вдохновило поэта на такие строки: «Ты знаешь, мы, французы, взяли Ратисбон // Там в миле на горе стоял Наполеон», и т. д. Вероятно, полководцы находились в те времена сравнительно далеко от передовой, если сравнивать с нашими временами.

Лично я не мог покинуть командный пункт до 13.30, поскольку мне приходилось ждать звонка от генерала Брэдли с сообщением относительно того, продолжать ли наступление на «редут» или уступить это право Седьмой армии. В 13.30 он дал мне новые границы, что становилось ответом на мой вопрос: Седьмая армия приняла решение. Новое разграничение выглядело следующим образом: прежние рубежи Третьей армии и 3-го корпуса к северо-западу от Фрейзинга; далее преимущественно в восточном направлении на Мюльдорф; далее вдоль берега реки Инн до места ее слияния с рекой Зальцах; далее до Штрассвальхена; далее преимущественно параллельно реке Эннс и до той точки, где она впадает в Дунай при Маутхаузене в десяти километрах от Линца.

Русские находились на другом берегу Дуная. К северу от него временной границей между армией Соединенных Штатов и русскими служила железнодорожная ветка, устремлявшаяся к северу от того места, где Эннс впадал в Дунай. Результатом такой дислокации становилось сокращение численности частей в составе 3-го корпуса и фактическое прекращение продвижения Третьей армии.

Будучи по природе своей оптимистом, я велел командиру 3-го корпуса оставаться в Вайсербурге, а также овладеть уцелевшими переправами через реку Инн, которые только удастся обнаружить.

Командование Седьмой армии обратилось к нам с просьбой принять 4-ю пехотную дивизию генерал-майора Х. У. Блейкли в обмен на 86-ю дивизию в Вайсербурге. Поскольку делать было нечего, нам пришлось согласиться. Так или иначе, нам удалось удержать за собой 23-й разведывательный батальон (командир — подполковник Р. С. Эдкинсон) 16-й бронетанковой дивизии и две роты 14-й бронетанковой дивизии; все эти подразделения действовали в секторе 86-й.

---

[1] Речь идет о четырехдневном кровопролитном сражении 19–23 апреля 1809 г. между 180-тысячной армией австрийцев и 170-тысячной армией Наполеона. 23 апреля французы, в течение всего дня штурмовавшие Регенсбург, взяли город. Австрийская армия потеряла до $^1/_3$ своей численности и была вынуждена отступить в Богемию. — *Прим. пер.*

Я связался с командиром 3-го корпуса и объяснил ему, что происходит, однако разрешил продолжать движение и занять небольшую зону, пока еще остававшуюся для него свободной.

У меня возникла идея, использовав переправу, обеспеченную 65-й дивизией 20-го корпуса в районе Пассау, быстро двинуть 12-й корпус на Линц дорогой Шардинг-Линц. Однако же генерал Гэй и генерал Мэддокс разубедили меня, поскольку реальнее, чем я, оценивали, сколь незначительными были силы неприятеля, противостоявшие 20-му корпусу. Я уверен, они, по крайней мере в тот момент, также ощущали возможности, которые открывала смена направления продвижения 12-го корпуса на северо-восток. На протяжении всей этой операции для Третьей армии каждый переезд на новый командный пункт влек за собой неотвратимые изменения либо направления атаки, либо вообще самого задания.

3 мая по радио передали о безоговорочной капитуляции немецких войск в Италии.

Как 65-я пехотная дивизия 20-го корпуса, так и 11-я бронетанковая 12-го корпуса продолжали переправляться через реку и быстро продвигались к Линцу. Я решил послать 4-ю пехотную дивизию к Нюрнбергу на охрану линии коммуникаций, а также передать 3-му корпусу по одной дивизии из 12-го и 20-го корпуса на случай проведения операции в Чехословакии.

Затем мы посетили штаб-квартиру 20-го корпуса, разместившуюся в сельской местности в прекрасном здании, где имелась великолепная коллекция старинного огнестрельного оружия. По всей видимости, предкам нынешнего владельца дома приходилось снаряжать и водить полки.

Возвращаясь в штаб Третьей армии, мы проезжали мимо большой колонны весьма упитанных и, судя по всему, вполне довольных жизнью венгров, следовавших по дороге почти без охраны — один наш солдат приходился на тысячу пленных.

Нас всех чуть не убила повозка, выскочившая с противоположной стороны дороги, при этом торчавший из нее шест прошел всего в двух-трех сантиметрах от нас. Американские солдаты, наверное, никогда не научатся правилу, согласно которому во время проведения военных операций гражданские лица не должны находиться на дорогах. Такое добросердечие, несомненно, говорило в пользу наших парней, но, вне сомнения, увеличивало число потерь, поскольку на войне время не деньги, а кровь, тогда как запряженный в телегу крестьянина вол отнимает это время, а значит, в итоге чью-то жизнь.

Если мне случится воевать еще где-нибудь, я введу правило, чтобы никакие гражданские транспортные средства, начиная от лошадей и заканчивая автомобилями, даже не появлялись на главных дорогах, и, если потребуется, прикажу убивать животных и уничтожать телеги и машины. Я поступал таким образом

на Сицилии, а пресса, которая ни черта не могла понять, ругала меня из-за нескольких сброшенных с моста ослов, совершенно не обращая внимания на то, что подобная жестокость помогла нам взять Палермо за один день и ценою очень невысоких потерь. Так же и во время Саарской кампании благодаря взаимопониманию, достигнутому с местными властями, все главные дороги, включая и те, что находились в Нанси, были полностью в нашем распоряжении.

4 мая 11-я бронетанковая, миновав Линц, проследовала линию, разделявшую юг и север, и была готова к встрече с русскими. По предложению генерала Ирвина, 90-я дивизия, 5-я дивизия и 2-я кавалерийская бригада полковника С. Х. Рида подготовились к возможному маршу для прохода через горы на территорию Чехословакии, чтобы в случае, если нам придется наступать на Прагу, трудные перевалы остались бы у нас за спиной прежде, чем кто-либо успел атаковать нас.

5-й корпус генерала Хебнера из состава Первой армии был придан Третьей армии, вследствие чего она достигла пика своей численности за всю историю войны в Европе — восемнадцать дивизий, или чуть больше 540 тысяч человек.

Мой старый приятель, которого я знал с 1912 г. с Сомюра, французский пятизвездный генерал Жан Удмон позвонил мне, выразив желание встретиться со мной 4 мая. Кавалерийский офицер Первой мировой войны, он позднее выучился на летчика и воевал за Францию во время Второй мировой до тех пор, пока, как он выразился: «Le vieux Petain m'a renvoye»[1]. В тот момент ему исполнилось шестьдесят четыре и он был самым старым летчиком во французской армии. До падения Франции он командовал южными воздушными частями французских ВВС, затем уехал к себе домой в Понт-а-Муссон, где стал мэром и во время немецкой оккупации устроил у себя в доме больницу.

Под предлогом переговоров о перемирии для отправки больных из зоны боевых действий Удмон со своей дочерью санитаркой Катрин под огнем переправился через Мозель и прибыл ко мне в штаб-квартиру. Еще будучи молодым кавалерийским офицером, он во время маневров прекрасно изучил все броды на нужном мне участке реки и явился для того, чтобы показать их мне. К сожалению, меня в штабе не было, а разговаривавший с ним офицер не понял, что у Удмона добрые намерения, и приказал ему плыть обратно, напоследок выстрелив в его лодку на счастье.

Однако Удмон все же настоял на том, чтобы мне передали листок с обозначенными на нем бродами, а также с сообщением, что средневековый замок Монссон на крутой горе за городом — важный наблюдательный пункт немцев. Указанными бродами мы по-

[1] Старый Петэн отослал меня в тыл (*фр.*).

зднее воспользовались при переправе через реку Мозель. Через два дня после того визита в мою штаб-квартиру немцы вывезли его из Понт-а-Муссона, и нам пришлось потратить время на поиски генерала, которого мы даже какое-то время считали погибшим. Он был замечательным человеком и интересным собеседником. Позднее я отвез его в Париж на самолете, чему Удмон очень обрадовался. За свою работу во время войны и за спасение двух американских солдат на Мозеле его дочь получила Военный крест.

В 19.30 позвонил генерал Брэдли и сказал, что для наступления на Чехословакию дан зеленый свет и что ему хотелось бы знать, когда я смог бы начать. Я сказал, утром. Уверен, если бы он не знал меня так хорошо, то не поверил бы мне.

Я немедленно позвонил в штаб 5-го корпуса и велел начинать наступление силами 1-й (находившейся в тот момент под командованием генерал-майора Клифта Эндруса) и 2-й пехотных дивизий, а также 16-й бронетанковой. 12-й корпус получил приказ атаковать в соответствии с заранее подготовленными планами. Генерал Гэй, обладавший обостренным шестым чувством, привел 16-ю бронетанковую в боевую готовность еще днем, поскольку предвидел: что-то должно произойти. Нам очень хотелось дать парням из 16-й

---

[1] 5 мая 1945 г. 5-й корпус генерал-майора С. Р. Хебнера был также придан Третьей армии.

Примерно около семи тридцати вечера генерал Хебнер как раз ужинал, когда явился начальник службы планирования и обучения личного состава его штаба с приказом о передаче корпуса Третьей армии. Генерал Хебнер заметил:

— Так, ребята, у нас с вами максимум двенадцать часов, а потом генерал Паттон позвонит и прикажет нам куда-нибудь наступать.

Суп еще не успел остыть, когда начальника штаба корпуса позвали к телефону. Он скоро вернулся с ухмылочкой на лице и сказал:

— Генерал, на проводе генерал Паттон. Он хочет поговорить с вами.

Вот приблизительный текст той телефонной беседы:

— Привет, это Хебнер?

— Привет, генерал. Как вы?

— Замечательно. Где тебя черти носили после Сицилии?

— Мы с моими ребятами занимались всякой дребеденью.

— Я рад, что мы теперь снова вместе.

— Я тоже рад этому, генерал.

— Я хочу, чтобы утром ты ударил на Пльзень.

— Так точно, сэр.

— Сможешь?

— Так точно, сэр.

— Отлично. Тогда пошевеливайся, а то война вот-вот закончится. Увидимся позже. До свиданья.

Генерал Хебнер вернулся за стол и произнес:

— Я чуть-чуть ошибся в расчетах. Вместо двенадцати часов он позвонил через двенадцать минут. Утром наступаем на Пльзень.

понюхать пороху, прежде чем закончится война, а им очень хотелось успеть хоть напоследок отличиться.

Оба корпуса ударили на прорыв один в 08.00, другой в 10.00 утра 5-го числа, 5-й корпус — силами 97-й и 2-й пехотных дивизий, а также частями 16-й бронетанковой. 1-й дивизии предстояло вступить в операцию 6-го, равно как и частям 9-й бронетанковой дивизии.

От Брэдли я получил инструкции, которые и передал командирам корпусов, чтобы их войска не заходили за линию, проходящую через Пльзень и разделяющую северо-западную и южно-восточную зоны, но были бы в состоянии вести разведывательные действия в направлении Праги.

12-й корпус устремился в наступление силами 90-й и 5-й дивизий, а его 11-я бронетанковая и 26-я дивизия, которую на позициях заменила 65-я пехотная дивизия 20-го корпуса, захватили Линц.

Помню, что во время наступления я беседовал с командовавшим 26-й генералом Полом. Тогда он напомнил мне, что, когда 7 октября его дивизия сплошь состояла из «зеленых», не нюхавших пороха парней, я отозвался о них как о любителях, которые собрались играть в профессиональной лиге, и мое высказывание заставило ребят встряхнуться и стать достойными звания настоящих бойцов. Он заметил, что тогдашнее мое замечание вполне годилось бы и теперь во время его последней атаки на Линц, поскольку из-за потерь и усталости опытных солдат, многих из которых пришлось отправить на отдых, его дивизию снова наводнили необстрелянные новобранцы.

Как бы там ни было, существует большая разница между старой дивизией, вне зависимости от того, опытные или не очень опытные солдаты составляют в ней большинство, и совершенно новой дивизией. Война закаляет душу боевого подразделения, и пускай в нем совсем немного стариков, их опыт не позволит прорасти пагубным семенам сомнений и страхов. Может быть, мой кулинарный пример выглядит немного смешно, но для того, чтобы молодняк поднялся и стал правильным тестом, в него достаточно «подсыпать» немного ветеранов в качестве закваски.

К несчастью, лишь немногие командиры, как и политики, сознают тот факт, что боевые части имеют свою коллективную душу, и поэтому не считают необходимым воздействовать на чувства людей. Говоря эти слова, я вспоминаю, как тот же Пол признался мне однажды с большой искренностью, что одним из величайших моментов его жизни стал тот, когда во время операции «Балдж» я положил руку ему на плечо и сказал: «Как нынче поживает мой маленький геройский сукин сын?» Пол уверял, что это замечание воодушевило не только его, но и буквально всех в дивизии. Думаю, что, вполне возможно, он прав.

Хебнер предупредил меня, что когда мы встретимся с русскими, если мы с ними встретимся, я должен быть готов к взаимному об-

мену медалями, флагами и личными вещами, и по этой причине мне лучше не брать с собой своего позолоченного пистолета и не надевать дорогих часов, поскольку я едва ли получу от русских в обмен что-нибудь столь же стоящее. Я тут же позвонил генералу Брэдли и спросил, какие награды и в каком количестве я могу вручать. Мы сошлись вот на каком раскладе по медалям: дивизия может вручить шесть медалей «Легион заслуг»[1] низшей степени и шесть «Бронзовых звезд»[2] в той из дивизии русских, с которой войдет в соприкосновение. Корпусное начальство может располагать девятью «Легионами заслуг» и тремя «Бронзовыми звездами» для вручения корпусу, с которым встретится. В этом случае половина «Легионов заслуг» должна быть офицерского уровня. Командование армии может располагать двенадцатью медалями «Легион заслуг», включая медали третьей степени (или степени командующего), а также набор «Бронзовых звезд». Мы сразу же подсуетились и раздобыли оговоренное количество наград.

Ввиду переданных по радио сообщений о том, что граждане Чехословакии сами захватили Прагу, я горел желанием поскорее прийти им на помощь и попросил Брэдли санкционировать этот марш, но получил отказ. Разведывательные подразделения Третьей армии находились в окрестностях Праги, что означало — мы продвинулись на восток дальше любой из западных армий. Также Третьей армии, единственной из всех западных армий, была дарована привилегия вести последнее наступление.

6 мая уже окончательно решилось, что за проходившую через Пльзень линию мы не переступим, исключая, конечно, необходимые в целях безопасности действия отрядов разведчиков на удалении в семь-восемь километров от расположений своих частей. Я был чрезвычайно огорчен, поскольку считал и думаю так же сейчас, что нам следовало продолжать наступать до берегов Влтавы, а если бы русским это не понравилось, мы должны были послать их к черту. Только спустя много времени я узнал, какая важная причина заставила генерала Эйзенхауэра приказать нам остановиться там, где мы остановились.

Так же мы решили, что рубежом, на котором мы будем дожидаться прибытия русских частей, станет место, где мы находились — к северо-востоку от реки Дунай. Около 11.00 авангандная штурмовая бригада (командир полковник С. Х. Нобль) 16-й броне-

---

[1] Медаль «Легион заслуг» (с 1943 г.) — военная награда в Соединенных Штатах, присуждаемая за исключительные заслуги. Это единственная награда в США, которая имеет различные степени. Военным полагаются медали только самой низкой градации. — *Прим. пер.*

[2] Медаль «Бронзовая звезда» (с 1944 г.) — военная награда в Соединенных Штатах, присуждаемая за героические подвиги и заслуги на службе. — *Прим. пер.*

танковой дивизии вошла в Пльзень. Для исполнения задач плана «Иклипс» («Затмение»)[1] мы переместили 3-й корпус к Нюрнбергу, начав оккупацию Баварии.

Как нам доложили, сто тысяч белых русских, с которыми находилось немало женщин и детей, пытались сдаться в плен[2]. Эти люди угодили в переделку: солдаты могли рассчитывать лишь на участь военнопленных; женщины и дети считались перемещенными лицами.

7 мая мы уже знали, что война закончится в полночь с 8 на 9 мая. Брэдли направил русского генерал-полковника через расположения 5-го корпуса, чтобы тот мог приехать в Прагу и сообщить командующему германской группы армий генералу Шернеру[3] условия капитуляции.

Генерал Гэй предусмотрительно направил главного врача Третьей армии с личной инспекцией в Моосбург, чтобы тот мог своими глазами увидеть, что пленные солдаты и офицеры союзников получают должный медицинский уход и полноценное питание.

Заместитель министра обороны судья Паттерсон провел у нас ночь с 6 на 7 мая, а 7-го числа мы отправились в 20-й корпус на двух «Кабах». В тот день мы перелетали через реку Эннс, также через Изар и в одном месте на боковой ветке видели по меньшей мере сотню неповрежденных паровозов.

Прибыв в штаб-квартиру генерала Уокера, мы узнали, что в руки 20-го корпуса попала размещенная в соседнем замке Императорская испанская академия верховой езды, в полном составе бежавшая из Вены при приближении русских. Это заведение открылось в Вене еще при императоре Карле V[4].

Поначалу все приемы вольтижировки имели большое значение с военной точки зрения. Таким образом, выполнение курбета[5] имело целью увеличить силу удара мечом, завершаемого всадником в тот момент, когда конь его опускал копыта на землю. Вольт и полувольт[6] помогали избежать атаки, а скачки вперед и назад служили

---

[1] Кодовое название плана оккупации Германии.

[2] Паттон, скорее всего, имеет в виду казачий стан Доманова и казаков (бывших белогвардейцев), составлявших 15-й корпус СС, которые воевали на стороне Германии. — *Прим. ред.*

[3] Генерал-фельдмаршал Фердинанд Шёрнер командовал группой армий «Центр», а 30 апреля 1945 г. номинально считался главнокомандующим сухопутными войсками. — Прим. ред.

[4] Карл V (1500–1558) — император Священной Римской империи (1519–1556), король Испании (как Карл I, с 1516 по 1556 г.) и эрцгерцог Австрии (как Карл I, с 1519 по 1521 г.), унаследовавший империю Габсбургов. — *Прим. пер.*

[5] Courbette (фр.) — элемент вольтижировки, когда лошадь привстает на дыбы. — *Прим. пер.*

[6] Volte и demi-volte (фр.) — буквально: уход от атаки. Разворот (полуразворот). Элемент вольтижировки. — *Прим. пер.*

для того, чтобы обезопасить всадника от близкого контакта с противником, ну и так далее. Годы шли, и методы ведения войны менялись, таким образом, применение всех приемов вольтижировки утратило практическое значение и превратились в искусство верховой езды. Как часто бывает в подобных случаях, истинная цель теряет смысл, будучи подмененной процессом, то есть средством, которое и превращается в цель.

После обеда генерал Уокер устроил так, что нам удалось стать зрителями великолепного шоу. Как бы там ни было, мне показалось весьма и весьма странным, что во время мировой войны два десятка парней и людей среднего возраста вместе с тридцатью грумами тратили все свое время на то, чтобы обучать несколько десятков лошадей шевелить задницами и становиться на дыбы, повинуясь всаднику, натягивающему поводья или ударяющему их пятками в бока. Как бы я ни любил лошадей, подобные вещи кажутся мне напрасной тратой времени и сил. С другой стороны, наверное, неправильно было бы позволить древнему искусству, сколь бы бессмысленным оно ни казалось, исчезнуть навеки, тем более все оценки субъективны. Лично для меня вольтижировка вещь куда более интересная, чем живопись или музыка.

Покинув расположение 20-го корпуса, мы с заместителем министра полетели дальше. Пролетая над Линцем, я обнаружил, что город получил больше разрушений, чем мне представлялось. Приземлились мы в расположении 12-го корпуса, где нас встретил генерал Ирвин. Оттуда уже к 20.00 мы вернулись ко мне в штаб.

У замминистра была чудесная способность запоминать имена и лица: он помнил всех офицеров, которых ему представляли, когда он в последний раз посещал ту или иную часть. Также он очень хорошо знал историю, особенно то, что касалась Гражданской войны, поэтому мы беседовали с особым удовольствием. Насколько мне известно, он единственный человек в правительстве, награжденный крестом «За отличную службу», который он получил, служа в пехотных частях во время Первой мировой войны.

8 мая, когда замминистра уехал, ко мне на обед пожаловали Брэдли и Аллен, и мы обсудили множество вопросов, которые касались занимаемой нами зоны. Между тем поскольку Штаб командующего союзническими экспедиционными силами так и не пришел к какому-нибудь конкретному решению, мы могли лишь гадать о том, что же будет дальше.

На обычной летучке утром 8-го в разговоре с офицерами я сказал им, что эта летучка станет последней на территории Европы, подчеркивая слово «Европа». Думаю, многие из них понимали, что я надеялся на другие летучки, но уже в Азии, однако «Самые лучшие планы людей и мышей идут ко дну...». Затем я поблагодарил всех сотрудников штаба за то, что они сделали, и сказал, что один человек не может управлять армией, а успешность действий каждо-

го войска зависит от гармоничной работы его штаба, от умения сражаться боевых офицеров, сержантов и рядовых. Без этого командного взаимодействия никто не может победить в войне.

8 мая отмеряло ровно два с половиной года, прошедшие с момента нашей высадки в Африке. Все это время до полуночи в ночь с 8 на 9 мая мы почти постоянно воевали, а когда мы не сражались с врагом, то воевали с нашими критиканами, что, я уверен, куда более тяжкое бремя.

В 11.30 закончился последний брифинг, и я попрощался с военными корреспондентами. Один из журналистов спросил меня: «Генерал, почему мы не взяли Прагу?» Я сказал: «Я дам вам самый точный ответ». Они тут же вытащили свои блокноты и приготовились записывать. Я же произнес: «Потому что нам приказали не брать ее». Раздался смех, но вообще-то они выглядели разочарованными. Затем среди всеобщего шума и гама я фотографировался с ними бесчисленное множество раз и бесконечно раздавал автографы. В общем и целом, корреспонденты, аккредитованные в Третьей армии, немало и на славу потрудились, чтобы дать людям там, дома в Америке, правдивую картину того, что происходило здесь, на войне[1].

Я получил прекрасное письмо с поздравлениями от министра обороны мистера Стимсона[2]. Вот текст этого письма:

Поздравляю вас и героических солдат Третьей армии. Я благодарю вас за блистательные победы, сыгравшие большую роль в приближении сего славного дня. Подвиги, совершенные Третьей армией, вписаны в историю рядом с подвигами, совершенными во имя торжества традиций Америки и для ее защиты другими армиями в прежние времена. Вы и ваши храбрые воины заслужили низкий поклон от нашего народа.

---

[1] Очень мало известно, едва ли вообще когда-либо говорилось о повторении Третьей армией подвига войска Ганнибала — переходе через Альпы. В конце войны, когда ситуация в Югославии все еще оставалась неясной, в Третью армию пришел приказ отправить пять дивизий в Пятую армию и Британскую зону к югу от Альпийских гор и к северу от Триеста. Не успел никто и глазом моргнуть, как 3-я кавалерийская бригада Соединенных Штатов выступила в поход. Через двенадцать часов она перешла Альпы и прибыла в расположение британских войск в Италии. Генерал Кларк, не знавший о выступлении кавалерии, поспешил поблагодарить генерала Паттона за рвение и за смелость, с какой действовали его солдаты. Однако он так же поспешил сообщить генералу Эйзенхауэру, что дополнительные силы не нужны. Словом, генерал Кларк попросил отвести войска по техническим соображениям. Они ушли так же быстро и так же организованно, как и пришли.

[2] Генри Льюис Стимсон (1867–1950) — государственный деятель, имевший сильное влияние на внешнюю политику США в 30-е и 40-е гг. XX века. Он служил в администрации пяти президентов с 1911 по 1945 г. Хотя Стимпсон был республиканцем, в 1940 г. президент Рузвельт назначил его министром обороны. — *Прим. пер.*

Это письмо, по моему мнению, лучше чем что-либо другое служило признаком окончания войны. Боюсь, последней для меня войны.

Я могу смело сказать, что на протяжении всей кампании в Европе я не помню ни одной совершенной мною ошибки, кроме того случая, когда я послал маленький отряд на взятие Гаммельбурга. В остальном мои действия, как я считаю, заслужили положительных оценок. На протяжении всей войны высокое руководство сдерживало меня, что, может статься, было и к лучшему, поскольку есть за мной грех — я слишком горяч. Между тем я так не думаю и уверен — их осторожность не пошла на пользу общему делу, поскольку, если бы они позволили мне действовать так, как я того хотел, война могла бы завершиться скорее и многие жизни удалось бы спасти.

Особенно, по моему глубокому убеждению, данное заявление верно в отношении начала сентября 1944 г., когда по собственной воле или из соображений необходимости генерал Эйзенхауэр поддержал наступление Монтгомери на севере. В тот момент не было сомнений в том, что мы могли бы достигнуть берегов Рейна и перейти реку не более чем за десять дней, что спасло бы много человеческих жизней.

Как говорит Церковь: «Таков второй урок».

Последний отчет о потерях по состоянию на 8 мая 1945 г.:

Третья армия

Убитыми	21 441
Ранеными	99 224
Пропавшими без вести	16 200
Всего	136 865
Небоевые потери	111 562
Общий итог	248 427

Противник

Убитыми	144 500
Ранеными	386 200
Пленными	956 000[1]
Всего	1 486 700

[1] Данные по захваченным в плен солдатам и офицерам противника приведены на момент окончания войны в ночь с 8 на 9 мая. После этой даты захват пленных перестал быть предметом гордости, поэтому я не указываю здесь тех, кто сдался позже, хотя количество пленных пошло уже на миллионы. — *Прим. автора.*

Материальные потери на то же число:

Третья армия

Легкие танки 308
Средние танки 949
Артиллерийские орудия .175

Противник

Средние танки 1529
Танки «Пантера» и «Тигр» 858
Артиллерийские орудия 3454

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВЗГЛЯД НАЗАД

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Наверное, ничего принципиально нового в том, что я собираюсь здесь сказать, вы не найдете, поскольку война известна с древности. Я, если уж на то пошло, тоже древний человек, так как изучал военное дело и использовал полученные знания на практике в течение сорока с лишним лет. Так что, возможно, все, что кажется мне осенившими меня свежими мыслями, на деле не больше чем всплывающие в подсознании воспоминания — что-то подслушанное и подсмотренное то тут, то там на протяжении моей долгой жизни.

I

О солдате

Один солдат — это вся армия, поскольку ни одна армия не может быть лучше, чем ее солдат. Но солдат также и гражданин. На самом деле высшая обязанность и высшая привилегия гражданина — взяв оружие, защищать свою страну. Таким образом, быть солдатом — быть хорошим солдатом — почетно. По моему глубокому убеждению, любой, кого устраивает роль середнячка, недостоин называться американцем, да и вообще человеком. Чтобы стать хорошим солдатом, человеку необходима дисциплина, самоуважение, гордость за свою часть и свою страну, высокое чувство долга перед товарищами и ответственности перед командирами, а также основанная на собственных знаниях и умении уверенность в своих силах.

Дисциплина — это то, о чем всегда много говорили и о чем всегда будут много говорить, однако мало кто, как в Америке, так и за ее пределами, осознает, что такое дисциплина, и еще меньше людей понимает, почему она так необходима.

Когда парень идет в армию, он оставляет свой дом, причем часто делает это впервые в жизни. Вместе с домом он оставляет за спиной привычные табу, явившиеся результатом воспитания, при-

вычки уважительно относиться к мнению родителей и друзей. Между тем именно эти табу, присутствия которых в привычных условиях сам он не замечал, в значительной мере и управляли его поступками — регулировали его жизнь. Когда он оказывается в части, где корректирующее влияние дисциплины не на должной высоте, парень легко может расслабиться, позволить себе некоторые вольности и поблажки, стать неопрятным, вялым и неготовым к выполнению своего долга. Воинская дисциплина как раз и призвана заменить домашние табу.

Нежелание подчиняться заложено в природе человека. Дисциплина преодолевает этот барьер, создавая привычку подчиняться, а неослабный контроль выводит привычку на подсознательный уровень. Где была бы, скажем, футбольная команда, во что превратилась бы она, не выработай ее члены привычку реагировать на сигналы на подсознательном уровне? Во время матча думать некогда, потому что та секунда или доля секунды, которая уйдет на обдумывание, позволит противнику перехватить инициативу.

На футбольном поле нерасторопную команду ждет поражение, в бою же промедление может стоить жизни. Находясь в здравом уме, любой человек испытывает страх в бою, однако выучка дает ему уверенность в себе, а уверенность порождает храбрость, но не безрассудство. Храбрость же в сочетании с присущим человеку мужеством приносят победу. Ростки уважения к себе коренятся в дисциплине. В армии говорят: «На что неряхе медаль?» — и они правы. Гордость же, в свою очередь, произрастает из уважения к себе и из осознания того, что теперь парень — американский солдат. Чувство долга и ответственности перед товарищами и командирами происходит из осознания того, что ответственность и долг обоюдны, что невзгоды войны равно тяжелы для всех. Уверенность в собственных силах — величайшая воинская добродетель; произрастает она из мастерства — умения владеть своим оружием и из всех перечисленных выше навыков.

Мне представляется неразумным, более того, кажется трагической ошибкой тот факт, что в попытках покончить с войнами люди стараются принизить, обесценить героические качества солдата. Они не понимают, что сказанное поэтом: «Ядра хорошо летают лишь от доброго пороха» — справедливо не только в военном отношении. Осознание того, что он — «добрый порох», может помочь парню, когда вокруг него начнут свистеть пули и рваться снаряды. Еще больше пользы могут принести солдату женщины Америки, если начнут восхищаться им; также и газеты в городах, где родился тот или иной боец, если в них станут публиковаться сведения о том, как он отличился во время битвы, в то время как глупая бессмысленная секретность делает такие сведения совершенно недоступными. Может быть, когда домой вернутся солдаты этой войны, ситуация изменится в лучшую сторону.

В одном из стихотворений Киплинга говорится:

Когда рекрут зеленый шагает на восток,
Он словно бы ребенок и пьет он будто впрок.
Все увидать стремится — недолог век его.
Солдатом станет он — им будет все равно...[1]

Наши солдаты впрок не пьют. На самом деле, то, как мало пьют в армии, — поразительно. Вместе с тем многие, и довольно часто, ведут себя как дети. Далее я привожу проверенные на практике советы.

Если есть возможность, не рой окоп под деревом, поскольку пролетающий над головой снаряд может угодить в него и сдетонировать, в результате чего осколки посыплются тебе на голову, и никакая траншея, никакой окоп, как бы глубок он ни был, не спасет тебя. В общем, можешь быть уверен в том, что добавишь работы парням из похоронной службы.

Окопы для артиллерийского расчета надлежит рыть как можно ближе к орудию, поскольку так солдат сможет быстрее добраться до орудия и к тому же избежит опасности быть подстреленным во время длительной перебежки. И, наконец, орудие, которое молчит, когда должно стрелять, поддерживая своим огнем наступающую пехоту — своих братьев по оружию, — бесполезная и никому не нужная железяка.

Пресловутое «копай или тебя закопают» звучит слишком часто и еще чаще понимается неправильно. Сидя в окопе, войны не выиграть. Единственный момент, когда солдату нужно окапываться, это — когда он вышел на исходную позицию. Может быть, еще в том случае, когда на бивуаке существует опасность подвергнуться авианалету или же когда часть дислоцирована в зоне, простреливаемой артиллерией противника. Хотя лично я противник рытья траншей даже и в такой ситуации, поскольку в данном случае шансы погибнуть у того, кто спит на земле, и у того, кто сидит в окопе, практически одинаковы, в то время как тот, кто роет множество земляных нор, лишь утомляет себя. Кроме того, рытье окопов плохо отражается на боевом духе, поскольку увеличивает у солдата страх перед неприятелем, который зачастую сам боится его куда сильнее.

«Ложись!» — вот еще одна команда, отдавая которую командиры немало потрудились для увеличения потерь среди личного состава своих частей. Во время этой последней войны с немцами нередко так случалось (и еще будет случаться, когда нам придется помериться силами с другими армиями), что противник, зная нашу любовь к залеганию, только и ждал, когда наши парни придут в ту или иную заранее пристрелянную им зону. Дождавшись их, неприятель открывал шквальный пулеметный огонь, причем он мог

[1] Казарменные баллады «Молодой английский солдат».

строчить куда угодно — хоть вверх, просто в воздух, куда вздумается. Ему и целиться никуда не надо, поскольку он знает, что наши солдаты залягут, покорно ожидая, когда по ним начнут молотить из пушек и минометов. Как правило, долго ждать не приходится.

Солдату необходимо залегать на землю лишь тогда, когда по нему ведут огонь с близкого расстояния (менее трехсот метров) из стрелкового оружия. Но и в этом случае команда «Ложись!» не должна означать, что бойцу следует именно лежать, уткнувшись носом в грязь. Нет, ему необходимо вести ответный огонь по неприятелю или хотя бы в направлении неприятеля, поскольку еще Фаррагут[1] во время Гражданской войны говаривал: «Самая лучшая броня и самая лучшая тактика обороны — быстрый и прицельный огонь». Грустно вспоминать, сколь часто получали мы сообщения о том, что такое-то подразделение пришито к земле ураганным огнем противника, а потом, что оно отступает.

Если уж солдаты попали под заградительный огонь врага, то единственный для них способ уцелеть — бежать не назад, а вперед, поскольку неприятель практически всегда расширяет зону обстрела не в свою сторону, а в сторону противника, то есть в нашу сторону.

В те времена, когда главным стрелковым оружием служили винтовки, возможно, было правильно и даже необходимо атаковать, двигаясь перебежками, чтобы выстраивать цепь для залповой стрельбы. В наше время, когда главным оружием на поле боя у наступающих и обороняющихся стали пулеметы, автоматы, штурмовые винтовки и минометы, а также артиллерия и, что самое главное, шрапнельные снаряды с неконтактным взрывателем, преимущество старого способа атаки теряется, поскольку, когда воинская часть залегает после перебежки, она все равно остается уязвимой для минометов и взрывающихся в воздухе снарядов. Когда солдат оказывается на расстоянии около трехсот метров от врага, его собственное легкое стрелковое оружие, равных которому в мире нет и, наверное, никогда не будет, поможет ему подавить любой огонь из любого неприятельского *легкого стрелкового оружия*, так что нет смысла в ведении атаки перебежками. Я знаю, что говорю, поскольку во многих случаях и на войне и на маневрах я наблюдал наступающих перебежками, когда те использовали для прикрытия рельеф местности и, будь у них лимузины, пошли бы в атаку на них совершенно спокойно и безо всякого для себя вреда.

Ведение огня на ходу. Правильный способ наступать, особенно для солдат, вооруженных таким превосходным оружием, каким является

[1] Дэвид Фаррагут (1801–1870) — адмирал Соединенных Штатов, прославившийся выдающимися победами в период Гражданской войны в Америке. — *Прим. пер.*

винтовка М-1[1], — стрелять на бегу. Можно вести огонь, прижимая приклад к плечу, однако также довольно эффективен способ стрельбы, когда приклад находится между подмышкой и поясом. Нажимать на курок нужно через каждые два-три шага. Пение пуль, свист рикошета, поднятые над землей фонтанчики пыли и облетающие с деревьев ветки действуют на противника устрашающе, так что его собственный огонь из стрелкового оружия становится неэффективным.

Тем временем наши части во втором эшелоне, ведя навесной огонь под прямым углом, могут заняться подавлением вражеских минометов и артиллерии. Как я уже заявлял, даже если минометы и артиллерия врага еще говорят, ничего глупее, чем останавливаться под таким огнем, не придумаешь. Надо шагать вперед. Если солдат стреляет, это придает ему уверенности в собственных силах, поскольку он занят полезным делом, а не сидит, словно резиновая утка в детской ванночке, представляя собой неподвижную мишень для любого, кто даст себе труд получше прицелиться.

Любое оружие пригодно для ведения огня на ходу. Вполне годится легкий пулемет — тут один солдат может нести ленту, а другой сам пулемет. Естественно, отлично подходит для стрельбы с ходу автоматическая винтовка Браунинга[2], ну и, вне всякого сомнения, как я уже отмечал ранее, М-1. Вполне можно вести огонь из 60-мм миномета, перенося его с места на место по частям. А вот 81-мм лучше пользоваться как средством поддержки, ведя огонь с одной позиции.

Полагаю, если уж мы говорим: «Огонь — король битвы», то должны пойти дальше и сказать всю правду. Битвы выигрывает не только тот, кто стреляет больше, а тот, кто стреляет передвигаясь. Для чего нужен маневр? А для того, чтобы вести огонь с наиболее удобных позиций для себя и наиболее неудобных для неприятеля, то есть с тыла и с фланга.

Каждый солдат должен знать, что потери в сражениях становятся результатом двух факторов: во-первых, эффективного огня не-

---

[1] Винтовка «Гаранд», также называемая полуавтоматическая винтовка М-1. 30-го калибра (7,62 мм), принятая на вооружение армией США в 1936 г. Во время Второй мировой войны и войны в Корее было выпущено более 5 млн винтовок М-1. Вес винтовки 4,3 кг, длина ствола 61 см, магазин на восемь (или пятнадцать) патронов. — *Прим. пер.*

[2] Автоматическая винтовка Браунинга (BAR). Производство в США было начато с 1918 г. Часто использовалась вооруженными силами других стран как легкий ручной пулемет. Разработана американским инженером Джоном М. Браунингом (1855—1926). Выпускалась под патроны разного калибра, но преимущественно под патроны .30-06 калибра (7,62 мм). Длина 120 см, вес 8,8 кг, магазин на 20 патронов. Возможна стрельба как одиночными, так и короткими очередями по два-три выстрела. BAR использовалась пехотой Соединенных Штатов во время Первой и Второй мировых войн; прошла она и корейскую войну, оставаясь на вооружении армии США до 1957 г. — *Прим. пер.*

приятеля и, во-вторых, времени, в течение которого солдат находится под огнем. Снизить уровень эффективности вражеского огня можно, ведя ответную стрельбу или же атакуя ночью. Продолжительность пребывавния под вражеским огнем целиком и полностью зависит от скорости передвижения солдата.

Храбрость и удаль. Если считать храбрецом того, кто не ведает страха, то, скажу вам — я никогда не видел храбреца, поскольку все люди испытывают страх, и чем больше у человека мозгов, тем больше страха. Храбрый человек тот, кто заставляет себя идти вперед, несмотря на то, что ему страшно. Дисциплина, гордость, самоуважение, уверенность в своих силах и любовь к славе — вот качества, которые делают человека храбрецом вопреки страху.

Самое сильное средство от так называемой «усталости от войны» — смех. Если солдаты поймут, что большая часть тех, кто якобы страдает от подобных психических травм, в действительности ищет пути уклониться от выполнения своего долга, многим такой способ обезопасить собственную жизнь покажется непривлекательным. Любой, кто говорит, что он устал от войны, забывает о долге и ищет способа избежать опасности, переложив свою долю солдатского бремени на плечи товарищей, в сердцах которых живет больше отваги. Если солдаты начнут смеяться над теми, кто страдает «усталостью от войны», они предотвратят распространение «недуга» и также спасут ставшего жертвой этой болезни товарища, поскольку потом, уже в мирной жизни, он станет мучиться от угрызений совести за собственное малодушие.

Траншейная стопа. Солдат обязан следить за собой, особенно в сырую и холодную погоду. В первую очередь это относится к распространению так называемой траншейной стопы, что, при должном внимании к данному вопросу со стороны командного состава, может быть легко предотвращено, если солдаты дадут себе труд разминать ноги и надевать сухие носки. Конечно, солдат не может заказать себе сухие носки, однако уж если они поступают в часть, он просто обязан этим пользоваться.

То же касается и венерических заболеваний. Солдаты не должны вступать в контакты без применения защитных средств, предписываемых для таких случаев. Если же они пренебрегают осторожностью, то тем самым подводят своих товарищей, поскольку тем приходится выполнять часть обязанностей заболевших.

II

О тактике действий небольших частей

Не следует разделять силы. Вместе с тем, если такое разделение необходимо, нужно позаботиться о том, чтобы члены действующей отдельно группы могли оказать друг другу поддержку. Что означает — отделившаяся от отряда группа должна состоять по меньшей

мере из трех человек. Отряд должен обладать самодостаточной огневой мощью, что равно необходимо как для базовой группы, так и для части, выполняющей обходной маневр. Такая организация должна стать правилом для атакующего подразделения. При этом, однако, командир его не должен слишком долго размышлять, как и когда лучше обойти неприятеля, а атаковать немедленно, дабы не потерять времени и не понести неоправданных потерь, которых можно избежать в случае стремительного натиска.

В операциях мелкого масштаба, точно так же как и в крупномасштабных, главное слагаемое успеха — скорость. Если разница между двумя возможными вариантами так невелика, что отнимает время на размышления — время это явно тратится не с пользой. Помните, что жизнь пехотного подразделения зависит от его собственного огневого напора. Иными словами, оно должно стрелять.

Если в части наличествуют как 60-мм, так и 81-мм минометы, использовать их нужно следующим образом. 60-мм минометы во время наступления должны бить по первым линиям обороны противника, 81-мм — наносить удары глубже, чтобы вывести из строя средства огневой поддержки, в том числе орудия неприятеля.

Бой в лесу. Лучший способ для пехоты преодолевать лес в дневное время — следовать через него в боевой шеренге. Если возможно, по ориентиру или же по компасному пеленгу. Интервалы в боевой шеренге необходимо уменьшить и идти прямо через лес, ведя стрельбу на ходу. Поступив подобным образом, вы будете удивлены тем, сколь слабым окажется сопротивление, поскольку, если враг попробует вести ответный огонь, его уступающие нашим винтовки не будут эффективны из-за деревьев, тогда как пули из наших, которым деревья не преграда, найдут неприятеля.

Если случится воевать в европейских лесах, где через каждый километр тянутся просеки, ни в коем случае не пользуйтесь ими как дорогами, напротив, старайтесь как можно быстрее преодолеть их и будьте предельно внимательны и осторожны, поскольку просеки обычно простреливаются пулеметным огнем противника.

Ночной бой в лесу. Совершенно нет необходимости атаковать ночью в лесу, поскольку лес и в дневное время дает надежное укрытие, которое темнота предоставляет в поле. Это первое, а второе, передвигаться через лес ночью можно лишь колоннами и по дорогам.

Танки и пехота. Вопрос о том, танки или пехота должны первыми идти в атаку, в каждом конкретном случае определяется характером рельефа местности и упорством, с каким противник оказывает сопротивление. Если впереди поле и танки способны двигаться по нему быстро, даже опасность возрастания потерь из-за наличия мин не должна останавливать их — им возглавлять наступление. Если же местность лесистая или в тех случаях, когда позиции неприятеля хорошо укреплены, а также есть риск того, что разведка могла не заметить замаскированных противотанковых

орудий — карты в руки пехоте. Танкам же при таком раскладе сил отводится вспомогательная роль, они должны идти следом за пехотой и поддерживать ее огнем своих орудий. Однако некоторое количество танков может действовать бок о бок с пехотой. Эти машины могут понадобиться для подавления вражеских огневых точек, которые не успеют уничтожить передовые танки колонны.

Доты. Лучше всего подавлять долговременные огневые точки силами специально созданных групп. Предпочтительно, чтобы в состав такого соединения входили два бойца с автоматическими винтовками Браунинга, один с базукой, один с ручным пулеметом, плюс к тому от двух до четырех автоматчиков и двое бойцов с подрывным зарядом в сумке. Трех килограммов тротила вполне достаточно. Прежде чем приступить к подавлению дота, надлежит произвести разведку с целью выяснения возможности оказания расчетами дотов взаимной поддержки. Подобные точки необходимо атаковать одновременно. Самая эффективная тактика — начинать наступление в ночное время, таким образом, с рассветом штурмовые отряды будут находиться вблизи дотов, которые они должны уничтожить. Они должны действовать так. Часть группы открывает шквальный огонь по амбразуре дота, в то время как другая — два подрывника, прикрывающие их автоматчики и пулеметчик — подкладывает взрывчатку под дверь с задней стороны укрепления, поджигает фитиль и прячется за углами строения. Сразу же после взрыва автоматчики бросают внутрь гранаты, предпочтительно фосфорные. Уцелевшие члены расчета вражеского дота уничтожаются или берутся в плен в зависимости от их готовности сдаться.

Если обстоятельства не позволяют провести операцию по подавлению долговременной огневой точки ночью, описанный выше метод может быть применен во время артиллерийской подготовки днем, однако такое решение, несомненно, повлечет за собой большие потери.

Еще один способ подавления дотов — использование самоходных орудий калибра 155 мм там, где условия позволяют им быстро приблизиться и открыть огонь с короткой дистанции. Как правило, такая стрельба всегда дает удовлетворительные результаты.

Уличные бои. Проблемы, встающие перед атакующими частями в ходе уличных боев, во многом сходны с теми, которые возникают при штурме дотов. Хороший эффект дает использование групп, подобных тем, какие формируются для подавления дотов. Однако такие группы следует усиливать, придавая им дополнительное число автоматчиков. Задача последних, заняв позиции по обеим сторонам улицы, вести огонь по врагу в окнах верхних этажей строений напротив. Если засевшие в доме солдаты противника оказывают сопротивление, на стрельбу из окон нужно отвечать еще более интенсивной стрельбой, пока под прикрытием автоматного огня рас-

чет базуки не выпустит один или два снаряда в угол здания, чтобы пробить дыру на высоте около метра над землей. Через пробитую брешь в нижний ярус дома или его подвал забрасываются фосфорные или противотанковые гранаты. Взорвавшись, они вызывают панику среди защитников объекта, облегчая задачу по их обезвреживанию. Таким образом, методы совпадают во многом, за исключением взрывчатки, которая в таких случаях не нужна.

Главное во время уличных боев — избегать спешки. Одна из таких описанных выше групп способна вполне очистить от неприятеля городской квартал за двенадцать часов. Если ситуация допускает использование танков, то их орудия должны заменить базуки. Естественно, люки танкистам надлежит закрывать, чтобы избежать поражения от гранат, которые будут бросать защитники с верхних этажей. Дабы уменьшить риск для экипажей танков, прикрытие машин должны осуществлять автоматчики. В городах крайне эффективно использование самоходных орудий калибра 155 мм против обороняющихся в зданиях современной постройки. Если сделать умелый выстрел снарядом замедленного действия под тупым углом, есть шанс за один раз прошить все дома городского квартала.

Двухуровневая атака. Там, где возможно, перед началом боевых действий разделяйте подразделения на базовое и маневрирующее; при этом последнее должно превосходить по численности первое и начинать атаку с другого фланга, а желательно бить в тыл противнику, но на одной оси с базовым. Как только атака с фланга, а лучше с тыла развернется и противник отреагирует на нее, базовое подразделение должно немедленно ударить в лоб, навстречу наступающим с тыла товарищам. Таким образом, враг окажется между молотом и наковальней.

Форсирование рек. При форсировании рек или высадке десанта на берег с воды очень важно помнить, что суда, в которых находится личный состав одной роты и даже взвода, не смогут достигнуть суши в одном и том же месте. Таким образом, экипаж каждой лодки (катера или плота) должен организовываться по командному принципу и иметь возможность в случае надобности разделиться на две части — основную и маневрирующую. Экипаж лодки (катера или плота) должен подготовиться и потренироваться заранее, а также с ним надлежит провести весь необходимый инструктаж относительно особенностей рельефа той местности, в условиях которой предстоит совершать прорыв. Переправу надлежит осуществлять на достаточном удалении от средств коммуникаций, будь то автомобильные или железные дороги, чтобы охраняющие их силы противника не могли вести огонь по десанту. Ни одно подразделение не может считать себя закрепившимся на береговом плацдарме до тех пор, пока оно не займет ключевые позиции на линии, удаленной от берега по меньшей мере на расстояние семьсот метров.

Если высадка происходит в ночное время, десант должен принять все меры для обеспечения за собой такой позиции до наступления рассвета.

Боевые действия в горах. Во время боев в гористой или холмистой местности взводы волей-неволей оказываются разделенными между собой. Самым разумным для групп поддержки и резерва атакующего взвода будет занять возвышенность. Оказавшись же на горном хребте, не спускайтесь вниз.

Никогда не атакуйте в низине, если только вам не принадлежат высоты по обеим ее сторонам. В каждой долине всегда есть свои характерные рельефные особенности, создающие препятствия для продвижения наступающих войск, из-за которых они попадают под огонь тех, кто занимает высоты.

На открытой местности. На открытой местности, где есть группы отдельно растущих деревьев, избегайте таких островков, поскольку они обязательно будут пристреляны артиллерией противника, а кроме того, сосредоточившиеся в них солдаты послужат удобной мишенью для его авиации. На подобной местности лучше всего рассеяться в открытых полях. Можно использовать лесок или рощицу для введения в заблуждение неприятеля и отвлечения огня его пулеметов и артиллерии, поместив на опушке закамуфлированные объекты, похожие на танки или орудия, но ни в коем случае нельзя дислоцировать там живую силу и технику.

По той же самой причине никогда не устраивайте своего командного пункта в единственном здании на холме. К сожалению, подобные промахи встречаются нередко. Мне доводилось также сталкиваться со случаями размещения командных пунктов около какого-нибудь приметного объекта, отмеченного на карте или видного с расстояния в несколько километров. Мой добрый совет, никогда не поступайте подобным образом.

Крупные радиостанции не должны размещаться в непосредственной близости от командного пункта или друг от друга. Их нужно дислоцировать отдельно, очень тщательно маскировать, а связь с ними должна вестись по телефону. Иначе вражеская авиация, сумев засечь их, засечет сразу и командный пункт.

Огонь по местам предполагаемого скопления неприятеля. Ввиду сложившейся в нашей армии скверной традиции всегда вести из стрелкового оружия только прицельную стрельбу, мы склонны не открывать огня до тех пор, пока не увидим цели, а в бою они довольно редко открываются сразу. Когда та или иная группа солдат попадает под обстрел, это значит, что противник видит ее, следовательно, и наши люди должны видеть его, однако на практике они далеко не всегда видят тех, кто стреляет по ним. Столкнувшись с подобной ситуацией, солдатам надлежит открывать огонь по тому участку территории противника, откуда ведется обстрел, поскольку там, по всей видимости, существует скопление сил противника.

Мне известны случаи, когда применение такой методики приводило не просто к снижению плотности вражеского огня, но и к полному прекращению обстрела. Всегда помните, что беречь патроны очень важно, но беречь жизни людей еще важнее. Должно пройти по крайней мере восемнадцать лет, чтобы парень мог взять в руки винтовку, а саму ее и патроны к ней можно изготовить за несколько часов.

Сдача в плен. Солдат, сдающийся врагу с оружием в руках, не только забывает о собственном долге по отношению к своей стране, но и очень дешево себя продает, потому что жизнь в лагере военнопленных не сахар. Кроме того, пленный может стать жертвой бомбардировок своей авиации или артобстрела.

Если же выражает желание сдаться противник, велите ему приблизиться с поднятыми руками. Ни в коем случае не идите ему навстречу и не прекращайте стрелять, пока он не поднимет рук. После того как враг сдался в плен, с ним надлежит обращаться так, как предписывают правила ведения военных действий.

III

Военные хитрости

Мосты. Во время форсирования рек движение через все мосты должно осуществляться в одну сторону — в сторону неприятеля, по крайней мере, до тех пор, пока ситуация не прояснится. До этого момента раненых и следующие порожняком средства связи надлежит переправлять на наш берег на паромах и плотах.

Когда наводится наплавной мост через быструю реку, следует пустить якорный трос как можно выше над водой — самое меньшее, в трех метрах от поверхности. Данная мера не позволит понтонам погружаться под воду.

Мины и колючая проволока. Не стройте барьеров из колючей проволоки, если занимаете оборонительные позиции, и не ставьте мин, кроме мин-ловушек, рассчитанных на мародеров. Минирование и огораживание позиций колючей проволокой ведет к снижению боевого духа солдат. Между тем мины и проволока могут превосходно послужить для введения неприятеля в заблуждение. Например, мы можем повесить легко снимающуюся «колючку» и выложить муляжами мин поле, на котором планируем вести наступление, оставив другие части фронта открытыми. Когда придет время атаковать, ложные мины нам не помешают, а колючку быстро снимут те, кто ее устанавливал.

Способы наступления. Если подразделение, скажем, по численности такое как дивизия, не может добиться успеха в течение четырех часов, командир должен лично изучить ситуацию на месте, так как возможно, следует сменить акцент атаки, поскольку четыре часа — как раз тот период времени, за который дивизия должна была

бы добиться вполне осязаемых успехов. Это не означает, что командиру следует пасовать и отменять наступление ввиду неочевидности успеха, просто четырех часов достаточно, чтобы понять, следует ли усиливать натиск на данном направлении или, напротив, снизив его, выбрать новую точку приложения сил.

Лобовая атака. Не пытайтесь захватить врага врасплох, атакуя его в лоб в ночное время или днем. Если он находился перед вами в течение нескольких дней или более и успел как следует окопаться и пристрелять местность, он сметет ваши части огнем. Поэтому прежде чем устремиться в бой, необходимо провести артиллерийскую подготовку и нанести удары с воздуха. В данном случае я не веду речи о ситуации с дотами. Если противник занимает доты, но окопы позади них пусты, тогда можно наступать ночью, но при этом помнить, что войска должны оказаться в непосредственной близости от вражеских дотов до рассвета. Если же неприятель занимает и окопы позади дотов, тогда его необходимо отутюжить бомбами и тяжелыми снарядами, чтобы он бросился искать убежища в бункерах, ибо в них он будет представлять меньшую опасность, чем оставаясь снаружи.

Использование средств связи. Во время наступления отдавайте предпочтение телефонной связи и старайтесь, чтобы ею немедленно обеспечивались наступающие части по мере своего продвижения вперед. Хотя теоретически рация вещь очень полезная, она не так надежна, как телефон, и должна считаться вторым после него средством связи. Как-то был случай, когда танки наши так быстро пошли вперед, что в погоне за ними связисты со своими катушками покрыли расстояние в двадцать семь километров.

Выбор места для атаки. Никогда не атакуйте там, где противник вас ожидает. Гораздо разумнее наступать на более сложной с точки зрения рельефа местности и на участках, где плотность вражеской обороны выше, но где вас не ждут, чем на том, который легче, но где вам приготовлена соответствующая встреча. Данное замечание относится к подразделениям по численности до дивизии включительно, в отношении корпусов и более крупных соединений возможны исключения ввиду масштабов и многообразия стоящих перед такими частями задач. Поскольку командиры корпусов и командующие армиями должны помнить о необходимости налаживать снабжение частей всем необходимым, им неминуемо придется захватывать автомобильные и железные дороги, которые почти наверняка будут охраняться. Смысл в том, что дивизия может захватить подобные объекты, подобравшись к ним по сложной местности, а не прикатив по железной дороге или по шоссе.

Ведение огня и передвижение. Ухватывать противника за нос через ведение огня и бить его по затылку за счет быстроты передвижения и теперь все так же важно, как и тогда, когда я писал об этом лет этак двадцать назад. В этот раз с самого начала войны эта

тактика тоже ни разу не подводила. Любая операция в конечном счете сводится к тому, что вы идете по дороге (или по нескольким дорогам) до тех пор, пока не повстречаетесь с неприятелем. Когда вы сошлись, оставьте примерно треть своих сил для ведения огня по врагу, отрядив остальную часть для охвата неприятеля с фланга и нанесения удара в его тыл. Первой на врага должна ударить именно эта выполняющая маневр команда. Сигнал к началу атаки по фронту может быть дан только тогда, когда противник уже должным образом отреагировал на ваши действия у себя в тылу и вступил в бой с действующим там подразделением. С этого момента наступление должно развиваться самыми быстрыми темпами.

Ведение орудийного огня. Поскольку зачастую плотный огонь поддерживающей танковую атаку артиллерии не позволяет расчетам противотанковых орудий противника занять свои места и приступить к стрельбе, в таких случаях эффективно применение как обычных, так и снарядов с неконтактными взрывателями. Танки могут наступать в полной для себя безопасности под огнем рвущихся в воздухе снарядов как 105-мм, так и 155-мм орудий. Использование снарядов с дистанционными взрывателями против укрывшейся в лесу живой силы противника — напрасная трата боеприпасов, поскольку лес служит щитом или фильтром, словно бы поглощающим осколки снарядов, взрывающихся в воздухе над верхушками самых высоких деревьев.

Обстреливая лес, нужно использовать снаряды, снабженные запалами с незначительным замедлением, чтобы они взрывались, только угодив либо в очень толстую ветку, либо в ствол дерева.

Охваты. Для достижения наибольшего тактического эффекта части, совершающие охваты, не должны слишком углубляться на территорию противника, равно как и растягивать фронт. Лучший результат получается, когда подразделения охватывают противника на уровне, где находится его артиллерия или немного глубже. Таким образом, они перерубают артерии систем связи и снабжения, наносят удар по артиллерии, находясь одновременно не слишком далеко от частей, атакующих противника спереди, чтобы иметь возможность в нужный момент соединиться с ними.

Кладбища. Не размещайте военных захоронений в таких местах, где их могут видеть новобранцы из поступающих на фронт пополнений. Подобные зрелища снижают боевой дух молодых солдат, хотя, несомненно, дают повод похоронной службе гордиться своей деятельностью.

Спешка и скорость. Между двумя этими понятиями огромная пропасть. Спешка возникает тогда, когда накануне наступления должным образом не проведена рекогносцировка, когда нет четких договоренностей с артиллерией и соседними частями об оказании соответствующей поддержки, когда в нужное время не все люди

находятся на своих местах. Если командир, у которого так поставлено дело, и вступит в сражение первым, то завершит его, будьте уверены, последним.

Скорость достигается, если накануне наступления проведена тщательная разведка, достигнуты четкие договоренности о поддержке авиации, артиллерии, согласованы действия всех тактических подразделений, если все люди находятся на своих местах, если план атаки продуман до мелочей, а время, на протяжении которого солдаты неизбежно должны находиться под огнем противника, сведен к минимуму. На уровне батальона расклад будет нагляднее, если привести такой пример: четыре часа тщательной подготовки, по всей вероятности, сведут продолжительность критического времени нахождения личного состава под огнем к получасу. Между тем, потратив на подготовку час, командир может столкнуться с ситуацией, когда противник пропустит его людей через многочасовую кровавую мясорубку.

Подразделения прикрытия. Необходимо максимально использовать механизированные и танковые части, а также подразделения прикрытия в ходе проведения разведывательных операций. На войне разведка часто оборачивается разведкой боем, в общем, разведывательные части должны получать в качестве поддержки по меньшей мере взвод средних танков, на броне которых может передвигаться пехота.

Максимальное применение техники. Ни один солдат современной дивизии, где есть танки, бронемашины, артиллерийские тягачи и тягачи орудий противовоздушной обороны, не должен передвигаться пешком до того момента, когда придет пора идти в наступление. Хотя вид гроздьями облепляющих танковую броню солдат неминуемо вызвал бы приступ рвоты у Фридриха Прусского[1] и его офицеров, результатом подобного подхода становится максимум скорости передвижения и минимум утомления. Сигналом, означающим, что солдатам надлежит покинуть транспортные средства и построиться, может служить специальный флажок, поставленный в том месте, где нужно сделать остановку.

Заметки понемногу обо всем

Во время требующих быстрого передвижения операций более целесообразно пользоваться второстепенными дорогами, чем главными. Во-первых, второстепенные дороги всегда хуже охраняются, нежели главные, а во-вторых, неприятель не будет так старательно минировать их и взрывать, отступая. Но зато уж после того, как территория окажется под вашим контролем, необходимо быстро

---

[1] Фридрих II Великий — третий король Пруссии (с 1740 по 1786 г.). Фридрих славился свой любовью к парадам и разного рода смотрам. — *Прим. пер.*

привести в порядок главные дороги, чтобы наладить по ним снабжение войск всем необходимым.

Сами по себе искусственно созданные препятствия, в том числе и подорванные участки дороги, бесполезны, если поблизости не устраиваются засады. Однако нет никакой необходимости укрепляться непосредственно на подобных объектах, чтобы защищать их, поскольку противнику будет удобно вести по ним артиллерийский огонь. Достаточно занять выгодную позицию в нескольких сотнях метров в стороне и держать такого рода точки под обстрелом. Подойдет любое оружие, можно использовать стрелковое, а можно и артиллерию.

Управленческая дисциплина — показатель боевой дисциплины. Любой командир, который не хочет или не может добиться дисциплины в управлении частями, будет не в состоянии добиться дисциплины и в бою. Опытный офицер может лишь по результатам короткой инспекции подразделения определить степень пригодности его командира.

Чем выше звание, тем выше занимаемый пост, а чем выше занимаемый пост, тем больше у офицера свободного времени. Таким образом, старший по званию должен ехать с визитом к младшему, а не вызывать его к себе. Исключением может служить необходимость собрать сразу нескольких командиров подразделений для координации планов совместных действий. В этом случае младшие по званию должны ехать в штаб к старшему.

В ночных маневрах, совершаемых в обратную направлению наступления сторону, таится серьезная угроза, даже если движение назад осуществляется в рамках плана наступления. Дело в том, что личный состав, которому не известны причины такого маневра, может впасть в излишнее волнение и обратиться в панику. Если нужно отвести подразделения с передовых позиций, необходимо проследить, чтобы все солдаты были проинформированы, какие цели преследуют командиры.

Госпитали должны развертываться открыто и стоять без маскировки, чтобы противник не имел повода принять их за другие объекты и нанести по ним удар. Их нельзя размещать поблизости от взлетно-посадочных полос и полевых складов боеприпасов.

Никогда не останавливайте продвижение на своей стороне моста, будь то мост через реку или через горную расщелину. И в том и в другом случае захватите плацдарм на противоположной стороне, даже если вы не собираетесь переправляться в этом месте, все равно своими действиями вы создадите противнику проблему.

Если в пехотной или танковой дивизии потери среди автоматчиков составляют до семидесяти процентов, такая дивизия нуждается в немедленной замене или же срочной присылке пополнений.

Всегда захватывайте все расположенные поблизости высоты и удерживайте их во что бы то ни стало.

Конвойные подразделения для транспортировки пленных и тому подобные отряды в бою должны продвигаться по возможности дальше вперед, поскольку разгоряченные битвой бойцы плохие сторожа сдавшимся в плен неприятельским солдатам. Любые попытки обирать военнопленных должны строжайшим образом пресекаться.

Когда в помещение, где содержатся военнопленные, входит офицер, все пленные должны вставать по стойке смирно.

IV

Команды

Использование кодов. Решение о том, говорить ли вам по рации или по телефону открытым текстом или пользоваться кодом, можно принять, руководствуясь следующими соображениями. Если время, разделяющее начало операции и момент, когда противник должен отреагировать на атаку, невелико, говорите открытым текстом, в других случаях пользуйтесь кодом. Я хочу сказать, что, если вы отдаете приказ штурмовой бригаде начать наступление в 10.00, а по опыту вы знаете, что раньше чем в 11.00 противник все равно не сможет принять мер по отражению атаки, говорите открытым текстом. То же самое и в отношении приказов более крупным частям.

Взвешенное отношение к донесениям. Если вы получили донесение о том, что противник контратакует, выясните сначала, кто рапортует об этом — то есть какова численность подразделения, откуда поступило сообщение. Когда о приближении неприятельского подразделения доносит занимающая ту или иную позицию небольшая по численности часть, скажем отделение, такое выдвижение противника, скорее всего, вовсе не означает вражеской контратаки в масштабах дивизии или корпуса.

Ночные атаки. Нужно учить солдат передвигаться и сражаться в ночное время. Необходимость в наработке подобных навыков все возрастает, хотя это не означает, что надо непременно осуществлять ночные марш-броски, речь идет о другом — об уничтожении противника в темное время суток. Чтобы подготовить ночной штурм, необходимо проведение тщательной разведки, а также ограниченных наступательных действий днем. В дополнение к резерву, который обычно вводится в бой в процессе развития ночной атаки, нужно иметь под рукой еще один, дополнительный, чтобы пустить его в ход после рассвета на случай, если противник контратакует.

Заблаговременная забота о снабжении. Не стоит пренебрегать обычными вещами, такими, например, как календарь, открыв который можно заранее узнать о приближении холодов и избежать ситуации, когда из-за нерасторопности командира не будет своевременно заказана теплая одежда для личного состава части и тому подобные вещи.

Точно так же, зная, как будут развиваться события на фронте, можно заблаговременно направить запрос о соответствующих поставках горючего и боеприпасов. Очень часто не снабженцы, а именно боевые офицеры и генералы повинны в том, что вовремя не получают того, что им необходимо.

В сырую погоду необходимо наладить присылку сухих носков, так, чтобы каждый солдат получал по одной паре ежедневно одновременно с пайком. Носки должны быть из шерсти или из другой плотной, не дающей усадки ткани.

С наступлением эры повальной механизации и при наличии такого количества транспорта, которым мы располагаем сейчас, нет совершенно никакой необходимости нагружать солдат одеялами и тому подобными вещами, а особенно в сырую и холодную погоду. Выход прост: надо проследить за тем, чтобы нужное количество постельных принадлежностей в скатке поступало до темноты на пункты выдачи боеприпасов, где бы солдаты забирали их, раскатывали и пользовались бы ими, оставляя утром для других частей, идущих следом. Предложение дельное, несмотря на то что часть скаток, конечно, пропадет, но они ведь в любом случае обойдутся дешевле, чем пневмония.

Солдату на войне незачем таскать что-нибудь, кроме оружия, обмундирования, боеприпасов, пайка и туалетных принадлежностей. Когда он вернется в расположение части после сражения, то получит, если необходимо, новую форму и новое белье.

Мир еще не выдумал ничего глупее, чем система двух ранцев («А» и «Б»), с которой мы начинали эту войну, поскольку, когда дело доходит до ранца «Б», многие из их хозяев отправляются в лазареты или на тот свет.

Во время операций по форсированию рек, когда часть обмундирования приходит в негодность либо люди промокают до нитки, необходимо присылать со следующим эшелоном атакующих комплекты формы, начиная от касок, портупей и нижнего белья и кончая обувью для двадцати процентов личного состава штурмовой колонны. Таким образом, те, кто по тем или иным причинам не сможет пользоваться своим обмундированием, смогут быстро переодеться; при этом удастся избежать излишней интендантской суматохи, так как все необходимое бойцам передовых колонн принесут с другого берега их же собственные товарищи.

Наиважнейшая задача главного штаба и штаба материально-технического снабжения — следить за тем, чтобы войска на передовой своевременно получали все необходимое. В боях солдаты приобретают некую особую капризность и иной раз просят нечто совсем им не нужное, однако, когда это возможно, следует исполнять подобные прихоти, даже если они кажутся глупыми.

Боевые командиры часто с пренебрежением относятся к снабженческими или хозяйственным подразделениями. Для поддержа-

ния морального духа в подобных частях очень важно, чтобы самый старший генерал в соединении, с которым они взаимодействуют, приезжал с инспекцией в такого рода подразделения.

Продолжительность атаки. Пехотные части могут наступать без передышки в течение шести часов. Потом люди начинают утомляться и продолжение активных боевых действий не приносит желаемого эффекта. Правильнее, если атака не будет затягиваться сверх шестичасового предела, это поможет сберечь силы для нового броска и в итоге сэкономит время.

Ночные марши. Марши в ночное время вблизи расположений сил неприятеля очень нежелательны. Лучше всего закончить дневной переход за два часа до наступления темноты; проследить, чтобы люди получили питание; проверить состояние их носков, если погода сырая; а также убедиться, что техника в порядке и готова к утреннему маршу. Отправляться в дорогу следует до рассвета. В том случае, если речь не идет об удобной местности, где накануне была проведена тщательная разведка, ночные танковые атаки нецелесообразны.

Осмотреться, прежде чем начинать командовать. В старину на парусном флоте существовала традиция: не вызывать на уборку парусов нового дежурного по кораблю в течение получаса с момента, как он приступил к обязанностям. Данное правило вполне применимо к командирам и штабным офицерам, получающим новые полномочия на войне. Прежде чем принимать серьезные решения, они должны провести на своем посту хотя бы неделю, если, конечно, речь не идет о тех случаях, когда нового человека специально посылают на прорыв для исправления какой-то особенно сложной ситуации.

Никогда не теряйте времени. Лучшее — враг хорошего. Я хочу сказать этим, что хороший план, решительно проведенный в жизнь сегодня, предпочтительнее, чем еще лучший, но осуществленный через неделю. Война — крайне простая штука, главное в ней уверенность в себе, скорость и отвага. Ни то, ни другое, ни третье может не быть превосходным, но вполне может быть достаточным.

Сообщения. На войне ничего не бывает в точности столь же хорошим или столь же плохим, как о том докладывают наверх. Любые сообщения, которые поступают из того или иного подразделения в ночное время, — вернее, сведения о событиях, имевших место после наступления темноты, — командованием на более высоком уровне должно восприниматься с должной степенью скептицизма. Если источник информации — человек, получивший ранение, сведения, как правило, содержат преувеличения, например относительно численности атакующего неприятеля.

Идентификация. Понятные обозначения расположений подразделений скорее полезны, чем опасны и должны устанавливаться в таких местах, где они будут видны.

Упражнения на рельефном макете местности. Даже на очень примитивном, крайней полезны перед начинающимся наступлением для штабных работников, включая офицеров штабов корпусов и армий.

Генералы. Вымотанных командиров дивизий обычно бывает больше, чем вымотанных дивизий. Уставшие офицеры всегда настроены пессимистично. Помните об этом, давая оценку донесениям. Генералы никогда не имеют права обнаруживать сомнения, замешательства или усталости. Генералам надлежит создавать свой имидж, в частности, они должны всегда одеваться и выглядеть одинаково, чтобы солдаты легко узнавали их. Им во всем и везде должны сопутствовать четкость и ясность.

В холодную погоду генералы не должны появляться перед личным составом в более теплой одежде, чем у всех прочих.

Командирам и офицерам их штабов надлежит посещать части на два уровня ниже того, на котором те командиры осуществляют свое руководство, а также знать расположение этих частей на картах. Другими словами, командиры корпусов со своими штабными работниками должны приезжать на командные пункты дивизий и полков, командиры дивизий — посещать соответственно позиции полков и батальонов. Визиты, о которых здесь говорится, совершаются в целях оперативного руководства, поездки иного характера, например предпринимаемые для воодушевления личного состава перед наступлением, не должны ограничиваться какими бы то ни было рамками. Напротив, если офицер высокого ранга приедет в очень маленькое подразделение, это посещение благотворно отразится на боевом духе личного состава. Если же поездка сопряжена с опасностью, то ценность ее в глазах солдат еще выше.

Когда разговариваете с младшими офицерами о противостоящих их части подразделениях неприятеля, делайте скидку на то, что люди в окопах склонны преувеличивать мощь противника, так что, если вы, наоборот, приуменьшите его силу, то наверняка попадете в точку, а заодно и успокоите младшего офицера, добавите ему уверенности в собственных силах.

Все офицеры, а особенно генералы, должны интересоваться, чем живет солдат. Часто такой интерес обогащает вас дополнительными и порой важными знаниями, но даже если с информационной точки зрения разговор окажется пустым, внимание, проявленное к заботам солдата офицером и тем более генералом, окажет огромное влияние на боевой дух бойца, а значит, скажется на настроениях многих.

Некоторых офицеров нужно подгонять, иным требуется совет, и лишь очень немногих приходится сдерживать.

Генерал, который всегда примет ответственность за неудачу, в которой повинны другие, и всегда отдаст пальму первенства в слу-

чае успеха подчиненному, пусть даже и не вполне заслуженно, достигнет самого большого успеха в работе с людьми.

В любом случае торжественные обращения с похвалами в адрес личного состава, а также приказы по подразделению, где говорится о том, как велика слава солдат и офицеров и сколь значителен их вклад в общее дело, оказывают огромное влияние на моральный дух войск.

Командиры корпусов и командующие армиями должны помнить о том, что солдатам и офицерам вверенных им соединений необходимо видеть их; в первую очередь речь идет о тех, кто находится на передовой или отправляется туда. Лучше всего собрать дивизию для беседы по душам; если не получается всех, то должна присутствовать значительная часть личного состава.

Если какое-то воинское подразделение по тем или иным причинам выводится из-под вашего командования и если оно хоть как-то проявило себя в составе вашей армии или корпуса, необходимо направить в него прощальное письмо с благодарностью за службу и за вклад в общее дело.

Когда проходит операция, очень важно чаще посещать госпитали, особенно те, где лежат вновь поступившие раненые. Перед подобным посещением офицер, в чьем ведении находится госпиталь, должен уведомить направляющегося к нему с визитом генерала о том, в каких палатах содержатся люди, чье поведение не заслуживает поощрительных оценок.

Генералы и главные офицеры их штабов должны вести дневники.

Избегайте приписывать все негативное в происходящем вашему непосредственному начальству, забывая при этом отмечать собственные промахи.

Инспекционные поездки. Если в том или ином подразделении объявлено о вашем предстоящем визите, ни в коем случае не подводите людей и обязательно проведите обстоятельную встречу. И, главное, не заставляйте себя ждать. Когда на солдат сваливается беда в виде подготовки к генеральской проверке, уж самого-то визита они точно заслуживают. Если дисциплина и все прочее в подразделении находятся на должном уровне, не премините при всех похвалить командира. Если же вам что-то не нравится, поговорите с ним наедине и высказывайтесь прямо. Обязательно побеседуйте со всеми сержантами и рядовыми, недавно получившими награды или ранения, а также поинтересуйтесь, за какие подвиги они удостоились своих медалей и при каких обстоятельствах были ранены.

Пехотные и танковые дивизии. Главная разница между пехотной дивизией, в состав которой включены танковые части, и собственно танковой частью заключается в том, что приданные пехоте танки должны служить для последней средством передвижения. В танковой дивизии роль пехотных подразделений состоит в том, чтобы поддерживать идущие на прорыв танки. В пехотной дивизии танки огневой мощью своих орудий облегчают продвижение пехоты. В

танковой дивизии пушки нужны танкам для того, чтобы, проложив себе дорогу, приблизиться к противнику на такое расстояние, где бы он сполна испытал на себе огневую мощь их пулеметов. Вот почему важно, чтобы на танках устанавливались не одиночные, а сдвоенные, спаренные с пушкой пулеметы.

Взаимодействие наземных и воздушных частей. История сотрудничества авиации с танковыми частями, артиллерией и пехотой на современной войне пока крайне коротка, можно сказать, мы еще дети в этой важной области военного искусства. Офицеры, командующие как воздушными, так и наземными подразделениями, должны находиться в постоянном контакте друг с другом и постоянно заниматься тем, чтобы придумывать и опробовать новые и новые способы взаимодействия.

Огневая мощь. Выстрелов во время сражения невозможно сделать слишком много; неважно, какое орудие выпускает снаряды — пушка, гаубица, миномет или безоткатное орудие, — все они должны постоянно стрелять, осыпая неприятеля градом снарядов. Противник должен знать, что мы утопим его в шквале нашего огня. Хорошо, когда снаряды рвутся у врага над головой, тогда он не может найти укрытия нигде.

Отдание приказов. Лучше всего, чтобы один генерал отдавал приказ другому устно и лично. Если это недостижимо, текст телефонной беседы должен записываться как с одного конца провода, так и с другого. Дабы осталось письменное свидетельство, устный приказ должен затем сопровождаться письменной копией, но не обязательно иметь ее в момент отдания приказа, главное, чтобы она достигла исполнителя раньше, чем он приступит к операции. Нужно это для того, чтобы у командира более младшего уровня не возникало сомнений относительно того, правильно ли он понял начальника, а также, чтобы наличествовало письменное свидетельство того, что старший командир берет на себя реальную ответственность за отданный на словах приказ.

По моему глубокому убеждению, приказы, отдаваемые командующим армией, не должны занимать более половины машинописной страницы; для меня стало правилом не издавать более длинных приказов. На обратной стороне приказа обычно помещался схематичный набросок предстоящей операции.

Командующий должен помнить, что разработать план, отдать приказ о его выполнении — это всего лишь пять процентов дела. Остальные девяносто пять процентов — проследить лично или через штабных офицеров, чтобы приказ выполнялся. Приказы должны отдаваться вовремя — так, чтобы исполнители могли реально успеть привести их в жизнь.

Никогда не указывайте людям, как выполнять ваши приказы, просто говорите, что они должны сделать, и они удивят вас своей изобретательностью.

Упаси вас Бог отдавать приказы для подстраховки, для бумаги. Такая практика обнаруживает недостаток силы духа у командира, подписавшего документ, что сразу же становится очевидно любому, кто читает такой приказ.

Планируя операцию, жизненно необходимо помнить и постоянно повторять себе: «На войне нет ничего невозможного для тех, в ком живет отвага» и «Не берите в советчики собственные страхи». Если эти два принципа станут основополагающими, полководец, командующий американскими парнями, обязательно выйдет победителем из любого боя, любой войны.

Карты. По моему глубокому убеждению, использование крупномасштабных карт командирами высшего звена, безусловно, крайне вредит делу, поскольку применение слишком подробных карт ведет к тому, что командиры погрязают в мелочах, а такие мелочи — забота командиров другого уровня.

Пользуясь наглядными категориями, можно сказать, что не дело командующего армией или командира корпуса ломать голову над тем, как разбить неприятеля в тактическом понимании данного процесса, для него главное — точно определить, где нужно это сделать. Место определяется на основании тщательного изучения карт автомобильных и железных дорог, а также водных артерий на той или иной территории. Для определения тактических задач каждой отдельной дивизии ее командиру необходимо столь же тщательно изучать более крупные карты. Однако рост масштаба не пропорционален уменьшению размера подразделения. Так карта командира полка должна быть достаточно мелкой, чтобы он мог правильно выбрать место для своих наблюдательного и командного пунктов и наметить общий план действий, в остальном же ему надлежит полагаться на результаты рекогносцировки.

Начиная с батальона и ниже использование карт может обернуться большой бедой, мне не приходилось встречать стоящего батальонного командира, успешно руководившего действиями своего подразделения по карте. Зато я встречал массу плохих батальонных командиров, полностью полагающихся на карты и пренебрегавших рекогносцировками — изучением местности самими этими командирами.

Штабная организация. Штаб-квартиры крупных соединений — то есть корпусов и армий — должны быть разделены на отделы следующим образом: головной эшелон (уровень), состоящий из командующего (командира), начальника штаба, начальника канцелярии, G-1, G-2, G-3[1], командующего инженерными частями,

[1] G-1 — начальник отдела (а также сам отдел/управление/отделение) по работе с личным составом (в сухопутных войсках на уровне штаба армии, корпуса или дивизии); G-2 — начальник разведотдела штаба (в сухопутных войсках); G-3 — начальник оперативного отдела (а таже подготовки и обуче-

начальника полевой артиллерии, начальника противовоздушной обороны, начальника корпуса связи и координатора действий наземных частей с воздушными. А также подотделов: начальника военной полиции, командующего спецподразделениями, коменданта штаб-квартиры и представителей G-4, арсенала, медицинской службы, интендантского корпуса и отдела G-5. Если обстоятельства того требуют, в головном эшелоне может быть выделена передовая тактическая штаб-квартира, состоящая из командующего (командира), начальника штаба головного эшелона (уровня), а также небольшого оперативного подразделения из отделов G-2, G-3, также инженерного, отдела полевой артиллерии и службы связи. В этом оперативном подразделении желательно не иметь представителей G-4.

Тыловой эшелон (уровень) должен быть вверен под командование G-4 и содержать отдел G-5, службы химической защиты, финансовую, медицинскую, интендантскую, арсенальную, связи, инженерную, генерал-адъютантскую, отделы главного инспектора, главного военного прокурора, специальные службы и религиозные (главного капеллана).

Когда обстоятельства позволяют и если существует достаточно места для размещения всех отделов головного эшелона (уровня), они должны находиться вместе. Тыловой надлежит размещать в едином месте не далее чем в трех часах езды на машине от головного. Необходимо проложить провода, чтобы обеспечить бесперебойную связь между штабами обоих эшелонов (уровней).

Устройство штаб-квартиры. Все штаб-квартиры, начиная от штабов полков и кончая штабами армий, должны быть устроены по общему для всех плану, чтобы любой офицер, приехав в штаб в первый раз и оказавшись на пункте сбора и отправки донесений, знал бы и без провожатых, куда ему следует направиться, чтобы найти нужный отдел.

Использование жилых трейлеров для ночлега генералов и старших офицеров экономит время и улучшает рабочую обстановку в штаб-квартире. Кроме того, в штаб-квартире головного эшелона (уровня) должно находиться три рабочих трейлера — один для командующего и начальника штаба, другой для начальников отделов (G-1, G-2 и т.д.) и, наконец, третий для штабной канцелярии и ее начальника. Такое распределение поможет осуществлять планирование и вести бумажную работу в любых условий вне зависимости от капризов погоды.

Для размещения штабных служб, столовой и кухни лучше чем тенты и палатки подойдет разрушенное здание. В любом рабочем штабном помещении, как и в трейлере, телефон должен разме-

---

ния личного состава); G-4 — начальник отдела снабжения и тыла; G-5 — начальник отдела по делам гражданского населения. — *Прим. пер.*

щаться рядом с главной картой, чтобы работающий с ней офицер мог разговаривать, видя ее прямо перед собой. Как ни странно говорить об этом, но люди порой все же не могут не поражать; обустраивая уже двадцать третий командный пункт для Третьей армии, занимавшийся этим персонал умудрился повесить карту на одной стене комнаты, а телефон разместить у противоположной.

По моему мнению, генералы или, по крайней мере, командующие и командиры соединений должны сами отвечать по своим телефонам в дневное время. Это не слишком утомительно, поскольку генералам звонит не так уж много народу, причем звонят обычно при острой необходимости, а в таких случаях генералу всегда лучше как можно быстрее взять трубку. Ночью на звонки должен отвечать адъютант, способный принять решение, к чьей компетенции относится вопрос — командующего (командира) или начальника штаба — и соответственно кого из них соединить с позвонившим. Важно, чтобы стенограф постоянно находился в полной готовности, дабы начальник штаба или командующий (командир) мог получить запись телефонного разговора. Это особенно важно, когда они отдают или получают приказы по телефону. В записи должны быть указаны, дата, время, место состоявшегося разговора и фамилии участников беседы. Подобная практика избавит вас от многих ошибок и поможет избежать ненужных споров относительно того, кто что сказал и кто кого как понял.

В работе штаб-квартиры любого уровня на одни сутки должно приходиться не более двух периодов напряженной работы, так сказать, двух часов-пик, когда всем офицерам и прочему персоналу надлежит находиться на месте. В остальное время большинство работников может отдыхать — принимать пищу, спать, делать физзарядку. Как мне известно, чрезмерное усердие многих командиров в начале кампании сослужило им в дальнейшем скверную службу, лишив сил и здоровья. Не нужно сутками просиживать за столом и непременно следует выполнять физические упражнения.

Жизненно важно, чтобы начальник канцелярии вместе с опытным заместителем начальника штаба следили за работой отделов и подотделов генерального штаба и особых штабов, чтобы те не становились чересчур независимыми и не издавали противоречащих друг другу приказов и распоряжений. Заместитель начальника штаба должен стать ситом, процеживающим эти приказы и распоряжения.

На уровне армии, корпуса и дивизии головной эшелон каждого штаба должен проводить штабные собрания или летучки ежедневно, по мере того как информация достигает штаба соединения. По моему мнению, скользящий график для частей разного уровня должен выглядеть следующим образом: летучка в штабе дивизии — через час после рассвета; в штабе корпуса — через два часа после рассвета; армии — через три часа после рассвета.

Один офицер от каждого отдела штаба корпуса или армии должен ежедневно посещать офицера соответствующего отдела части уровнем ниже. Вместе с тем он должен также собирать общую информацию, которая в обычных условиях не касается компетенций его отдела или подотдела. Все, что может оказаться важным, такой офицер должен немедленно довести до сведения начальника штаба сразу после своего возвращения. Если информация не жизненно важная, ему надлежит выступить с сообщением на совещании на следующий день. Командующий (командир) или начальник штаба должны ежедневно после летучки совершать визиты на передовую.

Командующий (командир) или начальник штаба тактической воздушной бригады, действующей совместно с армией, должен присутствовать на всех совещаниях и планерках. Если данное правило не соблюдается, невозможно достигнуть максимально тесного взаимодействия между наземными силами и авиацией. А-3[1] должны работать с G-3, а А-2 — с G-2.

Если штабной офицер не способен взаимодействовать с людьми, не справляется с работой, значит, он не соответствует занимаемой должности и его необходимо заменить. Штаб не может функционировать должным образом, если не превращается единую дружную семью.

Награждение. Для поддержания боевого духа очень важно, чтобы награждения отличившихся были обоснованными и осуществлялись быстро. В штабе каждой армии, каждого корпуса надлежит иметь одного представителя отдела G-1, в чьи обязанности входило бы следить за тем, чтобы дивизии, а также приданные им подразделения более низкого уровня вовремя подавали списки на награждение. Также ему следует проверять правильность составления таких списков. Если позволяет время, нужно организовать специальный курс подготовки составителей наградных списков, которые бы вели офицеры из отделов G-1 корпусов, армий и дивизий.

Сведения о потерях. Соответственно следует организовать на уровне армии, корпуса и дивизии курсы специалистов по сбору сведений и составлению рапортов о потерях и т. д. Чтобы всегда представлять себе ситуацию, надлежит готовить по два пакета сведений по потерям как по нашим, так и по тем, что понес противник. Первый будет основываться на оценочных данных, второй — на реальных. Между первым, основанным на предварительных оценках, и вторым проходит две-три недели. Если первый вариант отчета составлен грамотно, погрешность при сопоставлении с фактическим составляет всего от двух до трех процентов.

---

[1] А-2 — начальник разведотдела (а также сам отдел/управление/отделение) штаба в авиации; А-3 — начальник оперативного отдела (а таже подготовки и обучения личного состава) в авиации. — ***Прим. пер.***

Равная тяжесть взысканий. Главный прокурор и главный инспектор обязаны проверять, насколько практика применения наказаний в том или ином подразделении соответствует практике других подразделений, для того чтобы во всей армии за один и тот же проступок совершившие его военнослужащие несли равное по тяжести взыскание вне зависимости от части, в которой тот или другой из них служит.

V

Общие моменты

Одним из серьезнейших недостатков наших армейских правил является назначение недельной гауптвахты за проступки. Кодексы военных законов носят скорее административный, чем правовой характер. Как говорят французы, такие мягкие наказания виновных соблазняют на преступления других. Я убежден, что солдат, заснувший на посту, уклоняющийся от битвы или пережидающий в укромном месте, пока другие идут в атаку, должен предстать перед судом как лицо, совершившее тяжкое уголовное преступление. Считаю, что командующим армиями или командирам корпусов необходимо предоставить право санкционировать смертную казнь. Глупо, знаете ли, когда командир высокого ранга, по приказу которого на смерть идут тысячи храбрецов, не имеет права принять решение о лишении жизни одного жалкого труса.

Форма. Военная форма изобретена для того, чтобы вид одного солдата не отличался от другого, и поэтому, соответственно сезону, в ней должно быть тепло или прохладно. По моему глубокому убеждению, подходящая форма для американского солдата — каска с подшлемником, рубашка оливкового цвета и зауженные книзу брюки, а также удобные для боя замшевые или кожаные ботинки. Когда осенью начинаются холода, солдат должен надевать более плотную рубашку весом семьсот пятьдесят — восемьсот пятьдесят граммов. Тогда же солдат должен получить плотное шерстяное белье и носки, а также толстый, длиною в один метр шарф, который может носить на шее, а также обматывать им голову или торс в ночное время.

Когда на улице ноль или ниже ноля, солдату должна выдаваться зимняя шинель или бушлат с подстежкой, но без ремня. Впереди такая одежда должна иметь специальную муфту, куда солдат мог бы прятать руки, держать их в тепле, чтобы сохранить способность нажимать на курок.

Использование прицелов. Диоптрический прицел для военных целей не подходит, поскольку им нельзя пользоваться в сумерках и при плохом освещении. Из сотен опрошенных мной офицеров, только трое или четверо говорили, что встречали солдата, пользовавшегося диоптрическим прицелом в бою. Следовательно, наши

штурмовые винтовки должны оснащаться двумя обычными прицелами — одним для стрельбы с дистанции сто метров и другим — для ведения огня на расстоянии триста метров.

Ружейные ремни. Тяжелые и дорогостоящие кожаные ружейные ремни бесполезны и должны заменяться матерчатыми ремнями, предназначенными только для ношения винтовок. Я не видел и не слышал, чтобы кто-нибудь, кроме снайперов, стрелял с ремня.

Минометы. Пехотные минометы должны быть снабжены приборами подсветки для стрельбы в ночное время.

Маркировка красного креста. Санитарные машины должны быть целиком покрашены в белый цвет, на крышах, по бокам, сзади и спереди на них должны стоять большие красные кресты.

Во время боя медперсоналу надлежит поверх формы надевать белые жилеты до пояса с красными крестами на груди и спине. Эти жилеты должны иметь подкладку оливкового цвета с небольшим красным крестом на ней. До начала боя и на марше, по причине того что белый цвет может способствовать демаскировке колонн, медперсоналу следует надевать жилеты наизнанку.

Авианалеты. Нам известны последствия наших атак с воздуха на неприятельские коммуникации, железные и автомобильные дороги, поэтому мы должны представлять себе, что было бы, если бы средства связи и сообщения на наших территориях оказались бы частично или полностью уничтожены и как бы мы действовали в подобных случаях.

Там, где только возможно, нужно просить летчиков перерезать железнодорожные ветки, причем желательно подальше от городов и лучше в трех местах, поскольку из-за подобных разрушений неприятелю будет очень трудно добраться в важные центры из любой точки, к тому же ему понадобится отправлять ремонтные бригады на значительные расстояния и заставлять их работать на участках, где, атакуя рабочих, наши самолеты не встретят зенитного противодействия, поскольку вдали от крупных стратегических центров средства ПВО, как правило, отсутствуют.

Отчеты о проведенных боевых действиях. С самого начала операций группа офицеров G-2 и G-3 должна собирать отчеты о проведенных боевых действиях за месяц. Когда кампания завершается, необходимо сделать выборку из помесячных данных, включая копии приказов и инструкций, карт и т. д., относящихся к данной операции от дня ее начала до дня завершения. Таким образом будут собраны все отчеты о боевых действиях, проведенных в рамках одной кампании.

Охрана поездов. Железнодорожные составы, перевозящие продукты питания, горючее или какие-либо иные предметы, привлекательные с точки зрения дельцов черного рынка, должны транспортироваться под охраной. Лица, пытающиеся ограбить данные составы, подлежат уничтожению, а сами факты попыток грабежа и расстрелов грабителей — опубликованию на страницах прессы.

Потери ранеными и убитыми. Чтобы определить, насколько силен и эффективен огонь неприятеля, необходимо как можно больше информации о различных категориях потерь. В настоящее время к нам стекаются сведения о количестве потерь и характере ранений тех из военнослужащих, которые поступают в госпитали, но даже и тогда мы не знаем, в каком именно секторе те бойцы получили ранения. Пока идет бой, нам ничего не известно о том, как и где погибли наши солдаты. При выносе раненых с поля надлежит ввести систему оповещения, чтобы можно было установить, возле какой точки получил ранение тот или иной боец. Сотрудники похоронной службы должны определять, вследствие каких причин наступила смерть солдата — какая пуля или осколок какого снаряда стал причиной смерти. Никакой медицинской экспертизы тут не требуется, любой, кто видел хотя бы несколько ран, отличит пулевое ранение от осколочного. Полученная информация должна фиксироваться в письменной форме. Определение мест, где войска понесли потери убитыми и ранеными, может облегчить раздача медперсоналу и похоронным командам эскизных карт. Зачем нужна подобного рода информация? Если мы будем знать, где и отчего погибли или получили ранения наши солдаты, мы сможем принять меры к снижению потерь.

Защита от поражения сверху. Принимая во внимание тот факт, что следующая война будет вестись противником с применением снарядов с неконтактными взрывателями, мы должны подумать о создании бронемашин с бронированным верхом, а также орудий со щитами, которые бы защищали расчеты не только от поражений спереди, но и сверху.

Пополнения и резервы. Когда сражающаяся дивизия теряет четыре тысячи человек, ее ценность как боевой единицы равняется нулю, поскольку девяносто два процента в числе этих четырех тысяч — стрелки. Практически то же самое можно сказать и про танковую дивизию. Посему каждая дивизия должна иметь в своем составе резервный батальон. В пехотной дивизии такой резервный батальон должен включать в себя пятнадцать процентов численности всех стрелков данного подразделения и пять процентов численности всех прочих, включая ротных командиров. Нужно иметь в запасе роту в расчете на каждый пехотный полк и одну роту на все остальные полки вместе.

Мотострелковые подразделения танковых дивизий должны держать в резерве десять процентов своей численности, а также десять процентов личного состава танковых подразделений и пять всех прочих, включая ротных офицеров.

Во время кампаний возвращение в строй раненых создает ситуацию, когда численность предназначенных для пополнений батальонов превышает рекомендованную, однако через день-два активных боевых действий ситуация приходит в норму. Жизненно

важно для поддержания морального духа, чтобы военнослужащий, возвращающийся в свою часть после ранения, не терял в своем служебном положении.

Война по-американски — война с максимальным применением техники. Американцы — самые выдающиеся механики в мире. Америка — это та страна, народ которой не знает себе равных в умении производить величайшее количество самых лучших машин и механизмов. Следовательно, мы должны использовать свои неоспоримые преимущества в ходе ведения боевых действий. Нам надлежит воевать, максимально используя машины на земле и в воздухе, особенно учитывая тот факт, что два народа, с которыми нам возможно придется помериться силами, значительно отстают от нас в техническом смысле, зато могут выставить большое количество живой силы. Хотя людских ресурсов у нас тоже достаточно, они слишком ценны, поэтому нам должно принять все меры, чтобы сберечь наших парней.

Верность долгу. Верность долгу необходима как среди рядовых, так и среди генералов. Верность долгу верхов по отношению к тем, кто ниже, важнее и реже встречается.

Заканчивая эту главу, с грустью отмечаю, что, когда человек в полной мере познает искусство командования, спрос на это искусство обычно падает или по причине окончания войны, или же ввиду преклонных лет командира.

ОТРАБАТЫВАЯ СВОЙ ХЛЕБ

Труд армейского офицера можно сравнить с трудом полицейского или пожарного. Чем лучше он справляется со своей повседневной работой, тем реже ему приходится выезжать на тревожные сигналы.

Оглядывая пристальным взглядом свою длинную карьеру военного, я поражаюсь тому, как редко я действительно, образно выражаясь, отрабатывал свой хлеб. Хотя, возможно, именно то, что мне так редко приходилось авралить, как раз и говорит о том, что в промежутках между сигналами тревоги я хорошо делал свое дело.

Приведенные ниже эпизоды остались в моей памяти как случаи, когда мое личное вмешательство приносило благотворные плоды.

I

Иногда курсанты в военном училище присваивают себе сомнительное право выражать собственное критическое отношение к иным офицерам через так называемое «молчание». Что это такое? А вот что. Когда тот самый «плохой» офицер входит в общую столовую, все курсанты встают по стойке смирно, не двигаются и не

издают ни звука, пока офицер находится в зале. Я всегда был противником подобного поведения, поскольку считаю, что оно граничит с бунтом.

Как-то вышло, что я, командуя батальоном, привел его в столовую на обед, когда в зал вошел такой «плохой» офицер. Чувствуя, что сейчас они выкинут свой фокус с «молчанием», я, будучи уверен в их неправоте и оставаясь также последовательным противником подобного рода протестов, велел батальону встать и увел его из столовой в казарму без обеда. Тот офицер, еще молодой и неопытный, выразил несогласие с моим поступком, однако я кое-что объяснил ему, и он меня понял.

II

Летом 1914 г. я оказался единственнм офицером при исполнении служебных обязанностей в Форте-Райли в штате Канзас, когда случилось ЧП — одного чернокожего солдата обвинили в изнасиловании белой девушки из соседнего городка. Многие уверяли, что жители собрались линчевать этого парня. Хотя лично я насильников, естественно, не поддерживаю, я считал своей офицерской обязанностью не допустить самосуда над военнослужащим армии Соединенных Штатов. В связи с этим я поставил в известность местных жителей, что они смогут расправиться с солдатом, только переступив через мой труп. В результате парень не пострадал, а дальнейшее разбирательство показало, что он не был ни в чем виноват.

III

Во время пограничных конфликтов с Мексикой в 1916 г. я, находясь при исполнении служебных обязанностей, командовал разъездом из двадцати человек в районе Хот-Вэллс в штате Техас. В мои обязанности входила охрана от вылазок вильистов[1] участка железной дороги Саутерн — Пасифик (Южной Тихоокеанской железной дороги) длиной километров в семьдесят — семьдесят пять, по которой ходили поезда каррансистов[2]. Хот-Веллс находился в центре моего сектора.

Связавшись по телефону с командиром 13-го кавалерийского полка, я получил разрешение взять под охрану мост, затем отпра-

[1] Вильисты — сторонники Франсиско Вильи Панчо, деятеля мексиканской революции (1911–1917) и лидера повстанческого движения, воевавшего против режимов президента Мексики Порфирио Диаса, затем Викториано Уэрта, а после 1914 г. участвовавшего в гражданской войне в Мексике и занимавшегося бандитизмом. — *Прим. пер.*

[2] Каррансисты — сторонники Венустиано Каррансы, вождя мексиканской революции в период после низвержения диктатора Порфирио Диаса. Сторонник умеренной политики, Карранса был вынужден вести войну с Вилья и Сапатой. — *Прим. пер.*

вил сержанта с половиной отряда на запад, сам же с оставшимися поскакал на восток. К мосту мы приближались уже в темноте, и дозор известил меня, что на той стороне слышны голоса людей, говорящих по-испански. Это навело меня на мысль, что вильисты минируют мост, а потому молниеносная атака — как раз то, что нам нужно. Я построил мой отряд и скомандовал: «Оружие к бою! В атаку!»

Приблизившись к мосту, мы натолкнулись на проволочную изгородь и должны были остановиться. В тот момент с моста раздалось несколько винтовочных выстрелов. Не стесняясь в выражениях, я обратился к стрелявшим с вопросом, кто они такие, и с огромным облегчением услышал: «Разъезд 13-го кавалерийского». Они почему-то не остановились у моста, который им поручили, и влезли на мою территорию.

Этот пример только укрепил меня во мнении, что очень важно придерживаться заранее составленных планов.

IV

В ходе карательной американской экспедиции в Мексику в 1916–1917 гг. генерал Першинг разместил свой передовой командный пункт, где кроме самого генерала находились майор Райен, я и четверо солдат, в местечке Эль-Кобре. Как-то вечером генерал Першинг продиктовал майору Райену приказ, который мне предстояло доставить командиру дислоцированного в Сака-ранде эскадрона 13-го кавалерийского полка. Смысл донесения состоял в том, чтобы эскадрон проследовал в район ранчо «Провидение» и прочесал горы к западу от него. Диктуя приказ, генерал Першинг смотрел на горы к западу, на прочесывание которых, как я и подумал, он решил отправить эскадрон.

Чтобы передать сообщение, мне предстояло сесть в разбитый «Форд» и часа полтора трястись в нем ночью по бездорожью, пересекая кишевшую вильистами местность. На ранчо я взял себе коня и всю оставшуюся ночь скакал на нем, поливаемый то дождем со снегом, то градом, но утром достиг расположения эскадрона.

Когда мы прискакали в «Провидение», майор собрал капитанов и начал раздавать приказы прочесать горы к западу от «Провидения». Однако ранчо стоит в долине, где горы расположены от него по обеим сторонам, а командный пункт генерала Першинга находился к востоку от той гряды, что восточнее «Провидения». Поэтому я сказал командиру эскадрона, что он должен прочесать горы к востоку. Показав мне письменный приказ, майор спросил: «Вы хотите, чтобы я нарушил письменный приказ?» — «Да», — подтвердил я. Майор высказался обо мне в нелестных выражениях, но сказал, что подчинится. Целый день мы прочесывали горы без всякого успеха и в конце концов приехали на командный пункт к генералу Першингу.

Там майор повел меня к генералу и объявил ему: «Этот щенок все испортил, и мы провалили задание!». Генерал Першинг заявил: «Приказ лейтенанта Паттона — мой приказ», затем, обращаясь ко мне, спросил: «Какой приказ вы отдали?» Я, естественно, объяснил, и генерал сказал: «Вы все правильно сделали».

В те времена второго лейтенанта[1] и майора разделяла пропасть куда большая, чем теперь между майором и четырехзвездным генералом. Таким образом, считаю, что мой поступок требовал немалого мужества и смелости, они же базировались на уверенности в собственной правоте.

V

Вскоре после описанного выше случая генерал Першинг отправил меня с пакетом к генералу Хоузу. Все, что нам было известно о местонахождении Хоуза, это то, что он проходил через ранчо «Провидение», куда на закате я и отправился на автомобиле. На ранчо я встретил обоз 7-го кавалерийского, взял двух солдат и, разжившись у командира обоза тремя лошадьми, пустился на поиски генерала Хоуза.

Было еще достаточно светло, что позволяло идти по следам эскадрона. Мы проехали всего ничего, когда встретили разъезд 10-го кавалерийского, пытавшийся убедить меня не ехать дальше ввиду большого скопления вильистов в лесу. Я не послушался их, и мы продолжали ехать дальше по каньону, пока не пришли в место, где он раздваивался. Я заметил отблески огоньков в облаках над тем из каньонов, которой лежал восточнее. Мы поскакали этим каньоном и вскоре встретили разъезд 7-го кавалерийского под началом генерала Фечета (тогда он был майором), который тоже принялся уговаривать меня не продолжать путь, поскольку каньон, как уверял Фечет, кишел вильистами. Еще Фетчет сказал, что ему неизвестно, проезжал ли здесь генерал Хоуз или нет, но, как он полагает, скорее всего, нет. Тем не менее мы продолжили путь и в конечном итоге отыскали генерала Хоуза.

Хотя реально никаких неприятностей во время выполнения этого задания не произошло, нервы были на пределе и иной раз возникали острые моменты, о которых я по большей части умолчал.

VI

Однажды, когда я служил инструктором в Форт-Райли, я устроил нечто вроде холостяцкой вечеринки для второкурсников. Есте-

[1] Во время Первой мировой войны второй лейтенант — первое офицерское звание в армии, авиации и на флоте Соединенных Штатов, равное званию младшего лейтенанта (или лейтенанта) в Российской Армии, поскольку в вооруженных силах США две, а не три градации лейтенантских званий. Следующее звание первый лейтенант, потом капитан и т. д. — *Прим. пер.*

ственно, мы повеселились, однако никто не напился и не безобразничал. На следующий день науськанный собственной женой комендант вызвал меня к себе и заявил, будто имеет верную информацию о непозволительных действиях некоего находившегося в числе моих гостей лейтенанта, и просил меня подтвердить это заявление. Я ответил, что не намерен делать ничего подобного. Он сказал: «Вам еще полтора месяца работать здесь, а если вы не скажете того, что вам велят, я вас выгоню немедленно и испорчу вашу блистательную анкету». Я соврал, сказав, что выпил лишнего и потому не могу судить о том, были или не были пьяными прочие офицеры. Комендант не стал выполнять своих угроз.

VII

Летом 1918 г. несколько солдат 301-й танковой бригады, которой я командовал, под моим наблюдением занимались стрельбой из 37-мм орудия. Дефектный снаряд, взорвавшись в дуле орудия, ранил двоих или троих человек. Следующий снаряд разорвал казенную часть, оторвав голову канониру. Парни перепугались и не хотели продолжать стрельбу, тогда я, считая себя как самого старшего из присутствующих офицеров обязанным разубедить их, произвел три выстрела без каких-либо трагических последствий. Это восстановило в людях уверенность в надежности пушек. Я же вынужден признать, что еще ни разу в жизни не испытывал столь сильного нежелания нажимать на курок или гашетку.

VIII

В ходе Маас-Аргоннской[1] операции экипажи танков роты капитана Мэтта Инглиша, входившей в 301-ю бригаду, рыли проход в немецких траншеях и попали под сильный пулеметный обстрел противника, находившегося на расстоянии метров двести пятьдесят — триста. Солдаты бросили работу и попрятались в укрытиях, мы же с капитаном Инглишем, стремясь успокоить их, напротив, забрались на бруствер. Данный поступок заставил людей вернуться к работе. Странно, нескольких из них ранили, мы же с капитаном были словно заговоренные.

После того как нам удалось провести через вырытый проход пять танков, машины устремились на врага и подавили пулеметный огонь. Когда я бежал за танком, то нашел на противоположном склоне холма сотни три поддавшихся панике солдат, угодивших под плотный пулеметный и орудийный огонь, который враг вел с дальней дистанции. Для того чтобы закрепить успех, достигнутый благодаря прорыву танков, было очень важно, чтобы за ними последовала пехота. Я приказал атаковать, но они меня словно

[1] Маас-Аргоннская операция времен Первой мировой войны (26 сентября — 11 ноября 1918 г.). — *Прим. пер.*

бы не слышали. Тогда я вызвал добровольцев. Их кроме меня и моего ординарца Джозефа Энджело нашлось всего пятеро. Мы побежали вперед, остальные остались, однако больше уже не помышляли о бегстве. Во время той атаки четверо добровольцев погибли, я же получил ранение. Подтянулись еще танки и за ними пошла пехота. В общем, операция завершилась успешно. За нее я получил крест «За отличную службу».

IX

Получив ранение во время Сен-Миельской операции, я с сильным кровотечением почти целый час пролежал в снарядной воронке всего в каких-нибудь двадцати пяти метрах от немецких позиций. Все это время противник палил по нам из пушек и минометов, но, к счастью, безрезультатно. Поскольку прежде мне не случалось получать ранения, я чувствовал себя очень плохо и думал, что умираю.

Невзирая на попытки санитаров немедленно отправить меня в госпиталь, я настоял на том, чтобы сначала меня доставили в штаб-квартиру 35-й дивизии, которую моя часть поддерживала в операции, чтобы дать им четкую оценку того, что происходило. В действительности моя рана оказалась совсем не такой серьезной, как казалось. Тут мы снова видим пример того, что страх заставляет человека переоценивать опасность.

X

Утром 9 ноября 1942 г. мы с моим адъютантом лейтенантом Стиллером прибыли на берег в районе Федалы, где сложилась очень непростая ситуация. Десантные суда сгрудились у берега, поскольку те, кто высаживался из них, не давали себе труда оттолкнуть лодки обратно в море; противник вел по нам орудийный огонь, а французские самолеты бомбили и простреливали наши позиции. Хотя пилоты не рисковали подлетать близко и потому все время промахивались, наши люди, забыв о необходимости действовать и в особенности разгружать лодки с боеприпасами, искали убежища в укрытиях. Поскольку горячий бой кипел всего не более чем в полутора километрах к югу, продолжать разгрузку снаряжения было жизненно важно.

Думаю, мне удалось сплотить людей именно потому, что я сам помогал отпихивать пустые суда и разгружать ящики со снарядами, находясь все время в зоне опасности, поскольку вражеские самолеты кружили над нашими головами. Я провел рядом с солдатами восемнадцать часов кряду, устал как черт и промок до нитки. Некоторые убеждены, что командиры корпусов и командующие армиями не должны поступать подобным образом, я же абсолютно уверен, что командующий офицер должен делать все от него зависящее, чтобы успешно завершить операцию, а едва ли не восемьдесят процентов успеха зависит от морального состояния войска.

XI

В 02.30 в ночь на 11 ноября 1942 г. полковник Харкинс поднял меня с постели, известив о прибытии французского офицера из Рабата с приказом для французских войск в Касабланке сложить оружие. Мы выделили офицеру эскорт и сопроводили его в Касабланку.

Тут же возник вопрос, не следует ли нам отменить наступление, которое должно было начаться в семь часов утра бомбардировками расположений неприятеля. Многие прекрасные офицеры выступали за немедленную отмену наступления, с чем я категорически не согласился, поскольку считал, что если над головой у противника будет висеть топор, неприятелю придется капитулировать, если же мы проявим готовность к ведению переговоров, французы могут заартачиться, а поскольку они превосходили наши силы численно в два раза, время для нас становилось особенно важным фактором. Исходя из этого, я отдал приказ не сворачивать подготовку к наступлению.

Когда в 06.45 французы изъявили желание сдаться, нам пришлось, как говорится, вертеться на пупе, в течение восьми минут раздавая приказы по радио авиации, которая должна была начать бомбардировку в 07.00, и флоту, чьим орудиям предстояло вступить в дело в 07.16. До пилотов приказ дошел за одну минуту пятнадцать секунд до открытия бомболюков.

XII

В 13.30 11 ноября 1942 г. Верховный главнокомандующий французскими войсками в Западной Африке и адмирал Мишли и французский генерал-губернатор в Марокко генерал Ногэ в сопровождении своих штабов явились в гостиницу «Мирамар» в Федале для подписания капитуляции.

Когда я уезжал из Вашингтона, мне дали два варианта инструкций относительно условий сдачи французов — одно было более мягким. Разумеется, я не раз читал эти документы, находясь на пути через Атлантику, но из-за отсутствия знаний в данной области истории я до тех пор, пока французы не прибыли ко мне, не осознавал, что варианты предназначались для Алжира, являвшегося французской территорией, в то время как Марокко — всего лишь протекторат, где только престиж французской армии держит в узде арабов. Принимая же во внимание вышеизложенное соображение, я понимал, что ни один из вариантов в данном случае не годится.

Ситуация осложнялась и тем, что в тот момент я не имел возможности связаться с генералом Эйзенхауэром и не знал, как развивается наступление на других участках африканского театра военных действий. Принимая решение, я должен был помнить о том, что необходимо превратить Марокко в базу для высадок американских войск в Африке, но эта страна не могла бы играть такой роли,

если бы арабы вдруг подняли восстание. Вывод: я должен был поддержать престиж французской армии.

Я встал и на своем оставляющем желать лучшего французском сказал, что когда-то обучался во французской школе верховой езды, что во время Первой мировой войны два года сражался бок о бок с французами и что я знаю французских офицеров и верю в данное ими слово чести, а посему если они пообещают не обстреливать американские войска и корабли, то могут не сдавать оружия и вновь направить свои гарнизоны в крепости на побережье. В общем, я сказал им, что все останется как было, только теперь они будут находиться под моим командованием.

Мне ни разу не пришлось пожалеть о своем решении. Поступи я иначе, уверен, понадобилось бы по крайней мере шестьдесят тысяч американских солдат и офицеров, чтобы удерживать Марокко в повиновении, что вызвало бы нехватку сил на других участках, тогда как войск нам и без того недоставало.

XIII

Около 22.00 5 марта 1943 г. позвонил начальник штаба генерала Эйзенхауэра генерал Уолтер Б. Смит и велел мне прибыть в аэропорт Мезон-Бланш в Алжире утром 6-го числа вместе с начальником оперативного штаба и двумя-тремя подготовленными для длительной службы в полевых условиях штабными офицерами. Я не имел возможности взять ни одного из офицеров моего главного штаба, поскольку им надлежало продолжать планирование высадки в Сицилии.

Я отправился в Мезон-Бланш с обоими адъютантами — капитаном Дженсоном и лейтенантом Стиллером, — а также с моим ординарцем сержантом Миксом. В качестве начальника оперативного штаба я выбрал генерала Гэффи из 2-й бронетанковой дивизии, его помощниками стали начальник планирования операций и подготовки личного состава моего штаба полковник Кент Ламберт, на место которого я поставил Мэддокса, и мой начальник разведотдела полковник Кох. Вскоре после полудня 6 марта мы приземлились в Мезон-Бланш, где нас встречали генералы Эйзенхауэр и Смит, которые сказали мне, что собираются снять с должности генерала Фридендолла, а потому мне предстоит поехать в его штаб-квартиру и принять командование 2-м корпусом, чтобы начать назначенное на 14-е число наступление, планы которого уже согласованы и одобрены. Я поинтересовался, каковы мои полномочия в отношении замены Фридендолла. Генерал Эйзенхауэр сказал, что разговаривал с ним по телефону, а затем написал обычное письмо на листе бумаги, где Фридендоллу предписывалось передать мне бразды правления корпусом и находиться при мне до тех пор, пока это будет необходимо.

Мы вылетели из Константины, где провели ночь и где я успел познакомиться с генералом Александером, командовавшим груп-

пой армий, к которой был придан 2-й корпус. Генерал Александер объяснил мне, что после 10 марта 2-й корпус будет выведен из-под британского командования и станет действовать как самостоятельная армия, продолжая, однако, считаться корпусом.

Ранним утром 7-го я вылетел в Тебессу, прибыв в штаб-квартиру 2-го корпуса около 09.00, где нашел большинство офицеров спящими в своих постелях. В трех из четырех дивизий дела велись из рук вон плохо, и у личного состава развился коллективный комплекс неполноценности. Остальные части состояли из не нюхавших пороха новобранцев — полных глупой бравады новичков. Порядок и дисциплина отсутствовали полностью, и каждый сотрудник главного штаба отдавал прямые приказы на любом уровне, дошло до того, что начальник планирования операций и подготовки личного состава мог спустить приказ в дивизию с распоряжением направить резервный взвод туда-то и туда-то.

В период начиная с утра 7-го и по конец дня 13 марта я персонально побеседовал с личным составом каждого из батальонов четырех дивизий и восстановил порядок. То была трудная работка — такая трудная, какой мне никогда в жизни делать не приходилось. Как бы там ни было, первая же наша атака на Гафсу утром 14-го увенчалась полным успехом. Успех свел на нет все вредные последствия — все зло, нанесенное личному составу падением веры в свои силы, и начиная с того момента 2-й корпус сражался отлично.

XIV

В ходе военных действий в Тунисе мы все время находились под опекой британцев — даже в моей штаб-квартире имелся британский бригадный генерал. В первых числах второй недели апреля я безуспешно пытался взять гору Джебель-Берда. В тот вечер уже после ужина генерал Эдди, командовавший тогда 9-й дивизией, которой как раз и отводилась задача взятия горы, явился ко мне и в присутствии английского генерала признался, что, хотя и готов выполнять мой приказ, считает атаку бесперспективной, поскольку задействованные в ней полки уже понесли потери в двадцать шесть процентов своей численности.

Я оказался перед непростым выбором, продолжать ли бессмысленный натиск или же потерять лицо перед английским офицером и пойти против собственных принципов, согласившись остановить атаку. Я считал, что в сложившихся обстоятельствах я был не вправе требовать дальнейших жертв, и потому велел Эдди отвести людей. Думаю, это решение было самым трудным из тех, что мне приходилось принимать.

К счастью, на следующий день 1-я дивизия захватила наблюдательный пункт, откуда мы могли вести очень эффективный огонь по тому самому участку горы, который так безуспешно пытались штурмовать накануне. Мы навели на цели всю корпусную артилле-

рию, а также орудия двух дивизий и с рассветом открыли беглый огонь снарядами с начинкой из белого фосфора. Когда каждое орудие выпустило по двадцать пять снарядов, мы прекратили огонь, чтобы неприятель подумал, будто мы собрались атаковать, и вывел на позиции все свои силы. Однако, выждав десять минут, мы, вместо того чтобы идти в наступление, дали еще один такой же залп — по двадцать пять снарядов большой разрушительной силы на каждое орудие. В результате такого подхода к делу мы взяли гору, не потеряв ни единого человека.

XV

Ранним утром 10 июля 1943 г. мы с генералом Гэем, полковником Одемом и капитаном Стиллером высадились на Сицилии в районе Джелы. Берег в месте высадки простреливался, но снаряды в большинстве своем падали в море метрах в семи-восьми от кромки воды, где никому особенного вреда не причиняли. Однако, несмотря на это, на берегу царило смятение и никто не делал того, что был обязан делать. Мы с моими штабными офицерами прошлись по берегу и восстановили порядок, воодушевив людей прежде всего тем, что не прятались и не кланялись немецким пулям, снарядам и бомбам, хотя немецкие самолеты поддерживали своими налетами артиллерию.

Позднее мы прибыли в Джелу и провели несколько часов под довольно плотным орудийным и пулеметным огнем. Мы видели, как слева от нас бригада итальянской пехоты атакует неплотный фронт, удерживаемый двумя ротами рейнджеров. Справа от нас прорвалась группа из двенадцати танков, которая находилась не более чем в четырехстах метрах от берега.

Чтобы найти генерала Терри Аллена, нам пришлось проехать между позициями 1-й дивизии и теми вражескими танками. Нельзя сказать, что поездка была вовсе безопасной, поскольку немцы подтянули еще шесть десятков танков и перешли в контратаку против наших. Нам все же удалось разыскать генерала Аллена и обсудить с ним планы завтрашней атаки. Обсуждение шло под свист пуль и грохот взрывов, а потому то совещание стало самым коротким штабным совещанием из всех происходивших на моей памяти. Меня за этот случай наградили «Дубовой ветвью», которой я, по моему убеждению, не заслуживал, поскольку лишь выполнял свой долг. Правда, ситуация сложилась опасная — один случайный снаряд разорвался в нескольких метрах от того места, где стояли мы с генералом Эдди, а в другой раз поблизости упала бомба.

XVI

С наступлением ночи 13 июля 1943 г. я убедился, что немецкие контратаки 11-го и 12-го числа стали последними серьезными попытками противника задержать наше продвижение. Придя к осо-

знанию данного факта, я изменил свои планы дальнейшего ведения кампании в Сицилии. Возьми я в советчики свои опасения или поверь донесениям разведки, операция могла затянуться и завершиться не столь успешно.

Кажется, что решение свое я принял легко, однако на деле оно мне далось очень трудно.

XVII

14 июля я получил депешу от генерала Александера, который хотел, чтобы я занял оборонительные позиции в районе Кальтаниссеты[1], прикрывая с левого фланга тыл Восьмой британской армии. Исполнение такого приказа наносило вред американской армии, и с помощью генералов Кейза, Ведемейера и Гэя я составил план обходного маневра через Агриджето и Кастельветрано на Палермо.

Затем вместе с генералом Ведемейером мы полетели в Африку, где представили свою идею на рассмотрение генерала Александера. Я выразил свою убежденность относительно того, что именно это, а не маневр для прикрытия британского тыла он и имел в виду. Я попросил Александера санкционировать наш план. Он согласился, но сказал, что вместо атаки на Агридженто я должен провести разведку боем. Я так и поступил, проводя разведку боем всеми имевшимися в тот момент в моем распоряжении силами — а именно 3-й дивизией, 82-й воздушно-десантной, двумя рейнджерскими батальонами и тактической группой 2-й бронетанковой дивизии. Если бы я не справился с задачей, меня бы освободили от занимаемой должности. Но я справился, и 22-го мы взяли Палермо.

XVIII

В ходе наступления на Мессину вдоль по дороге, ведущей на Север Сицилии, мы провернули удачную операцию с амфибиями и начали уже разрабатывать следующую, когда сразу же после позднего ужина находившийся в 3-й дивизии генерал Кейз позвонил и сообщил, что генерал Брэдли, командовавший 2-м корпусом, куда та дивизия входила, и ее командир генерал Траскотт выражают единодушную уверенность в том, что повторная операция с амфибиями опасна, а потому просят разрешения отложить ее. Я ответил генералу Кейзу, что никаких изменений не будет, и велел ждать моего прибытия.

Я отправился немедленно, взяв с собой генерала Гэя, которого высадил на берегу с приказом проводить в путь экипажи амфибий, готовившихся к операции. Затем я поехал в штаб-квартиру 3-й ди-

---

[1] Кальтаниссета — город и столица провинции Кальтаниссета в Центральной Сицилии, расположенный к западу от реки Сальсо и Катании в горах на высоте 590 метров. — *Прим. пер.*

визии, которая находилась в зоне, частично простреливаемой неприятелем. Траскотта, очень способного и решительного офицера, я нашел страдающим от сильного утомления, чем и был обусловлен его скептицизм в отношении операции. Я приказал ему выполнять приказ и предупредил, что, если операция сорвется, я приму на себя ответственность за неудачу, если же дело выгорит — все лавры достанутся командиру, то есть Траскотту.

Затем я позвонил генералу Брэдли и сказал то же самое ему. Обоим я сказал, что полностью им доверяю и потому возвращаюсь к себе в штаб-квартиру. Оставшись, я бы продемонстрировал им свое недоверие. Мне пришлось провести беспокойную ночку, главным образом из-за обстрелов противника, правда безрезультатных. Вскоре после утренней побудки позвонил дежуривший в ту ночь полковник Харкинс и сообщил, что атака амфибий увенчалась полным успехом.

Даже когда ты полностью доверяешь людям, — а в описываемом случае я полностью доверял тем двум офицерам, — нелегко отдавать приказ провести операцию, если ни тот ни другой не верят в успех.

XIX

Во время наступления на Тройну я отправился на машине в штаб-квартиру генерала Брэдли, руководившего действиями войск на данном этапе вместе с генералом Лукасом. По дороге я увидел полевой госпиталь в долине и решил сделать остановку, чтобы поговорить с ранеными. В том госпитале находилось особенно много тяжелых — наверное, человек триста пятьдесят, — мужественно переносивших страдания. Все они верили в успех операции и хотели, чтобы их товарищи поскорее завоевали победу.

Уже уходя, я заметил сидевшего на ящике возле перевязочной солдата и обратился к нему:

— Что с тобой, сынок?

— Ничего, — ответил он, — просто не могу, и все.

Я поинтересовался, что он имеет в виду, и он сказал:

— Не могу... не выношу, когда в меня стреляют.

— Ты хочешь сказать, что просто отлыниваешь от службы? — переспросил я.

Он разразился рыданиями. Увидев, что он в состоянии истерики, я ударил его по лицу своими перчатками, приказал встать и вести себя по-мужски. Он успокоился. В действительности же в тот момент он мог считаться самовольно покинувшим поле боя.

Уверен, что в данном случае поступил правильно, и, имей другие офицеры смелость поступать таким же образом, постыдная практика увиливать от боя по причине «усталости от войны», прикрывая свою трусость медицинской терминологией, могла бы быть сведена на нет.

XX

28 июля 1944 г. генерал Брэдли поставил меня в известность, что Третья армия будет готова вести боевые действия в полдень 1 августа и что я пока могу принять под свое командование 8-й и 15-й корпуса. Во второй половине дня 29-го к югу от Кутанса я нашел остановившуюся на дороге бронетанковую дивизию, штабисты которой изучали карту на предмет выбора лучшего места для форсирования реки, чтобы затем наступать на Гранвилль. Бросив взгляд на карту, я увидел, что река находится в нескольких километрах, и отправился произвести рекогносцировку. Я обнаружил, что глубины в реке всего полметра, а защищает брод один мазила-пулеметчик, который и рядом со мной попасть не мог, не то что в меня.

Вооруженный собранной информацией, я отправился к командиру дивизии и поинтересовался у него, почему он не переправляется через реку. Он ответил, что не знает, высок ли уровень воды, а кроме того, полагает, что река хорошо охраняется. Я в очень нелестных выражениях объяснил ему ситуацию и велел пошевеливаться, что он и сделал. С этого момента дивизия зарекомендовала себя как одна из самых отчаянных в Третьей армии, хотя иногда все же нуждалась в придании ей некоего изначального ускорения — хорошего пинка.

XXI

После ужина 31 июля 1944 г. мы с генералом Гэффи и полковником Харкинсом поехали в штаб-квартиру 8-го корпуса, где я сказал его командиру генералу Мидлтону, что утром принимаю Третью армию. Он обрадовался и сообщил, что готов наступать, поскольку вышел на заданный рубеж — реку Селюн. Я поинтересовался, форсировал ли он эту водную преграду, и услышал в ответ: «Нет». Тогда я заметил Мидлтону, что история знает массу случаев, когда полководцы проигрывали войны только потому, что вовремя не оказывались на нужной стороне реки, и приказал ему переправляться. Он возразил, ссылаясь на то, что ниже Авранша по течению нет целого моста.

Пока мы обсуждали все проблемы, связанные с переправой, по телефону сообщили, что один мост все же существует, хотя он и несколько поврежден, более того, 4-я бронетанковая дивизия захватила плотину к востоку от Авранша. По ней войска тоже могли пройти. Я распорядился о выступлении 8-го корпуса ночью, что и было исполнено. Я вовсе не критикую генерала Мидлтона — он выдающийся полководец и прекрасный солдат, однако, как показывает практика, даже таким людям в критический момент бывает нужен небольшой толчок. Не сумей мы обеспечить плацдарм на другом берегу, все наша операция оказалась бы под угрозой.

XXII

Проход Третьей армии через Авраншский коридор считался невыполнимой задачей. В Авранш вели две дороги, и только на одной, выходившей из него, наличествовал мост. Нам же удалось провести через коридор две пехотные и две бронетанковые дивизии в рекордно короткие сроки — менее чем за двадцать четыре часа. Плана никто не составлял, поскольку планировать было бессмысленно. Я просто поставил командира корпуса и командиров дивизий в критические точки, а затем вводил части в коридор по мере того, как они подходили. Операция была крайне рискованной, поскольку создавалась большая скученность живой силы и техники, отсутствовала возможность маневра, однако другого пути справиться с задачей быстро не существовало.

За то, что все закончилось успешно, я особенно благодарен командирам высшего звена, и более всех Мидлтону, Вуду, Хэслипу, Гэффи и Гэю, а также штабу и Господу Богу.

XXIII

В ходе продвижения Третьей армии от Авранша к реке Мозель не раз возникали ситуации, когда требовалась определенная решимость, авантюризм и готовность пойти на риск ради обеспечения безостановочного наступления Третьей армии.

Одним из таких рискованных авантюрных моментов по праву может считаться период полного отсутствия прикрытия на правом фланге Третьей армии на участке от Сен-Назера до точки поблизости от Труа. Решение базировалось на осознании мной того факта, что немцы, располагавшие достаточными силами для нанесения сокрушительного удара в наш незащищенный фланг, ввиду отсутствия должного количества техники не способны совершить быстрый маневр, а также на том, что пилоты надежной 19-й тактической воздушной бригады сумеют вовремя заметить крупные соединения неприятеля и смогут задержать его до того момента, когда механизированные и потому быстрые в передвижении американские войска, перестроившись, пресекут попытку прорыва противника. Обоснованность решения лучше всего продемонстрировали достигнутые результаты.

XXIV

Примерно к 5 сентября стало очевидным, что скоро мы останемся без бензина, и потому я приказал командирам двух корпусов, 20-го и 12-го, продолжать продвижение до тех пор, пока баки машин не опустеют и техника не встанет, а потом топать пешком. В результате мы заполучили плацдарм на восточном берегу реки Мозель. Командиры корпусов противились моему решению, поскольку оно, как им казалось, подвергало их части ненужному и неоправданному риску, однако успех операции вновь служит до-

казательством того, что в действительности риск был вполне оправдан.

XXV

30 сентября 1944 г. я нанес визит в штаб-квартиру 12-го корпуса в Нанси, где узнал, что две штурмовых бригады 35-й дивизии подверглись яростной атаке на высоте к востоку от реки Мозель. Я немедленно приказал не уступать ни пяди земли и распорядился, чтобы командир корпуса ввел в бой свой последний резерв — часть 6-й бронетанковой дивизии, — но удержал высоту. На следующий день я направил генерала Гэффи, в ту пору начальника штаба, узнать, что происходит на горячем участке. В 14.00 он позвонил мне и сообщил о только что отданном 35-й дивизии приказе отходить. Я велел ему отменить приказ и собрать командира корпуса и командиров 35-й и 6-й бронетанковой дивизии на командном пункте 6-й бронетанковой, куда сам я тотчас же отправился самолетом.

Добравшись туда, я нашел всех трех генералов очень обеспокоенными и настроенными на отвод частей с высоты. Отданные ими соответствующие приказы, я немедленно отменил и велел утром следующего дня ввести в бой 6-ю бронетанковую дивизию. Выслушав возражения, основанные на том, что 6-я бронетанковая — последнее, что у нас осталось, я заметил, что, стоя на приколе, дивизия не принесет нам пользы, а потому должна драться.

На следующий день, когда вместе с 35-й пехотной в дело вошла 6-я бронетанковая, возобновившаяся атака увенчалась полным успехом, красноречивым свидетельством чему стали оставшиеся на поле восемьсот трупов немецких солдат и офицеров. За данный участок отвечали три высокопоставленных офицера, однако они страдали от утомления, а уставшие командиры неминуемо превращаются в пессимистов.

XXVI

Во время боев к западу от реки Мозель и города Меца в октябре командовавший 20-м корпусом генерал Уокер предложил попытаться захватить Фор-Дриан. Начавшаяся успешно атака вскоре захлебнулась, и стало ясно, что продолжение боевых действий на данном направлении будет стоить нам неоправданно высоких потерь. Вновь я оказался вынужден пойти против своих нерушимых правил, не отступать и не останавливать наступления, когда оно началось. Я приказал прекратить штурм, и, хотя решение это далось мне очень нелегко, в результате мы взяли Мец 25 ноября с гораздо меньшими потерями.

XXVII

К 1 ноября Третья армия получила достаточно горючего, боеприпасов и пополнений, чтобы продолжить наступление и попы-

таться, прорвав линию Зигфрида, обеспечить плацдарм на восточном берегу Рейна в окрестностях Майнца. Начало акции назначили на 04.30 утра 8 ноября. Стояла такая скверная погода, что дороги стали непроходимыми, а реки разлились, крайне осложняя переправы. В 20.00 7-го ко мне явились командиры корпусов и дивизий с заявлением о невозможности наступать завтра утром.

Отмена намеченной атаки всегда очень плохо отражается на боевом духе личного состава, а столь поздняя отмена становится физически невыполнимой задачей ввиду трудностей коммуникационного характера. Поэтому я спросил у генералов, кого бы они могли порекомендовать в качестве своих преемников на командных постах, поскольку, как я им заявил, я все равно намерен наступать. Они ответили, что если я так настроен, то они не возражают и готовы сражаться.

Несмотря на отвратительнейшую погоду, утренняя атака оказалась успешной. Разумеется, необходимо помнить, что командиры корпусов и дивизий устают физически гораздо сильнее, чем командующий армией, а посему обязанность последнего вдохнуть в своих подчиненных уверенность, восстановить утраченную ими энергию и боевой дух.

XXVIII

19 декабря 1944 г. генерал Эйзенхауэр устроил совещание в Вердене, куда пригласил генерала Брэдли, генерал Диверса и меня, а также сотрудников своего штаба. В ходе обсуждения сложившейся обстановки было решено, что Третья армия ударит в южный фас клина немецкого наступления. Меня спросили, когда я мог бы начать, и я ответил, что могу ударить на «Балдж» силами трех дивизий утром 23 декабря. По дороге в Верден я уже все рассчитал, потратив на калькуляции восемнадцать минут.

Генерал Эйзенхауэр выразил пожелание, чтобы я повременил и собрал по крайней мере шесть дивизий. Я же ответил, что, по моему мнению, незамедлительная атака тремя дивизиями предпочтительнее, чем промедление ради накопления сил, кроме того, я признался, что не знаю, откуда мне взять три лишние дивизии. В действительности наступление 3-го корпуса силами 80-й, 26-й дивизий, а также 4-й бронетанковой стартовало утром 22 декабря, днем раньше, чем я обещал.

Начиная атаку, мы плохо представляли себе, с чем нам придется столкнуться, однако были твердо уверены в направлении, нацеливая главный удар на Бастонь, пробить коридор к которой нам удалось 26-го числа. Я уверен, что именно быстрота нашего наступления послужила основой будущей победы.

XXIX

27 декабря 87-я пехотная дивизия и 11-я бронетанковая дивизия должны были выдвинуться на позиции и соединиться с 8-м корпусом в окрестностях Нефшато до полуночи 28-го, чтобы в 09.00 29-го начать совместную атаку на противника. Из-за ужасного состояния дорог, дивизии достигли расчетных рубежей только к рассвету 29-го, и генерал Мидлтон попросил отсрочить атаку на один день. Я же, невзирая ни на что, потребовал наступать немедленно, поскольку так подсказывала мне моя интуиция. Устремившиеся вперед части угодили прямо во фланг ринувшемуся в контратаку соединению из двух с половиной немецких дивизий. Согласись я с Мидлтоном и отсрочь атаку на один день, немцы почти наверняка перерезали бы проложенный нами из Арлона в Бастонь коридор.

XXX

Все время, пока шла операция, направленная на разгром прорвавшихся немецких частей, я не переставал тревожиться в отношении наступления по протянувшейся вдоль горного хребта дороги из Эхтернаха. Наконец 6 февраля 12-й корпус форсировал реки Ур и Сюр силами 80-й дивизии на левом фланге, 5-й в центре и одной штурмовой бригады 76-й дивизии на правом фланге.

Думаю, главное достоинство той атаки в ее исключительной дерзости, поскольку, как ни смотри на это, не можешь понять, каким образом люди могли рассчитывать успешно переправиться там, где они переправились, и в тех условиях, в которых им приходилось действовать.

Лавры победителей в этом предприятии всецело принадлежат 12-му корпусу и его дивизиям, осуществлявшим форсирование водных преград. Единственная моя заслуга в том, что я настоял, чтобы дело было сделано тогда, когда оно было сделано.

XXXI

19 февраля генерал Уокер позвонил с предложением очистить Саарский треугольник и взять Саарбург. Для выполнения задачи он мог бы направить 94-ю дивизию, вдобавок к которой просил меня взять для него одну бронетанковую дивизию из резерва Штаба командующего союзническими силами. Мне удалось временно получить 10-ю бронетанковую дивизию для операции, увенчавшейся успехом уже через два дня. Затем, продолжая убеждать высокое начальство, мы с помощью генерала Брэдли, закрывшего глаза и заткнувшего уши на некие слухи, смогли удержать за собой 10-ю бронетанковую дивизию и в конечном итоге взять Трир.

Уверен, это единственный случай в истории, когда командующий был вынужден выпрашивать, занимать и даже красть воинские подразделения, чтобы одержать победу. Взятие Трира стало ключом для начала кампании на территории Палатината.

XXXII

В марте 1945 г. Первая и Третья армии должны были вести наступление эшелонами на левом фланге фронта с тем, чтобы выйти к Рейну на участке от Кобленца до Кельна. Первой, согласно плану, шла Первая армия, а за ней Третья. Мне приказали ждать, пока Рейн форсирует Первая армия. Однако после того как мы перешли через реку Килль, я пустил «в свободное плавание» 4-ю бронетанковую дивизию и, опасаясь, что, узнав, начальство потребует вернуть ее обратно, не посылал отчетов о своей деятельности в течение двадцати четырех часов, чтобы, когда нежелательный для меня приказ поступит, возвращать дивизию оказалось бы уже поздно.

Она вышла к Рейну без каких-либо трудностей. Вновь мы преувеличивали опасность, хотя не думаю, что я заслуживаю особых похвал в этом случае, если не считать того, что я принял правильное решение.

XXXIII

Примерно к 18 марта мы полностью осознали тот факт, что если Третья армия не создаст себе плацдарма на восточном берегу Рейна прежде, чем на левом фланге общего фронта это сделают британцы, нам придется отдать им часть подразделений и вообще перейти от наступления к обороне. Подобное развитие событий не могло устроить нас ни в коем случае, поэтому я велел генералу Эдди форсировать Рейна до 23-го.

Героическая переправа через Рейн 5-й дивизии 12-го корпуса стала великим подвигом командира корпуса генерала Эдди и командира дивизии генерала Ирвина. Моя скромная заслуга в том, что я приказал им сделать это. Фактически Эдди переправился на другой берег на двадцать четыре часа раньше, чем я рассчитывал.

XXXIV

Пресс-конференция 22 сентября 1945 г.

Эта пресс-конференция стоила мне поста командующего Третьей армией, а точнее, командира группы солдат, преимущественно новобранцев, которым выпала честь называться великим именем — Третьей армией Соединенных Штатов. Я мог предвидеть это, но был прям, нарочито прям, поскольку считал, что людям не худо бы посмотреть наконец правде в глаза и понять, что происходит вокруг. Я выражался не слишком политично, однако надо еще поискать страну, где политичные речи создают хорошо работающее правительство.

Единственно, что я не мог сказать тогда, как не могу и теперь, — это то, что, если мы хотим установить в Германии порядок, наладить там жизнь, мы не можем допустить превращения данной

страны в оплот коммунизма. Уверен, наша глупая и нелепая политика в отношении Германии в конечном итоге толкнет немцев в объятия русских, а это приведет к расползанию красной заразы по всей Западной Европе.

Как ни грустно мне сознавать тот факт, что последний мой шанс отработать свой хлеб утрачен, это очевидно. По крайней мере, я всегда делал максимум возможного, когда Бог давал мне шанс.

ПРИЛОЖЕНИЕ А
ОПЕРАЦИЯ «ТОРЧ»
ШТАБ-КВАРТИРА ЗАПАДНОЙ ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ ВОЙСК

Командующий: генерал-майор Джордж С. Паттон-младший

Помощник командующего: генерал-майор генерал Джеффри Кейз

Начальник штаба: полковник Хобарт Р. Гэй*

Заместитель начальника штаба: подполковник Пол Д. Харкинс*

G-1 (начальник службы по работе с личным составом): полковник Хью Фицджералд

G-2 (разведка): полковник Перси Блэк

G-3 (начальник службы планирования, подготовки и обучения личного состава): полковник Кент С. Ламберт

G-4 (начальник службы снабжения): полковник Уолтер Дж. Мюллер*

Адъютант: полковник Р. Э. Каннингс*

Артиллерия: полковник Дж. Дж. Б. Уильямс

Инженерные войска: полковник Джон Конклин*

Арсенал: полковник Томас Х. Никсон*

Офицер связи: полковник Эйтон Х. Хаммонд*

Офицер медицинской службы: полковник Алберт Кеннер

Северный десантный корпус — генерал-майор Люсьен К. Траскотт

60-й пехотный полк 9-й пехотной дивизии — полковник Ф. Дж. Де Роган.

Тактическая танковая группа из 2-й бронетанковой дивизии — полковник Гарри Х. Семмес[1].

---

* Служил с генералом Паттоном на протяжении всей войны.

[1] Обладатель трех наград «За отличную службу»; служил с генералом Паттоном на протяжении двух мировых войн.

Силы поддержки:
Центральный десантный корпус — генерал-майор Джонатан У. Андерсон
3-я пехотная дивизия — генерал Андерсон
Тактическая танковая группа из 2-й бронетанковой дивизии — подполковник Ричард Нелсон
Южный десантный корпус — генерал-майор Эрнст А. Хармон — командир 2-й бронетанковой дивизии.

ПРИЛОЖЕНИЕ B
СОСТАВ 2-ГО КОРПУСА

2-й корпус в Тунисе состоял из трех пехотных и одной бронетанковой дивизий. Корпус располагал в качестве поддерживающих подразделений 13-й бригадой полевой артиллерии и соответствующими частями, такими, как подразделения связи, арсенальные, медицинские, инженерные и т.д.

СОСТАВ КОРПУСА
штаб 2-го корпуса:
1-я пехотная дивизия: генерал-майор Терри де ля М. Аллен
1-я бронетанковая дивизия: генерал-майор Орландо Уард
34-я пехотная дивизия: генерал-майор Чарльз У. Райдер, генерал-майор Эрнст А. Хармон
9-я пехотная дивизия: генерал-майор Мэнтон С. Эдди
13-я бригада полевой артиллерии: бригадный генерал Джон А. Крейн.

ПРИЛОЖЕНИЕ C
ОПЕРАЦИЯ «ХАСКИ»

Штаб-квартира 1-го бронетанкового корпуса и Седьмой армии
Штаб и штабная рота 1-го бронетанкового корпуса, позднее преобразованные в штаб и штабную роту Седьмой армии
Штаб 2-го корпуса: генерал-майор О. Н. Брэдли
Штаб временного корпуса (сформирован вскоре после завершения высадки и поставленный под начало помощника командующего армией генерал-майора Кейза)
1-я пехотная дивизия: генерал-майор Терри де ля М. Аллен
45-я пехотная дивизия: генерал-майор Трой Мидлтон
3-я пехотная дивизия: генерал-майор Люсьен К. Траскотт
2-я бронетанковая дивизия: генерал-майор Хью А. Гэффи
9-я пехотная дивизия: генерал-майор Мэнтон С. Эдди
82-я воздушно-десантная дивизия: генерал-майор Мэттью Риджуэй
Три батальона рейнджеров: полковник Уильям Дарби.

ПРИЛОЖЕНИЕ D
РАСПОРЯЖЕНИЯ (ОРИЕНТИРОВКИ)

Штаб-квартира
Третьей армии США
АПС (армейская почтовая служба) 9563 армии США
6 марта 1944 г.
ТЕМА: ориентировка № 1.
Кому: командирам корпусов, дивизий и отдельных частей

I. ОБЩЕЕ

Данное письмо сориентирует вас, офицеры высшего звена, в отношении принципов командования, ведения боевых действий и управления, принятых в данной армии, а также облегчит руководство различными подразделениями, находящимися под вашим командованием.

II. УПРАВЛЕНИЕ

а. Руководство

(1) Полная мера ответственности

Каждый лично осуществляет руководство на своем уровне. Любой командир, оказавшийся неспособным достигнуть цели, если только он не погиб или не получил тяжелое ранение, считается не выполнившим своих обязанностей.

(2) Поездки на передовую

Командир или начальник штаба (но никогда оба сразу) и один офицер от каждого из штабных отделов — связи, медслужбы, арсенала, инженерных и интендантских служб — должны приезжать на передовую ежедневно. Чтобы избежать путаницы, вопрос, кому и куда ехать, должен решать начальник штаба.

Задача штабных офицеров — наблюдение, но не вмешательство. В дополнение к своим прямым обязанностям как специалистов того или иного профиля им надлежит отслеживать все моменты, могущие иметь военное значение. Помните, что лучше похвалить, чем отругать. Также помните, что ваша обязанность видеть все собственными глазами; кроме того, очень важно, чтобы личный состав видел, что вы проводите рекогносцировки.

b. Исполнение

В ходе проведения операции помните, что отдать приказ — десятая часть дела, остальные девяносто процентов успеха заключаются в том, чтобы проследить, как ваши приказы будут исполняться. Достигать их полного и неукоснительного проведения в жизнь нужно при постоянном контроле как личном, так и осуществляемом через посредство работников вашего штаба.

c. Штабные совещания

Ежедневно, немедленно по предоставлении G-2 и G-3 своих оперативных карт, командиру и начальнику штаба необходимо проводить штабные совещания с обязательным присутствием начальников главных штабных отделов, включая медицинскую служ-

бу, связистов, арсенал и инженерную службу, а также начальников специальных штабов. Также должны присутствовать посетившие накануне передовую штабные офицеры, о чем упомянуто выше в пункте II а (2). Любой присутствующий, имеющий какое-либо сообщение, должен коротко и ясно изложить его. (NB. Если вернувшийся с передовой штабной наблюдатель заметил там нечто, требующее немедленных действий, он должен сразу же сделать соответствующий доклад начальнику штаба.) Затем командующий излагает свои планы, а начальник штаба распределяет сектора передовой для посещения штабными наблюдателями.

d. Умение отдыхать

Если штабной персонал, вне зависимости от того, рядовой, сержантский или офицерский, не отдыхает, то быстро выдыхается. Каждый из штабных отделов должен иметь соответствующее расписание работы. Ритм работы штаба в ходе боевых действий меняется. На уровне армий и корпусов самое напряженное время от одного до трех часов после наступления рассвета и от трех до пяти часов после наступления темноты. На более низком уровне, а также в штабах административных и снабженческих подразделений график иной, но в большей или меньшей мере ритмически схожий и определенный. Когда возникает необходимость, все сотрудники штаба должны работать столько, сколько нужно, но такие моменты не слишком часты; между тем отдохнувшие люди могут работать дольше, интенсивнее и с большей отдачей.

е. Размещение командных пунктов

Чем ближе к передовой расположен командный пункт, тем меньше времени уходит на дорогу туда и обратно. Идеальным считаю размещение командного пункта дивизии в получасе езды туда и обратно на машине от командного пункта армии. Расстояние от командных пунктов менее крупных подразделений до передовой должно быть соответственно меньше.

Можно сэкономить и время, и телефонные провода, если размещать командные пункты подразделений более значительного уровня поблизости от командных пунктов подразделений следующего по значению уровня.

Все командные пункты от дивизии и выше должны иметь по меньшей мере два эшелона; передовой, то есть тот, о котором идет речь в пункте «*е*», должен быть как можно более компактным, мобильным и минимально пользоваться радиосвязью.

III. ВЕДЕНИЕ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

а. Карты

Мы слишком уверены в том, что добываем свою славу, склонившись над картами в безопасных блиндажах командных пунктов. Такое мнение ошибочно.

Карты нужны, чтобы представлять себе всю панораму битвы и составлять глобальные планы.

Кроме того — что очень важно, — работа с картой позволяет определить, где создается критическая ситуация, а где, напротив, складывается обстановка, благоприятная для прорыва фронта противника, таким образом показывая командиру, где ему надлежит находиться. Для полководцев высшего звена пригодна лейерная карта довольно мелкого масштаба с нанесенными на нее сетями автомобильных и железных дорог, реками и населенными пунктами; она предпочтительнее, чем крупная карта, перегруженная мелкими и ненужными для планирования глобальных операций деталями.

b. Планы

Планы должны быть понятными и гибкими. На самом деле они лишь основа, к которой вы добавляете те или иные детали по мере того, как ситуация диктует вам тот или иной ход развития событий. В планировании должны участвовать люди, которым предстоит претворять задуманное в жизнь.

c. Разведка

Разведки много не бывает. Используйте любую возможность для сбора информации как перед боем, так во время и после него. В донесениях должны содержаться факты, а не домыслы, не важно, какие факты, радующие вас или огорчающие. Не принимайте слепо на веру радиоперехваты — проверяйте информацию. Часто сообщения затем и посылаются, чтобы противник перехватил их. Информацию можно сравнить с яйцами — чем они свежее, тем лучше.

d. Приказы

(1) Официальные приказы

Официальным приказам должны предшествовать ориентировки и совещания с личным присутствием тех, кому приказы адресованы. Цели операции должны излагаться ясно, каждому подразделению должны ставиться четкие задачи, чтобы, если в ходе операции будет прервана связь, любой командир знал, какова не только его персональная, но и общая цель, к достижению которой ему и надлежит стремиться. Приказ должен быть коротким, иметь в качестве приложения схематическую зарисовку, комментирующую текст. Такой приказ одновременно и памятка, и недвусмысленная демонстрация того, что старший принимает на себя ответственность за действия подчиненного.

(2) Частные приказы

После главного приказа к вам редко поступают другие приказы глобального значения, но зато приходит много частных, корректирующих приказов как в письменном виде, так и в устном, отданных по телефону и лично.

Выслушивайте устные приказы и повторяйте их, приучите подчиненных поступать таким же образом.

Ведите дневник, внося в него все приказы, распоряжения и сведения о результатах выполнения того или иного задания в строгой последовательности.

Отдавайте свои приказы своевременно; когда можно, делайте это устно и будьте немногословны. В бою старайтесь сами прибывать на передовую для отдания приказа подчиненному, а не вызывать его к себе, поскольку следует помнить, времени у него всегда меньше, чем у вас, а забот и обязанностей больше.

В применении к дивизии — правильнее предоставлять ее командиру двенадцать, а лучше восемнадцать часов на выполнение задания.

(3) Предупреждающие приказы

Предупреждающие приказы жизненно важны и должны отдаваться своевременно. Данное требование относится не только к боевым частям, но и к медицинским подразделениям, службам (связи, интендантской, инженерной) и арсеналу, которые должны вовремя получать предупреждения. У них тоже есть планы и им тоже нужно время на передислокацию частей. Если данные ведомства не будут нормально функционировать, вы не сможете воевать.

Официальные или какие-либо иные приказы, отдаваемые подчиненным ваших подчиненных через голову последних, крайне предосудительны и очень вредят делу.

(4) Не держите личный состав в неведении

Используйте любую возможность как до битвы, так и после нее, чтобы поставить в известность личный состав о том, что ему предстоит сделать и каких результатов он достиг — какую задачу выполнил.

IV. УПРАВЛЕНИЕ

а. Снабжение

(1) Общее

Ответственность за правильность и своевременность поставок в равной степени лежит как на поставщике, так и на получателе.

Передовые части должны предвидеть, в какого рода поставках у них может возникнуть потребность, и подавать заявки заранее. Им необходимо быть готовыми использовать все возможности для помощи в продвижении поставок.

Служба снабжения обязана следить за тем, чтобы передовые части своевременно и должным образом подавали заявки. Но этого мало — они должны сами выяснять ситуацию и на основании таких сведений и опыта уметь предвидеть, в какого рода поставках может возникнуть потребность на передовой, и заранее готовиться к тому, чтобы своевременно предоставить все необходимое.

Стремление наладить бесперебойное снабжение фронта должно стать столь же непоколебимым, как и желание побеждать.

(2) Пополнения

Пополнения для фронта — то же, что поставка запчастей для автомобилей. Запрашивать пополнения надлежит своевременно; в тылу тоже должны предвидеть возможные потребности в пополнениях. Лучше рискнуть ошибиться в предположениях, чем предоставить запрос с точностью до человека тогда, когда уже будет поздно. Подсчи-

тать истинные потребности можно в период затиший. Помните о важности поддерживать численность подразделений на должном уровне, поскольку рота, в которой выбиты все автоматчики, столь же бесполезна в бою, как танк, у которого кончился бензин.

(3) Госпитали

Эвакопункты и полевые госпитали должны развертываться в непосредственной близости от передовой.

Необходимо лично посещать раненых.

b. Награждение

Награды вручаются для того, чтобы поднимать боевой дух отдельных солдат и офицеров и их подразделений, а посему должны своевременно находить героев. Поручите контроль за составлением, сбором и своевременной подачей наградных списков одному из офицеров вашего штаба.

с. Дисциплина

Дисциплина не может быть слабой или средней, есть только одна — ВЫСОЧАЙШАЯ ДИСЦИПЛИНА. Если вы не способны поддерживать дисциплину — вы становитесь убийцей. Вы должны служить примером и внушить вашим подчиненным четкое понятие о том, что такое дисциплина.

V. СЛУХИ

К сведениям о событиях, произошедших после наступления темноты, равно как и к данным ночной разведки, должно относиться с известной долей скептицизма. То же самое можно сказать об информации, полученной от легкораненых и отбившихся от своих частей солдат. Последние особенно стремятся оправдать себя красочными рассказами о несметном количестве неприятеля и его необычайной ярости.

Ночью довольно рискованно, а порой и практически невозможно посылать подкрепления на каждый крик о помощи. Ночная атака неприятеля не может полностью уничтожить подразделение, а потому оно должно держаться. Контратаковать следует с наступлением светлого времени, после тщательной разведки и при этом действуя координированно.

VI. ФИЗИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ

Отличное самочувствие жизненно важно для победы. Утомленных командиров корпусов и дивизий всегда больше, чем утомленных корпусов и дивизий. Усталость нас всех способна превратить в трусов. Люди в отличной физической форме не устают долго.

VII. ХРАБРОСТЬ

НЕ БЕРИТЕ В СОВЕТЧИКИ СВОИ СОБСТВЕННЫЕ СТРАХИ.

(подпись) *Дж. С. Паттон-младший*

Командующий армией Соединенных Штатов генерал-лейтенант
Дж. С. Паттон-младший

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

Штаб третьей армии США
АПС 403 армия США
3 апреля 1944 г.
ТЕМА: ориентировка № 2.
Кому: командирам корпусов, дивизий и отдельных частей.

I. ОБЩЕЕ

1. Данное письмо содержит предписания тактического и управленческого характера — правила, соблюдение которых, как на своем личном опыте убедился я сам и служившие под моим началом офицеры, жизненно важно.

2. Вам нужно не просто запомнить их и повторять каждый день, вам надлежит положить эти правила в основу своего метода командования.

II. ДИСЦИПЛИНА

1. Дисциплина не может быть слабой или средней, есть только одна дисциплина — ВЫСОЧАЙШАЯ. Не существует подразделения дисциплинированного в бою и совершенно недисциплинированного в управленческом плане.

2. Дисциплина основывается на гордости каждого бойца, идущей от осознания своей великой миссии и ответственности перед страной, доверившей ему оружие, на внимательном отношении к мелочам и взаимном доверии всего личного состава подразделения. Дисциплина должна въесться в плоть, войти в кровь, стать привычкой — привычкой гораздо более сильной, чем чувство опасности в бою и страх смерти.

3. История наших вооруженных сил, не запятнавших себя ни одним поражением, ясно показывает, что в мире нет лучшего солдата, чем американский солдат. Осознание этого факта должно возбудить гордость в ваших сердцах и в сердцах ваших бойцов. Оно должно наполнить души ваших людей уверенностью в своих силах и вселить в них непоколебимую веру в победу американского оружия.

4. Дисциплина может быть достигнута только тогда, когда сознание каждого офицера настолько пропитано чувством собственной величайшей ответственности перед своими людьми и своей страной, что любая небрежность, любое нежелание исполнять свой священный долг вызывало бы в нем решительное неприятие. Офицеры, не способные поддержать порядок и дисциплину, заставить подчиненных отвечать за ошибки и исправлять их, не готовые похвалить хорошего солдата, бесполезны в мирное время и опасны в военное.

5. Офицер должен служить примером для своих подчиненных как в отношении своего внешнего вида, так и в отношении того, что и как он говорит. Им надлежит превосходить всех прочих в своем соединении храбростью, манерами и выправкой.

6. Одна из главных целей, для достижения которых необходима дисциплина, — поддержание бдительности. Если человек спит на ходу так, что не способен даже отдать честь, он, несомненно, станет легкой добычей для врага.

7. Боевой опыт показывает, что такие церемонии как утреннее и вечернее построение перед знаменем, утренняя и вечерняя зоря очень помогают поддержанию боевого духа и дисциплины, заставляют людей выглядеть должным образом, быть внимательными, а значит, помогают побеждать в бою. Более того, одерживать победы без этого невозможно.

8. Когда те или иные подразделения Третьей армии не находятся в непосредственной зоне боевых действий, не проводят тактических занятий, учебных стрельб и т. д., командиры корпусов и отдельных дивизий должны следить:

a) чтобы регулярно проводились построения после утренней побудки с присутствием по меньшей мере одного младшего офицера на роту или равноценную по численности часть и вдобавок к тому, где возможно, как минимум одного офицера в ранге от майора до полковника на полк или отдельный батальон;

b) чтобы для подразделений всех уровней и назначений стали правилом вечерние построения с оружием. Кроме рядового и сержантского состава необходимо присутствие всех офицеров уровня командира роты. Применительно к полкам и отдельным батальонам — присутствие как минимум одного офицера в ранге от майора до полковника;

c) в тех случаях, когда имеется оркестр и условия расквартирования части позволяют, парадные построения и все подобные торжественные церемонии надлежит проводить под музыку;

d) караулы должны выставляться в строгом соответствии с 26-5 пунктом строевого устава. В тех случаях, когда наличествует оркестр, парадные построения должны проводиться как можно чаще;

e) офицерам, сержантам и рядовым должно быть предписано ношение формы единого артикула. Также офицеры должны участвовать в занятиях строевой подготовкой вместе с личным составом своих подразделений, включая маршировку к месту проведения занятий или на стрельбища и обратно.

9. Офицер — всегда при исполнении, и его обязанность следить за поведением всех, кто младше его по званию не только в своей части, но и в армии Соединенных Штатов в целом.

10. Пока американец держит оружие, он не может сдаваться в плен, если только он не дурак или не законченный трус, поскольку, раз у американца есть оружие, он должен победить.

11. Случаи проявления трусости перед лицом неприятеля надлежит представлять на рассмотрение Главного военного трибунала, и решения по ним должны выноситься на основании статьи 75 военного кодекса. Я не раз сталкивался с тем, что трибуналы с пагуб-

ной снисходительностью относятся к отвратительным деяниям, наказание за которые может быть только одно — смерть. Такие судьи должны осознать непреложную истину — наказание нескольких трусов может спасти жизнь многим тысячам, поскольку трусость — заразная болезнь и бороться с ней необходимо со всей решительностью, иначе разразится эпидемия.

III. ТАКТИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА

1. Общее

а. Главные принципы ведение боя

(1) Нет универсального решения для всех тактических ситуаций.

(2) Есть только один неизменный принцип, не подверженный никаким влияниям. Звучит он следующим образом: «Нужно всегда делать все возможное для нанесения противнику максимального ущерба за минимальный отрезок времени».

(3) В бою потери растут прямо пропорционально продолжительности периода, в течение которого войска находятся под эффективным обстрелом неприятеля. Ответная стрельба снижает результативность и плотность огня противника, в то время как скорость атаки уменьшает время нахождения под огнем наших солдат. Непролитые капли пота обращаются потоками крови.

(4) Сражение выигрывает тот, кто может запугать неприятеля. Страх же растет тем стремительнее, чем быстрее увеличивается счет убитых и раненых на стороне противника. Количество потерь зависит от плотности огня и меткости стрелков. Огонь в спину куда сокрушительнее и втрое результативнее, чем во время фронтальной атаки, однако, чтобы получить возможность ударить в спину врага, вы должны связывать его огнем на переднем крае боя, одновременно выполняя частью ваших подразделений быстрый обходной маневр для удара во фланг или в тыл. По возможности нужно избегать лобовых атак.

(5) «Хватайте противника за шкирку и прикладывайте его мордой об коленку». Первое достигается за счет связывания неприятеля на переднем крае, второе — за счет быстроты маневра и огневого удара в тыл врага или фланг.

(6) Наносите как можно более сильный удар и как можно быстрее. То есть, если вы командуете полком, атакуйте двумя батальонами, если — корпусом, действуйте двумя дивизиями, если армией — двумя корпусами. Суть в том, чтобы опередить противника, обрушив на него все имеющиеся силы, прежде чем он успеет бросить на вас свои.

(7) Слишком сильным оказаться нельзя. Соберите всех людей, все оружие, которое только можете, при условии, что сборы не оттянут начала вашей атаки, потому что немцы чемпионы по скоростному рытью окопов — не успеешь оглянуться, уже окопаются.

(8) Чем большие силы вы задействуете в бою — не важно, пехота это, танки или пушки, — чем яростнее будет их натиск, тем меньше окажутся потери на вашей стороне.

(9) Никогда не отдавайте завоеванного. Проще удержать то, чем вы владеете, чем потом возвращать себе потерянное. Никогда не отводите частей в тыл на отдых или переформирование ночью, делайте это только в дневное время и только тогда, когда совершенно необходимо. Передвижение от передовой к тылу может послужить причиной возникновения паники.

(10) Наши пушки и минометы — превосходное оружие, но лишь тогда, когда они стреляют. Когда они молчат — это просто куча железа. Помните об этом и не давайте им скучать!

b. Тактические правила на особый случай

(1) Перебрасывать части надо по дорогам, а воевать в полях. Во Франции дороги будут заминированы или разрушены в нескольких местах сразу; конечно, речь идет о том времени, когда враг окажется близко. Когда такой момент придет, сворачивайте с дороги и пошевеливайтесь. Однако если дороги в порядке, вы сможете сэкономить время, передвигаясь по ним до тех пор, пока в вас не начнут стрелять.

(2) Войска не следует разворачивать фронтом, если только неприятель не принудит вас к этому своим огнем.

(3) Когда приходится продвигаться по опустошенной войной местности, ожидая танковой атаки и используя метод передвижения перекатом, описанный в моих заметках по Сицилийской кампании, держите под рукой противотанковую артиллерию.

(4) В горной местности обеспечивайте себе господство на высотах. Лучше всего решать подобные задачи через использование ночных атак силами взвода после тщательной разведки в дневное время. На рассвете ночную атаку должны поддержать другие силы.

(5) Если предстоит миновать горный перевал, высоты должны быть захвачены в первую очередь. Всегда есть обходные тропинки, ведущие к вершинам сзади. Помните, что удобные дороги, которые словно бы сами приглашают вас воспользоваться ими, будут надежно охраняться и продвижение по таким аллеям без захвата господствующих высот будет самоубийством.

(6) Мины служат больше для самоуспокоения, чем для защиты. Они становятся причиной не более десяти процентов понесенных нами потерь. Когда минные поля попадаются на пути, можно пройти через них, обезвредив мины, или же обойти. В мире еще нет такого количества мин, чтобы заминировать ими целую страну. Проще обойти заминированные участки, чем обезвреживать мины, хотя, пока войска следуют дальше, саперные части должны заниматься расчисткой прямых путей. Проследите, чтобы у всех родов войск, подразделений всех назначений, входящих в ваше соединение, имелись миноискатели и чтобы люди были проинструктированы относительно того, как ими пользоваться. Повторяю, вы должны — должны — идти вперед и только вперед!

(7) Не позволяйте войскам окапываться, пока не вышли на заданные рубежи, а потом пусть копают, пусть натягивают проволоку и минируют все вокруг.

(8) Укрытия для артиллеристов следует располагать не далее десяти метров от орудия, и ни в коем случае не устраивать окопов под деревьями, поскольку при попадании снаряда в дерево окопы не спасут солдат от осколков. Камуфляжную сетку надлежит натягивать таким образом, чтобы без труда сбросить ее, если она загорится.

(9) Тщательно подготавливайте атаку. Для подготовки к координированной атаке пехотного батальона необходимо два часа. Пустить людей вперед раньше — означает почти неминуемо вызвать неоправданные потери.

(10) В бою небольшие по численности подразделения, такие как взвод, рота или даже батальон, могут либо идти вперед, либо остановиться, либо обратиться в бегство. Если они остановятся или побегут, то станут легкой мишенью для неприятеля, посему они должны идти вперед. Если подразделение попало под огонь, особенно под артиллерийский, ни в кроем случае нельзя выходить из-под него отступая, единственный способ — бежать вперед. Артиллеристы редко сокращают дистанцию обстрела, стремясь, напротив, увеличить ее.

(11) Подразделения для обследования дорог нужно посылать дальше и на более длительное время, чтобы они могли работать ночью. Одна снабженная рацией машина возле дороги или где-то рядом, в месте, из которого весь экипаж или кто-то из команды может наблюдать за дорогой, способна стать источником важной информации.

(12) Мы слишком медленно ставим минные поля и колючую проволоку, если нужно занимать круговую оборону. Необходимо провести соответствующие занятия по минированию и разминированию полей.

(13) Когда есть возможность, пехотной дивизии необходимо придать один батальон химических минометов. В бою пехотный полк должен иметь приданную ему роту таких минометов.

с. Общая физическая подготовка

(1) Особый упор надлежит сделать на физическую подготовку личного состава. Каждый солдат или офицер должен быть в состоянии в полном боевом снаряжении пробежать дистанцию полтора километра за десять минут и пройти тринадцать километров за два часа. Когда солдат сражается с врагом, о тренировках для улучшения физической подготовки думать поздно, нужно уделять ей должное внимание накануне битвы.

(2) Очень много времени тратится на установку и демонтаж пулеметов и минометов, потому следует обращать особое внимание на выработку у расчетов автоматизма, чтобы данные процедуры могли производиться ими даже в темноте. При ведении огня из минометов рекомендуется применять лестничный метод обстрела.

(3) К большому сожалению, наша способность сражаться ночью при выдвижении на позиции для атаки на рассвете весьма невелика. Мы должны учиться наступать в темное время суток.

(4) Точите топоры, кирки и лопаты и всегда следите за тем, чтобы они не затупились.

(5) Войны ведутся взводами и отделениями, потому особо подчеркивайте важность умения командира малого по численности подразделения принимать правильное и своевременное решение на месте. Командиры взводов и отделений должны знать, что хорошее решение, вовремя проведенное в жизнь, предпочтительнее, чем лучшее решение через десять минут.

(6) Инструктаж с командирами — начиная с уровня от отделения до полка — должен вестись с применением макетов, чтобы офицеры и сержанты могли наглядно представлять себе, какие приказы им придется отдавать в бою. Макеты должны быть очень простыми. Достаточно обыкновенного клочка глинистой почвы с подветренной стороны дома — и дешево и сердито.

(7) Офицеры и прочие военнослужащие должны знать свое снаряжение назубок. Им надлежит упражняться в пользовании снаряжением в свободное от боевых действий время. Когда подразделение отправляется в бой, все снаряжение должно находиться в отличном состоянии.

d. Памятки офицерам

(1) Офицер должен быть уверен в себе и своих подчиненных. Лучший способ достигнуть этого — занятия по отработке слаженности действий подразделения в полевых условиях, проводимые самими офицерами, и марш-броски, во время которых взвод в течение сорока восьми или шестидесяти часов полностью предоставлен сам себе.

(2) Когда в бой входит необстрелянная часть, на всех командных постах в ней должны находиться опытные и жесткие офицеры, то же самое касается и генералов, которых личный состав обязательно должен видеть на передовой во время проведения операций.

(3) Генерал-адъютант или начальник канцелярии главного штаба должны располагать для предоставления командующему списком потерь в живой силе — отдельно ранеными, убитыми и взятыми в плен — и технике, а также владеть информацией о пополнениях и возмещении материальных ресурсов. Необходимо предоставлять два списка — первый, базирующийся на приблизительных подсчетах, и второй — основанный на точных данных. Кто-нибудь впоследствии, возможно, будет удивлен тем, сколь незначительной окажется погрешность первого списка по отношению ко второму.

(4) Отмечайте, когда вы послали заявку на предоставление поддержки артиллерии или авиации и когда такая поддержка поступила. Если помощь и вовсе не оказана, данный факт также необходимо зафиксировать.

(5) Повсеместно игнорируется практика повтора подчиненными отданных устно приказов и повсеместно подобная практика приводит к плачевным результатам.

(6) Послания и приказы должны быть краткими и понятными.

(7) Всегда старайтесь максимально обеспечивать себя телефонной связью. Проводной телефон стоит трех радиотелефонов как в плане надежности, так и сохранения секретности.

(8) Батальонные и ротные командиры нередко пренебрегают услугами вестовых и использованием переносных раций уоки-токи. Очень часто вестовые у командиров вообще отсутствуют.

(9) Посты военной полиции на перекрестках должны располагать картами дорог, пересекающихся в данной точке, и знать, куда они ведут и какие части по ним прошли.

(10) Не устанавливайте крупных радиостанций вблизи командных пунктов, если станции будут работать более шести часов. В таких случаях надо размещать их подальше от КП, маскировать в разных местах и прокладывать телефонные линии.

e. Пленные

Немецкие военнопленные возрастом старше сорока лет охотнее идут на контакт и менее склонны запираться, чем молодежь. Таким образом, допрашивать старших следует отдельно и после допросов не содержать их совместно с молодыми. Пленные других национальностей всегда разговорчивы, однако сообщаемая ими информация, как правило, неточна. Их тоже следует допрашивать отдельно и не помещать вместе с молодыми наци.

f. Бесцельный огонь

Бесцельный огонь артиллерии должен останавливаться приказом старшего офицера.

g. Необоснованные требования

Существует тенденция перегружать молодых офицеров необоснованными и непомерными требованиями в том, что касается работы с личным составом и предоставления отчетности. Старшему офицеру надлежит подумать о том, как уменьшить нагрузку своих подчиненных.

2. Пехота

a. Пехота должна идти вперед, чтобы встретиться с противником, но чтобы идти вперед, она должна стрелять. Когда цель физически не видна, может возникнуть необходимость вести огонь из всего имеющегося оружия по местам возможного скопления неприятеля. Стреляйте на ходу, это уменьшает возможность ведения противником прицельной стрельбы и снижает эффективность его огня. Стреляйте коротким очередями. Рикошетирующие пули издают отвратительные звуки и становятся причинами ран. Останавливаться под огнем — глупость. Останавливаться под огнем и не вести ответного огня — самоубийство. Чтобы выйти из-под обстрела, двигайтесь только вперед. Офицеры должны показывать пример солдатам.

b. Те, кто несет тяжелое вооружение, задают шаг. В батальоне тяжеловооруженная рота определяет темп движения батальона. В полку орудийная батарея обуславливает темпы продвижения полка, и в обязанность стрелков с винтовками, автоматами и ручными пулеметами входит следить за тем, чтобы артиллерия могла двигаться. Иными словами, стрелки выводят пушки и минометы на позиции для стрельбы.

c. Минометы поглощают огромное количество боеприпасов. 81-миллиметровый миномет может произвести 800 выстрелов, а 60-миллиметровый — 500 выстрелов за двадцать четыре часа. Чтобы наладить снабжение минометных расчетов боеприпасами, нужно использовать любые средства, так, например, автоматчики и пулеметчики должны каждый нести по одной мине, которые они сложат в оговоренном месте перед тем, как пойти на прорыв. Минометы, станковые пулеметы и противотанковые орудия атакующей пехоты, за исключением случаев, когда они транспортируются на заданные позиции, должны стрелять.

d. В тех случаях, когда противотанковые орудия не используются как легкая полевая артиллерия, они должны устанавливаться скрытно и не открывать огня, пока танки не приблизятся на достаточное расстояние для поражения.

e. Мало кто погибает от штыков, но многие боятся их. Когда боец идет в атаку, штык, который каждый обязан затачивать самостоятельно, должен находиться в примкнутом состоянии. Немцы боятся штыковой, потому что в ней они слабее нас, и нашим людям надлежит помнить об этом.

f. Винтовка М-1 — самая мощная винтовка в мире. Если солдаты не могут видеть врага, они, по крайней мере, могут обстреливать место, где тот может находиться.

g. Во вражеских пулеметчиков надлежит стрелять по настильной траектории параллельно линии неприятельского огня. Такой подход заставит противника прижиматься к земле до тех пор, пока, подобравшись сзади, гренадеры не сделают своего дела гранатами и штыками.

h. Наша армия практически не знакома с практикой правильного распределения огня, в результате чего вся мощь нашего оружия обрушивается на голову тем вражеским частям, которые видны нам во время боя, те же, кто скрыт от наших ребят, обстреливает их, оставаясь полностью безнаказанным. Данную недоработку следует устранить.

i. Пехотный батальон — самое малое по численности подразделение, которое может быть отправлено для выполнения отдельной операции. Если такая операция проводится, всегда желательно усилить батальон артиллерией как полевой, так противотанковой и зенитной, а если возможно, также танками и подразделением саперов.

j. Мотопехота не должна идти в атаку сидя на бронемашинах, последние должны использоваться для развертывания частей и последующего их свертывания.

k. Под ночными атаками понимаются наступательные боевые действия в темноте или при свете луны. В безлунные ночи атаку следует начинать за два с половиной часа до предрассветных сумерек, в лунные — с появлением луны. Перед ночной атакой необходимо провести тщательную разведку в дневное время и соблюдать максимум предосторожности. Количество целей должно быть ограничено, и, кроме того, объекты следует выбирать так, чтобы личный состав мог различить их в темноте. Атаковать надлежит, построившись колонной или несколькими колоннами. Дистанции и интервалы должны быть уменьшены — требуется глубина.

l. Нужно договариваться об артиллерийской поддержке, во-первых, для того, чтобы вести огонь по неприятелю после того, как наша пехота будет обнаружена, а во-вторых, чтобы отбить его контратаку на рассвете. Первыми идут два эшелона разведчиков, а уже за ними штурмовые колонны. Когда бой начинается, первые две группы вливаются в состав атакующих. Кроме этих главных передовых сил, необходим резерв, чтобы иметь возможность ввести его в дело на рассвете. Необходима система паролей и отзывов, опознавательные знаки на рукавах и касках. Нужно пользоваться штурмовыми гранатами. Когда вас заметили, открывайте беглый огонь и бросайтесь вперед в штыковую.

m. Если приходится уходить в оборону, она должна быть эшелонированной, при этом часть разбивается на группы, способные оказать друг другу взаимную поддержку, местность минируется и перегораживается колючей проволокой.

n. Все пехотные офицеры должны уметь выступать в роли наблюдателей и выполнять функции наведения артиллерийского огня.

3. Артиллерия

a. Информация о 65-75 % целей артиллерии поставляется наблюдателями, иначе рекогносцировщиками, которые также являются источником примерно такого же процента тактической информации. Однако значительную часть сведений как первого, так и второго свойства наблюдатели получают от пехоты. Поэтому передовому наблюдателю надлежит быть в контакте с пехотными подразделениями. Он должен находиться под контролем связного артиллерийского офицера при батальоне. Артиллерийские офицеры, взаимодействующие с пехотой, не должны возвращаться ночью на свои батареи.

b. Как только позиция захвачена, передовой наблюдатель должен послать через связного офицера сообщение, на какие направления возможного вражеского контрнаступления перенацелить орудия. Информацию надлежит передавать командиру пехотного батальона.

c. Рекогносцировщики должны быть в состоянии действовать как днем, так и ночью и уметь навести орудия любого калибра, в любое время и на любую цель. Для этого нужно использовать опытных наблюдателей; часто это офицеры в довольно высоком звании.

d. Артиллерийские наблюдатели по своей инициативе могут перевести орудийный огонь в зону, откуда подвергается обстрелу наша пехота. Однако пехотные офицеры и сами должны в случае необходимости обращаться с такими просьбами к артиллеристам.

e. Прикрывающие артиллеристов пулеметные точки должно дислоцировать на достаточном удалении от батареи, чтобы не вызывать на нее ответного неприятельского огня из стрелкового оружия.

f. Стройте фальшивые батареи, однако при конструировании их помните, что размещать ложные объекты следует так, чтобы неприятель, открывая по ним огонь, не нанес ущерба другим находящимся поблизости частям.

g. Артиллерия может остановить танковую атаку, используя снаряды с начиненными белым фосфором боеголовками или кумулятивные снаряды.

h. Батареи надлежит устанавливать как можно ближе к переднему краю и продвигать их дальше вперед при первой же возможности.

4. Танковые части

a. Главная задача бронетанковых частей — атаковать пехоту и артиллерийские орудия противника. Отличное место для охоты могут представлять тылы неприятеля. Делайте все возможное, чтобы попасть туда.

b. Тактическая и техническая подготовка бронетанковых подразделений ведется правильно. При подготовке экипажей следует, однако, делать упор на необходимость наносить удар неприятелю первыми.

c. Успешным будет рейд танковых колонн во фланг контратакующему противнику. Отсюда вывод: как бы глубоко ни продвигалась наступающая пехота, если с флангов и с тыла она прикрыта танками, особого вреда противник ей не нанесет.

d. Танки могут действовать везде — для них нет полностью закрытых территорий, просто одна страна больше подходит в качестве хорошего танкодрома, а другая меньше.

e. Чтобы не ослаблять бронетанковых дивизий, следует использовать в качестве вспомогательных сил для поддержки пехотных атак танковые батальоны главного штаба. Во время таких операций танки должны продвигаться в тылу у пехоты рывками от одного укрытия до другого. Выводить их на авансцену следует только в случае необходимости. В такие моменты танки должны наступать вместе с пехотой.

5. Разведка

a. Особенно важна роль разведки для пехоты, а еще важнее для нее ночная разведка, ибо ночью удобнее всего захватывать

языков и скрытно вести наблюдения за действиями неприятеля. Такие отряды должны возглавлять самые опытные и проворные военнослужащие. Механизированные подразделения в разведке в целях безопасности использоваться не должны, кроме случаев крайней необходимости (и если речь не идет о ведении разведки боем).

b. Младшие офицеры из разведподразделений должны отличаться особой наблюдательностью, а донесения их должны быть краткими и содержать только факты. Отрицательная информация так же важна, как положительная. Сообщения надлежит посылать по рации немедленно и открытым текстом, однако место нахождения отряда по возможности следует зашифровывать. Локация неприятеля должна вестись по магнитному азимуту и расстоянию от точки наблюдения. Все члены группы должны ясно представлять себе поставленные цели. Сведения, добытые разведчиками одной дивизии, в обязательном порядке надлежит передавать соседним подразделениям.

c. Разведчики не должны терять связи. Ночью посты, поддерживающие контакт с отрядом, должны находиться по крайней мере на расстоянии десяти километров от наших передовых позиций. Использование легких танков во время ночной разведки побуждает противника открывать огонь, обнаруживая себя.

IV. ЗЕНИТНАЯ И ПРОТИВОТАНКОВАЯ АРТИЛЛЕРИЯ

1. Зенитная

a. По крайней мере одна, предпочтительно самоходная, зенитная установка должна быть придана каждой пехотной или танковой роте, а также батарее полковой артиллерии. По две зенитки надлежит иметь в расположении штаб-квартиры дивизии или корпуса. Каждой батарее тяжелой артиллерии — калибра 155 миллиметров и больше — должны быть приданы два зентиных орудия. По причине численного преимущества нашей авиации зенитки могут открывать огонь только тогда, когда охраняемое ими подразделение подвергается непосредственной атаке. Зенитки можно неплохо использовать для борьбы с танками.

2. Противотанковая

а. Противотанковая артиллерия на тяге должна помещаться на передовой в местах предполагаемого выдвижения вражеских танков. Орудия надлежит устанавливать так, чтобы они оставались незаметными до того момента, когда неприятельские машины приблизятся на расстояние, с которого можно вести стрельбу на уничтожение. Самоходки следует держать в резерве на случай прорыва вражеских танков. Самоходчикам следует заранее подготавливать пути выхода на предполагаемые позиции. Все расчеты противотанковых орудий должны быть готовы действовать как полевая артиллерия и иметь в своих арсеналах значительное количество снарядов высокой поражающей мощности.

V. СОДЕРЖАНИЕ ОРУЖИЯ И ТЕХНИКИ

1. За оружием и техникой надлежит ухаживать и содержать их в исправности.

2. Не нужно ждать, пока техника выйдет из строя, а, напротив, следует проводить профилактику, при которой особое внимание следует уделять уровню давления в шинах, масла в картере двигателя, аккумулятору, генератору подзарядки тока и наличию воды в радиаторах. Техника должна проверяться и приводиться в рабочее состояние, прежде чем экипаж отправится отдыхать. Маркировку техники надлежит производить в соответствии с пунктом 6-14, A-R 850-5.

VI. ЗАБОТА О ЛЮДЯХ

1. Офицер отвечает не только за то, как ведут себя его подчиненные в бою, но и за их здоровье, физическое и моральное состояние вне боевых действий. Офицеру надлежит последним прятаться от огня и первым идти в атаку. Соответственно и по окончании сражения или марша он должен думать о собственных удобствах в последнюю очередь. Ему нужно заботиться о своих людях: постоянно интересоваться, как их кормят, знать их настолько хорошо, чтобы он мог заметить изменения в поведении, возможно свидетельствующие о болезни или чрезмерном нервном напряжении, и, если нужно, принять необходимые меры.

2. Офицер должен смотреть за тем, хорошо ли обуты его солдаты, справляться, не жмут ли им ботинки, не слишком ли свободные или, наоборот, слишком тесные носки им выдали — солдат с натертыми ногами плохой солдат. Он должен интересоваться прогнозами погоды, чтобы вовремя заказать и получить для людей теплое обмундирование.

3. Полевые госпитали и эвакопункты раненых должны развертываться как можно ближе к передовой — настолько близко, насколько позволяет огонь противника. Ведь чем короче дистанция, которую придется преодолеть санитарам, выносящим раненого с поля боя, тем больше шансов у такого бойца выжить.

4. Госпитали должны помещаться на открытых пространствах и иметь ясные обозначения, видимые с земли и с воздуха. Не позволяйте самолетам связи устраивать поблизости свои площадки, поскольку подобные действия дадут повод неприятелю разбомбить госпиталь заодно с самолетами.

5. Добрый солдат выигрывает битвы малой кровью, поскольку знает, что, хотя потери неизбежны и яростная атака уносит многие жизни сегодня, зато она спасает еще большее их число завтра. Хороший командир помнит, что новички нуждаются в каком-то времени на акклиматизацию, и следит, чтобы они как можно быстрее вливались в свои подразделения.

(подпись) *Дж. С. Паттон-младший*

Командующий армией Соединенных Штатов генерал-лейтенант

Дж. С. Паттон-младший

СЕКРЕТНО

ШТАБ-КВАРТИРА
ТРЕТЬЕЙ АРМИИ США
АПС 403
25 сентября 1944 г.
ТЕМА: ориентировка № 4.

Кому: командирам корпусов и командиру 19-й тактической воздушной бригады.

1. Сложившееся острое положение со снабжением вынудило Верховное командование до поступления дальнейших распоряжений приказать Третьй армии с подразделениями поддержки и дислоцированными на нашем участке фронта частями Девятой армии занять позиции для обороны.

2. Совершенно ясно, что для успешного выполнения задания потребуется особо проработать два вопроса:

a. Первое, надлежит скрыть от неприятеля изменение ситуации, поскольку, если немцы узнают об истинном положении вещей, они, безусловно, снимут части с нашего участка фронта и направят их на другой участок для противостояния союзническим силам.

b. Второе, мы должны будем готовиться к тому моменту, когда планы командования переменятся и мы получим приказ наступать.

3. Дабы иметь возможность выполнить задачи, о которых говорится в пункте 2а, мы не станем окапываться и минировать местность, но создадим неглубокий аванпост, для его поддержки сконцентрировав в подходящих местах мобильные резервы. Затем мы проведем разведку и выявим все пригодные для танковых атак коридоры, поставив там всю артиллерию — дивизионную, корпусную и армейскую, — которую только сможем подтянуть. Под надзором начальника артиллерии армии созданные зоны концентрации будут пронумерованы в порядке с севера на юг и зафиксированы на картах одинакового образца, а затем розданы соответствующим подразделениям, чтобы огонь по данным точкам мог быть открыт мгновенно. Экземпляр такой карты получит командир 19-й тактической воздушной бригады, чтобы он мог скоординировать действия экипажей своих самолетов для нанесения молниеносного удара во все критические зоны. Мы должны спланировать и осуществить взятие в кольцо с двух сторон тех сил противника, которые поведут наступление на данном участке с целью не только разгрома, но и полного их уничтожения.

4. Чтобы закрепить за собой подходящий стартовый плацдарм для предстоящего наступления, мы должны, с умом используя наши скудные резервы горючего и боеприпасов, выйти на линию, обозначенную на прилагаемой схеме пунктиром. Чтобы выделить необходимые для осуществления этой ограниченной операции ресурсы, нам придется экономить бензин, патроны и снаряды везде,

где только можно, а также пуще прежнего беречь жизни наших солдат.

5. Там, где позволят обстоятельства, часть войск будет отправлена на отдых и переформирование, после чего, получив передышку и пополнения, будет введена нами в наступательные действия.

6. Инструкции по поводу предстоящей оборонительной операции предназначены только для офицеров рангом не ниже генерала.

7. В заключение мне бы хотелось еще раз выразить свою признательность всем вам за вашу смелость, умение и оперативность, проявленные в ходе нынешней кампании. Помните, мы всего лишь ждем сигнала, чтобы броситься в атаку.

(подпись) *Дж. С. Паттон-младший*

Командующий армией Соединенных Штатов генерал-лейтенант
Дж. С. Паттон-младший

ПРИЛОЖЕНИЕ Е
ЧТО ЕСТЬ АРМИЯ КАК БОЕВОЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЕ

Далеко не все знают, что собой представляет структора и организация армии, и потому, возможно, кому-то будет интересно мое короткое резюме.

Средняя численность армии колеблется от ста тысяч до трехсот тысяч человек в зависимости от того, сколько корпусов и сколько дивизий входит в ее состав (без учета численности поддерживающих авиачастей). Первое — армия должна сражаться. Второе — армия должна питаться. Третье — иметь возможность быстро передвигаться. И последнее, но отнюдь не по важности, армия должна располагать всем необходимым для успешного выполнения задания. В действительности армии требуется все, что требуется любому равному с ней по численности людскому сообществу.

Штаб-квартира армии состоит из штаба и некоторого количества войск для обеспечения ее собственной жизнедеятельности, защиты и функционирования системы управления. Обычно в распоряжении армии находятся организованные и экипированные по тому же принципу, хотя и заметно меньшие по численности, три или четыре штаб-квартиры корпусов. В состав корпуса входят пехотные и бронетанковые дивизии — главные ударные силы, — а также вспомогательные войска, которые помогают корпусам выполнять поставленные перед ними задачи. В состав этих войск поддержки входят такие боевые подразделения, как кавалерия, артиллерия, инженерные войска, части ПВО, противотанковые и части химической защиты.

Есть там и военная полиция, задача которой обеспечивать соблюдение законности, есть медицинские войска, берущие на себя заботу о больных и раненых, а также следящие за здоровьем лично-

го состава. Интенданты ответственны за поставки таких жизненно важных вещей, как топливо, продовольствие, обмундирование и так далее. Транспортники доставляют все вышеперечисленное в нужные места. Связисты обеспечивают все линии коммуникаций, а инженеры делают уйму самых разных вещей, порой уничтожая мосты и здания, а порой спасая их и даже отстраивая заново. Департамент по гражданским вопросам занимается вопросами населения освобожденных или захваченных городов, а подразделения специального профиля стараются скрасить досуг солдат. И, заканчивая длинный список частей, входящих в состав армии, упомяну такие, как контрразведка, финансовое управление и управление по делам военнопленных.

Большинство таких частей имеют свои транспортные подразделения и полевые кухни.

ПРИЛОЖЕНИЕ F
СПИСОК ОСНОВНЫХ ШТАБНЫХ ОФИЦЕРОВ

ШТАБ-КВАРТИРА ТРЕТЬЕЙ АРМИИ США

Начальники штаба: генерал-майор Хью Дж. Гэффи, с апреля по декабрь 1944 г. генерал-майор Х. Р. Гэй, с декабря 1944-го по конец войны

Заместитель начальника штаб: полковник Пол Д. Харкинс

Начальник канцелярии штаба: подполковник Дж. Р. Пфанн

G-1: полковник Ф. С. Мэттьюс

G-2: полковник О. У. Кох

G-2 (разведка с воздуха): полковник Х. М. Форд

G-3: бригадный генерал Х. Дж. Мэддокс

G-4: бригадный генерал У. Дж. Мюллер

G-5: полковник Н. У. Кампаноль; полковник Р. Л. Дальферес

Генерал-адъютант: полковник Р. Э. Каммингс

ПВО: полковник Ф. Р. Чемберлен-младший; полковник Т. Ф. Галлахер

Артиллерия: бригадный генерал Э. Т. Уильямс

Капеллан: полковник Т. Х. О'Нил

Средства противохимической защиты: полковник Э. С. Уоллингтон

Инженерные части: бригадный генерал Дж. Ф. Конклин

Финансовое ведомство: полковник Дж. Б. Милликен

Комендант штаб-квартиры: полковник Р. С. Брэттон

Главный проверяющий: полковник С. С. Парк

Главный военный прокурор: полковник С. Э. Чивер

Медицинский отдел: бригадный генерал Т. Д. Хёрли; полковник Т. Дж. Хартфорд

Арсенал: полковник Т. Х. Никсон

Начальники военной полиции: полковник Дж. С. Макдональд; полковник П. С. Клейтон

Офицеры по связям с общественностью: полковник К. А. Хантер; подполковник Дж. Т. Кирк
Интендант: полковник Эверетт Буш
Связь: полковник Э. П. Хаммонд
Специальные службы: полковник К. Э. Ван Баскирк
Противотанковые части: бригадный генерал Х. Л. Эрнст; полковник Л. С. Берри.
19-я ТАКТИЧЕСКАЯ ВОЗДУШНАЯ БРИГАДА
Командующий: бригадный генерал О. П. Уэйленд
Начальник штаба: полковник Р. К. Браун.

ПРИЛОЖЕНИЕ G
КОРПУСА, ВХОДИВШИЕ В СОСТАВ ТРЕТЬЕЙ АРМИИ
С 1 августа 1944 по 9 мая 1945 г.
ВКЛЮЧАЯ ФАМИЛИИ КОМАНДИРОВ И НАЧАЛЬНИКОВ ШТАБОВ

8-й корпус: с 1 августа 1944 по 5 сентября 1944 г.
С 21 декабря 1944 по 22 апреля 1945 г.
Командир: генерал-майор Трой Х. Мидлтон
Начальник штаба: бригадный генерал С. Х. Сирси

15-й корпус: с 1 августа 1944 по 24 августа 1944 г.
С 29 августа 1944 по 29 сентября 1944 г.
Командир: генерал-лейтенант Уэйд Х. Хэслип
Начальник штаба: бригадный генерал Пирсон Меногер

12-й корпус: с 1 августа 1944 по 9 мая 1945 г.
Командир: генерал-майор Джилберт Р. Кук
С 1 августа 1944 по 17 августа 1944 г.
генерал-майор Мэнтон С. Эдди
С 17 августа 1944 по 20 апреля 1945 г.
Генерал-майор С. Лерой Ирвин
С 20 апреля 1945 по 9 мая 1945 г.
Начальник штаба: бригадный генерал Р. Дж. Кейнин

20-й корпус: 1 августа 1944 по 9 мая 1945 г.
Командир: генерал-лейтенант Уолтон Х. Уокер
Начальник штаба: бригадный генерал У. А. Коллиер

3-й корпус: с 31 октября 1944 по 11 февраля 1945 г.
С 18 апреля 1945 по 9 мая 1945 г.
Командующий: генерал-майор Джон Милликин
С 31 октября 1944 по 11 февраля 1945 г.
Генерал-майор Джеймс А. Ван Флит
С 18 апреля 1945 по 9 мая 1945 г.
Начальник штаба: полковник Джеймс Х. Филлипс

5-й корпус: с 6 мая 1945 по 9 мая 1945 г.
Командир: генерал-майор Кларенс Р. Хебнер
Начальник штаба: полковник С. Б. Мейсон

ПРИЛОЖЕНИЕ Н
ДИВИЗИИ, ВХОДИВШИЕ В СОСТАВ ТРЕТЬЕЙ АРМИИ С 1 августа 1944 по 9 мая 1945 г.

ВКЛЮЧАЯ ФАМИЛИИ КОМАНДИРОВ И ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ КОМАНДИРОВ

№ дивизии	Командир	Заместитель командира
1-я пехотная	Генерал-майор Клифт Эндрус	Бригадный генерал Дж. А. Тейлор
2-я пехотная	Генерал-майор У. М. Робертсон	Бригадный генерал Дж. А. Ван Флит
	Генерал-майор Р. О. Бартон	Бригадный генерал Дж. Х. Стоукс-младший
4-я пехотная	Генерал-майор Х. У. Блейкли	Бригадный генерал Дж. С. Родуэлл
5-я пехотная	Генерал-майор С. Лерой Ирвин	
	Генерал-майор А. Э. Браун	Бригадный генерал А. Д. Уарнок
8-я пехотная	Генерал-майор Д. А. Строх	Бригадный генерал С. Д. У. Кэнхем
26-я пехотная	Генерал-майор У. С. Пол	Бригадный генерал Х. Н. Хартнес
28-я пехотная	Генерал-майор Н. Д. Кота	Бригадный генерал Дж. А. Дэвис
29-я пехотная	Генерал-майор С. Х. Герхардт	Бригадный генерал Л. Х. Уотсон
35-я пехотная	Генерал-майор П. У. Баад	Бригадный генерал Э. Б. Себре
		Бригадный генерал Б. Б. Милтонбергер
42-я пехотная	Генерал-майор Х. Дж. Коллинс	Бригадный генерал Х. Линден
65-я пехотная	Генерал-майор С. Э. Рейнхарт	Бригадный генерал Дж. Э. Коупленд
69-я пехотная	Генерал-майор Э. Ф. Райнхардт	Бригадный генерал Л. Х. Гиббонс
70-я пехотная	Генерал-майор А. Дж. Барнетт	Бригадный генерал Т. У. Херрен
71-я пехотная	Генерал-майор У. Дж. Вайман	Бригадный генерал О. С. Рольф
76-я пехотная	Генерал-майор У. Р. Шмидт	Бригадный генерал Ф. А. Вульфли

79-я пехотная	Генерал-майор И. Т. Уайч	Бригадный генерал Ф. Ю. Грир
	Бригадный генерал Дж. М. Уинн-младший	
80-я пехотная	Генерал-майор Х. Л. Макбрайд	Бригадный генерал О. Саммерс
		Бригадный генерал Дж. У. Смайт
83-я пехотная	Генерал-майор Р. С. Мейкон	Бригадный генерал С. Б. Ференбо
86-я пехотная	Генерал-майор Х. М. Меласки	Бригадный генерал С. В. У. Поуп
87-я пехотная	Генерал-майор Ф. Л. Кьюлин-младший	Бригадный генерал Дж. Л. Макки
89-я пехотная	Генерал-майор Т. Д. Финли	Бригадный генерал Дж. Н. Робинсон
90-я пехотная	Генерал-майор Р. С. Маклейн	Бригадный генерал У. Г. Уивер
	Генерал-майор Дж. А. Ван Флит	Бригадный генерал Дж. М. Талли
	Генерал-майор Х. Л. Эрнест	
94-я пехотная	Генерал-майор Х. Дж. Мэлони	Бригадный генерал Х. Б. Чидл
95-я пехотная	Генерал-майор Х. Л. Туэддл	Бригадный генерал Дон. С. Фейт
97-я пехотная	Бригадный генерал М. Б. Хэлси	Бригадный генерал Ф. Х. Партридж
99-я пехотная	Генерал-майор У. Э. Лоэр	Бригадный генерал Х. Т. Мейбери
4-я бронетанковая	Генерал-майор Дж. С. Вуд	Бригадный генерал У. Л. Робертс
	Генерал-майор Х. Дж. Гэффи	
	Генерал-майор У. Х. Хоудж	
5-я бронетанковая	Генерал-майор Л. Э. Оливер	
6-я бронетанковая	Генерал-майор Р. У. Гроу	Бригадный генерал Дж. У. Рид-младший
7-я бронетанковая	Генерал-майор Л. М. Силвестер	
		Генерал-майор Р. У. Хэсбрук

8-я бронетанковая	Генерал-майор Дж. М. Дивайн	
9-я бронетанковая	Генерал-майор Дж. У. Леонард	
10-я бронетанковая	Генерал-майор У. Х. Х. Мориис-младший	
11-я бронетанковая	Бригадный генерал С. С. Килберн	
	Генерал-майор Х. Э. Дейджер	
12-я бронетанковая	Генерал-майор Р. Р. Аллен	
13-я бронетанковая	Генерал-майор Дж. Б. Воуген	
	Генерал-майор Джон Милликин	
14-я бронетанковая	Генерал-майор А. С. Смит	
16-я бронетанковая	Бригадный генерал Дж. Л. Пирс	
20-я бронетанковая	Генерал-майор Орландо Уорд	
17-я парашютно-десантная	Генерал-майор У. М. Майли	Бригадный генерал Дж. Л. Уайтло
101-я парашютно-десантная	Генерал-майор М. Д. Тейлор	Бригадный генерал Дж. Л. Хиггинс
2-я французская бронетанковая	Генерал-майор Леклерк	

Содержание

Научно-популярное издание

Война, какой я ее знал

Заведующий редакцией *О. В. Сухарева*
Ответственный редактор *А. А. Фетисова*
Технический редактор *И. С. Круглова*
Корректоры *И. Н. Мокина* и *Л. В. Савельева*
Компьютерная верстка *Н. Ф. Хамутовская*

ООО «Издательство Астрель»
43900, Московская обл., г. Балашиха, пр-т Ленина, 81

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский р-н,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20

Наши электронные адреса:
www.ast.ru
E-mail:astpub@aha.ru

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
220600, Минск, ул. Красная, 23.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ВОЙНА, КАКОЙ Я ЕЕ ЗНАЛ

Военные мемуары генерала американской армии Д.Паттона повествуют об участии США во Второй мировой войне. Командуя Третьей армией США в Европе, Д.Паттон был активным участником описываемых им событий. В книге подробно и ярко рассказано о сражениях, развернувшихся на европейском и африканском театрах военных действий. Большое внимание генерал Д.Паттон уделяет драматическим событиям 1944–1945 годов, когда в Европе было начато наступление сил союзников на фашистскую Германию.

ISBN 5-17-019108-1
9 785170 191086